

ФРАНЦУЗСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА

МОЛЬЕР

1 6 2 2 - 1 6 7 3

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ЧЕТЫРЕХ ТОМАХ

под редакцией
А. А. Смирнова и
С. С. Мокульского

А С А Д Е М И А

МОСКВА ~ ЛЕНИНГРАД

МОЛЬЕР

←—————→
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
←—————→

ТОМ ПЕРВЫЙ

Вступительная статья
С.С.Мокульского

А С А Д Е М И А

1 9 3 6

OEUVRES DE MOLIÈRE

*Титул, переплет и суперобложка
по рисункам А. А. Ушина*

ИЗДАНИЕ

ВТОРОЕ

MOLIERE.

ОТ РЕДАКЦИИ

Настоящее издание содержит все произведения Мольера, включая и несколько сохранившихся его стихотворений. Пьесы *Ревность Барбулье* и *Летающий лекарь*, подлинность которых новейшая критика отвергает, считая их лишь слабым отражением не дошедших до нас юношеских фарсов Мольера, помещены в конце последнего тома, в виде приложения.

Перевод всех пьес сделан по критическому изданию *Oeuvres de Molière, Nouvelle édition par Eugène Despois, 13 vol., Paris, 1873—1893* (некоторые тома были затем переизданы), воспроизводящему текст либо прижизненных изданий пьес Мольера, — в тех случаях, когда такие имеются, — либо изданий, вышедших в свет вскоре после смерти Мольера, и главным образом — издания 1682 г., которое, будучи весьма тщательно выполнено другом Мольера и товарищем его по труппе Лагранжем, может рассматриваться почти как авторское. Лишь в исключительных случаях, обычно оговариваемых в примечаниях, когда искажение текста более или менее очевидно, мы избирали чтение, даваемое одним из позднейших изданий — конца XVII или начала XVIII века.

Так как сценические указания в первых изданиях, воспроизводимых Деппа, по обычаю той эпохи крайне

скудны и не выдержаны до такой степени, что иногда даже не отмечается уход со сцены того или иного персонажа, мы сочли себя в праве ввести небольшое число добавочных ремарок, почти во всех случаях заимствуя их из упомянутых изданий конца XVII и начала XVIII века. В отличие от ремарок, имеющих у Дюпа и печатаемых нами в круглых скобках, эти дополнительные ремарки заключены в прямые скобки.

Значительное большинство пьес дано в новых переводах, сделанных специально для настоящего издания. Те старые переводы, которые воспроизводятся нами, сверены с подлинником и исправлены.

ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО МОЛЬЕРА

Король Людовик XIV спросил как-то раз знаменитого критика Буало, кто из современных поэтов принесет больше всего чести его царствованию. Буало, к удивлению короля, назвал комического поэта и актера Мольера. Он оказался прав: из всех французских писателей и поэтов XVII века Мольер оказался наиболее долговечным по своему воздействию на последующие поколения.

Он определил основные линии развития всей европейской комедии в течение двух веков. Под его влиянием развивалась не только французская комедия XVII, XVIII и начала XIX века, но также комедия английская, итальянская, испанская, немецкая, датская, польская и русская. Учениками Мольера были все наши крупнейшие комедиографы — от Сумарокова, Фонвизина и Капниста до Грибоедова, Гоголя и Островского.

К богатой истории влияния Мольера на драматургию всех европейских стран следует присоединить не менее богатую историю сценической жизни его комедий на подмостках театров всего мира. Мольер давно стал драматургом интернациональным, вошедшим в основной репертуарный фонд мирового театра. Особенно богатый и разнообразный материал в этом отношении дает история русского театра. Уже в петровском репертуаре мы находим комедии Мольера. Лучшие русские актеры XVIII века воспитались на них и были им обязаны сценическими своими успехами. И в XIX веке произведения великого французского комедиографа не ехали с русской сцены, находя таких страстных поклонников, как великий актер Щепкин, предпочитавший его комедии чуть ли не всем пьесам мирового репертуара.

В более близкое к нам время Мольер подвергся различным сценическим интерпретациям на сцене крупнейших русских театров. В постановке *Мнимого больного* и *Брака по принуждению* на сцене московского Художественного театра (1913) Ал. Бенуа подчеркнул элементы бытового натурализма в комедиях Мольера. Вс. Мейерхольд (*Дон-Жуан* в Александринском театре, 1910) и Ф. Коммиссаржевский (*Мещанин-дворянин* в московском театре К. Н. Небольина и *Лекарь поневоле* в московском Малом театре), напротив, акцентировали в комедиях Мольера элементы чистой театральности.

После Октября Мольер впервые стал достоянием массового рабоче-крестьянского зрителя и был переведен на языки чуть ли не всех национальностей СССР.

В наши дни комедии Мольера занимают одно из почетнейших мест в ценном для нас литературно-театральном наследии. Всестороннее критическое освоение Мольера является одной из существенных задач, стоящих перед создаваемым нами социалистическим театром.

Эта задача может быть разрешена только при условии детального изучения Мольера. Его прежде всего необходимо освободить от шелухи идеалистических, формалистских истолкований. Если в свое время буржуазные ученые внесли немало ценного в изучение мольеровского наследия, то сейчас некоторые новейшие западные «мольеристы» (вроде немецкого ученого Кюхлера) пытаются всячески затушевать его громадное идейное содержание под предлогом утверждения самодовлеющей «театральности» Мольера.

Мольер был драматургом, актером, режиссером и директором театра. Его художественная деятельность была на редкость многосторонней.

Мольер — не настоящая фамилия драматурга, а его актерский псевдоним. Мольера звали в жизни Жан-Батист Поклен. Он происходил из старинной буржуазной семьи, в течение нескольких веков занимавшейся ремеслом обойщиков-драпировщиков. Родившись 13 января 1622 года в семье придворного обойщика,

J'ay receu de Monsieur de Senautier la somme de
quatre mille livres ordonnées aux comediens par
Messieurs des Etats. fait a perennes ce 17^e
decembre mil six cent cinquante. M. Liere. 1.

pour 4000^{tt} _____

Расписка Мольера в получении на содержание театра 4000 ливров, выданная им в 1650 году

Мольер воспитывался в иезуитской школе — Клермонском коллеже, где основательно изучил латынь и свободно читал в подлиннике древнеримских авторов. По окончании коллежа (1639) Мольер выдержал в Орлеане экзамен на звание лиценциата прав. Но юридическая карьера привлекала его не больше отцовского ремесла. Он чувствовал призвание к театру и решил стать актером, пренебрегая распространенным в его время предубеждением к актерской профессии как «бесчестному» занятию.

В 1643 году Мольер стал во главе Блистательного театра, в организации которого приняли участие его друзья и однокашники Бежары. Мольер, мнивший себя (без достаточных на то оснований) трагическим актером, играл здесь роли героев, однако без всякого успеха. Вообще дела труппы, исполнявшей пьесы второстепенных авторов и состоявшей, по большей части, из неопытных любителей, пошли неважно. Плохие сборы завели вскоре театр в долги, а Мольера, как поручителя за труппу — в долговую тюрьму. В 1645 году труппа распалась, и Мольер вместе с Бежарами решил искать счастья в провинции, прикнув к одной из многочисленных трупп бродячих комедиантов, возглавляемой Шарлем Дюфреном.

Юношеские скитания Мольера по французской провинции (1645—1658), в годы гражданской войны — Фронды, обогатили его житейским и театральным опытом. Работать приходилось в исключительно трудных условиях, преодолевая открыто враждебное отношение провинциальных властей. Суровая школа жизни закалила Мольера, заострила и развила его талант, превратив его в первоклассного, блестящего профессионала. Уже с 1650 года он сменил Дюфрена в качестве главы труппы, которая отныне именуется во всех документах «труппой Мольера и Бежар». Став во главе труппы, Мольер стремился создать ей оригинальное лицо. Такое своеобразие труппа создала себе исполнением импровизированных фарсов, сочетавших традицию средневекового французского фарса с традицией итальянской комедии масок (*commedia dell'arte*).

Репертуарный голод труппы Мольера был первым стимулом к началу его драматургической деятельности. Однако на первых

порах он набрасывал только сценарии, дававшие канву для актерской импровизации. Множество фарсовых сценариев сочиненных Мольером в провинции, исчезло. Сохранились только пьески *Ревность Барбуле* и *Летающий лекарь*; но они являются скорее плодом творчества какого-то актера, использовавшего после смерти Мольера его сценарии и заполнившего эти сценарии обильными заимствованиями из текста позднейших фарсов Мольера.

Известны еще заглавия ряда аналогичных пьесок, игранных Мольером в Париже после его возвращения из провинции. Таковы: *Влюбленный доктор*, *Гро-Рене школьник*, *Доктор педант*, *Горжибюс в мешке*, *План-план*, *Три доктора*, *Вязальщик хвороста*, *Казакин*, *Притворный уамень*. Заглавия некоторых из этих пьес перекликаются с ситуациями позднейших фарсов Мольера (например, *Вязальщик хвороста* с *Лекарем поневоле*, *Горжибюс в мешке* с *Проделками Скапена*, д. III, явл. 2). Это показывает, что традиция старинного буржуазного фарса вскормила драматургию Мольера и вошла органическим компонентом в комедии его зрелого возраста.

Фарсовый репертуар, превосходно исполняемый труппой Мольера под его руководством (сам Мольер нашел себя как актера именно в фарсе), способствовал упрочению ее репутации. Еще больше возросла она после сочинения Мольером двух больших комедий в стихах — *Сумасброд* (1655) и *Любовная досада* (1656), написанных в манере итальянской литературной комедии. На основную фабулу, вольно воспроизводимую Мольером, наслаиваются здесь заимствования из различных старых и новых комедий, соответственно излюбленному Мольером принципу — «брать свое добро всюду, где он его находит». Интерес обеих пьес, преследующих развлекательные цели, сводится к разработке комических положений и интриги. Характеры же разработаны в них еще весьма поверхностно.

Теперь Мольер окончательно оставил позади все конкурировавшие с ним провинциальные труппы и мог уже думать о возвращении в Париж. После долгих хлопот ему удалось добиться вызова его труппы в столицу для дебюта при дворе. Этот дебют, состоявшийся 24 октября 1656 года, прошел очень удачно. Гро-

мальный успех фарса *Влюбленный доктор* решил судьбу труппы. Король оставил ее в Париже и отдал ей помещение придворного театра Пти Бурбон, в котором она стала играть в очередь с итальянской труппой.

С момента водворения Мольера в Париже начинается период его лихорадочной драматургической работы, напряженность которой не ослабевала до самой его смерти. За эти 15 лет (1658—1673) Мольер создал свои лучшие пьесы, вызвавшие, за ничтожными исключениями, ожесточенные нападки со стороны всех реакционных общественных групп. В лице Мольера на театральных подмостках Парижа появился крупный общественно-политический деятель, выступавший «представителем своего класса, бордом буржуазии» (Л а ф а р г). Но так как французская буржуазия XVII века не была еще «классом для себя», так как экономически и политически она еще была связана с господствующим дворянским классом, то и деятельность ее идеолога Мольера была отмечена непоследовательностями, колебаниями и уступками феодальным влияниям.

Парижский период деятельности Мольера открывается одноактной комедией *Смешные модницы* (1659). В этой первой вполне оригинальной пьесе Мольер использовал приемы фарса для высмеивания господствовавшей в парижских аристократических салонах вычурной манерности речи и обхождения, получившей наименование «прециозности». Комедия больно уязвила «прециозную» знать, и она добилась двухнедельного запрещения пьесы. Однако запрещение это было отменено королем, после чего комедия шла с удвоенным успехом.

Через полгода после *Смешных модниц* Мольер поставил новый фарс — *Сганарель, или Умилый роносец* (1660), в котором вернулся к комическим несообразностям интриги своих первых комедий, но в то же время внес в обрисовку образа ревнивого буржуа — Сганареля элементы тонкой психологической характеристики, удалявшие его от примитивного схематизма фарсовых типов. Комический тип Сганареля, изобретенный самим Мольером, впервые сменил здесь образ итальянского слуги-плута Маскарлия. Более национальный, французский тип, Сганарель лучше Маскарлия подходил к передаче смешных и уродливых

сторон психики французского буржуа или крестьянина (ср. Сганареля в *Дон-Жуане*).

Сганарель столь сильно привлек к Мольеру внимание короля, что он начал постоянно вызывать его труппу ко двору. Это увеличило неприязнь враждебных Мольеру аристократических кругов, к которым примыкали обеспокоенные его успехами драматурги и актеры других парижских театров. Враги Мольера не брезгали никакими средствами, чтобы затормозить его деятельность. В октябре 1660 года они попытались, например, лишить его труппу помещения. Заведующий королевскими строениями Ратабон выгнал труппу Мольера из театра Пти Бурбон, который он начал разрушать под предлогом перестройки Лувра. Но Мольер пожаловался королю, и тот предоставил ему роскошное здание театра Пале-Рояль, сооруженное по заказу кардинала Ришелье (1641) и после смерти последнего пришедшее в упадок. Здание это потребовало трехмесячного ремонта. В течение этого времени труппа Мольера выступала только при дворе и в домах высшей знати.

20 января 1661 года спектакли труппы Мольера возобновились в новом помещении. Для открытия театра Мольер поставил пьесу нового для него жанра трагикомедии, или «героической комедии» — *Дон Гарсия Наваррский, или Ревнивый принц*. Здесь он пытался разработать в серьезном плане тему ревности, трактованную им комически в *Сганареле*. Но попытка не удалась, потому что Мольер отошел от реальной жизни и устремился к изображению феодально-рыцарских нравов, которые были ему чужды. Огорченный провалом пьесы, на которую он возлагал большие надежды, Мольер так и не напечатал *Дона Гарсии* при жизни и только использовал отдельные его пассажи в своих позднейших комедиях (особенно в *Мизантропе*, где он снова, несравненно удачнее, трактовал тему ревности).

После провала *Дона Гарсии* Мольер взял блестящий реванш комедией *Урок мужьям* (1661), которая знаменует поворот Мольера к новому жанру социально-психологической комедии. Мольер ставит здесь в центре пьесы вопросы любви, брака, воспитания, отношения к женщине и устройства семьи, противопоставляя в самом действии комедии старым «домостроевским»

взглядам новую, просвещенную точку зрения, которая и оказывается победительницей. Отсутствие односложности в характерах и поступках персонажей делает *Урок мужьям* крупнейшим шагом вперед в сторону создания буржуазной комедии нравов, преодолевающей примитивный схематизм фарса.

За *Уроком мужьям* быстро последовала комедия *Докучные* (1661). Хотя и написанная для роскошного празднества, которое давал королю суперинтендант (министр) финансов Фуке, она не являлась ничтожной однодневкой, какими обычно бывали подобные пьесы, но сыграла в творчестве Мольера значительную роль. Она положила начало новому жанру «комедии-балета», в котором Мольер был пионером, и в то же время она ознаменовала дальнейшее продвижение Мольера по пути сценического реализма.

Специфической особенностью жанра комедии-балета является внедрение танцевально-пантомимических сцен в сюжетную ткань комедии, которая дает смысловую мотивировку отдельным «выходам» (*entrées*) танцоров и обрамляет эти антре комическими сценами, связанными с ними общим сюжетом. При этом особую значимость имеют те балетные сцены, которые служат развертыванию сюжета пьесы. В этой области особенно проявляется новаторская инициатива Мольера, который стремится в *Докучных* изжить обособленность отдельных танцевальных номеров и драматизирует их, крепко связывая с основным комедийным действием.

Докучные не имеют никакой интриги и состоят из ряда отдельных сценок, нанизанных на примитивный сюжетный стержень: всякого рода докучные люди мешают свиданию пары влюбленных. Но такое построение дает Мольеру возможность перенести внимание на раскрытие характеров «докучных», каковыми являются представители разных групп аристократического общества, обрисованные им в реалистических тонах и в то же время с большим сатирическим темпераментом. Все эти игроки, дуэлисты, прожектеры, педанты и великосветские лоботрясы являются пробой пера Мольера в области создания социальных характеров. В этом смысле от *Докучных* протягивается нить к шедевру мольеровской комедии характеров — *Мизантропу*.

Позиции, завоеванные Мольером в *Уроке мужьям* и в *Документах*, закрепляются в знаменитой комедии *Урок женам* (1662), которая занимает в творчестве Мольера такое же место, как *Сид* в творчестве Корнея. Явившись крупнейшим сценическим успехом Мольера, она вызвала оживленную полемику, в которой личная зависть соперничавших с Мольером драматургов и театров, всяческие инсинуации и интриги, насыщавшие театральную жизнь Парижа в течение полутора лет, были, по существу, отражением классовой борьбы, направленной против растущего не по дням, а по часам драматурга, воплощающего в своих образах новые тенденции общественного развития.

Подобно *Уроку мужьям*, *Урок женам* тоже ставит проблемы буржуазной семьи, брака и воспитания девушек, противопоставляя две системы воспитания — «домостроевскую» и просвещенно-гуманную, причем побеждает вторая как более близкая к «природе», более соответствующая интересам человеческой личности. Но если в *Уроке мужьям* Мольер развертывал эту тему путем параллельного показа двух стариков и двух воспитываемых ими девушек, то в *Уроке женам* фигурирует только одна пара (Арнольф и Агнеса), представитель же противоположной точки зрения (Кризальд) низведен до роли пассивного резонера. Такое упрощение сюжетной схемы комедии было вызвано стремлением к углублению и детализации ее образов. Мольеру это удалось, и *Урок женам* явился первой полноценной социально-психологической комедией во французской литературе. По сравнению с ней *Урок мужьям* — только легкий эскиз.

Современники сразу ощутили разницу между обеими пьесами. Крупный успех *Урока мужьям* померк перед неслыханным триумфом *Урока женам*, который шел несколько месяцев подряд при переполненном зале. Король назначил Мольеру крупную пенсию в тысячу ливров. Первенство Мольера в области комедии было теперь признано всеми.

Это объясняет, почему именно *Урок женам* подал сигнал к организованной травле Мольера. Гнездом интриг против него стал Бургундский отель, главный во Франции театр трагедии, аристократический по своему репертуару и стилю актёрской игры. Вокруг Бургундского отеля группировались посетители

J'ay reçu de Monsieur le Secy Tresorier de la
bourse des Etats de Languedoc la somme de six
mille livres a nous accordez par messieurs du
Bureau des comptes de laquelle somme ie le quittance
fait a Pezenas le vingt quatorziesme jour de februar
1656 M L'Esc. 1.
quittance de six mille livres

Расписка Мольера в получении на содержание театра 6000 ливров, выданная им в 1656 году

«предпризных» салонов, те самые маркизы, над которыми Мольер зло насмеялся в *Смешных модницах* и *Докумных*. В борьбе против Мольера эту знать поддерживали беспринципные литераторы, видевшие в Мольере опасного конкурента: Визе, Бурсо, Монфлери. Их нападки на недостатки его пьесы Мольер парировал в одноактной полемической комедии *Критика на Урок женам* (1663). Защищаясь от упреков в гаерстве, он отстаивал здесь права комедии, оспаривал ходячее мнение о большей трудности трагического жанра и высмеивал суеверное преклонение перед «правилами» Аристотеля и Горация. Направляя свои главные стрелы по адресу литературных врагов, он мимоходом задевал также и врагов театральных, подчеркивая их заинтересованность в травле популярной пьесы, успех которой наносил им материальный ущерб.

Едкая отповедь Мольера только усилила полемический задор его врагов. Но только прежние мелочные придирки к *Уроку женам* сменились теперь, с одной стороны, политическими доносами, а с другой — выпадами против личной жизни Мольера. Это заставило Мольера выступить со второй полемической комедией *Версальский экспромт* (1663), действие которой происходит на подмостках его театра и изображает репетицию пьесы, которая должна была явиться ответом на выпады Бурсо. Вся пьеса направлена через голову Бурсо в актеров Бургундского отеля, являвшихся его вдохновителями в нападках на Мольера. Мольер подвергает уничтожающей критике условную и напыщенную декламацию актеров Бургундского отеля, их творческий метод, далекий от проповедуемого им реализма.

Но еще существеннее в этой комедии неслыханно смелые издевки Мольера над паразитической знатью. С невиданной резкостью Мольер сравнивает маркизов с шутами, утверждая, что они должны заступить место слуг старой комедии. Легко понять, какую ярость среди врагов Мольера должен был вызвать *Версальский экспромт*, благосклонно принятый королем. Враги Мольера не унимались и переводили полемику на все более личную почву, донимая его грязными сплетнями по поводу его семейной жизни.

Началось с распространения слухов об изменах Мольеру его молодой жены, актрисы Арманды Бежар, на которой он

женился 20 февраля 1664 года. Когда же Мольер пренебрег этими сплетнями, задетый им в *Версальском экспромте* трагик Монфлери послал королю донос на него, как на кровосмесителя, женатого на собственной дочери. Основанием для этой инсинуации явилось то, что Арманда Бежар являлась, по слухам, не сестрой, а дочерью своей старшей сестры Мадлены и появилась на свет в то время, когда Мадлена находилась в связи с Мольером. Но король не обратил никакого внимания на донос Монфлери и даже согласился несколько месяцев спустя крестить первого сына Мольера от Арманды, что само собою заставило умолкнуть все злые языки.

Это благосклонное отношение к Мольеру короля привело к упрочению его связей с двором, при котором он все чаще начинает выступать с пьесами, сочиняемыми специально для придворных празднеств. Первой из них была комедия-балет *Брак по принуждению* (1664). В этом забавном фарсе Мольеру впервые удалось органически объединить комедийный и балетный элементы, втянув их в действие пьесы и заставив развивать ее интригу. Новизна *Брака по принуждению* заключалась еще в том, что место традиционного для придворных спектаклей пасторального или мифологического сюжета занял здесь реалистически трактованный фарсовый сюжет, не лишенный элементов социальной сатиры. Это вносило свежую струю в придворный балетный театр. Так Мольер заложил основу фарсово-бытовому типу комедии-балета, к которому относятся такие его пьесы, как *Любовь-целительница* (1665), *Сицилиец, или Любовь-живописец* (1666), *Господин де Пурсоньяк* (1669), *Жорж Данден* (1668), *Мещанин во дворянстве* (1670), *Графиня д'Эскарбаньяс* (1671), *Милый большой* (1673). От других комедий Мольера эти пьесы отличаются только наличием балетных выходов, которые не снижают, однако, их идейного содержания.

Иначе обстоит дело с другой группой комедий-балетов Мольера, в которых он настраивал свою «лиру» на рыцарский лад и разрабатывал условную пасторально-мифологическую тематику, идеализируя короля и придворную знать под видом богов и героев. Такой галантный пасторально-мифологический тип комедий-балетов представлен пьесами *Принцесса Эмиды* (1664),

Мелисерта (1666), *Комическая пастораль* (1666), *Блистательные любовники* (1670) и *Психея* (1671). Эти пьесы явились наиболее яркой данью Мольера феодально-аристократическому искусству. Буффонно-фарсовый элемент занимает в них подчиненное место и только оттеняет основную линию галантной фабулы.

И все же неверно было бы видеть в этих пьесах чужеродное тело в мольеровской драматургии. В некоторых из них сквозь условно-пасторальную оболочку прорывается буржуазная идеология Мольера. Так, в основу *Блистательных любовников* Мольер положил тему брака, основанного на естественных влечениях человеческого сердца, которые вступают в конфликт с сословно-дворянскими предрассудками. Здесь же он дал критику феодальной лженауки — астрологии, находящей себе опору в темноте и суеверии мнимо просвещенных людей.

Несмотря на то, что Мольер насмеялся в *Блистательных любовниках* над банальным постановочным аппаратом оперно-балетного театра, сам он, работая при дворе, был вынужден пользоваться этой «машинерией». Эффектные декорации Вигарани и изящная музыка Люлли, украшавшие комедии-балеты, сделали их предшественницами придворно-аристократической оперы Люлли, которая возникла после того, как Людовик XIV перестал выступать в придворных балетах (1670), и спектакли этого рода превратились из любительских в профессиональные.

Мы переходим к обзору шедевров Мольера, на которых основана его мировая слава. Если в своих ранних комедиях Мольер проводил линию социальной сатиры осторожно и касался сравнительно второстепенных объектов, то в своих сатирических комедиях он взял под обстрел самую верхушку феодального общества — дворянство и духовенство, создавая образы лицемеров и развратников в поповской рясе и в пудренном парике.

Разоблачению первого типа посвящен *Тартюф* (1664—1669). Комедия имеет длинную и запутанную историю. В процессе пятилетних мытарств, которые Мольеру пришлось вынести из-за нее, она три раза переделывалась. В первой редакции комедия имела всего три акта и изображала лицемера-попа, втерпевшегося в доверие к простодушному буржуа Оргону и пытавшегося соблазнить его жену: тема, издавна популярная в буржуазной

литературе Ренессанса. В таком виде комедия была поставлена в Версале на роскошном празднестве *Увеселения волшебного острова* и вызвала целую бурю со стороны «Общества святых даров» — тайной религиозно-политической организации, проводившей в жизнь идеи католической реакции и выполнявшей функции тайной духовной полиции. Для проведения своих целей общество часто пользовалось услугами проходимцев вроде Тартюфа. Неудивительно, что в его образе общество усмотрело сатиру на себя. Взбешенные комедией реакционные святоши, имевшие связи в придворных сферах (им покровительствовала, между прочим, королева-мать Анна Австрийская), сумели добиться запрещения *Тартюфа*, убедив короля, что под нападкамии на лицемерие в комедии скрывается отрицание религии вообще.

Мольер мужественно отстаивал свою пьесу в «прошении» на имя короля, в котором решил заявить, что «оригиналы добились запрещения копии». Но это прошение не привело ни к чему. Тогда Мольер переделал пьесу, ослабил в ней ряд резких мест, переименовал Тартюфа в Панюльфа и снял с него ясу, но добавил еще два акта, в которых ханжа и лицемер Тартюф стал еще предателем и доносчиком. В этой второй редакции комедия, озаглавленная *Обманщик*, была допущена к представлению, но после первого же спектакля (5 августа 1667 года) снята президентом парижского парламента Ламуаньоном, тайным членом «Общества святых даров», воспользовавшимся отъездом короля. Напрасно Мольер написал второе «прошение» королю, в котором грозился совсем прекратить писание комедий. В дело вмешался парижский архиепископ, запретивший исполнение *Тартюфа* под страхом отлучения от церкви.

Только заключение «церковного мира» с папой Климентом IX помогло Мольеру продвинуть *Тартюфа* на сцену в его третьей редакции, в которой герой снова получил свое прежнее имя. Эта третья редакция напечатана и известна всем. Хотя Тартюф и не является в ней духовным лицом, однако она вряд ли мягче первоначальной. Расширив очертания образа Тартюфа, показав его связи с судом и с придворными сферами, Мольер значительно усилил сатирическую остроту комедии. Он превратил ее в негодующий памфлет на современную Францию, которой запра-

влет реакционная клика святош, в чьих руках находятся благосостояние, честь и даже жизнь мирных, благонадежных буржуа. Единственным просветом в этом царстве мракобесия, произвола и насилия является мудрый монарх, который своей прозорливостью обеспечивает счастливую развязку комедии, когда зритель перестал уже верить в ее возможность. Но в силу своей случайности эта искусственная развязка ничем не меняет существа комедии.

Буржуазные ученые, стремящиеся отвести от Мольера упреки в вольнодумстве, считают, что задачей Мольера в *Тартюфе* явилось обличить только религиозное лицемерие и ханжество. Это, разумеется, неверно. Задача *Тартюфа* — показать те страшные опустошения, которые вносит в жизнь религия, затемняющая сознание, парализующая волю, отупляющая ум честного человека, превращая его в игрушку в руках отъявленного мошенника. Тартюф — не духовное лицо; в арсенале его приемов отсутствует магическое воздействие, оказываемое на обывателя самим званием служителя культа. Поэтому не церковные обряды, не поведение духовенства являются объектом сатиры Мольера а самая сущность христианства, его учение о благодати, о любви, к ближнему, о милосердии, нестяжании, аскетизме и целомудрии. Издеваясь над религиозностью, Мольер показывает, что верующими людьми могут быть только дураки, слабостью которых пользуются бессовестные плуты.

Такая по существу антирелигиозная постановка вопроса вытекает из всего материалистического мировоззрения Мольера, вскормленного философией материалиста Гасенди, последователя Эпикура, а также писаниями вольнодумцев эпохи возрождения (Рабле, Монтень, Шаррон). Для Мольера, как и для его учителей, всеблагая и всемогущая природа является началом всякой истины и блага, а инстинкты — подлинными законами человеческой жизни. Такая философия «природы» не оставляет места религии, которая, с ее точки зрения, является тормозом развитию автономной человеческой личности. Но отрицание религии не оформлено у Мольера еще в стройную систему и не подкреплено данными науки. И все же Мольер опередил в этом вопросе всех своих соратников, во главе с Расином и Буало, которые жили и умерли верными сынами католической церкви.

Во второй великой сатирической комедии *Дон-Жуан* (1665) Мольер направил острие своей сатиры в самое сердце феодального дворянства. Положив в основу пьесы испанскую легенду о неотразимом соблазнителе женщин, попирающем законы божеские и человеческие, Мольер придал этому бродячему сюжету, облетевшему почти все сцены Европы, оригинальную сатирическую разработку. Образ Дон-Жуана Мольер наделил бытовыми чертами французского аристократа XVII века, титулованного развратника и насильника, беспринципного, лицемерного, наглого и циничного. Сущность образа Дон-Жуана выражает всю полноту ненависти Мольера к знатым бездельникам и паразитам, продолжающим царить во Франции.

Однако образ Дон-Жуана соткан не из одних отрицательных черт. Дон-Жуан не лишен некоторого обаяния, — он остроумен, изящен, храбр. Он — вольнодумец, скептик, материалист, который верит только в то, что «дважды два — четыре, а дважды четыре — восемь». Он издевается, подобно самому Мольеру, над схоластической медициной. Он обличает лицемерие как привилегированный порок. Однако, влагая в уста Дон-Жуана слова, с которыми он сам согласен, Мольер ни на мгновение не забывает, что изображает все же порочного аристократа. Потому объективно передовые воззрения Дон-Жуана своеобразно деформируются, вступая в сочетание с его развращенностью и беспринципностью. Его вольнодумство неглубоко и пронизано барской рисовкой, погоней за светской модой. Обличая лицемерие, Дон-Жуан сам надевает на себя маску лицемерия, столь выгодную в высшем свете, и так далее.

Разрабатывая традиционный сюжет, Мольер до известной степени был вынужден сохранить его очертания. Поэтому он сохранил традиционный финал пьесы, в котором «небо» карает вольнодумного героя. Этот финал вызван соображениями тактического свойства. Написав *Дон-Жуана* в пору самой ожесточенной борьбы вокруг *Тартюфа*, Мольер был вынужден к максимальной осторожности в высказывании вольнодумных взглядов. Наделив ими отрицательного персонажа, терпящего за них наказание, он думал отвести от себя упрек в безбожии. Но это ему не удалось. Клерикалы сразу распознали сущность коме-

дии, которую они объявили «откровенной школой безбожия». Поэтому, несмотря на блестящий успех, комедия была снята после пятнадцати представлений и не шла в Париже до 1841 года.

Если уже в *Тартюфе* и в *Дон-Жуане* сквозь ткань комедийного действия проступал ряд трагических черт, то в третьей великой сатирической комедии *Мизантроп* (1666) они настолько усилились, что почти совсем оттеснили комический элемент. *Мизантроп* — типичный образец классической «высокой комедии», в которой комизм положений уступает место комизму психологическому. Преобладание диалога над внешним действием, выделение на первый план психологической характеристики персонажей, полное отсутствие внешних сценических эффектов — все это предопределило холодное отношение к пьесе широкого зрителя, ищущего в театре развлечения. Мольер, хорошо знавший психологию своего зрителя и обычно шедший ему навстречу, на этот раз отступил от своего обычновения.

Мизантроп стоит особняком в творчестве Мольера. Он отмечает тот момент в его литературной деятельности, когда, затравленный классовыми врагами и задыхающийся в душной атмосфере версальского двора, поэт не выдержал, отбросил комическую маску и заговорил стихом, «облитым горечью и злостью». Это не значит, что в *Мизантропе* можно искать отражение личных, семейных неприятностей Мольера. Альсест — образ не субъективный, а объективный. Его трагедия — трагедия передового протестанта-одиночки, не чувствующего опоры в широких слоях собственного класса, который не созрел еще для политической борьбы с существующим строем. Однако, протестуя против царящих вокруг него бесправия, раболепства, лицемерия, продажности и умственной пустоты, Альсест сам еще не в состоянии ни уяснить себе причину возмущающих его общественных язв ни указать выход из них. Его реакция на эти язвы — ненависть к людям «вообще» и стремление «найти себе на свете уголок, где честный человек свободно жить бы мог». Поскольку Альсест не выдвигает никакой положительной программы, кроме пропаганды искренности и правдивости, постольку снимается проблема его социального одиночества. Его представление о себе как о некой высшей личности

делает его персонажем не трагическим, а комическим. Но этот комизм — философский. Он заключается в глубоком несоответствии между словами и делами Альсеста, между его мыслью и его действиями.

Как и Дон-Жуан, Альсест соткан из положительных и отрицательных черт. С одной стороны, он — благородный обличитель общественных пороков, ищущий правды и не находящий ее, и этим он вызывает к себе сочувствие. С другой стороны, он лишен такта, чувства меры и чувства юмора, и в этом он комичен; его комизм, естественно, ослабляет наше сочувствие к нему. К тому же еще Альсест — неудачливый и бестактный любовник, и это окончательно утверждает его в роли комедийного персонажа.

Но, одновременно выдвигая и разоблачая Альсеста, Мольер сам не умеет подняться выше своего любимого героя. Критикуя устами Альсеста податливость и бессилие Филинта, Мольер критикует в то же время самого Альсеста устами Филинта, рисуя ему идеал посредственности и «золотой середины» и обучая его старой патриархально-мещанской морали: «с волками жить — по-волчьи выть».

Вот почему революционная буржуазия XVIII века могла бросить устами Руссо упрек Мольеру в том, что он единственного честного человека в своем театре отдал на осмеяние тем самым светским негодяям, против которых Альсест так мужественно возвысил свой голос. А в эпоху Великой французской революции Фабр д'Эглантин считал нужным «исправить» *Мизантропа* соответственно этим новым установкам и превратить Альсеста в патриота, «друга народа», а Филинта — в негодяя, второго Тартюфа (*Филинт Мольера, или Продолжение Мизантропа*).

После *Мизантропа* в творчестве Мольера замечается поворот, отмеченный ослаблением политической остроты его комедий и сосредоточением внимания на бытовых темах из буржуазной жизни.

Одним из симптомов отмеченного поворота является возрождение в последние годы деятельности Мольера добротного, брызжущего весельем фарса, лишенного серьезных сатирических заданий. Сюда относятся такие шедевры мольеровской буф-

J. B. P. Moliere.

J. B. P. Moliere.

J. B. Poquelin Moliere.

Три подписи Мольера: 1668, 1662 и 1672 годов

фонады, как *Лекарь поневоле* (1666), разрабатывающий излюбленную Мольером тему о врачах-шарлатанах; как *Господин де Пурсоньяк* (1669), изображающий злоключения в Париже богатого провинциального буржуа, купившего титул дворянина; наконец, как *Плутни Скапена* (1671), в которых с предельным мастерством разработана старинная комедийная тема о ловкаче-слуге, помогающем молодым людям, вопреки желанию отцов, жениться на любимых ими девушках, раздобыв необходимые для этого ресурсы у их отцов. Хотя во всех этих пьесах нет яркой и острой политической сатиры, однако они имеют все же значительный социальный смысл. Как ни традиционен, например, тип ловкого слуги-плута, обдывающего любовные делишки господ, тем не менее именно на этой традиционной основе создается тип умного и пронырливого разночинца, который сто лет спустя станет главным выразителем агрессивных настроений французской революционной буржуазии. В этом смысле Скапен и Сбригани (как еще раньше Маскариль, Сганарель и Созий в *Амфитрионе*) являются прямыми предками знаменитого Фигаро.

Наиболее типичны для последнего периода деятельности Мольера комедии, основной темой которых является осмеяние буржуа, тянущихся за аристократами и роднящихся с ними. Политическая актуальность этой темы для молодой буржуазии, не ставшей еще конституированным классом, хорошо раскрыта Лафаргом. «Подобно тому, — пишет он, — как социалисты говорят теперь рабочим: порвите с либеральной буржуазией, которая вас надувает, если не убивает, — так он кричал Жоржам Данденам и мещанам во дворянстве: бегите от этих дворян как от зачумленных, потому что они вас обманывают и грабят».

Первая из названных Лафаргом комедий, *Жорж Данден* (1668), построена на основе старинного «бродячего» сюжета о злой жене, выставяющей в дурном свете обманутого ею мужа. Сюда Мольер присоединил второй мотив — историю человека, пожелавшего возвыситься над своей социальной средой и поплатившегося за это. Герой комедии — разбогатевший крестьянин Данден, женившийся из глупой спеси на дочери разорившихся аристократов Сотанвилей и испытывающий всякие злоключения вследствие легкомыслия своей жены и дворянского чванства ее

родителей. Когда эта комедия шла при дворе, аристократический зритель злорадствовал над несчастьями Дандена: не лезь-де «с кувшинным рылом» к дворянам. При этом аристократия не заметила другой стороны мольтеровской пьесы — сатиры на прогоревших аристократов, не погнушавшихся Данденом только потому, что он — обладатель туго набитого кошелька. Буржуазный зритель Пале-Рояля, напротив, хорошо заметил эту сторону, но он был уязвлен тем унижением, которому Мольтер подверг буржуа Дандена.

Это относится также и к знаменитой комедии *Мещанин во дворянстве* (1670), представляющей самую злую сатиру на буржуазию, которая только вышла из-под пера Мольтера. Он не пощадил здесь красок для осмеяния богатого буржуа Журдена, который лезет изо всех сил в дворянство, обучается хорошим манерам и яхшается с обирающими его прогоревшими дворянчиками, в то же время отворачиваясь от своей плебейской жены. Но, издеваясь над Журденом и напоминая ему старую мещанскую мудрость «всяк сверчок знай свой шесток», Мольтер не щадит красок также для обличения знатных мошенников и паразитов Доранта и Доримены, цинично обкрадывающих Журдена. Даже Людовик XIV, покровительствовавший Мольтеру, был поражен остротой этой пьесы, написанной специально для придворного спектакля (*Мещанин во дворянстве* — виртуознейшая из мольтеровских комедий-балетов).

Помимо осмеяния тяги буржуазии к дворянству, Мольтер разрабатывает в последние годы также излюбленную тему своих ранних комедий — тему разложения мещанской семьи под влиянием характерных для буржуазного общества личных пороков. Первое место среди этих пороков принадлежит скупости. Комедия *Скупой* (1668), написанная под влиянием *Горика* Плавта, мастерски рисует отталкивающий образ скряги-ростовщика Гарпагона, у которого стяжательство приняло патологический характер, заглушив все человеческие чувства. Мольтер рисует разлагающее действие скупости на семью, быт и нравственность. Он показывает, как скупость отца толкает детей на путь нравственного разложения, как ее результатом являются мотовство, разврат, обман, ложь, воровство. Через разложение семьи Мольтер показывает великий социальный вред скупости.

Та же тема разложения мещанской семьи развернута в *Ученые женщины* (1672). Мольер возвращается здесь к теме *Смешных модниц*, но разрабатывает ее гораздо шире и глубже. Объектом его сатиры здесь являются столичные буржуазные дамы и девицы, увлеченные научно-философскими занятиями и пренебрегающие «прозой» буржуазной семейной жизни. При этом Мольер высмеивает, однако, увлечение не наукой, а салонной игрой в науку, не реальную, а мнимую тягу к образованию, прикрывающую стремление молодых мещанок уподобиться аристократическим дамам. Издеваясь в лице Арманды над девицей, свысока относящейся к браку и предпочитающей «взять в мужья философию», Мольер противопоставляет ей Генриету, здоровую и нормальную девушку, обладающую ясным умом, не стремящуюся к ложной, внешней учености. В формальном отношении *Ученые женщины* — одна из совершеннейших комедий Мольера, которая вместе с *Мизантропом* является идеальным образцом классической высокой комедии.

Вопрос о распаде семьи поставлен Мольером также в его последней комедии *Мнимый больной* (1673). На этот раз причина распада семьи — мания главы дома Аргана, воображающего себя больным и являющегося игрушкой в руках врачей-шарлатанов. Сатира на медиков, проходящая своеобразным лейтмотивом сквозь всю драматургию Мольера, достигает здесь своего апогея. Презрение Мольера к врачам исторически вполне объяснимо, ибо медицинская наука основывалась в его время не на опыте и наблюдении, а на схоластических умствованиях. Мольер нападал на врачей так же, как и на прочих лжеученых педантов и софистов.

Предсмертная комедия Мольера показывает, каким мощным объективным художником он был и как мало примешивалось к его творчеству узко-личных мотивов. Комедия заразительно весела и жизнерадостна, несмотря на то, что написана умирающим человеком. Между тем сама тема *Мнимого больного* — столь же мало весела, как и тема *Скулого*. Она могла бы дать материал для тяжелой семейной драмы, в которой злым гением была бы притворщица и интриганка Белина, запутавшая в своих сетях Аргана, думающего только о своих мнимых недугах. Но Мольер

расправляется и с Арганом и с Белиной и с врачами-шарлатанами жизнерадостным смехом.

На четвертом представлении *Мнимого больного*, 17 февраля 1673 года, Мольер, игравший Аргана, почувствовал себя дурно, но ценой огромного волевого напряжения замаскировал схватившую его судорогу раскатистым смехом и доиграл спектакль. Однако добраться домой он уже не смог. Его перенесли на квартиру, находившуюся в двух шагах от театра; через несколько часов он скончался от мучительного кашля, сопровождавшегося кровохарканием. Ни врача ни священника у его смертного одра не было.

Так как перед смертью Мольер не принес церковного покаяния, то его запрещено было хоронить по церковному обряду. Однако вследствие вмешательства короля Мольера в конце концов похоронили, но за оградой кладбища, где хоронили обычно самоубийц. За гробом великого поэта и актера шла толпа «простого народа». Представители же двора и аристократии на похоронах отсутствовали, так как их классовая вражда преследовала Мольера после смерти, как и при жизни.

Мольер был материалистом. Он признавал объективное существование независимой от человека объективной действительности — природы и считал ее единственным источником истины и блага. Всей силою своего комического гения он обрушивался на тех, кто пытается насиловать природу, навязывать ей свои субъективные домыслы. Сюда он относил и врачей-невежд и шарлатанов, и ученых педантов, и «прециозных» дам, и кривляк-маркизов, и даже самодуров-буржуа, не желающих считаться с естественными склонностями детей и насилующих их волю. Как подлинный человек Ренессанса, Мольер обладал трезвым, здоровым, жизнерадостным мировоззрением. Он был сторонником здравого смысла и с его позиций издевался над всякими метафизическими бреднями, бытовыми уродствами и извращениями.

Как художник материалистического склада, Мольер был реалистом. Он клал в основу своего творческого метода опыт,

1675			
	Dimanche 29 Janvier	Mais Infidels	599 ¹⁰ *
	par		33
	Mardi 31	Mais Infidels	179 ¹⁰ *
	par		5 47
	Vendredi 3	fevrier In Nom	298 ¹⁰ *
	par		17
Mardy 7	par		529 ¹⁰ *
Repetition	Dimanche 5	Prem	18 101
	par		
Pièce	Vendredi 10	2 ^e Représentation du malin	
Nouvelle	Imaginaire		1992 ¹⁰ *
et dernière			71 141
de cet. 3 ^e	par		
Motivon	Dimanche 12	Malade Imag.	1759 ¹⁰ *
	par		55
	Mardy 14	mal Imag	1879 ¹⁰ *
	par		80
	Du Vendredi 17		1219 ¹⁰ *
	par		39

 Ce mesme jour apres la poudée sur les 10 heures du soir
 Monsieur de Molieres decenda dans la maison Rue de Richelieu,
 avec son fils le comte d'Albion malade d'imaginaire pour y
 rendre son dernier vœux sur la poudée qui lui causa
 une grande toue de forme que dans les zones d'effort qu'il fit
 pour cracher il se rompit le coeur. vint dans le jour le mal
 ne fut pas de deux heures - il mourut d'une heure apres la
 mort de son fils son corps fut enterré au cimetière de
 la paroisse St. Germain. Il y a une tombe élevée sur
 pied de terre

Dans la descente du la troupe se trouva apres ces poudes
 pour aller le Roy avec de l'argent de donner les écoles que la
 composition aux poudes au cimetière de St. Germain

Запись в «Реестре» Лагранжа о смерти Мольера

наблюдение, изучение людей и жизни. Его лозунгом было следование жизненной правде. «Когда вы изображаете людей, вы обязаны описывать их с натуры. От этих портретов публика требует сходства, и автор напрасно трудился, если в выведенных им лицах вы не узнаете современного общества», — заявлял он устами Доранта в *Критике на Урок жеман*. Это современное общество оживает в комедиях Мольера в своих разнообразных пластах и прослойках. Мольер отразил в своих комедиях многие стороны жизни французского дворянства и буржуазии. Сравнительно меньшую роль играют в его комедиях крестьяне и городские низы. Классическая поэтика XVII века, сформулированная Буало (*Поэтическое искусство*, 1674), объявляя основной задачей поэзии подражание природе, ограничивала, однако, это подражание только двумя достойными объектами: «двором» и «городом», то есть дворянским и буржуазным бытом. Первый поэту рекомендовалось «изучать», со вторым — «знакомиться». Буало, связанный с Мольером тесной дружбой и высоко ценивший его талант, был склонен упрекать его в чрезмерной демократичности, в любви к народу, в потакании грубым вкусам толпы.

Демократичность Мольера выражалась в его отмеченной приверженности к фарсу, этому плебейскому жанру, служившему молодой буржуазии испытанным оружием в ее борьбе с привилегированными классами. Крепкая фарсовая закуска обусловила громадную впечатляющую силу мольеровских комедий. Сочный, здоровый, грубоватый, в высшей степени доходчивый комизм Мольера сделал его любимцем низов. Мольер хорошо знал и любил демократического зрителя своего театра и считался с его мнением. Предание говорит, что свои комедии он предварительно читал служанке Ла Форе и ценил ее непосредственные реакции, прелюдировавшие ему реакции «стоячего» партера его театра.

Демократизм Мольера отразился также в языке и слоге его комедий. Он писал их живым разговорным языком, четко характеризующим выводимых персонажей. Он усевал свои пьесы провинциализмами, диалектизмами, простонародными и жаргонными словечками, неправильными грамматическими оборотами. Этот предельно театралный язык, рассчитанный на произне-

сение со сцены, сильно отличался от языка прециозной знати. Ее салонному стихоплетству Мольер противопоставлял устами Альсеста наивную народную песенку, выражающую «живое чувство». Этим он явно опережал свою эпоху, не знавшую и не любившую народной поэзии.

Но, являясь художником буржуазно-демократическим по своей основной направленности, Мольер не мог сохранить независимость от господствовавшего в его эпоху дворянского классического стиля. Так как французская буржуазия не была еще господствующим классом, она не могла еще создать собственного стиля, который мог бы быть противопоставлен дворянскому классицизму. Ранний буржуазный реализм, поскольку он пытался оформиться за пределами классического стиля (например, в романах Сореля, Скаррона и Фюретьера), имел еще чрезвычайно примитивный характер и был лишен литературной авторитетности. Что касается Мольера, то он стоял в основном на классических позициях и по справедливости считается основателем классической комедии.

Примыкая к классицизму, Мольер разделял целый ряд положений его рационалистической эстетики, связанной с авторитетнейшей в данную эпоху философской системой Декарта. Классический рационализм Мольера проявляется в его склонности к типизации и генерализации образов, к их абстрактно-логической систематизации, к резкому разграничению добродетели и порока, положительных и отрицательных персонажей, к механическому развертыванию действия как столкновению внешних по отношению друг к другу, внутренне же почти неподвижных сил. Динамика комедий Мольера независима от его характеров, которые статичны по своему психологическому содержанию, ибо являются «типами такой-то страсти, такого-то порока» (Пушкин). Классицизм Мольера проявляется в том, что его «скупой скуди, и только», что его «лицемер волочит за женой своего благодетеля, лицемера, принимает имение на хранение, лицемера, спрашивает стакан воды, лицемера» — по меткому замечанию Пушкина, хорошо уловившего однообразие и однокачественность большинства мольеровских образов, в противовес многосторонности, громадному внутрен-

нему богатству образов Шекспира. Рационализм Мольера сказывается еще в его пристрастии к рассуждениям, вкладываемым в уста определенных лиц — резонеров, назначение которых — не действовать, а только рассуждать (Клеант в *Тартюфе*, Клиандр в *Ученых женщинах*, Беральд в *Мнимом больном* и др.). Наконец, и строгая четкость композиции мольеровских комедий, прозрачная ясность его мысли и слога, полное отсутствие лиризма, непосредственности, иррациональных моментов делают Мольера классиком-рационалистом.

Но при всей своей зависимости от дворянского классического театра Мольер делает попытки ревизии основных эстетических принципов классицизма. Прежде всего, он отрицательно относится к регламентации поэтического творчества, к пресловутым «трем единствам». Он весьма вольно обходится с ними, нарушая их всякий раз, когда они мешают ему развертывать действие. В некоторых пьесах Мольера место действия меняется (*Дон-Жуан*, *Лекарь поневоле*, *Блистательные любовники*), в других оно имеет условное, а не реальное единство (*Тартюф*, *Ученые женщины*). Так же обстоит с единством времени; только в *Мизантропе* оно соблюдается вполне реально. Даже единство действия трактуется во многих комедиях формально: так, в *Плутнях Скапена*, объединяющим моментом для разнородных интриг является только личность самого Скапена. Когда Мольера упрекали в несоблюдении «правил», он энергично протестовал против их фетишизации, заявляя в *Критике на Урок женам*, что «высшее из правил — нравиться публике», и что пьеса «правильна», если она достигла этой цели. Такое утверждение практики как критерия истины в корне противоположно принципам классической поэтики. Здесь Мольер отступает от рационализма Декарта, идя за его антагонистом, материалистом Гасенди.

Столь же вольно Мольер обходился с классическим требованием резкого разграничения жанров, обусловленным сословной дворянской эстетикой. Он вводил в свои «высокие» комедии трагический элемент, перемежая почти трагические ситуации с буффонными сценами (*Тартюф*, *Дон-Жуан*). Некоторые его пьесы (особенно *Дон-Жуан*) приближаются к структуре доклассической, барочной трагикомедии. Помимо смешения трагического

с комическим, у Мольера часто встречается смешение в одной пьесе различных видов комизма — от примитивного фарсового комизма положений до философского комизма идей и характеров (например, в *Скупом*). Это и имел в виду Буало, когда отказывался признать Мольера образцовым классиком за то, что он «без стеснения соединял Теренция с Табареном».

Но еще ббльшим отклонением от дворянского театра является попытка Мольера изображать в смешном виде людей знатного происхождения. Движимый классовой ненавистью к паразитической знати, Мольер, как говорилось выше, превращал маркизов, этот цвет аристократической молодежи, в шутов. В то же время он красноречиво реабилитировал настоящих, профессиональных шутов (*Блистательные любовники*, *Принцесса Элиды*), разумея под ними актеров, притворяющихся на сцене с целью правдивого подражания природе. Наряду с умными и честными шутами он рисовал ловких, энергичных и смышленных слуг (Маскариль, Скапен) и служанок (Дорина, Туанета), которые умнее своих господ и держат в своих руках их счастье.

Итак, как смелый сатирик, как художник демократической направленности, как материалист, тянувшийся к реализму, Мольер не полностью укладывался в рамки классицизма. Он отклонялся от классического канона, намечая широкую реалистическую программу, которую буржуазия смогла провести в жизнь только гораздо позже, в пору своей зрелости. Это отличает Мольера от Расина и Буало, которые полностью подчинялись классическому канону и укрепляли позиции дворянского искусства.

При всех своих непоследовательностях, колебаниях и срывах Мольер был все же самым передовым французским художником своего времени. Он был подлинным новатором, пролагателем новых путей. Враждебный ему лагерь был бессилен выделить хотя бы одного автора, который мог бы с ним сравниться своим художественным оружием. Он концентрировал в себе огромные творческие силы своего класса, выходявшего на арену истории и готовившегося к решительной борьбе за свое господство.

С. Мокульский.

СУМАСБРОД, ИЛИ ВСЕ НЕВПОПАД

L'Étourdi ou Le Contre-temps

Перевод Е. Полонской

Сумасброд, или Все неспод (L'étourdi ou le contre-temps) — самая ранняя из дошедших до нас пьес Мольера и первая из показанных им в Париже больших пьес собственного сочинения. Написанная еще в период скитаний по провинции, в 1655 г., она была представлена в театре Пти-Бурбон в ноябре 1658 г. (точная дата премьеры неизвестна), через несколько недель после водворения труппы Мольера в Париже.

У нас нет точных сведений относительно материального успеха первых представлений этой пьесы, так как записи Лагранжа, отмечающие такого рода данные, начинаются лишь с весны 1659 г. Но показания ряда современников, и в том числе даже врагов Мольера, свидетельствуют о том, что пьеса была очень хорошо принята. С этим согласуется и дальнейшая ее судьба. В следующем 1659 г. она была показана королю, который в 1660 г. смотрел ее еще три раза, и до самой смерти Мольера пьеса не сходила с репертуара его театра, исполняясь ежегодно по несколько раз.

Успех этот как будто не соответствует удельному весу комедии и тому скромному месту, которое она занимает в истории художественных достижений Мольера. Мало что предвещает в ней глубокую постановку моральных проблем, зоркую наблюдательность и реалистический метод зрелого Мольера. *Сумасброда* никак нельзя назвать комедией характеров, несмотря на многообещающее в этом отношении заглавие (ср. *Мизантроп, Скупой*), ибо перед нами здесь чисто условные фарсовые типы, показанные в серии столь же условных фарсовых положений. Не является он по той же причине и комедией нравов. Наконец, нельзя эту пьесу назвать даже комедией интриги, поскольку она не содержит органической фабулы с логическим завершающим

ее исходом, а представляет собою серию разрозненных эпизодов, которые следуют один за другим и цепь которых лишь как бы насильственно обрывается наступившей развязкой.

В этом отношении композиция *Сумасброда* тождественна с композицией *Докучмы*, с тем, однако, важным отличием, что там все новые эпизоды приносят с собой и новые «характеры», нанизывающиеся на однообразный и статичный стержень основного действия и его носителей (тоже двух любящих, которые никак не могут соединиться), тогда как здесь сменяющие друг друга эпизоды — всего лишь новые фарсовые положения или «авантюры».

Пьеса Мольера не оригинальна ни в смысле фабулы, ни в отношении стиля. Она представляет собою переработку итальянской пьесы Никколо Барбьери *Неразумный, или Помехи Скапино и муки Медзетино* (*L'inavvertito ovvero Scappino disturbato e Mezzetino travagliato*), изданной в Турине в 1629 г. Правда, переработка ее, произведенная Мольером, довольно свободная. Он устранил целый ряд длиннот, содержащихся в его источнике, конденсировал действие, соединив по нескольку сцен в одну, сократил роли второстепенных персонажей, переставил некоторые сцены, изменил ряд деталей.

Еще важнее то, что освободившееся путем таких сокращений место он заполнил собственными добавлениями, которые весьма значительны. В первом действии сюда относится эпизод с кошельком Ансельма, во втором — мнимая смерть Пандольфа (шесть явлений, т. е. половина всего акта), в третьем — хитрость Маскариля, клеветящего на Селию, чтобы отвратить от нее Леандра (четыре явления, т. е. тоже почти пол-акта), наконец, в четвертом — переодевание Лелия армянином со всеми вытекающими отсюда последствиями (пять сцен, пол-акта). Наконец, он усложнил финал, подставив на место комедийного «капитана», пытающегося увести с собой героиню, Андреа и всю историю с цыганами.

Однако все эти добавления не рождены вымыслом Мольера, а заимствованы им из различных комедийных или новеллистических источников — французских, итальянских, испанских или римских.

Любопытнее других — упомянутый нами финал, восходящий к новелле Сервантеса *Цыганочка (La gitanilla)*, с которою Мольер мог познакомиться различными путями: либо в подлиннике либо по французскому переводу *Новелл* Сервантеса, изданному Россее (1633), либо, наконец, по обработке этой новеллы испанским драматургом Антонио де Солис (середины XVII века). От всех других эпизодов, внесенных Мольером, весьма примитивных и типично фарсовых, этот финал резко отличается своей вычурностью и запутанностью, и весьма правдоподобно предположение Мишо,* что мы имеем здесь дело с затаенным влечением молодого Мольера к мотивам романтического характера, проявившимся впоследствии в *Доне Гарсии* и отчасти в *Принцессе Элиды*.

Сравнение *Сумасброда* с пьесой Барбьери, несмотря на остроумные добавления Мольера и отличную стилистическую обработку им материала, может во многих отношениях показаться не в пользу мольеровской пьесы. Мы уже отметили отсутствие в *Сумасброде* разработки характеров. Ее нет и в комедии Барбьери, но там по крайней мере условные комедийные типы вполне выдержаны, чего нельзя сказать обо всех персонажах Мольера.

Неправдоподобия и натяжки в разных эпизодах у Мольера еще сильнее, чем в его итальянском источнике. Откуда, например, в распоряжении Маскариля оказался вдруг хорошо обставленный, никем не обитаемый дом (д. V, явл. II)? И не искусственна ли, например, неожиданная встреча Селии с Ипполитой (д. V, явл. VIII)?

Наконец, немаловажным композиционным дефектом по сравнению с пьесой Барбьери является нарушение соблюдаемого там известного равновесия между двумя парами (Лелий — Селия и Леандр — Ипполита), из которых вторая у Мольера оказалась до крайности редуцированной и оттесненной первой.

Однако, чтобы судить правильно о достоинствах мольеровской пьесы, надо учесть ее основную установку. Мольер здесь менее всего стремится к правдоподобию, к созданию характеров или

* G. Michaut, *La jeunesse de Molière*, p. 230.

к какому-либо психологизму. Его цель — смех, вызываемый длинной серией эпизодов (или, что то же, положений), повторяющих в разнообразных и живых вариациях все ту же основную комическую тему. И цель эта удалась ему безусловно лучше, чем Барбьери, а также, прибавим, всем французским авторам, работавшим до него или одновременно с ним в фарсовом жанре. Он достиг этого особой комбинацией эпизодов, внесенной в его пьесу не только подлинную веселость, но и своеобразную художественную конструкцию.

Не боясь «неправдоподобия», Мольер нарочито играет им. Очень типично в этом отношении то место, где Маскариль, замышляя свою самую сногшибательную выдумку, словно раскрывает иронически авторский метод (д. IV, явл. I): «Мы слышали не раз, конечно, уж не даром, что некий человек, похищенный корсаром...» и т. д. Комизм усиливается этим обнаружением перед зрителями столь же банального, как и баснословного источника веселой «плутовской» выдумки. Все дело в том, как эти эпизоды поданы.

Искусство Мольера проявилось прежде всего в их разнообразии (одни из них кратки, другие пространны, одни развиваются на наших глазах, другие становятся известны из рассказа о них), а затем — в причудливом смешении самых разнокачественных элементов: грубоватые анекдоты и балаганные выходки чередуются здесь с гротескными, фантастическими, сентиментальными историями. Это умение поддержать внимание зрителя разнообразием и живостью материала эпизодов, конечно, немало содействовало успеху пьесы Мольера.

А с этим разнообразием связано еще и другое: разнообразие оттенков основной (чтобы не сказать — единственной) черты характера Лелия, по мере того как он выступает в разных положениях. Он то наивен, то просто придурковат, то излишне доверчив, то становится жертвой своего доброго и честного характера. Последнее особенно важно, ибо это спасает Лелия от осмеяния и делает его симпатичным зрителю, который тем охотнее следит за его судьбой.

Но настоящий герой пьесы — не Лелий, а Маскариль, этот «король плутов» (*furbum imperator*, д. II, явл. VIII), гибкий, под-

вижный, нестоищий на остроумные выдумки; никогда не падающий духом, неисправимый оптимист. Он честно служит Лелию, но по всему своему характеру он — нечто гораздо большее, чем условный «верный слуга» своего барина. Своим умом и энергией этот талантливый выходец из народа, предшественник Скапена, на каждом шагу доказывает свое превосходство над своим бестолковым господином, над которым он частенько подтрунивает.

Так в эту пьесу, всецело, казалось бы, фарсовую по тону, неизбежно проникают уже элементы реализма, впоследствии так мощно раскрывшегося в творчестве Мольера. Да и не только в образе Маскариля можно здесь найти кое-какие черты психологического реализма и моральной проблематики, типичные для позднейшего, зрелого Мольера. Сюда относятся разумные увещания, адресуемые Ансельмом Леандру (д. IV, явл. III), а также любопытный «психологический», резко выпадающий из фарсового тона, диалог между Селией и Ипполитой (д. V, явл. VIII). В начинающем Мольере уже чувствуется будущий драматург-мыслитель. И это фиксирует в наших глазах место, которое занимает эта ранняя комедия-фарс в истории мольеровского творчества.

В заключение коснемся языка пьесы. Как и все в ее фактуре, он далек еще от позднейшего мольеровского совершенства. В нем еще немало вульгаризмов и провинциализмов, от которых Мольер впоследствии освободился. Зато он полон необычайной свежести и яркости, которая так восхищала Виктора Гюго, считавшего, что это качество было впоследствии утрачено Мольером когда он подчинился рационализму классической доктрины.* В соединении с блестящим диалогом и замечательной динамикой пьесы это также в немалой степени содействовало успеху ее у современников и у потомства.

А. А. Смирнов

* См. P. Stapfer, *Victor Hugo à Guernesay*, p. 116.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Лелий, сын Пандольфа.

Селия, рабыня Трюфальдена.

Маскариль, слуга Лелия.

Ипполита, дочь Ансельма.

Ансельм, отец Ипполиты.

Трюфальден, старик.

Пандольф, отец Лелия.

Леандр, молодой человек из почтенной семьи.

Андрес, почитаемый дыганом.

Эргаст, слуга.

Гонед.

Две компании масок.

Действие происходит в Мессине.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Л е л и й

Ну, что ж, Леандр! Ну, что ж! Поспорим, так и быть:
Посмотрим, кто из нас сумеет победить,
Кто, покорив красу, цель нашей общей страсти,
Перед соперником поставит сто препятствий.
Обороняйтесь же, готовьтесь дать ответ,
И знайте про меня, что я не сдамся, нет!

(Входит Маскариль)

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Лелий, Маскариль

Л е л и й

А! Маскариль!

М а с к а р и л ь

Ну, что?

Л е л и й

Да вот дела какие!

Опять в моей любви помехи роковые.
Леандр — соперник мой. Он в Селию влюблен,
Мне поперек пути опять явился он.

М а с к а р и л ь

Он в Селию влюблен?

Л е л и й

Безумно, говорю я.

М а с к а р и л ь

Тем хуже.

Л е л и й

Хуже, да! О том я и горюю.

Но я отчаянью не вовсе предаюсь
И с помощью твоей я Селии добьюсь.
Я знаю, что твой ум уловками обилен,
Что с трудностью любой он справиться всемог,
Что королем всех слуг тебе по праву слыть,
Что нету на земле...

М а с к а р и л ь

Довольно вам сластить!

Когда наш брат слуга зачем-нибудь вам нужен,
Мы драгоценнее брильянтов и жемчужин,
Ну, а в недобрый час гневна у вас рука, —
Тогда мы подлый сброд, того и жди пинка.

Л е л и й

По чести! Твой укор я просто отвергаю.
О Селии с тобой я говорить желаю;
Кто мог бы устоять, жесток и твердосерд,
Пред обаянием ее прелестных черт!
Краса ее лица и речи выраженье
Суть доказательства высокого рожденья,
И я уверен в том, что только злобный рок
В столь низком звании ее оставить мог.

М а с к а р и л ь

Мечтатель вы, сударь, и строите химеры,—
 А ваш отец Пандольф крутые примет меры.
 Он вам отец, сударь, — он сам так говорит.
 Частенько у него в печонках желчь бурлит;
 Как замечательно он вас честить изволит,
 Когда ваш юный пыл ему глаза мозолит
 С Ансельмом против вас он заключил союз,
 Чтоб вас навек связать цепями брачных уз.
 На Ипполите вас жениться он заставит,
 Чтоб этим вам ума и зрелости прибавить.
 Когда узнает он, что вы так влюблены,
 Что не хотите вы им избранной жены,
 Что роковая страсть к прелестному созданию
 Вас из сыновнего выводит послушанья, —
 Вот разразится гром, не приведи творец!
 Правоученьями накормит вас отец!

Л е л и й

Довольно! Прекрати все эти наставленья.

М а с к а р и л ь

Нет! Прекратите вы все это поведение;
 Все это не к добру. Стараться надо быть...

Л е л и й

А знаешь, ведь меня невыгодно сердить:
 За лишние слова накостиляю шею;
 Я слушать не хочу советов от лакея.

М а с к а р и л ь [*в сторону*]

Он, кажется, сердит. [*Лелию*] Ну, ладно, я шутил;
 Хотел вас испытать, затем и говорил.
 Похож ли я на тех, кто гонит наслаждение,
 И мне ли быть врагом природного влечения?
 В бесчеловечности меня кто упрекнет?

Вы сами знаете — скорей наоборот.
 Не надо слушаться проповедей отцовских,
 Пришпорьте же коня, да не по-стариковски.
 Ей-ей, я думаю, что эти старики
 Нам только головы морочить мастаки,
 И, — удовольствия уже вкусить бессильны, —
 Нам добродетели хотят внушить насильно.
 Располагайте мной. Я вам готов служить.

Л е л и й

Вот этакая речь мне может угодить.
 К тому ж на страсть мою глядят с благоволеньем
 Глаза, которые ей дали зарождение.
 Одна беда: Леандр мне только что открыл,
 Что Селию мою присвоить он решил.
 Вот почему теперь нам надо торопиться.
 Придумай поскорей, как Селии добиться,
 Уловки, хитрости, придумай что-нибудь,
 Чтоб мне соперника получше обмануть.

М а с к а р и л ь

Позвольте мне сперва обдумать это дело.
 [В сторону]
 В такой большой беде как поступить умело?

Л е л и й

Ну что? Придумал план?

М а с к а р и л ь

Умерьте ваш полет.
 Шагами тихими мой мозг всегда идет.
 Ага! Нашел! Так вот... Нет, это неудачно.
 Пойдите-ка...

Л е л и й

Куда?

Маскариль

Нет, чересчур прозрачно.
Пожалуй, средство есть...

Лелий

Какое?

Маскариль

Мелкий ход.

Не можете ли вы...

Лелий

Я?

Маскариль

Нет, не подойдет.

К Ансельму бы сходить...

Лелий

А что ему скажу я?

Маскариль

Да, из одной беды мы попадем в другую.
Что ж, к Трюфальдену вам останется пойти.

Лелий

К чему?

Маскариль

Не знаю.

Лелий

Ну, довольно вздор плести,
Я басенок твоих терпеть не в силах боле.

Маскариль

Ах, если б вы, сударь, имели сто пистолей,
 Нам не пришлось бы так вертеться и хитрить :
 Невольницу свою могли бы вы купить,
 Леандра проучить, чтоб он не хвастал много
 И чтоб он вам не смел перебивать дорогу.
 Ведь скряга Трюфальден, дрожа за свой карман,
 Взял Селию в залог когда-то у цыган.
 Вернуться б им пора, он жаждет их прихода
 И Селию продаст, чтоб окупить расходы.
 Корыстен он и скуп и ради барыша
 Сам высечет себя, ну, хоть за пол-гроша.
 И золото ему — единый вседержитель.
 Но плохо...

Лелий

Плохо, что ?

Маскариль

Да то, что ваш родитель —
 Такой же скупердяй и свой тугой кошель
 В распоряженье вам не отдает досель ;
 Что не придумали пружин такого рода,
 Чтоб раскошелить его себе в угоду.
 Давайте ж Селию разыщемте сейчас.
 Узнаем, что она подумала про вас.
 Вот здесь окно ее.

Лелий

Но Трюфальден у дома
 И день и ночь стоит подобно часовому.
 Смотри же.

Маскариль

Подождем у этого угла.
 Вот счастье! Селия! Она сама пришла.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Лелий, Селия, Маскариль

Лелий

О, слава небесам, дающим мне блаженство
Еще раз созерцать все ваши совершенства,
И хоть испепелен огнями ваших глаз,
Я счастлив, что опять могу здесь встретить вас.

Селия

Вы сердце бедное речами удивили.
Ужель глаза мои урон вам причинили?
Но если было здесь хотя подобье зла,
Поверьте, что хотеть того я не могла.

Лелий

Стрелами красоты нанесены те раны,
И никогда я их лелеять не устану,
И...

Маскариль

Зря берете вы такой высокий тон
И неуместный стиль. Нам не годится он.
Узнайте у нее, минуты не теряя,
Что...

Трюфальден *(внутри дома)*

Селия!

Маскариль

Ну, вот.

Лелий

О встреча роковая!
Проклятый старикан нам помешал как раз!

Маскариль

Уйдите, спрячьтесь же. Я справлюсь и без вас.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Трюфальден, Селия, Маскариль, Лелий [*в своем углу*]

Трюфальден [*Селии*]

Кто вас пустил сюда? Что тут у вас за споры?
Ведь я вам запретил пускаться в разговоры.

Селия

Мне этот человек уже давно знаком,
Его подозревать вы не должны ни в чем.

Маскариль

Не это ль Трюфальден почтеннейший?

Селия

Он самый.

Маскариль

Пренизко кланяюсь и счастлив перед вами
Здесь выразить восторг и преданность тому,
Чье имя славится по свету по всему.

Трюфальден

Слуга покорный ваш.

Маскариль

Сударь, прошу прощенья,
Я с ней давно знаком и, полон уваженья
К ее умению судьбу предугадать,
Хочу на этот счет два слова ей сказать.

Трюфальден

Что? Ты якшаешься со всякой чертовщиной?

Селия

Нет, в белой магии я сведуща, в невинной.

Маскариль

Вот дело каково. Хозяин мой влюблен,
 Прелестным существом он в цепи заключен,
 И он насчет любви, что рвет его на части,
 Хотел бы говорить с предметом этой страсти,
 Но стережет, увы, красавицу дракон
 И к ней влюбленного не подпускает он.
 Но мучает его и делает несчастным
 То, что с соперником он встретился опасным.
 И вот, чтобы узнать, счастливый ли исход
 Его любовные ухаживанья ждет,
 Я обращаюсь к вам и жду от вас ответа
 Для разрешения заветного секрета.

Селия

А под какой звездой хозяин твой рожден?

Маскариль

Звездою верности навек отмечен он.

Селия

Не открывая мне предмет его желанья,
 Науки тайные дают мне указанья.
 Есть сердце у нее, В превратностях она
 Достоинство и честь хранить принуждена.
 Она характером не слишком откровенна
 И тайных чувств души не выдает мгновенно,
 Но мне известно все, и, доброты полна,
 Я вам открою то, что думает она.

Маскариль

О, в белой магии отныне я уверен!

Селия

Когда твой господин действительно так верен
И добродетелью одной одушевлен,
Напрасно вздыхать недолго будет он,
И крепость тайная, предмет его стремлений,
Капитулирует и вступит в соглашение.

Маскариль

Однакоже скажу: у крепости всегда
Бывает комендант.

Селия

Вот это и беда.

Маскариль [*в сторону, глядя на Лелия*]

Проклятый путанник уже готов вмешаться!

Селия

Я вам скажу теперь, как вам за дело взяться.

Лелий [*подходя к ним*]

Почтенный Трюфальден, не беспокойтесь зря!
Вот этот человек, по чести говоря,
Мой собственный слуга и послан мной нарочно,
Чтоб с вами здесь о ней договориться точно.
Ее у вас купить угодно будет мне,
Как только вы со мной условитесь в цене.

Маскариль

Чума возьми глупца!

Трюфальден

Ого! Чудные речи!
Ведь первая второй во всем противоречит.

М а с к а р и л ь

О сударь! Этот франт — он не в своем уме!
Вы понимаете...

Т р ю ф а л ь д е н

Я понял все вполне.

Я думаю, что здесь таинственные штуки.

[Селии]

Домой! Без вольностей! Я заберу вас в руки.

А вам, мошенники, меня не провести!

Старайтесь музыку согласнее вести.

(Уходит)

М а с к а р и л ь

Вот так и надо вам. Я об одном жалею, —
Что он не захотел накостылять вам шею.
Зачем вы вылезли внезапно, как шальной,
И опровергли все, что говорилось мной!

Л е л и й

Я думал хорошо...

М а с к а р и л ь

Но поняли вы плохо!

А впрочем, ведь от вас того и жди подвоха.

Вы вечно так щедры на всякий невпопад,

Что ваши глупости кого же удивят!

Л е л и й

Сердиться за пустяк! Как это нестерпимо!

А разве это все уж так непоправимо?

Ну, если Селию нельзя сейчас же взять,

Придумай, как бы нам Деандру помешать,

Чтоб раньше моего он не купил красотку.

Пока же, чтоб тебе я не влял на сметку,
Я удалюсь.

(Уходит)

М а с к а р и л ь *(один)*

Ну-ну. По совести, деньга
Была бы здесь для нас отличнейший слуга,
Но если нет ее, зайдем с другого хода.

Я В Л Е Н И Е П Я Т О Е

А н с е л ь м, М а с к а р и л ь

А н с е л ь м

В ужасный век живем! Везде на деньги мода.
Все норовят теперь побольше в долг забрать,
А данное займы никак назад не взять.
Как ни старайся ты, доли на этом свете
Зачатье сладкое имеют, словно дети,
Но роды тяжкие бывают иногда.
Так деньги в кошелек легко илут всегда,
А вот из кошелька на выход очень туги.
Мучительные нас тогда берут потуги.
Да! Сразу получить две тысячи монет,
Которые прождал не менее двух лет,
Вот это — счастье...

М а с к а р и л ь

Вот это так добыча!

Неплохо в лет убить такой кусочек дичи.
Попробую его я приласкать слегка.
Я знаю песенку, чтоб усыпить дружка.

[Ансельму]

Я видел только что, Ансельм...

А н с е л ь м

Кого?

Маскариль

Нерину.

Ансельм

Что говорит она, всех мук моих причина?

Маскариль

Она в вас влюблена!

Ансельм

Она!?

Маскариль

Полна огня.

Мне стало жаль ее.

Ансельм

Ты радуешь меня!

Маскариль

Бедняжка от любви страдает так ужасно!
«Ансельм! — она твердит, вздыхая ежечасно, —
Когда же Гименей союзом двух сердец
Мою любовь к тебе насытит наконец!»

Ансельм

Зачем же до сих пор она любовь скрывала?
О девушки! средь вас притворщиц есть немало.
Не правда ль, Маскариль, хоть я и пожилой,
Но что-то есть во мне, что нравится любой?

Маскариль

Лицо у вас еще, конечно, подходяще.
Уроды хуже есть, но красивее — чаще,

Ансельм

И значит?

Маскариль

Значит, в вас она влюбилась вдруг,
И для нее вы...

Ансельм

Я?

Маскариль

Желанный ей супруг.
Она желает, чтоб...

Ансельм

Чтоб я...

Маскариль

Чтоб кошелек...

Ансельм

Чтоб...

Маскариль [*берет кошелек и роняет его*]

Сердце и уста соединил вам рок.

Ансельм

Я понял. Если ты ее увидишь вновь,
Получше расхвали пред ней мою любовь.

Маскариль

Доверьтесь мне.

Ансельм

Прощай.

Маскариль

Прощайте, ради бога.

Ансельм

Ах! Право я едва не оплошал немного,
Ты в праве был меня неблагодарным счесть:
Как! Ты приносишь мне приятнейшую весть,
Тебе любовное даю я порученье —
И ни малейшего не дал вознагражденья.
На вот, возьми себе.

Маскариль

Нет, нет, я вас прошу...

Ансельм

Позволь мне!

Маскариль

Ни за что! Я пользы не ищу.

Ансельм

Я знаю. Все-таки...

Маскариль

Ансельм, я повторяю,
Что честью дорожу. Себя я не роняю.

Ансельм

Прощай же, Маскариль.

Маскариль

Болтун!

Ансельм

Послушай! Эй!

Подарочек послать хочю любви моей:
 Я денег дам тебе, купи ей безделушку, —
 Колечко, может быть, другую побрякушку,
 По вкусу своему.

М а с к а р и л ь

Не надо денег мне.

Подарок я куплю. Доверьтесь мне вполне.
 Колечко модное, я знаю, есть в работе;
 Понравится оно — вы деньги мне вернете.

А н с е л ь м

Ну, хорошо. Купи. Но сделай, чтоб она
 Всегда была в меня безумно влюблена.

Я В Л Е Н И Е Ш Е С Т О Е

Лелий, Ансельм, Маскариль

Л е л и й [*подымая кошелек*]

Чей кошелек?

А н с е л ь м

Ах, ах! Случайность-то какая!

Я обронил его, того не замечая.
 Я ваш должник, сударь. Ведь вы одной рукой
 Вернули деньги мне и сберегли покой.
 Снесу его домой и хорошенько спрячу.

(*Уходит*)

М а с к а р и л ь

Ой! Умираю! Ой! Вот это так удача!

Л е л и й

Да! Не случись здесь я, он был бы без гроша.

М а с к а р и л ь

Какой успех, сударь! Догадка хороша!
Да и находчивость блестяща в самом деле!
Еще усилие, и мы уже у цели!

Л е л и й

Но что, что сделал я?

М а с к а р и л ь

Сваляли дурака,
И выразиться я хочу напрямика:
В безденежье отец молодчика содержит,
Соперник злой его в тревожной спешке держит,
Когда же я на риск позора своего
Попытку делаю, чтоб выручить его...

Л е л и й

Как? Значит...

М а с к а р и л ь

Да, палач, я деньги взял в заботе
О вашей пленнице, — а вы их отдаёте.

Л е л и й

Ну, если так, ты прав. Но как я мог узнать?

М а с к а р и л ь

Такие тонкости! Ну, где вам их понять?

Л е л и й

Хоть знак какой-нибудь ты мог бы сделать мне.

М а с к а р и л ь

Я должен был иметь два глаза на спине,
Клянусь Юпитером! Довольно. Помолчите,

И глупости болтать, прошу вас, прекратите.
Ведь после этого, будь здесь другой, не я,
Он вас покинул бы. Но в мыслях у меня
Есть штука славная. Я за нее примусь,
Но только если вы...

Лелий

Нет. Я теперь клянусь
Не помешать тебе ни словом, ни движеньем.

Маскариль

Вы сердите меня одним лишь появленьем.

Лелий

Смотри же, торопись, чтоб кто-нибудь до нас...

Маскариль

Попробую еще один разок для вас.

(Уходит Лелий)

Здесь тонкая игра: начнем же осторожно,
И выиграть ее, я думаю, возможно.
Попробуем. Ага! Вот Лелия отец.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Пандольф, Маскариль

Пандольф

Эй, Маскариль!

Маскариль

Я здесь.

Пандольф

Скажу вам, наконец, —

На сына я сердит.

Маскариль

И вы, конечно, правы!
Кого не рассердят его шальные нравы!
И поведение ужасное его
Исчерпало запас терпенья моего..

Пандольф

А я ведь полагал, что вы во всем с ним вместе
И заодно.

Маскариль

Я? Нет! Клянусь моею честью,
Неоднократно я его предупреждал
И про сыновний долг ему напоминал.
Вот только что его я поучал открыто,
Что зря противится он браку с Ипполитой,
Что, отклоняя брак, он оскорбляет вас, —
Мы из-за этого поссорились как раз.

Пандольф

Поссорились?

Маскариль

Да, да. Поссорились ужасно.

Пандольф

А я-то полагал, что вы во всем согласны,
Что вы во всем ему опора и совет.

Маскариль

О, как несправедлив подчас бывает свет!
Невинность в нем всегда угнетена бывает,
И ваше мнение лишь это подтверждает.
Я Лелию слуга, но прямо вам скажу,
Что я наставником всегда ему служу,
Не хуже вас самих твержу ему усердно,
Что образумиться пора ему всемерно.
«Ах, господи, прости, — я говорю ему, —

Вы слишком ветрены по нраву своему.
Исправиться пора. Вам небо посылает
Отца, которого все люди уважают.
Не огорчать его, а жить, как ваш отец, —
Вот добродетели почтенной образец».

П а н д о л ь ф

Речь правильна твоя. А он что отвечает?

М а с к а р и л ь

Что отвечает он? Он песни распевает.
Конечно, сердце в нем порочно не до дна,
В нем добродетели есть ваши семена.
Его действует теперь он вовсе без сознанья, —
И если б я посмел вам сделать указанья,
Его могли бы вы смирить в кратчайший срок.

П а н д о л ь ф

Скажи...

М а с к а р и л ь

Здесь есть секрет, и я давал зарок,
Что сохраню его. Но вверясь вашей чести,
Сей роковой секрет открою вам на месте.

П а н д о л ь ф

И дело.

М а с к а р и л ь

Знайте же, что Лелий ваш влюблен.
Простой невольницей он страстно увлечен.

П а н д о л ь ф

Я слышал про нее, но тронут я, не скрою,
Что в точности теперь осведомлен тобою.

М а с к а р и л ь

Вы видите, что я в доверье у него.

П а н д о л ь ф

Доволен я тобой.

М а с к а р и л ь

Однако, для того,

Чтоб, к долгу возвратясь, послушным стал он снова,
Вам надобно... (Боюсь промолвить это слово:

Узнай он здесь меня — и я уже мертвец!)

Так вот, я говорю, чтоб положить конец

Его строптивости, — невольницу купите

И в дальние края тихонько отошлите.

С Ансельмом Трюфальден имел дела не раз.

Пускай Ансельм пойдет купить ее для вас,

И, если вы ее согласны мне доверить,

Я подыщу купца, и смею вас уверить,

Мы ваши денежки немедленно вернем

И Лелию на зло красотку уберем.

Ведь если вы на брак склонить хотите сына,

Пусть будет вырвана любви его причина.

Предвидеть надобно, что ежели он сам

Ярмо супружества возьмет в угоду вам,

Сей роковой предмет в любое время может

Вновь возбудить в нем страсть и свадьбу потревожить!

П а н д о л ь ф

Вот правильный совет. Одобрил я его.

С Ансельмом сговорюсь. Потрачусь, ничего!

Скорей приобрету создание роковое

И передам тебе. Ты справишь остальное.

(Уходит)

М а с к а р и л ь

Отправлюсь к Лелию предупредить его.

Итак, да здравствуют и плут и плутовство!

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Ипполита, Маскариль

Ипполита

Предатель! Значит, так ты обо мне хлопочешь?
 Теперь я поняла, что ты проделать хочешь.
 Я все здесь слышала и знаю наконец:
 Меня морочил ты, обманщик и подлец!
 Ты обещался мне, — могла ль я сомневаться? —
 Леандра и меня соединить стараться;
 Уловки, хитрости употребить вдвойне,
 Чтоб Лелия в мужья не навязали мне;
 Избавить от него, отцовский план расстрою;
 А ты, наоборот, здесь мастеришь другое.
 Но берегись, смотри! Я знаю, как мне быть.
 Покупку тайную беру предотвратить;
 Иду сейчас же я...

Маскариль

В вас больно много пыла!

Сердитая, скажу, вас муха укусила,
 И вы, не думая, кто виноват, кто прав,
 Излили на меня свой бесноватый нрав.
 Ну, что ж, я отстранюсь. Чем слушать оскорбленья,
 Я дам вам действовать на ваше разуменье.

Ипполита

Не думаешь ли ты ввести меня в обман
 И отрицать, что я услышала твой план?

Маскариль

Я — отрицать? О, нет! Здесь нужно пониманье.
 Ведь это же для вас я проявлял старанье,
 Ведь хитрый мой совет, невинный на словах,
 Обоих стариков оставит в дураках.
 Как только Селию от них заполучу я,

То Лелию ее немедленно вручу я.
 Когда же он ее в свою получит власть,
 Усилятся вдвойне любовь его и страсть,
 И ваш отец, Ансельм, разочаруясь в зяте,
 Леандра выберет и вам отдаст в объятия.

Ипполита

Как, значит, этот план, что так меня потряс,
 Придуман для меня, мой Маскариль?

Маскариль

Для вас.

Но раз вы моего не оценили рвенья,
 И раз переносить мне надо оскорбленья,
 И раз в награду мне я слышу под конец,
 Что я-де низкий плут, обманщик и подлец,
 Свои ошибки я готов признать отныне —
 И план задуманный разрушу посредине.

Ипполита *(останавливая его)*

О, я прошу тебя, не будь ко мне суров!
 Прости мне вспыльчивость и резкость первых слов.

Маскариль

Нет! Не мешайте мне! Имею я возможность
 Исправить во-время свою неосторожность.
 Не будете пенять на преданность мою:
 Возьмите Лелия, я вам его даю.

Ипполита

Мой добрый Маскариль, не надо так сердиться,
 Ты оказался прав, должна я извиниться.

[Вытаскивает кошелек]

Загладить я хочу поступок скверный мой.
 Не можешь ты вконец поспориться со мной!

М а с к а р и л ь

К несчастью, не могу, хоть и желал ужасно.
 Но ваша вспыльчивость, скажу я, вам опасна,
 И сердцу гордому всего труднее снести,
 Когда намеренно его заденут честь.

И п п о л и т а

Ты прав, за тяжкие такие оскорбленья
 Возьми два золотых на чести исцеленье.

М а с к а р и л ь

Ну, ладно, так и быть. Хоть я и щекотлив,
 Но гнева моего смягчается порыв.
 Обиды от друзей мы терпим и терпели.

И п п о л и т а

Но приведешь ли ты меня к желанной цели?
 Уверен ли ты сам, что этот смелый ход
 Любви моей придаст успешный поворот?

М а с к а р и л ь

Вам беспокоиться, ей-богу, нет причины,
 Есть у меня всегда запасные пружины,
 И, если тактика моя не подойдет,
 Другую мы найдем и пустим в оборот.

И п п о л и т а

Так помни же, что я благодарить умею.

М а с к а р и л ь

Я интереса здесь к наживе не имею.

И п п о л и т а

Я вижу Лелия, и он тебя зовет.
 Прощай и не забудь, что Ипполита ждет.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Маскариль, Лелий

Лелий

Кой чорт ты здесь торчишь! Ты обещал мне чудо, —
Одну медлительность я нахожу покуда,
И, если б не моя счастливая звезда,
Я потерял бы все, и даже навсегда.
Лишился бы на век любви и наслаждений
И стал бы жертвою безумных сожалений!
Короче говоря, не встань я поперек,
Мою невольницу Ансельм похитить мог.
Он вел ее к себе. Но я отбил атаку,
И старый Трюфальден, боясь ввязаться в драку,
Взял Селию назад.

Маскариль

Троих в один присест!
Дойдем до десяти, тогда поставим крест.
Ведь это же для вас, о сумасброд отпетый,
Он Селию купил по моему совету
И должен был ее мне в руки передать.
Но ваш чертовский пыл расстроил все опять.
Нет! Больше вам служить я никогда не буду.
Пусть лучше превращусь в кухонную посуду,
В кочан капусты, в жбан, в свинью или в шандал,
Идите к дьяволу, и чтоб вас чорт забрал.

[Уходит]

Лелий

Сведу-ка я скорей в трактир его особу,
Пусть на бутылках там он вымещает злобу.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Маскариль и Лелий

М а с к а р и л ь

Желанью вашему невольно уступаю,
От данных мною клятв я снова отступаю,
И хоть ваш интерес блюсти уж не хотел,
На новый риск иду я ради ваших дел.
Уступчив я, скажу: когда б мадам природе
В угоду Маскариль был создан в женском роде, —
Что это было бы — вы можете судить.
Однакоже не след отсюда выводить,
Что можно в мой проект исподтишка вмешаться
Иль раньше времени непрошено соваться.
Перед Ансельмом вас, пожалуй, извиним,
Политику вести еще придется с ним.
Но если вы опять прорветесь хоть отчасти,
Прощай мои труды в усладу вашей страсти.

Л е л и й

Нет, я остерегусь, клянусь тебе, поверь,
Увидишь от меня...

М а с к а р и л ь

Запомните теперь,

Уловка у меня задумана такая:
 Отец ваш умереть ленится, невзирая
 На то, что смерть его приятна вам в делах;
 Ну, я убил его (понятно, на словах):
 Я слух распространил, что паралич

мгновенный

Разбил несчастного и взял из жизни брэнной;
 Но предварительно я сам устроил так,
 Что в загородный дом отправился добряк.
 Он был оповещен (через мои заботы),
 Что на строительстве, там, где идут работы
 И где пока еще фундаменты мостят,
 Его рабочие нашли внезапно клад.
 Он бросился туда; а так как он с собою
 Всю дворню уволок, и нас здесь только двое,
 Он в представлении сегодня мной убит,
 И призрак в саване здесь за него лежит.
 Я все вам рассказал и вас прошу особо —
 Играйте вашу роль; что до моей особы,
 Ну, если в чем-нибудь я попадусь впросак,
 Вы можете сказать, что я простой дурак.

[Уходит]

Л е л и й

По правде, ум его престранным направленьем
 Ведет мою любовь к желанным наслажденьям.
 Но если кто-нибудь подобно мне влюблен,
 Для счастья своего на все согласен он.
 И если страсть порой рождает преступленья,
 Пусть хитрости она послужит в извиненье,
 Которую теперь одобрить должен я
 Затем, что от нее зависит жизнь моя.
 О небо! Вот они уже за разговором;
 Так подготовимся хорошим быть актером!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Маскариль, Ансельм

Маскариль

Я чувствую, что вас сразила эта весть.

Ансельм

Так сразу умереть!

Маскариль

Его вина здесь есть:

Я сам корю его за спешку в этом деле.

Ансельм

Как! Сразу умереть, не поболев с неделю!

Маскариль

Кто из людей еще так спешно умирает!

Ансельм

Что с Лелием?

Маскариль

Увы! В отчаянье он впал.

Колотит в грудь себя и рвется что есть силы,
За папенькой своим он хочет лечь в могилу.И вот, в конце концов, чтоб скорбь его смирить,
Распорядился я покойника зашить.Ведь, глядя на него, мой Лелий терпит муки —
И как бы на себя не наложил он руки!

Ансельм

Тебе бы надобно до ночи подождать.

К тому ж и я его хотел бы повидать.

Опасность кроется в столь раннем погребенье, —
Иной по виду мертв, а это заблужденье.

М а с к а р и л ь

Он умер полностью, гарантию даю.
 Однако, я скажу, продолжив речь мою,
 Что Лелий, — в этом он находит утешенье, —
 Решил роскошное устроить погребенье;
 Желает усладить он долю мертвеца
 И блеском похорон порадовать отца.
 Наследует он все, но, опыта лишенный,
 Он в денежных делах — юнец неискушенный.
 Ведь часть его добра лежит в чужих краях,
 Другая часть его в бумагах, в векселях.
 И вот поэтому он просит вас покорно
 Простить, что давеча он вел себя так вздорно,
 И на сыновний долг дать временный заем.

А н с е л ь м

Да, да, ты говорил. Пойдем к нему, пойдем.

[Уходит]

М а с к а р и л ь

Ну, дело на мази. Не плохо для начала,
 Но чтоб дальнейшее успеху отвечало
 И чтобы не застрял кораблик на мели,
 Поглядывай вперед и правильно рули.

Я В Л Е Н И Е Т Р Е Т ь Е

Лелий, Ансельм, Маскариль

А н с е л ь м

Пойдем. Я не могу смотреть без сожаленья,
 Как запеленут он в столь странном положенье.
 Погиб в короткий срок! А утром был живой!

М а с к а р и л ь

Порой в короткий срок проходят путь большой!

Лелий *[рыдая]*

Ах!

Ансельм

Полно, милый мой. Ведь смерть неотвратима:
Ей индульгенции не предъявить из Рима.

Лелий

Ах!

Ансельм

Неожиданно она разит живых
И злые умыслы готовит против них.

Лелий

Ах!

Ансельм

У сей бестии ни за какие просьбы
Кусок из пасти взять назад не удалось бы.
Мы все подвластны ей...

Лелий

Ах!

Маскариль

Тщетна эта речь:
Закоренела скорбь. Ее нельзя извлечь.

Ансельм

Ну, если доводы не могут вас уверить,
Старайтесь, Лелий мой; рыдания умерить.

Лелий

Ах!

М а с к а р и л ь

Не умерит он! Нрав у него такой.

А н с е л ь м

К тому ж, поговорив с означенным слугой,
Я деньги вам принес согласно просьбе вашей,
Чтоб похороны вы устроили папаше. . .

Л е л и й

Ах! Ах!

М а с к а р и л ь

Как скорбь его растет от этих слов!
От этой мысли он в могилу лечь готов.

А н с е л ь м

Удостовериться вы можете из книг,
Что в большей сумме я ваш остаюсь должник,
Но если б даже я и вовсе не был им,
Прошу располагать имуществом моим —
Я вам готов служить, пусть это все узнают.

Л е л и й *(уходя)*

Ах!

М а с к а р и л ь

Как мой господин томится и рыдает!

А н с е л ь м

Скажи-ка, Маскариль, мне кажется, как раз
Расписочку бы взять у Лелия сейчас.

М а с к а р и л ь

Ах!

А н с е л ь м

Ведь на свете все превратностями дышит.

Маскариль

Ах!

Ансельм

Пусть сейчас же он расписочку подпишет.

Маскариль

Не может он сейчас вас удовлетворить!
Он успокоится. Но надо погодить!
Когда его печаль пойдет на облегченье,
Я сам возьму с него все удостоверенья.
Прощайте же теперь. Меня грызет тоска,
Отправлюсь к Лелию поплакать с ним пока.
Ах!

[Уходит]

Ансельм

В этом мире все — единая превратность,
И каждый день тебе приносит неприятность,
И никогда. . .

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Пандольф, Ансельм

Ансельм

Ай, ай! Меня берет озноб!
Уж начал лик его от смерти истощаться!
Я умоляю вас, не надо приближаться.
Меня мутит всегда при виде мертвецов.

Пандольф

Что вызвало поток столь непонятных слов?

Ансельм

Скажите издали, зачем вы появились?
 О, если оттого, что мы не распростились,
 Я уверяю вас, вы взяли лишний труд,
 Без церемонии мы обойдемся тут.
 А если в муках вы и ждете поминанья,
 К чему меня пугать? Даю вам обещанье,
 Клянусь, как человек, узнавший в жизни страх,
 Что досыта о вас намолятся в церквах.

Уйдите ж, я вас умоляю,
 И пусть благие небеса
 Усопшие вам телеса
 Исполнят радостями рая!

Пандольф *[смеясь]*

Хоть и досадую, не в силах я сдержаться!

Ансельм

Покойник вы уже, а можете смеяться!

Пандольф

Безумье иль игра, скажите, что такое —
 Покойником считать лицо вполне живое?

Ансельм

Увы, вы умерли! Я мертвым вас видал.

Пандольф

Ужель скончался я и сам того не знал?

Ансельм

Как только Маскариль мне эту весть поведал,
 Я горесть страшную всем существом изведal. . .

Пандольф

Да что вы бредите? Иль спите наяву?
 Вы знаете меня . .

Ансельм

Одеты вы в канву

Небесных легких тел и с вашим телом сходны,
 Но с каждым мигом вы меняетесь свободно,
 И я боюсь, что вы, весь искажаясь лицом,
 Вдруг станете расти и вспухнете, как дом.
 Не изменяйтесь так, прошу вас ради бога:
 Напуган слишком я и натерпелся много.

Пандольф

В другие времена такая простота
 И легковерия такого пустота
 Меня бы развлекли, и вашей речи, право,
 Не прерывал бы я для собственной забавы.
 Но слух про смерть мою и этот мнимый клад,
 Который тщетно я искал весь день подряд,
 Родят в моей душе огонь сомнений злейших:
 Ведь Маскариль-то плут, и из плутов первейших.
 Ни совесть на него не действует; ни страх;
 На злые каверзы способен он в делах.

Ансельм

Как! Это был обман? Одно злоумышление?
 О голова моя, в каком ты положенье?
 Потрогаем его. Он самый, это так.
 Чума меня возьми! попался как дурак!
 На этот счет, Пандольф, прошу у вас секрета.
 Ведь засмеют меня. Позорно будет это.
 О, помогите мне обратно раздобыть
 Те деньги, что я дал, чтоб вас похоронить.

Пандольф

Вы дали денежки! Так вот в чем объяснение,
 Загвоздка тайная и узел преткновенья!
 Убыток ваш! А я не погляжу на вас,
 На Маскариля я пожалуюсь сейчас.

В суд на него подам, ни много и ни мало,
Его повешу я во что бы то ни стало.

Ансельм

А я-то, простачок, доверился лгуну.
Ужели потерял и разум и мошну?
И это поделом! Хоть голова седеа,
А делать глупости я быстро поспеваю,
И не поразглядев, серьезно или нет...
Вот кстати Лелий...

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Лелий, Ансельм

Лелий

Ну, имея сей билет,
Я к Трюфальдену в дом могу теперь явиться.

Ансельм

Вы с горем, кажется, успели распроститься?

Лелий

Не говорите так! Я не расстанусь с ним!
Оно всем существом питается моим.

Ансельм

Вернулся я назад, чтоб сделать вам признание,
Ошибка вышла тут без моего желанья.
Я деньги вам давал. Мне кажется, среди них
Попалось несколько фальшивых золотых.
Я на хорошие сменяю их моментально.
Подделыватели так сделались нахальны,
И государство так подделками полно,
Что все, буквально все, подозревать должно.
Повесить бы их всех без всякого зазренья!

Л е л и й

Я благодарен вам за это предложение,
Но фальши, кажется, не замечаю в них.

А н с е л ь м

Я сам уж разберусь, лишь дайте, дайте их.

[Лелий отдает ему деньги]

Так. Это все?

Л е л и й

Да, все.

А н с е л ь м

Беру их. Как приятно!

Ну, денешки мои, скорей в карман обратно.

А вы, презренный плут, остались не при чем.

Отца в покойники произвели живьем!

Что сделали бы вы из будущего тества?

Ну, и зятяка себе я выбрал на бесчестье!

Зятючек, говорю, попался хоть куда!

На вашем месте я сгорел бы со стыда.

(Уходит)

Л е л и й

Не скажешь ничего. Сюрприз необычайный.

Как это мог Ансельм пронюхать наши тайны?

Я В Л Е Н И Е Ш Е С Т О Е

М а с к а р и л ь, Л е л и й

М а с к а р и л ь

Вы все уходите! Ищи повсюду вас.

Ага! Что скажете? Победа на сей раз.

Любого жулика шесть раз переплутую.

Давайте денежки. Я Селию сторгую.
От удивления Леандр разинет рот.

Лелий

Мой бедный Маскариль! Внезапный поворот.
Превратности судьбы кто может знать заране?

Маскариль

Как? Вновь беда?

Лелий

Ансельм, проведав об обмане,
Все деньги взял назад, что раньше дал в кредит,
Сказав, что в них-де фальшь, что он-де их сменит.

Маскариль

Вы шутите?

Лелий

Увы! Не может быть сомненья.

Маскариль

И это все всерьез?

Лелий

Я, право, в огорченье.
Я чувствую, что ты рассердишься опять.

Маскариль

Я, сударь? Что вы? Нет! Не здорово сердчать,
Поберегу себя. Мне все равно отныне,
Свободна Селия или еще рабыня,
Купил ее Леандр или не купил ее,
Мне безразлично все, здесь дело не мое.

Лелий

Не проявляй ко мне такое безразличье.
Ошибки небольшой я признаю наличье.

Но не случись беды, — ты это сам признал, —
 Кончину мнимую я хорошо играл.
 И скорбь моя была так явно погребальной,
 Что глазу всякому казалась натуральной.

М а с к а р и л ь

Поистине скажу, вам есть что показать!

Л е л и й

Провинности свои согласен я признать.
 Но если для тебя хоть что-нибудь я значу,
 Ты должен мне помочь исправить неудачу.

М а с к а р и л ь

Нет, нет, благодарю. По горло занят я.

Л е л и й

Мой Маскариль, сынок!

М а с к а р и л ь

Нет.

Л е л и й

Только для меня!

М а с к а р и л ь

Нет, нет, не стану я.

Л е л и й

Просить тебя бесплодно?

Ну, я себя убью.

М а с к а р и л ь

Что ж, это как угодно.

Л е л и й

Тебя мне не смягчить?

Маскариль

Нет!

Лелий

Видишь лезвие?

Маскариль

Да.

Лелий

В грудь его воткну.

Маскариль

Здесь дело не мое!

Лелий

Тебе не будет жаль лишить меня дыханья?

Маскариль

Нет.

Лелий

Маскариль, прощай!

Маскариль

Прощайте, до свиданья!

Лелий

Как?

Маскариль

Заколите же. К чему весь этот шум?

Лелий

Клянусь, что ты не прочь присвоить мой костюм
И хочешь, чтобы я покончил сам с собою.

М а с к а р и л ь

Ну, разве я не знал, что это напускное,
Что клятвы разные легко произносить,
Но нынче редко кто решит себя убить?

Я В Л Е Н И Е С Е Д ь М О Е

Леандр, Трюфальден, Лелий, Маскариль

Л е л и й

Что вижу я? Леандр — и с Трюфальденом вместе!
Он купит Селию. Сейчас умру на месте!

М а с к а р и л ь

Желаемое взять, конечно, хочет он,
А коли деньги есть, желание — закон.
Что до меня, я рад. А вам — вознаграждение
За ваши выходки, за ваше нетерпенье.

Л е л и й

Как быть? Дай мне совет! Пожалуйста, молю.

М а с к а р и л ь

Не знаю.

Л е л и й

Уходи, я в ссору с ним вступлю.

М а с к а р и л ь

А что получится?

Л е л и й

Что делать мне, не знаю,
Чтоб помешать ему...

М а с к а р и л ь

Ну, так и быть, прощаю,
И милостивый взгляд на вас я обращаю.
Присмотримся к нему. Я способа ищю,
Чтоб деликатненько узнать его затей.

Т р ю ф а л ь д е н *[выходя из дому, к Леандру]*

Так, дело сделано. Пускай придут скорее.

М а с к а р и л ь *[уходя]*

Поддеть его хочу и в этом стать
Его поверенным, чтоб лучше помешать.

Л е а н д р

О, слава небесам! Опасность миновала.
Я счастье укрепил и не боюсь нимало.
И что бы Лелию на мысли ни взбрело,
Не в состоянии он причинить мне зло.

М а с к а р и л ь *(возвращаясь)*

Ай! Помогите! Ай! На помощь! Кровоопийца!
Ай! Ай! Ай! Ай! Палач! Не человек, убийца!

Л е а н д р

Что сделали тебе? В чем дело? Кто и что?

М а с к а р и л ь

Мне палок двести штук вкатили только что.

Л е а н д р

Кто?

М а с к а р и л ь

Лелий.

Л е а н д р

А за что?

М а с к а р и л ь

По поводу пустому,
Поколотил меня и выгнал вон из дому.

Л е а н д р

Конечно, он не прав.

М а с к а р и л ь

О, видит бог, клянусь,
Я отомщу тебе, с тобой я разочтусь!
Ты у меня, драчун, узнаешь, что такое
Ни за что, ни про что всем наносить побои!
Ведь я хоть и лакей, но не бесчестен, нет,
И, продержав меня на службе столько лет,
В уплату ты не смел хвататься за дубину
И делать мне афронт, мою затронув спину.
Да, да, я говорю, с тобой расправлюсь я.
В рабыню ты влюблен, и ты просил меня,
Чтоб я тебе помог, но я ее нарочно,
Пусть чорт меня возьмет, отдам другому срочно!

Л е а н д р

Послушай, Маскариль, и не волнуйся зря,
Ты мне понравился. Давно желаю я
В лакеи для себя заполучить такого
Молодчика, как ты, усердного, прямого,
И если ты не прочь и служба по тебе,
То я немедленно беру тебя к себе.

М а с к а р и л ь

Да, сударь, хорошо. Ведь если угождаю
Я вам, то Лелию я этим досаждаю.
И случай мне теперь представится как раз
Отмстить обидчику и тем уважить вас.
Ну, словом, Селии сумею я добиться...

Леандр

Я все уладил сам. Здесь незачем трудиться.
Бесценный сей предмет меня воспламенил,
И я красавицу за полдены купил.

Маскариль

Как, Селия у вас?

Леандр

Была бы здесь со мною,
Когда б располагал я сам своей судьбою.
Я подчинен отцу. Что ж делать? Он решил
И только что письмом меня оповестил,
Что Гимнеем я был связан с Ипполитой, —
Так раздражать его я не хочу открыто.
И Трюфальдену так сказал нарочно я,
Что я-де Селию купил не для себя
И что мое кольцо — примета, по которой
Он Селию отдаст согласно договору.
Но надобно приют измыслить мне такой,
Чтоб свет очей укрыть от зависти людской,
Убежище иметь такое на примете,
Чтоб там невольницу я мог держать в секрете.

Маскариль

Под самым городом мне хорошо знаком, —
Мой родич в нем живет, — уединенный дом.
Вы можете ее устроить там негласно:
Весьма укромно там и вовсе безопасно.

Леандр

Мне удовольствие, клянусь, доставишь ты.
На, вот, ты сам пойдешь за чудом красоты.
Как только Трюфальден кольцо мое узнает,
Немедленно тебе он Селию вручает.

Ты мне ее в тот дом доставишь в тот же час.
Тсс... Иполита здесь, она услышит нас.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ
Иполита, Леандр, Маскариль

Иполита

Я новость некую вам сообщить имею;
Но будете ли вы, Леандр, довольны ею?

Леандр

Чтоб точный дать ответ и правильно судить,
Необходимо знать.

Иполита

Прошу вас проводить
Меня. Я шла во храм. Поговорим дорогой.

Леандр (*Маскарилью*)

Исполни мой приказ. Без промедленья, трогай.

(*Уходят Иполита и Леандр*)

Маскариль

Ну, я по-своему исполню твой приказ.
Таких счастличиков не встретишь много раз!
Как Лелий будет рад! Манером наилучшим
Его любовницу теперь мы заполучим
И счастье полное возьмем из рук того,
Кто был опаснейшим соперником его.
За подвиг этакий поистине я стою,
Чтоб с лаврами меня писали, как героя,
И подпись сделали под золотой узор:
«Vivat Mascarillus, furbum imperator».

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Трюфальден, Маскариль

Маскариль

Эй, эй!

Трюфальден

Что надо вам?

Маскариль

Колечко это может

Вам рассказать, зачем я вас посмел тревожить.

Трюфальден

Я узнаю кольцо и знаю, чья рука.

Пойду за Селией, побудьте здесь пока.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Гонец, Трюфальден, Маскариль

Гонец

Здесь человек один как будто квартирует?

Трюфальден

Кто?

Гонец

Трюфальденом, что ль, себя он именует.

Трюфальден

А что вам до него? Он перед вами весь.

Гонец

Я лично письмецо ему доставлю здесь.

Трюфальден [*читает*]

«Открыло небо мне, что дочь моя, случайно
Пропавшая, когда ей шел четвертый год,
Была украдена и в вашем доме тайно
Под кличкой Селия в невольницах живет.

О, если чувства вам отцовские знакомы
И кровных уз родства и вам не превозмочь,
Храните дочь мою в стенах родного дома
Так, как хранили бы свою родную дочь.

Я лично к вам за ней явлюсь без промедленья
И вас за хлопоты хочу так наградить,
Что вы прославите счастливое мгновенье,
Когда вы счастье мне сумели возвратить.

Мадрид,

Дон Педро де-Гусман,
Маркиз де-Монтелькан».

Хоть этой нации я мало доверяю,
Но правда, что они, рабыню продавая,
Сказали, что за ней наверное придут
И все затраты мне сторицею вернут.
А я-то, между тем, поддавшись нетерпенью,
Чуть-чуть не упустил свое вознагражденье.

(*Гонцу*)

Мгновение — и вы могли бы опоздать:
Я девушку ему уже хотел отдать.
Но если так — конец. Ее поберегу я.

(*Маскарилю*)

Вы сами слышали. Я весть прочел такую.
Скажите же тому, кто вас ко мне послал,
Что обещание свое я не сдержал.
Пусть деньги он возьмет.

Маскариль

Он не снесет позора,

Который вы ему...

Трюфальден

Ступай без разговора

Маскариль *(один)*

Вот неожиданность! Вот это так щелчок!
Решительно, судьба встает нам поперек.
Испанского гонца не во-время пригнало,
Хоть громом бы его в дороге разорвало!
А все так хорошо по виду началось.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Лелий, Маскариль

[Лелий слезется]

Маскариль

Что вызвало у вас веселие такое?

Лелий

Ой, дай похохотать! Я все тебе открою.

Маскариль

Что ж, похохочемте. Причина кстати ест.

Лелий

Теперь не стану я твои упреки несть.
Не будешь ты кричать, что я тебе мешаю,
Что хитрости твои я что ни шаг срываю.
Я штучку сам сыграл, ну, право, похвалюсь,
Бываю я горяч, бывает, я зарвусь,
Но если я хочу, мое воображенье
Способно действовать другим на удивленье.
Ты сам признаешься, что вряд ли кто-нибудь
Мог в этом случае подобно мне блеснуть.

М а с к а р и л ь

Узнаем действие сего воображенья.

Л е л и й

Увидев давеча, сгорая от волненья,
 Что Трюфальден завел с Леандром разговор,
 Стал думать я о том, как дать врагу отпор.
 И углубясь в себя, стараньем неустанным,
 Я мысль одну зачал и разродился планом,
 И этот план таков, что ты хоть и силен,
 Все хитрости твои загкнет за пояс он.

М а с к а р и л ь

Ну, в чем же этот план?

Л е л и й

Минуточку вниманья.

Вот! Трюфальдену я сам настрочил посланье,
 Как бы от имени вельможи одного,
 Что он-де вдруг узнал, что будто дочь его
 Была украдена и, став добычей плена,
 Под кличкой Селия живет у Трюфальдена,
 Что он-де хочет сам за дочью прибыть,
 Ее вниманием он просит окружить,
 Что из Испании он едет к Трюфальдену
 И что за дочь свою он даст такую цену,
 Что Трюфальдену-де не снилось никак.

М а с к а р и л ь

Отлично.

Л е л и й

Подожди, ведь дальше — самый смак.

Письмо отправлено, пришло по назначенью,
 И, знаешь, Селию в то самое мгновенье
 Какой-то человек уже держал в руках,
 И этот человек остался в дураках.

М а с к а р и л ь

Сам чорт вам пособлял при фокусе подобном.

Л е л и й

Считал ли ты меня на тонкости способным?

Ну, а сейчас уже обязан похвалить.

Как ловко я сумел Леандра отстранить!

М а с к а р и л ь

Нехватит сил моих, чтоб вас хвалить достойно,

Здесь красноречие мое мелко, нестройно.

О, чтобы расхвалить сей подвиг боевой,

Сей ход, придуманный с натугою такой,
Сей редкий вымысел, сей плод воображенья,

Что действует всегда другим на удивленье,

Коснеет мой язык. Хотел бы я изречь

Ученейших мужей изысканную речь,

Чтоб вам сказать в стихах иль в самой лучшей прозе,

Что вам всю жизнь стоять в одной и той же позе,

Что от рождения по самый ваш конец

Вы будете ума превратный образец.

А это значит то, что смысл у вас хромает,

Рассудок набекрень, понятие страдает,

Что вы не человек, а шалый ветрогон,

Что если кличек вам я дал бы миллион, —

Характеристика и то была бы вкратце.

Л е л и й

За что ты на меня стал бешено кидаться?

Что сделал я тебе? Скажи мне, что с тобой?

М а с к а р и л ь

Что? Ровно ничего. Не следуйте за мной.

Л е л и й

Нет, я последую и тайну разужнаю.

М а с к а р и л ь

Придется походить: я вас предупреждаю,
Что будет вам для ног изрядный моцион.

[Уходит]

Л е л и й

Что за несчастье! Меня покинул он!
Я смысл его речей совсем не понимаю
И, в чем моя вина, решительно не знаю.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Маскариль *(один)*

М а с к а р и л ь

О доброта моя, молчите на сей раз,
Вы лишены ума, не буду слушать вас.
А вы, мой грозный гнев, вы правы. Неужели
Мне вечно исправлять то, что напутал Лелий?
Нет мочи вытерпеть! Давно кончать пора!
Опять из-за него проиграна игра!
А впрочем, надобно размыслить без волнения, —
Ведь если я теперь поддамся нетерпенью,
Все скажут: Маскариль от трудностей сбежал,
Он выдохся совсем, исчерпался и сдал.
Я, может быть, тогда утрачу уваженье,
Которое дает общественное мнение,
Признавшее меня отборнейшим плутом
За то, что я еще не пасовал ни в чем.
Послушай, Маскариль, ведь слово «честь» красиво, —
Так пусть в твоих трудах не будет перерыва,
И пусть твой господин тебя порою злит, —
Трудись не для него: ты будешь знаменит.
Увы! Напрасный труд, одно водотолченье, —
Ведь он как чорт мутит во всякое мгновенье.
Он отступить тебя заставит, как всегда, —

И будет весь твой труд как в решете вода,
 И хитростей твоих отличнейшие зданья
 Поток безумия снесет до основанья!
 Ну, что ж! В последний раз! Еще один удар,
 Рискнем на счастье! Употребим свой дар.
 Но если Лелий мой опять мне помешает,
 То Маскариль его содействия лишает.
 По правде говоря, все было б ничего,
 Сумей мы погубить соперника его.
 О, если б сам Леандр устал за мной тянуться
 И замыслам моим дал время развернуться!
 Есть в голове моей один прехитрый ход,
 Он предвещает нам удачнейший исход.
 Леандр мешает мне, и надо безусловно
 Убавить несколько его огонь любовный.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Леандр, Маскариль

Маскариль

Я, сударь, зря ходил; он слово взял назад.

Леандр

Я от него имел подробнейший доклад,
 Но более того, мне сообщили тоже,
 Что кража дочери, послание вельможи
 И будущий приезд испанского отца—
 Все сплошь придумано с начала до конца.
 Все штучки Лелия, все враки для той цели,
 Чтоб Селию купить мы только не успели.

Маскариль

Какие хитрости!

Леандр

Однако Трюфальден

Всей этой басенкой так сильно поражен,
Что, клюнув на крючок и проглотив приманку,
Не хочет даже знать истории изнанку.

Маскариль

Отныне Селию он будет охранять,
И на нее теперь нельзя претендовать.

Леандр

Я привлекательной ее давно считаю,
Теперь же я ее всем сердцем обожаю,
И я готов сейчас для обладанья ею,
Коль скоро не найду еще других путей,
Дав клятву верности, соединиться с нею,
Сменив оковы ей на узы Гименея.

Маскариль

Вы женитесь на ней!

Леандр

Не знаю. Хоть она
Происхождением, быть может, не знатна,
Но добродетелью и грацией прекрасной
Влечет к себе сердца с какой-то силой властной.

Маскариль

Как? Добродетелью?

Леандр

Что ты бормочешь вдруг?
Изволь на этот счет высказываться вслух.

Маскариль

Вы стали, сударь мой, в лице переменяться.
Я лучше помолчу. К чему вам волноваться

Леандр

Нет, говори!

Маскариль

Скажу из чувства доброты:
Хочу освободить я вас от слепоты.
Девица эта...

Леандр

Что?

Маскариль

Не так уж бессердечна:
Она податлива, — наедине, конечно.
И хоть она всегда имеет строгий вид,
Но честь ее, клянусь, далеко не гранит.
Она лишь кажется такою недотрогой,
Но я бы мог о ней порассказать вам много.
Мне несколько знаком по службе ихний полк
И в этой дичи я отлично знаю толк.

Леандр

Что?

Маскариль

Добродетели здесь видимость простая,
Тень добродетели, охрана подставная,
И тает эта тень, как вешняя река,
От золотых лучей любого кошелька.

Леандр

Могу ли слушать я такие речи доле?

Маскариль

О сударь, говорят, что есть свобода воли:
Свободны вы во всем, не слушайте меня,

Женитесь же на ней, сейчас, средь бела дня,
Но только уж потом смотрите в оба глаза —
С общественным добром вы породнитесь сразу!

Леандр

Вот неожиданность!

Маскариль [*про себя*]

А рыбка-то клюет,
Сейчас зацепится. Ну, Маскариль, вперед,
Занозу острую ты вынимаешь разом.

Леандр

Ах, ты меня убил негоданным рассказом!

Маскариль

Ужели вы могли...

Леандр

Довольно, уходи.
Я с почтой жду письма. Так ты за ним зайди.

[*Уходит Маскариль*]

Кто б не поверил ей? Лицо ее красиво,
Но, если он не врет, обманчиво и лживо.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Лелий, Леандр

Лелий

Что огорчает вас? Какой тому предмет?

Леандр

Меня?

Лелий

Да, вас.

Леандр

Ничуть. Таких предметов нет.

Лелий

Причина — Селия. Не трудно догадаться.

Леандр

За малостью такой не стану я гоняться.

Лелий

Вы чувства, кажется, изволили питать,
Но тщетно. И теперь хотите отрицать.

Леандр

Будь я такой глупец, что дорожил бы ею,
Я посмеялся бы над вашей затеей.

Лелий

Затеей? Не пойму.

Леандр

Нам все теперь вдомек.

Лелий

Что именно?

Леандр

Да все. И вдоль, и поперек.

Лелий

Вот гарабарщина! Пустые назиданья!

Леандр

Ну, что ж, притворствуйте в своем непониманье,
Но знайте, — никогда не стану я хитро
Оспаривать у вас подобное добро.
Я красоту люблю, когда в ней нет порока,
А брошенный кусок ценю я невысоко.

Лелий

Погише вы, Леандр.

Леандр

В наивности своей

Ступайте к Селии и угождайте ей.
Вы женские сердца пленяете отлично.
Хоть личико у ней красиво необычно,
Но остальное все успело общим стать.

Лелий

Я вас прошу, Леандр, не надо продолжать.
За Селию на мне обиду вымещайте,
Но на нее, прошу, свой гнев не изливайте,
Клянусь, что не могу я допустить того,
Чтоб кто-нибудь мое порочил божество,
И уверяю вас, мне меньше отвращенья
Внушает ваша страсть, чем ваши оскорбленья.

Леандр

Я это все узнал из очень верных рук.

Лелий

Тот, кто так говорит, — гадюка из гадюк.
На этой девушке нет пятнышка дурного,
Я знаю Селию...

Леандр

А Маскариль иного

Держался мнения. Притом же он знаток.
Он осудил ее.

Лелий

Ого!

Леандр

Он сам!

Лелий

Он мог

Так подло клеветать на чудо благородства
И думает, что я спущу такое скотство?
Ну, он откажется!

Леандр

Откажется? Ничуть!

Лелий

Под палками его заставлю присягнуть,
Что он не распускал столь мерзостного слуха.

Леандр

Отрежу я ему сейчас же оба уха,
Чтоб он ответственность за эти речи нес!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Лелий, Леандр, Маскариль

Лелий

Ага! Да вот и он! Сюда, проклятый пес!

Маскариль

Ну, что?

Лелий

Ну, что, змея, ты жало обнажаешь
И против Селии его ты направляешь?

Ты смеешь задевать подлейшей клеветой
Ту, что унижена, но блещет чистотой?

М а с к а р и л ь [*тихо Лелию*]

Потише, это все — мое изобретенье.

Л е л и й

Не смей подмигивать, брось эти развлечения,
Я глух, я слеп, я нем, я слушать не хочу.
Будь здесь мой брат родной — ему я не спущу.
Кто божество мое порочить нагло станет,
Тот самого меня глубоко в сердце ранит.
Не делай знаков мне! Скажи, что ты напел?

М а с к а р и л ь

К чему нам ссориться? Я лучше бы ушел.

Л е л и й

Ты не уйдешь.

М а с к а р и л ь

Ай-ай!

Л е л и й

Ну, говори скорее.

М а с к а р и л ь

Пустите, я сказал, что здесь моя затея.

Л е л и й

Скорей! Что ты сказал? Я слушаю! Итак?

М а с к а р и л ь [*тихо Лелию*]

Я это и сказал. Не горячитесь так.

Л е л и й [*выхватывая шпагу*]

Тебя заговорить заставлю по-другому.

Леандр

Стоп! Воли не давать безумию такому.

Маскариль [*в сторону*]

Видал ли свет еще такого дурака?

Лелий

Пусти! Я оскорблен. Расправы ждет рука.

Леандр

Как, бить его при мне? Нет, нет, я не позволю.

Лелий

Что? Бить моих людей я не хозяин боле?

Леандр

Здесь ваших нет людей.

Маскариль [*в сторону*]

Он выдаст все опять!

Лелий

Пусть до смерти его я стал бы избивать, —
Ну, что ж? — он мой слуга.

Леандр

Теперь, однако, наш он.

Лелий

Мне это нравится! А почему же ваш он?
Должно быть...

Маскариль [*тихо Лелию*]

Тише... Тсс...

Лелий

Что хочешь ты сказать?

М а с к а р и л ь [*в сторону*]

Ах, изверг! Ах, палач! Не хочет он понять.
Как ни мигай ему, он продолжает злиться.

Л е л и й

Вы грезите, Леандр! Плетете небылицы!
Как? Он мне не слуга?

Л е а н д р

А разве вы его
Не выгнали от вас, бог весть из-за чего?

Л е л и й

Не знаю я о том.

Л е а н д р

И вне себя, с досады
Вы палками его не били без пощады?

Л е л и й

Да что вы? Никогда. Не выгнал и не бил.
Вы шутите, Леандр, иль, может, он шутил.

М а с к а р и л ь [*в сторону*]

Трудись, трудись, дурак, себе на утешенье!

Л е а н д р [*Маскарилю*]

Так, значит, палки те — игра воображенья?

М а с к а р и л ь

Да что он говорит! Он позабыл...

Л е а н д р

Нет! Нет!

Все эти признаки идут тебе во вред,
 Я в новой хитрости тебя подозреваю,
 Но за находчивость на этот раз прощаю.
 Я тешусь, что сумел благодаря ему
 Дать во-время отпор обману твоему,
 Что, честно твоему поверив лицемерью,
 Так дешево плачу я за свое доверье.
 Как в книгах пишется: здесь сноска — примечай!
 Слуга покорный ваш. Ну, Лелий мой, прощай!

М а с к а р и л ь

Вперед, мой сын, смелей! Счастливыми стопами,
 Рапиру наголо! Победа перед нами,
 Играй Олибрия, будь душегубом, будь!

Л е л и й

Он мне сказал, что ты осмелился сболтнуть
 По адресу...

М а с к а р и л ь

А вы? Конечно, без сомненья,
 Вы не смогли стерпеть такое измышление,
 Такой решительный удар его любви:
 Притворство не по вас, у вас огонь в крови!
 К сопернику его в доверье я втираюсь,
 Любовницы его вот вот я добиваюсь, —
 Он подставным письмом меня у цели сбил.
 Соперника его я охлаждаю пыл, —
 Сопернику глаза он открывает смело.
 Пытаюсь знаками ему сказать, в чем дело,
 Ему — заботы нет. Старается, храбрец,
 И, все разоблачив, доволен под конец.
 Вот это действие того воображенья,
 Которое творит другим на удивленье.
 Сколь редкостный предмет! Желательно скорей
 В дар принести его в коронный наш музей.

Лелий

Неудивительно, что я тебе мешаю:
О хитростях твоих я ничего не знаю.
Я сотню промахов наделаю...

Маскариль

Пускай...

Лелий

О замыслах своих меня предупреждай, —
Лишь в этом случае ты вправе рассердиться!
Но ты заранее боишься мне открыться —
И попадаю я от этого впросак.

Маскариль

Вы в фехтовании особенный мастак.
У вас поистине способность боевая
Вступать не во-время и биться, отступая.

Лелий

Что было, то прошло, не будем вспоминать.
Зато теперь Леандр не в силах мне мешать,
А ты поможешь мне, — тебе я доверяю.

Маскариль

Оставим эту речь, есть сторона другая.
Я сдаться не могу так сразу на слова.
Рассержен слишком я. Вы мне должны сперва
Услугу оказать, а там увидим с вами,
Возьмусь ли вашими руководить делами.

Лелий

Услугу, говоришь? О, я всегда готов!
Что надобно тебе? Рука моя иль кровь?

М а с к а р и л ь

Что за видения в мозгу его роятся!
 Да, видно вы из тех любителей подраться,
 Которым легче взять и шпагу обнажить,
 Чем вынуть кошелек и честно заплатить.

Л е л и й

Что сделать для тебя?

М а с к а р и л ь

Так вот задача ваша —
 Утихомирить гнев у вашего папаша.

Л е л и й

Мы заключили мир.

М а с к а р и л ь

Однако, не за нас:
 Его я в гроб загнал сегодня ради вас,
 Напоминания подобные, понятно,
 Для стариков всегда бывают неприятны.
 Они им говорят о близости конца
 И наполняют им унынием сердца.
 А ваш старик хоть стар, а крепко жизни просит
 И шуток на сей счет отнюдь не переносит.
 Он на меня сердит, боится умирать,
 Я слышал, на меня он хочет в суд подать,
 И опасаясь я, что, угодив в темницу,
 Квартирой даровой способен соблазниться,
 И будет не легко мне из нее уйти
 Затем, что на меня найдутся там статьи.
 Ведь в наш проклятый век, — я сам тому свидетель, —
 Немало зависти рождает добродетель.
 Смягчите же его..

Лелий

Да, мы его смягчим,
Но обещайся мне...

Маскариль

Потом поговорим.

[Уходит Лелий]

Клянусь, я отдохну! Минуту передышки!
На время прекратим течение интрижки,
Не будем словно бес трепаться взад, вперед.
Леандр безвреден нам, он не идет в расчет,
И Сеция теперь без всякого сомненья...

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Эргаст, Маскариль

Эргаст

Тебе я оказать желаю одолжение
И сообщу сейчас один большой секрет.

Маскариль

А что?

Эргаст

Поблизости чужих ушей здесь нет?

Маскариль

Нет.

Эргаст

Мы с тобой друзья, ты это понимаешь:
Хозяин твой влюблен, ему ты помогаешь.

Остерегайтесь же: Леандр теперь решил
 Похитить Селию. Осведомлен я был, —
 Все подготовлено. В успехе он уверен,
 С толпою масок он проникнуть в дом намерен,
 Воспользовавшись тем, что к Трюфальдену в дом
 Под маской женщины заходят вечером.

Маскариль

Ах, вот как! Хорошо. Ему гордиться рано!
 Под носом у него я этот кус достану.
 Имею про запас я бесподобный ход, —
 Он в собственный капкан сегодня попадет.
 Еще не оденил моих он дарований.
 Прощай, до скорого, мы выпьем при свиданье!

[Уходит Эраст]

Хочу использовать счастливый оборот,
 Который в руки мне весь этот план дает,
 И неожиданно, пойдя направо, я
 Фортуны попытать, нисколько не рискую.
 Замаскируемся, опередим его, —
 Он сделать против нас не сможет ничего,
 И если Селию мы заберем сналегу,
 Ему останется платить за нас по счету,
 Затем что план его уже почти раскрыт
 И подозрение на нем одном лежит.
 Соперника теперь нам нечего бояться
 И за последствия не надо опасаться.
 Компрометировать себя не стоит зря, —
 Пусть выгребет другой каштаны из огня!
 Замаскируемся, нельзя терять минуты,
 Предупрежу друзей, они лихие плуты,
 Ребята теплые, — с их помощью всегда
 И тряпки и людей добуду без труда.
 Поверьте, в хитростях есть у меня сноровка,
 И за меня горой все воры и воровки.
 Ведь я же не такой отъявленный педант,
 Чтоб в землю зарывать свой основной талант!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Лелий, Эргаст

Лелий

Ага! Он маскарад задумал с похищением?

Эргаст

Да, так оно и есть. С подобным сообщением
Пришел ко мне один из шайки. Зная вас,
За Маскарилем я отправился тотчас.
Он говорит, что сам расстроит это дело
Особой хитростью, придуманной умело.
Но, встретив вас теперь, я все-таки решил
Сказать вам обо всем и вас предупредил.

Лелий

Да, ты мне оказал изрядную услугу,
Тебя за весточку я награжу как друга.
Конечно, Маскариль кой-что изобретет.
Но пособить ему хочу я в свой черед.
Пойми, из-за меня идет вся перепалка, —
Так пусть не говорят, что я стою как палка;
Уж поздно. Удивит, пожалуй, мой приход:
Лишь аркебузы мне теперь недостает.
Что ж! Пусть осмелятся, любого искромсаю;
Два пистолета здесь и шпага неплохая!
Эй! Эй! На пару слов!

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Трюфальден, Лелий

Трюфальден

Кто там еще теперь?

Лелий

Сегодня вечером закройте вашу дверь.

Трюфальден

Зачем?

Лелий

Затем, что вам сыграют серенаду
Переодетые, под видом маскарада,
Чтоб вашу Селию украсть.

Трюфальден

О, боже мой!

Лелий

Они немедленно к вам явятся домой,
Постойте у окна и посмотрите сами.
Ага! Что я сказал? Они уж перед вами.
Ну, я молодчиков позорно осрамлю.
Теперь пойдет игра, я вас повеселю.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Лелий, Трюфальден, Маскариль *(в маске)*

Трюфальден

Перехитрить меня бродяги замыслили!

Лелий

Эй, маски, вы куда? Дознаться мне нельзя ли?
Откройте, Трюфальден, сыграйте с ней разок.
О, как она мила, какой у ней глазок!
Вы недовольны! Ах! Не смея вас обидеть,
Нельзя ли маску снять и ближе вас увидеть?

Трюфальден

Пройдохи, жулики, вон, говорю вам, вон!
А вам, о мой синьор, спасибо. Добрый сон!

Лелий *(снимает маску с Маскариля)*

Как, это Маскариль?

Маскариль

Вы обознались, ясно!

Лелий

Вот неожиданность! Мне не везет ужасно!
Как мог я угадать, не быв предупрежден,
С каким намереньем рядиться вздумал он?
Не зная, чье лицо под маскою скрывалось,
Нечаянно тебе я вновь устроил шалость!
И на себя теперь я так уже сердит,
Чтоб сам собой теперь хотел бы быть избит.

Маскариль

Прощай, высокий ум, игра воображенья!

Лелий

Ведь если ты меня покинешь без зазренья,
Кто, кто поможет мне?

Маскариль

Все дьяволы в аду!

Лелий

Ужели жалости в тебе я не найду?
В последний раз, прошу, уважь мои моления,
И если надобно, чтоб встал я на колени,
Смотри...

Маскариль

Тра-та-та-та! Ребята, по домам!
Здесь кто-то следует за нами по пятам.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Леандр, его сообщники [*в масках*], Трюфальден [*в окне*]

Леандр

Потише! Надо все устроить без огласки.

Трюфальден

Ужель всю ночь подряд стучаться будут маски?
Синьоры, у меня вас только насморк ждет;
Кому он надобен, останьтесь у ворот.
Немного запоздать пришлось вам с посещеньем,
И Селия меня прислала с извиненьем:
Красавица уж спит, не может вас принять.
Я крайне огорчен, но чтобы вас занять
И чтоб тревожиться вы перестали сами,
Она послала вам свой пузырек с духами.

Леандр

Фу! Этакая вонь! Испакощен я весь.
Мы обнаружены, бежим, — дорога здесь!

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Лелий [*одетый армянином*], Маскариль

Маскариль

Ну, вы наряжены в забавную одежду.

Лелий

Ты воскресил во мне погибшую надежду.

Маскариль

Да, гнева моего недолго я держусь:
Как ни ругаюсь я, потом опять сдаюсь.

Лелий

Так знай, что если я еще разбогатею,
Признательность свою я показать сумею,
И хлеба черствого последний мой кусок...

Маскариль

Довольно! Думайте теперь про свой урок.
И, если выйдет так, что вы опять сплошали,
Не говорите мне, что, дескать, вы не знали:
Должны вы вашу роль запомнить на зубок.

Лелий

Но как же Триюфальден тебе поверить мог?

Маскариль

Я обошел его своим притворным рвением,
Поведал я ему с услужливым волнением,
Чтоб он был на-чеку, что-де против него
Готовится поход, что Селию его
Похитить вздумали, и что в письме подложном
Его морочили ее рождением ложным,
Что и меня вовлечь хотели в интерес,
Что отказался я от дела наотрез,
И, чувствуя к нему симпатию большую,
Его предупредить решил я начистую.
О добродетели затем повел я речь,
Что трудно от плутов себя нам уберечь,
Что подлостью людской и светом я наскучил,
Что мыслью о душе давно себя измучил,
И так хочу в труде дожить свой бранный век,
Чтоб мной руководил достойный человек;
Что у меня теперь другого нет желанья,
Как вместе с ним прожить конец существованья,
Что я им восхищен буквально до того,
Что даром я служить согласен у него,
И что его рукам я вверю без заботы
Наследие отца и плод моей работы;
А в случае господь вдруг отзовет меня,
В наследство все добро ему оставлю я.
Столь верным способом войдя в расположение,
Я стал обдумывать интриги продолженье, —
Как Селию и вас под кров один свести,
Чтоб с нею сообща кой-что изобрести.
Вот тут-то сам старик мне подал мысль благою:
Я с полной гласностью вас к ней приквартирую.
Про сына мертвого ему приснился сон,
Что будто заживо-де возвратился он.
И вот истории простое изложение, —
На ней построил я свое хитросплетенье.

Лелий

Довольно! Дважды я прослушал твой рассказ.

Маскариль

Хотя бы трижды я заставил слушать вас,
Не исключить, увы, печальную возможность,
Что ваш высокий ум вдруг сделает оплошность.

Лелий

Уже терпенья нет, а мы все ждем да ждем!

Маскариль

Чтоб не споткнуться нам, тихонечко пойдем:
Ведь голова у вас немного затвердела,
Запомнить надо вам подробно это дело.
Вот: был наш Трюфальден в Неаполе рожден, —
Тогда Занобио Руберти звался он.
Во время одного народного смятенья
Он некой партией был взят на подозренье
И, хоть и не похож на взломщика основ,
Был ночью принужден покинуть дом и кров.
А маленькая дочь с женой его остались
Одни в Неаполе и вскоре там скончались.
Весть эту получив, тоскуя глубоко,
Решенье принял он уехать далеко
И увезти с собой фамильную опору,
Сынишку своего Горація, который
В ученье с ранних лет в Болонью послан был
И где учитель им Альберт руководил.
В Болонью пишет он, назначив им свиданье.
Два года протекли в бесплодном ожиданье,
Но под конец, решив, что смерть досталась им,
Он поселился здесь под именем чужим,
И вот двенадцать лет живет на этом месте,
От сына своего не получая вести.
Вот вкратце весь рассказ, — я повторил его

Затем, что исходить мы будем из него.
Так вот, вы — армянин и человек торговый,
Вы с ними встретились, они вполне здоровы.
То было в Турции. Турецкая страна
Для воскрешения прекрасно создана.
Мы слышали не раз, конечно, уж недаром,
Что некий человек, похищенный корсаром,
Был продан в Турцию; его исчез и след,
А он нашелся вновь через пятнадцать лет.
Нас потчевали всех рассказами такими, —
К чему же мудрствовать, воспользуемся ими.
Ну, вы их встретили, в неволе их нашли
И выкупиться им из плена помогли.
Но не дождавшись их, чтобы уехать вместе,
Тому Горацию вы дали слово чести
Найти его отца и у него прожить,
Пока Альберт и он успеют к нам прибыть.
Ну, я вам преподаю теперь все объясненья.

Л е л и й

Излишни, я сказал, такие повторенья:
Рассудок мой давно сообразил и так.

М а с к а р и л ь

Ну, значит, я начну. За мною первый шаг.

Л е л и й

Послушай, Маскариль, а если будет нужно,
Чтоб сына этого я описал наружно?

М а с к а р и л ь

Какие трудности! Вам забывать не след,
Что сына не видал он с самых детских лет,
Года, тяжелый плен и жизни тревоженья
В наружности творят большие измененья.

Лелий

Ты прав. А если вдруг признает он меня,
Что делать мне тогда?

Маскариль

Пустая болтовня!
Я вам уже сказал, напрасны опасенья:
Ведь он же видел вас короткое мгновенье
И снова опознать не сможет никогда —
Меняют облик ваш костюм и борода.

Лелий

Да, кстати. В Турции? А где? Места какие?

Маскариль

Скажите — в Турции или просто в Берберии.

Лелий

Как-бишь тот городок, где мог я повстречать...

Маскариль

Тунис! До вечера я буду здесь торчать.
А подгорения, он говорит, излишни!
Двенадцать раз уже я повторяю с лишним.

Лелий

Ну, ладно. Знаю все. Ты можешь начинать.

Маскариль

Остерегайтесь же. Сумейте роль играть
И не пускайте в ход игру воображенья:

Лелий

Ты слишком боязлив. Оставь мне управленье.

М а с к а р и л ь

Гораций и Альберт в Болонье. Трюфальден
В Неаполе. Попал Гораций в плен,
Учитель с ним Альберт. . .

Л е л и й

Не стану слушать доле
Проповедей твоих. Дурак тебе я, что ли?

М а с к а р и л ь

Нисколько. Но весьма похожи на глупца.

(Уходит)

Л е л и й

Когда в нем нет нужды, он смирен как овца,
Но лишь почувствует, что стал я в нем нуждаться,
В нем фамильярности уже не обратиться!
Я в дивные глаза свободно загляну,
Которым суждено держать меня в плену,
И в речи пламенной, не ведая препятствий,
Я нарисую ей весь пыл любовной страсти.
Узнаю приговор. . . Однако, вот они.

Я В Л Е Н И Е В Т О Р О Е

Трюфальден, Лелий, Маскариль

Т р ю ф а л ь д е н

О небо! Наконец мои смягчились дни!

М а с к а р и л ь

Ваш сон, о Трюфальден, нам доказал на диво,
Что сновидения бывают и неживы.

Т р ю ф а л ь д е н *(Лелию)*

Как вас благодарить, чем оказать вам честь!
Как светлый ангел, вы несете счастья весть.

Лелий

Оставьте, я прошу, излишние заботы.

Трюфальден

Он внешностью своей напомнил мне кого-то,
И этот армянин...

Маскариль

Я говорил всегда,
Что сходства странные бывают иногда.

Трюфальден

Вы сына встретили, надежд моих начало?

Лелий

О, да, он молодец, каких на свете мало.

Трюфальден

И он открылся вам и про меня сказал?

Лелий

О! Десять тысяч раз.

Маскариль *(в сторону)*

Немножечко приврал.

Лелий

Он вас мне описал дословно и пространно:
Черты лица, костюм...

Трюфальден

Однако, это странно.

Ему в то время шел седьмой едва годок.
Учитель сам Альберт за этот долгий срок
Забыл мое лицо без всякого сомненья.

Маскариль

Зато родная кровь хранит изображение,
И в памяти черты родимые живы.
Вот мой отец...

Трюфальден

Постой. А где расстались вы?

Лелий

В Турине, в Турции.

Трюфальден

Турин? Как это странно!

Турин в Пьемонте был...

Маскариль *(в сторону)*

О дурень бесталанный!

(Трюфальдену)

Вы не дослышали: он вам сказал — Тунис.
В Тунисе, в Турции они и разошлись.
Армяне говорят всегда так непонятно,
Для уха нашего их речь звучит невнятно.
В словах они всегда меняют *нис* на *рин*,
Хотят сказать: *Тунис*, а говорят: *Турин*.

Трюфальден

Чтоб это понимать — потребно толкованье.

(Лелию)

А что предпринял он для нашего свиданья?

Маскариль *(в сторону)*

Ответа не слышать.

(Сделав несколько фехтовальных движений, говорит Трюфальден)

Я повторял урок

По фехтованию. Ведь это мой конек;

Рапирой я владел, и в фехтовальном зале
Искусней кто-либо отыщется едва ли.

Трюфальден

Мне эти сведенья буквально ни к чему.

(Лелю)

Под именем каким известен я ему?

Маскариль

Синьор Занобио, какое утешенье
Ниспосылает вам благое провиденье!

Лелий

Вот имя верное. А то, другое — нет!

Трюфальден

Упоминал ли он, где был рожден на свет?

Маскариль

Все говорят, синьор, Неаполь так прекрасен,
Для вас, я думаю, он кажется ужасен.

Трюфальден

Ведь ты мешаешь нам подобной болтовней.

Лелий

Ваш сын в Неаполе увидел свет дневной.

Трюфальден

Куда и с кем его я с юных лет направил?

Маскариль

Учитель сей Альберт был муж высоких правил;
Он сына вашего в Болонье опекал
И дальше, помощью его не оставлял.

Трюфальден

А!

Маскариль (*в сторону*)

Нам не сдобровать, коль разговор продлится.

Трюфальден

Подробно обо всем хочу осведомиться:
Какое судно их в неволю увезло?

Маскариль

Не знаю, что со мной: зеваю как на зло!
Не кажется ли вам, что настает мгновенье
Дать гостю нашему немного подкрепенья?
Ведь время позднее...

Лелий

Что до меня, я сыт.

Маскариль

Вам это кажется: обманчив аппетит.

Трюфальден

Войдите.

Лелий

После вас.

Маскариль

Армянские персоны

В Армянской стороне не так уж церемонны.

[Лелию, после того как Трюфальден вошел в дом]

Ничтожество! Хотя бы пару слов!

Лелий

Врасплох

Меня он захватил, но я не так уж плох, —
Мой ум пришел в себя и смело начинает...

Маскариль

Идет соперник ваш, он ничего не знает.

[Входят в дом]

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Ансельм, Леандр

Ансельм

Постойте здесь, Леандр, и выслушайте речь, —
 Хочу спокойствие и честь вам оберечь.
 Я выступаю здесь не ради Ипполиты,
 Не как глава семьи, не для ее защиты,
 Но так, как выступил бы ваш родной отец,
 Доброжелатель ваш, наставник и не льстец,
 Ну, словом, по душе, так честно и невинно,
 Как я бы пожелал для собственного сына.
 А знаете ли вы, что косо смотрит свет
 На чувства вашего губительный расцвет,
 Что вы теперь предмет злословия и смеха,
 Что ваш ночной поход для всех теперь потеха?
 Уже везде идет обидный разговор,
 Что в жены выбрали вы всем наперекор
 Цыганку пленную, гулящую девицу
 И по профессии наверное блудницу.
 За вас, не за себя, я, слушая, краснею,
 Хоть самого меня тот разговор задел.
 Ведь с вами дочь моя считалась обрученной, —
 Как ей не чувствовать себя пренебреженной?
 О бедный мой Леандр, как вы ослеплены!
 Вы протереть глаза, воспрянуть вы должны.
 Ведь если не всегда бываем мы разумны,
 Счастлив, кто во-время прервал порыв безумный,
 Ведь мало одного красивого лица;
 Коль нет приданого, плохого жди конца,

И даже самая красивая девица
 От охлаждения не может оградиться.
 За наслаждением приходит охлажденье,
 Красавице и то не будет снисхожденья;
 Я повторяю вам, пока имеют власть
 Кипенье бурных чувств и молодая страсть,
 Мы несколько ночей проводим так беспечно,
 Но наслаждения не могут длиться вечно,
 И страсти бурные свой замедляют ход,
 За ночью пламенной прескучный день встает,
 За этим следует нужда, заботы, бедство,
 Отцовский гнев, печаль, лишение наследства.

Леандр

Рассудок собственный не раз мне повторял
 Ту речь, которую от вас я услышал.
 Я чувствую, что я вниманья недостоин,
 Которого от вас сегодня удостоен,
 И хоть бессилен был соблазны превозмочь,
 Но с уважением смотрю на вашу дочь.
 Отныне буду я...

Ансельм

Тсс! Двери открывают.
 Уйдем отсюда прочь. Незримый яд, бывает,
 Пускают из дверей и отравляют нас.

[Уходят]

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Лелий, Маскариль

Маскариль

Все наши хитрости развалятся сейчас;
 Вы глупости свои творите без зазрения.

Л е л и й

Я слушать не хочу твои правоученья.
Ты недоволен? Чем? Уж как ты ни верти,
Я славню все сказал!

М а с к а р и л ь

Сказал, да не ахти!

Еретиками вы всех турок обозвали
И клятвенно еще при этом уверяли,
Что солнце и луну они за бога чтут.
Но это пустяки, не в том опасность тут,
А в том, что не сдержать никак влюбленность вашу,
И возле Селии бурлиге вы как каша,
Что на большом огне вскипает через край
И на все стороны стекает невзначай.

Л е л и й

Я ль воздержания не проявил такого?
Я с Селией почти не проронил ни слова!

М а с к а р и л ь

Ведь недостаточно еще сидеть молчком,—
Вы жесты делали сегодня за столом
И подозрениям такого дали хода,
Что вряд ли кто другой успел бы за три года.

Л е л и й

Каким же образом?

М а с к а р и л ь

Каким? Да напролом.

Едва лишь Селию увидя за столом,
Вы сразу к ней одной вдруг повернулись сами
И, густо покраснев, давай мигать глазами!
Вы не желали, взор на кушанья склонить,
Но если Селия стакан брала, чтоб пить,

Вы, у нее из рук схватив питья остатки,
 Глотали залпом все, поспешно, без оглядки,
 Как будто напоказ целуя край стекла,
 Откуда только что красotka отпила.
 И все, что Селия брала рукой своею,
 Кусок надкушенный иль оброненный ею,
 Хватали жадно вы, как будто мышку кот,
 И, словно фокусник, запихивали в рот.
 Ногами под столом устроили вы грохот,
 Такие поиски, такой несносный топот,
 Что бедный Трюфальден от страстных двух толчков
 Два раза наказал невинных двух щенков;
 Претензию они вам заявляют лично,
 А вы, по-вашему, вели себя отлично!
 О, мне смотреть на вас и то неумоготу, —
 Хоть на дворе зима, а право я в поту!
 За вами я следил с нетерпеливым жаром,
 Как кегельный игрок следит за бойким шаром,
 И, ваши действия пытаюсь удержать,
 Я шею вывихнул, чтоб знаки вам подать.

Лелий

Не понимаешь ты, коря меня превратно,
 Насколько это все казалось мне приятно.
 Ну, ладно, для тебя, однако, так и быть,
 Стараться буду я себя переломить...

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Лелий, Маскариль, Трюфальден

Маскариль (*Трюфальдену*)

Горация судьбу мы обсуждали снова.

Трюфальден

А, это хорошо.

(*Лелию*)

Простите, два-три слова

Я вынужден сказать ему наедине.

Л е л и й

Неделикатным быть не приходилось мне.

(Входит в дом Трюфальдена)

Т р ю ф а л ь д е н

Послушай, знаешь ли, чем был я сродно занят?

М а с к а р и л ь

Не знаю, но могу, коль вам угодно станет,
Немедленно узнать.

Т р ю ф а л ь д е н

В саду моем дубок —

Ему под двести лет, он мощен и высок;
Я от него отбил отличнейший сучище,
Хорошей крепости, широкий как бревнище,
Его я вытесал старательно, скажу, —
Он толщины такой... тебе я покажу;
И вышла из него отличная дубина,
Чтобы разглаживать и греть иные спины,
Она легка в руках, уздаста и прочна.

М а с к а р и л ь

А для кого, спрошу, назначена она?

Т р ю ф а л ь д е н

Во-первых, для тебя, потом для армянина;
Он шуточку сыграл, но лишь наполовину!
Переодетый плут, наряженный купцом,
С фальшивой сказочкой пробравшийся в мой дом.

М а с к а р и л ь

Как! Вы не верите?

Т р ю ф а л ь д е н

Сей проходимец ловкий

Случайным образом открыл свои уловки :
 Он Селии сказал, сжимая руку ей,
 Что выдумал предлог, чтоб повидаться с ней.
 Жанета, крестница, их разговор слыхала
 И слово за слово его пересказала.
 И пусть он имени не назвал твоего,
 Но ты являешься сообщником его !

М а с к а р и л ь

Напрасен ваш упрек. И я даю вам слово, —
 Я сам обманут был уловками чужого.

Т р ю ф а л ь д е н

Чтобы поверил я, что ты сказал не ложь,
 Ты кулаки свои на помощь мне даешь:
 Мы плута угостим по разным направлениям,
 И я тогда с тебя слагаю обвиненье.

М а с к а р и л ь

Я с удовольствием пройдуь метлой по нем,
 И вы поверите, что я здесь не [при] чем.

(В сторону)

Ага! Вас избьют, армянина такого,
 Вы все мне портите...

Я В Л Е Н И Е Ш Е С Т О Е

Лелий, Трюфальдеп, Маскариль

Т р ю ф а л ь д е н [*стучась в дверь своего дома*]
 Прошу вас, на два слова.

[*Входит Лелий*]

Так, значит, вы, сударь, как низкий интриган,
 Чтоб вкрасться в честный дом, придумали обман ?

Маскариль

И лживой сказкою про найденного сына
Морочили отда почтенные седины?

Трюфальден [*бьет Лелия*]

Бей, бей его скорей...

Лелий [*Маскарилю, который бьет его*]

Ах, подлый...

Маскариль

Так! И так

Мошенников...

Лелий

Палач!

Маскариль

Проучит наш кулак,
Запомните теперь!

Лелий

Подобного бесчестья...

Маскариль [*бьет его и выоняет*]

Вон! Вон, я говорю! Я вас убью на месте!

Трюфальден

Теперь ступай домой. Тобой доволен я.

[*Уходит в дом*]

Лелий [*возвращаясь*]

Мой собственный лакей так осрамил меня!
Кто ждал бы от него предательства такого,
Такого действия нахального и злого?..

Маскариль [*в окне у Трифальдена*]

Позвольте вас спросить, что с вашей спиной?

Лелий

И ты осмелился так говорить со мной?

Маскариль

Так, так! Вот какво не замечать Жанеты,
Болтая языком, не соблюдать секреты.
Однако в этот раз нет гнева у меня,
Бранить вас и ругать теперь не стану я,
И хоть проступок ваш весьма неосторожен,
Но перст прощения вам к шее был приложен.

Лелий

О! За предательство я проучу тебя.

Маскариль

А кто тут виноват? Пеняйте на себя!

Лелий

Как?

Маскариль

Разума у вас нельзя найти и следа.
Увидев свой кумир и с ним вступив в беседу,
Вы не заметили Жанеты за спиной,
А тонкий слух ее и был всему виной.

Лелий

Я с Селией имел два слова разговора.

Маскариль

Вот отчего пришлось вам вылететь так скоро.
Все — ваша болтовня. Она источник бед.
Не знаю, часто ли играли вы в пикет,
Но промахи у вас поистине прекрасны.

Лелий

Из неудачников я самый разнесчастный!
Побой от тебя еще терпеть изволь!

Маскариль

Нарочно на себя я принял эту роль, —
Я этим оградил себя от подозренья,
Что ваша тактика — мое произведение.

Лелий

Ну, хоть полегче бы меня ты колотил!

Маскариль

Ищите дураков! Старик за мной следил,
К тому же я был рад удачному предлогу:
Печенку облегчить хотелось мне немного.
Ну, это все прошло. Так дайте слово мне,
Что всыпанные вам удары по спине
Вы мне припоминать не захотите сами
И мстить не станете ни косвенно, ни прямо,
А я вам поклянусь, что не пройдет двух дней,
Как вы уж будете с красавицей своей.

Лелий

Хоть ты и вел себя невыносимо грубо,
Но обещание твое мне слишком любо.

Маскариль

Даете слово вы?

Лелий

Да, слово я даю.

Маскариль

И обещаетесь, что в тактику мою,
Что б ни предпринял я, не станете ввязаться?

Лелий

Согласен.

Маскариль

Если ж нет, вам в лихорадке трястись!

Лелий

Так ты поможешь мне? Избавишь от тоски?

Маскариль

Снимайте же костюм и смажьте синяки!

[Уходит в дом Трюфальдена]

Лелий

Меня всегда во всем преследует несчастье,
И следует напасть сейчас же за напастью.

Маскариль *[выходя из дома Трюфальдена]*

Что! Как! Вы здесь еще? Ускорьте свой уход,
А главное, теперь — живите без забот;
Я сам все сделаю, и этого довольно!
Мне помогать в делах не смейте самовольно!
Уйдите на покой!

Лелий

Ведь я сказал, уйду.

[Уходит]

Маскариль

Сообразим теперь, куда я поведу.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Эргаст, Маскариль

Эргаст

Послушай, Маскариль, есть новость, да какая!
Намереньям твоим грозит беда большая.

Приехал только что к нам молодой цыган,
Собою светлолиц, на вид не шарлатан,
С ним старая карга, и к Трюфальдену ныне
Они отправились, чтоб выкупить рабыню,
Цель ваших происков; он, видимо, влюблен.

М а с к а р и л ь

У Селии был друг: конечно, это он.
Запутано весьма здесь наше положенье,
Что миг, то новое приходит затрудненье.
Едва узнали мы, что наш соперник злой,
Леандр, отходит прочь и покидает бой,
И что его отца внезапное прибытие
Все преимущества вернуло Ипполите,
И волею отца все изменилось так,
Что нынче же они в законный вступят брак, —
Едва соперника избегли мы, как снова
Нашли соперника опасного другого.
Но я употреблю искуснейший прием,
И Селии отъезд я задержу тайком.
Намеренно добьюсь полезной проволочки
И предприятие я доведу до точки.
Недавно в городе случилось воровство, —
Цыгане, говорят, на этот счет того...
Я подозрение на юношу наброшу
И на денек-другой его в темницу брошу.
Знакомцы у меня среди полицейских есть,
Их только бы на след какой-нибудь навесть —
И, в алчном чаянье существенной награды,
Они исполнят все, что только будет надо.
Пусть ты не виноват, но все же в пользу их
Заплатит твой кошель из денежек твоих.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Эргаст, Маскариль

Маскариль

Ах, пес! Проклятый пес! Дурак бесчеловечный!
Знать, зверства от тебя сносить я буду вечно.

Эргаст

Наш пристав Балафре старался сколько мог,
Молодчик схвачен был, его вели в острог,
Как вдруг твой господин, вмешавшись очень рьяно,
Внезапно помешал осуществленью плана.
«Я не могу терпеть, — он громко возвестил, —
Чтоб честный человек так оскорбляем был!
Его, хоть незнаком, беру я на поруки!»
Когда ж особу ту ему не дали в руки,
Он шпагу выхватил, на стражников напал
И столько ужасу на храбрецов нагнал,
Что до сих пор еще они гребут ногами,
И все мерещится им Лелий за пятами.

Маскариль

Ну, не предатель ли? Не знает он того,
Что хочет сей дыган украсть любовь его.

Эргаст

Меня зовут дела. Покамест, до свиданья.

(Уходит)

Маскариль

Вот оглушительно-геройское деянье!
 Ну, как тут не сказать, — я сам держусь того, —
 Что тот лукавый бес, который влез в него,
 Меня на зло дразнит и Лелия умело
 Приводит в те места, где он мне портит дело,
 Но я не отступлю, хоть он меня и бьет, —
 Поспору с дьяволом, посмотрим, чья возьмет.
 К тому ж и Селия теперь за нас, понятно,
 И об отъезде ей и думать неприятно.
 Вот обстоятельство — используем его.
 Ага! Они идут. За дело. Кто кого!
 Вот этот дом вполне в моем распоряженьи,
 Я им располагать могу без позволенья.
 Ну, все налажено, и слово за судьбой.
 Безлюден этот дом, ключ у меня с собой.
 Вот приключений-то! Как часто нашей братье
 Приходится менять лицо свое и платье!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Селия, Андрес

Андрес

О Селия моя, я доказать готов, —
 Вы это знаете, — всегда мою любовь.
 Еще в Венеции, где в годы молодые
 Снискали почесть мне заслуги боевые
 И где я мог занять, скажу без похвальбы,
 По службе славный пост, я волею судьбы,

Увидев вас, забыл все прочее на свете,
И, только вас одну имея на примете,
Жизнь сразу изменил и, свой покинув сан,
За вами следуя, вступил в семью цыган,
И с этих самых пор ни множество усилий,
Ни ваша сдержанность меня не охладили.
Оторванный от вас на много больший срок,
Чем я когда-нибудь себе представить мог,
Я разыскал с трудом ту старую цыганку,
Что заменяла вам с давнишних пор служанку,
И от нее узнал с волнением большим,
Что за изрядный куш, необходимый им
И от большой беды избавивший их племя,
Вы здесь заложницей оставлены на время.
И я примчался к вам, чтоб ваши цепи снять.
В распоряженье вам спешу себя отдать.
Но на лице у вас печаль и огорченье,
Я радости на нем не встретил выраженья.
О, если мирный дом сумеет вас привлечь,
Я кое-что успел в Венеции сберечь.
Мы можем там вдвоем прожить без тревожений.
Но если жаждете вы новых впечатлений,
За вами я готов последовать опять,
Чтоб только с вами быть и вам бы угождать.

С е л и я

Мне ваша преданность ясна и очевидна, —
Ее не оценить казалось бы обидно.
Обманчиво лицо, движения его
Не в силах изъяснить вам сердца моего;
И головная боль меня сегодня мучит,
Вот почему прошу, коль просьба не докучит,
Отъезд наш отложить на три-четыре дня,
Чтобы оправиться имела время я.

А н д р е с

Вы можете отъезд наш отложить свободно,
Я поступлю во всем, как будет вам угодно.

Вам надо отдохнуть, квартира нам нужна, —
Вот кстати вывеска, нам подойдет она.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Маскариль (*одетый швейцарцем*), Селия, Андреc

А н д р е с

Синьор швейцарец, вы хозяин заведения?

М а с к а р и л ь

Та, это мой, прошу.

А н д р е с

Удобно ль помещенье?

М а с к а р и л ь

Та, мой для иностранц квартиры сдесь имей,
Но никогда не стал сдавайт плохой людей.

А н д р е с

Надеюсь, что ваш дом во всем вполне приличен.

М а с к а р и л ь

Фи ф город нофый есть, мой фидит по ваш личен.

А н д р е с

Да.

М а с к а р и л ь

А матам, она, конешно, есть ваш женк?

А н д р е с

Что?

М а с к а р и л ь

Думаль, он есть женк иль, может быть, сестренк.

А н д р е с

Нет.

М а с к а р и л ь

Это есть карош. Тофар фам прифесенный
Иль, может быть, искать фам через сут саконный?
Сут отшинь торогой, есть мнока деньк берут.
О, прокурор есть фор, а атфокат есть плют.

А н д р е с

Нет, мы здесь не за тем.

М а с к а р и л ь

Фи профожаль дефпца,
Наш город посматрель и маля феселиться.

А н д р е с *[Селии]*

Он скучен. На часок я покидаю вас,
Цыганку старую я к вам пришлю сейчас.
Карету откажу, чтоб не ждала нас доле.

М а с к а р и л ь

Он маля нестароф.

А н д р е с

Да, головные боли.

М а с к а р и л ь

Мой слафни есть фино и ошень добре сир,
Пожалиста, ходиль, ходиль на мой кфартир.

[Входят все трое в дом]

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Лелий, потом Андрес

Л е л и й

Хотя в груди горит огонь любви ревнивый,
Но раз я слово дал, то буду терпеливо

Бездействовать и ждать, покамест здесь другой
По прихоти судьбы распорядится мной.

[Входит Андрес]

Вы здесь кого-нибудь искали, без сомненья?

А н д р е с

Нет, здесь в гостинице я нанял помещенье.

Л е л и й

Но моему отцу сей дом принадлежит.
Он только нежилой, один слуга в нем спит.

А н д р е с

Есть вывеска на нем, — сдается помещение,
Читайте.

Л е л и й

Признаюсь, что я в недоуменье.
Кой чорт ее принес? И для чего нужна?
А впрочем, угадал. Так вот зачем она!
Готов ручаться я, что правильна догадка.

А н д р е с

Нельзя ли мне узнать, в чем именно разгадка?

Л е л и й

Другому я не стал бы открывать секрет,
Но перед вами я скрывать не стану, нет.
Вот эта вывеска, замеченная вами,
Не может быть иным, — скажу я между нами, —
Как новой хитростью лакея моего,
Тончайшей петелькой, слетенной у него,
Чтоб уловить в нее, как птичку на приманку,
Предмет моей любви — красавицу-цыганку.
Мы много раз ее успели прозевать.

А н д р е с

Как имя?

Лелий

Селия.

Андрес

Вам так бы и начать!

Скажи вы сразу мне, без всякого сомненья
Я вас избавил бы от лишнего волненья.

Лелий

Вы знаете ее?

Андрес

Из плена, час назад,
Ее я выкупил.

Лелий

Я поражен стократ.

Андрес

Я увезти ее отсюда собирался.
Ей нездоровилось, отъезд наш задержался,
Я снял здесь комнату и, кстати говоря,
Я рад, что вы свой план не скрыли от меня.

Лелий

О, неужели же вы счастье невольно
Дадите мне?

Андрес

О да, вы будете довольны.

Лелий

Как вас благодарить? Где слов найти таких...

Андрес

Без благодарностей, я не нуждаюсь в них.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ
Маскариль, Лелий, Андрес

М а с к а р и л ь

Мой бешеный опять поблизости, хлопчет,
Он штучку новую наверное отмочит.

Л е л и й

Ну, кто б его узнал? Он так смешно одет.
Приблизься, Маскариль, привет тебе, привет!

М а с к а р и л ь

Мой этот мерзкий рыль ни разу ни фидаль,
Мой шестный шелафек и шестно таргафаль.

Л е л и й

Вот тарабарщина! Ты, право, недурен!

М а с к а р и л ь

Не смейте истефайт, ступайте люче фон!

Л е л и й

Ну, брось личину, друг, не надо представляться.

М а с к а р и л ь

Шорт побирай софсем, моя с тобой не зняться.

Л е л и й

Ведь все устроено, к чему ломаться так?

М а с к а р и л ь

Фон! фон! Я кафариль, я будет биль куляк.

Л е л и й

Ведь я тебе сказал, жаргон твой бесполезен!
Мы сговорились с ним, он был весьма любезен,

Я получаю все, что только мог желать,
И нечего тебе комедию ломать.

М а с к а р и л ь

Ну, если вы сошлись счастливою судьбою,
Я расшвейцарился и стал самим собою.

А н д р е с

Однако, ваш слуга старается для вас.
Прошу прощенья, я возвращусь сейчас.

Л е л и й

Ага! Что скажешь ты?

М а с к а р и л ь

Скажу я в восхищенье,
Что увенчал успех все наши злоклученья.

Л е л и й

Зачем так долго ты комедию ломал
И верить не хотел тому, что я сказал?

М а с к а р и л ь

Ах, зная вас насквозь, я трепетал, признаться,
И приключению не мог не удивляться.

Л е л и й

Нет, ты признайся в том, что это мой успех
И что исправился я от ошибок всех,
Что мной разрешена почетная задача.

М а с к а р и л ь

Ну, будь по-вашему. Не ум здесь, а удача.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Селия, Маскариль, Лелий, Андрес

А н д р е с

То, что сказали вы, шло на ее предмет?

Л е л и й

Счастливее меня и не было и нет!

А н д р е с

Я ваш должник, сударь, что для меня бесспорно,
И отрицать сей долг мне было бы зазорно.
Но можно ль требовать, чтоб я платил его
За счет моей любви и сердца моего?
Судите же, могу ль, плененный красотою,
Услугу оплатить подобною ценою?
Великодушны вы, ответ ваш знаю я, —
Расстаться нам пора, простимся как друзья.

М а с к а р и л ь [*крикнув петухом*]

Смеяться должен я, хоть, право, не до смеха.
Он отдал Селию! Вот это так потеха!
Во всем согласны вы...

Л е л и й

Достаточно вполне!

И помощи твоей не надо больше мне!
Я пес, предатель я, я палачу подобен,
Не стбю я забот, ни к чорту неспособен.
О, злополучному уж не помочь никак,
Кто счастью своему сам наизлейший враг.
Теперь ничто уже меня спасти не может,
И только смерть одна наверно мне поможет!

[*Уходят Селия, Лелий и Андрес*]

Маскариль

И в довершение несчастий, он умрет!
 Нам только этого еще недостает!
 Вот — ваших глупостей простое заключенье.
 Нет! Если даже он, в припадке огорченья,
 Содействия уже не хочет моего,
 Наперекор ему я выручу его.
 Победы я добьюсь, хоть в нем сидит лукавый,
 Чем больше трудностей, тем сладостнее слава,
 И все препятствия встают перед тобой,
 Как камерфрейлины победы молодой.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Маскариль, Селия

Селия [*Маскарилю, который что-то сказал ей шопотом*]

Нет, что ни говори об этом предложенье,
 Не вижу пользы я в подобном промедленьи.
 Успеха нет пока; нельзя предположить,
 Что меж собой они поладят, может быть.
 А сердцу моему, ты знаешь, не под силу,
 Чтоб одному из них я горе причинила,
 И хоть по-разному, но цепью чувств моих
 Равно привязана я к каждому из них.
 За Лелия — любовь с сердечным интересом,
 Но благодарностью я связана с Андресом,
 И даже в мыслях я не смею допустить
 Желаниям его наперекор ступить.
 Пусть не идет ему любовь моя навстречу,
 Пусть пламенем ему горячим не отвечу, —
 Клянусь, за все, что он проделал для меня,
 Обманывать его в любви не стану я.
 И буду сдерживать желанья терпеливо,
 Как сдерживала я любви его порывы.

Вот так мне долг велит, — поэтому суди,
Как мало нам надежд осталось впереди.

М а с к а р и л ь

Такие трудности весьма для нас досадны,
И чудеса творить мне, право, неповадно.
Но постараюсь я, все силы в ход пушу,
Хотя бы под землей решенье разыщу.
Спасительный обход — он будет найден мною,
И верьте, в скорости я вам его открою.

[Уходит]

Я В Л Е Н И Е В О С ь М О Е

Селия, Ипполита

И п п о л и т а

Вы появились здесь — и блеском этих глаз
Вы отбиваете поклонников у нас.
Мы жалуемся все, потери так безмерны,
И все любовники вдруг сделались неверны.
Никто не избежал тех вредоносных стрел,
Которыми ваш взгляд их поразить сумел.
И нами жертвуя, здесь каждый, вам в угоду,
Готов на цепь любви сменить свою свободу.
Однако лично я не вздумала бы клясть
Всех ваших прелестей губительную власть,
Когда бы, потеряв двоих влюбленных кряду,
Себе хоть одного я обрела в отраду,
Но вы, жестокая, все взяли у меня,
И жаловаться вам сюда явилась я.

С е л и я

С какой любезностью вы колкости дарите!
Но умоляю вас, довольно, пощадите!
Вы также знаете всю власть своих очей;

Что может им грозить со стороны моей?
 Уверенности в них и прелести так много,
 Что вряд ли надобно им поднимать тревогу!

И п п о л и т а

Однако речь моя сказала вкоротке
 То, что у общества давно на языке.
 Все знают, Селия немало возбудила
 В Леандре, в Лелии желания и пыла.

С е л и я

Ну, если так уже они ослеплены,—
 Я думаю, что вы утешиться должны.
 К чему вам сохранять влюбленного такого,
 Что унижается до выбора дурного?

И п п о л и т а

Напротив, мнения другого я держусь
 И вашей красоте действительно дивлюсь.
 Ведь доводы ее, пожалуй, оправдали
 Непостоянство тех, кто власть ее признали.
 Леандра я теперь не стану осуждать,
 Что клятвы верности он начал нарушать.
 Приму его теперь без гнева и без боли,
 Хоть он и возвращен мне лишь отцовской волей.

Я В Л Е Н И Е Д Е В Я Т О Е

Маскариль, Селия, Ипполита

М а с к а р и л ь

Какие новости! Большой, большой успех!
 Сейчас мои уста оповестят вас всех.

С е л и я

А что?

Маскариль

Послушайте, вот где без украшенья...

Селия

Ну, что?

Маскариль

Комедии простое заключение.

Цыганка старая по площади...

Селия

Она?

Маскариль

Брела не торопясь, в себя погружена.
 Откуда ни возмись, другая старушонка,
 Увидев первую, заверещала звонко
 И взрывом бранных слов и ругани лихой
 Всем подала сигнал, что выступает в бой.
 Не на мушкетах бой, иль шпагах, иль булавах, —
 Мелькали в воздухе две пары лап костлявых,
 И в мясо тощее противнице своей
 Старалась каждая вцепиться побольней.
 А в воздухе звучит: «распутница!», «воровка!»,
 Слетают их чепцы от дикой потасовки,
 У каждой лысина как стеклышко блестит,
 Сражению придав смешной и страшный вид.
 Андрес и Трюфальден и всякий люд случайный,
 Сбежавшийся сюда на визг необычайный,
 Едва сумели их кой-как разъединить, —
 Так яростно они рвались друг друга бить.
 Но наконец, когда уж буря миновала,
 Когда уж каждая поспешно плешь скрывала,
 Когда пошли расспросы вперевод,
 Вдруг та, что первая вступила в жаркий бой,
 Хоть не оправилась от предыдущей сцены,

Внезапно вскрикнула, взглянув на Трюфальдена:
«Да это точно вы, сомнений больше нет!
Сказали мне давно, что ваш нашелся след,
Что вы живете здесь и избежали смерти,
О, я вас узнаю, Занобио Руберти!
О встреча дивная! Я именно как раз
По делу вашему старалась так сейчас!
Когда Неаполь вы внезапно покидали,
Вы помните, что мне вы дочку поручали?
Она уже тогда — ей шел четвертый год —
Красой и прелестью пленяла весь народ,
Но ведьма чортова (она здесь перед вами)
Прокралась в дом ко мне коварными путями
И выкрала дитя. Внезапная беда
Супругу вашу так расстроила тогда,
Что после этого она и жить не стала.
А чтобы на меня за дочь вина не пала
И чтобы попрекать меня вы не могли,
Я известила вас, что обе умерли.
Но раз преступницу теперь я разыскала,
Пускай признается, куда дитя девала!»
При этом имени «Руберти», громко, вслух
Не раз помянутом в сражении старух,
Андрес, взволнованный, в лице переменился
И к Трюфальдену так внезапно обратился:
«Как! Неужели мне господь теперь послал
Того, которого я столько лет искал,
С кем познакомился, не чувствуя нимало,
Что он родитель мой и дней моих начало?
Ведь я Гораций ваш, вы мой отец родной!
Когда наставник мой закончил путь земной,
Я беспокойное почувствовал стремление:
Болонью бросил я, оставил я ученье
И странствовал шесть лет, скитаясь там и здесь,
Куда меня бросал мой праздный интерес.
Но годы протекли; я захотел, тоскуя,
Увидеть родину, семью мою родную.

Увы! В Неаполе я нахожу не вас,
 А только бедствия неясный пересказ!
 Тогда наскучил я бесплодностью исканий,
 В Венеции обрел предел своих скитаний
 И так с тех пор живу, и о моей родине
 Помимо имени все неизвестно мне». —
 Вы можете судить, как этакая сцена
 Могла подействовать на чувства Трюфальдена.
 Короче говоря, чтоб вас не задержать
 (Все остальное вам должна пересказать
 Цыганка старая), я сообщить имею,
 Что Трюфальден признал вас дочерью своею.
 Андрес — ваш кровный брат, и так как обладать
 Сестрой ему нельзя, то в жены вас отдать
 Он Лелию решил, чтоб сразу же на месте
 С ним расквитаться так согласно долгу чести.
 Папаша Лелия, свидетель этих дел,
 Свое согласие сейчас же дать успел,
 И, чтобы не скучал Гораций обойденный,
 Он собственную дочь ему вручает в жены.
 Вот новорожденных немало новостей.

Селия

Недвижима стою от множества вестей.

Маскариль

Все будут здесь сейчас; лишь обе забияки
 Остались отдохнуть, оправиться от драки.
 Придет сюда Леандр и также ваш отец,
 А я за Лелием отправлюсь наконец.
 Помехи грозные вставали отовсюду,
 Но сразу небеса ему послали чудо.

Иполита

Я так восхищена, взволнована душой,
 Как будто это все произошло со мной.
 Идут...

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Трюфальден, Ансельм, Пандольф, Андрес, Селия,
Ипполита, Леандр

Селия

О мой отец!

Трюфальден

О дочь моя родная,
До слуха твоего дошла ли весть благая?

Селия

Я слышала уже чудесный сой рассказ.

Ипполита [*Леандру*]

Не оправдания я требую от вас;
Все ваши доводы теперь перед глазами.

Леандр

Прощенья умолять я должен перед вами.
Но уверяю вас, что это я, я сам,
А не приказ отца меня приводит к вам.

Андрес [*Селии*]

Кто мог предугадать, что встанет между нами
Природа, осудив столь чистой страсти пламя?
Но непорочно она была всегда,
И победить ее могу я без труда.

Селия

Как много раз себя я горько упрекала
За то, что вас, мой брат, я только уважала,
И хоть и чувствуя, не понимала я,
От шага крайнего кто удержал меня,
Кто сердцу пылкому позволил отвращаться
Признания, что с уст готовилось сорваться.

Трюфальден [*Селию*]

Что скажешь, ежели отринуть от себя,
Хоть только что обрел, я вздумал бы тебя,
Связав с его сынком законом Гименея?

Селия

Скажу, что я ни в чем перечить вам не смею.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Трюфальден, Маскариль, Лелий, Ансельм, Пандольф, Селия,
Андрес, Ипполита, Леандр

Маскариль [*Лелию*]

Что, может ли теперь бесенок злобный ваш
В столь прочном счастья устроить ералаш
И против стольких благ, без всякого зазренья,
Опять вооружить игру воображенья?
К вам неожиданно судьба благоволит:
Вам ваша Селия навек принадлежит.

Лелий

Как? Значит, небеса мне стали благосклонны?

Трюфальден

Да, это так, мой зять!

Пандольф

Вопрос уже решенный.

Андрес

Я этим прежний долг вам уплатил сполна.

Лелий (*Маскарилью*)

Тебя расцеловать я должен, старина,
Сто раз, сто тысяч раз.

Маскариль

Ай, ай, ай! Осторожно!

Он задушил меня. Так тискать невозможно!
 Что, если б Селию вы стали так ласкать?
 Я за нее боюсь, — не вздумала б сбежать.

Трюфальден *(Лелию)*

Сегодня небеса мне счастье ниспослали.
 Мы радость в этот день совместно испытали
 И не расстанемся, пока он не пройдет.
 Так пусть же и Леандр отца сюда ведет.

Маскариль

Вот все с невестами. Пора и мне жениться.
 А нет ли здесь еще незанятой девицы?
 Я вижу, все кругом в законный брак идут. —
 От зависти и я почувал брачный зуд.

Ансельм

Найдется.

Трюфальден

Ну, тогда, хранимы небесами,
 Пусть будем мы всегда детей своих отцами.

ЛЮБОВНАЯ ДОСАДА

Le Dépit amoureux

Перевод Т. Щелкиной-Кулерник

Любовная досада (Le Dépit amoureux), одна из самых ранних комедий Мольера, имеет, однако, немаловажное значение для понимания истории его драматургического творчества.

Сценическая судьба этой пьесы необычна. Во Франции доныне с успехом ставят двухактную комедию о «любовной досаде», о ссорах и примирении четырех любовников. Но зрителям и в голову не приходило ворошить свои школьные воспоминания, задумываясь над тем, что Мольер написал в свое время пятиактную комедию.

За двести пятьдесят лет своего литературного и сценического существования *Любовная досада* претерпела весьма серьезную метаморфозу: материал ее распался, часть его отмерла и механически отделилась от того живого и сочного, что осталось жить на сцене до наших дней. Как и почему это случилось?

Хронологически *Любовная досада* относится еще к периоду провинциальных скитаний Мольера и его труппы. Первое представление ее имело место в конце 1656 г. в Безье и было, видимо, приурочено к состоявшемуся в этом городе собранию штатов провинции Лангедок. То, что в комедии содержатся некоторые намеки на злободневные моменты провинциальной жизни того времени (борьба абсолютистского правительства с дворянскими «поединками чести»), вряд ли является особенно существенным.

Гораздо важнее другие данные о провинциальной постановке *Любовной досады*.

Мы имеем в виду указания на то, что она имела определенный успех и что успехом этим она обязана была «одной сцене, которая всем понравилась и была воспринята как на-

туральное изображение разочарований и огорчений, часто овладевающих даже теми, кто сильно любит друг друга». *

В 1658 г. комедия была поставлена в Париже и, по свидетельству современников, имела большой художественный и материальный успех. В 1659 и 1660 гг. ее показали королю и придворным, и с этого момента она непрерывно держалась на сцене мольеровского театра, а после его смерти — на сцене Французской Комедии. Однако в конце царствования Людовика XIV и в течение всего XVIII века она шла довольно редко. Накануне революции Вальвиль, один из актеров Французской Комедии, произвел над ней ту операцию, о которой мы уже говорили, и превратил пятиактную пьесу в двухактную. С 1821 г. окончательно установился обычай представлять под заглавием *Любовная досада* только эти два акта, которые, впрочем, одни лишь соответствуют заглавию.

Для такой переработки имелись некоторые основания. Пятиактная *Любовная досада* не была вполне оригинальным произведением, как и многие комедии Мольера. Она являлась в значительной мере переводом комедии Никколó Секки *L'interesse*, напечатанной в Венеции в 1581 г. Эта пьеса была довольно типичной представительницей того жанра, который расцвел в Италии XVI века — так называемой «ученой» комедии — комедии сложных запутанных ситуаций, испытавшей довольно сильное влияние испанского комического театра. «Ученая» комедия была буржуазным идеологическим продуктом. Но приниженное положение итальянской буржуазии той эпохи и ее начинающийся культурный упадок отразились на комедии самым неблагоприятным образом: итальянская комедия не была в состоянии разрешить ни одной из стоявших перед ней художественно-идеологических проблем, и именно это бессилие ее сделало ее приемлемой для аристократических кругов и абсолютистских дворов рефеодализирующейся Италии. Хотя сюжеты — вернее, те или иные комбинации сюжетных положений итальянских комедий XVI века, — и имеют бытовую видимость, но по существу они абстрактны и формалистичны: за ними нет никакого конкретного быта, т. е.

* Свидетельство Villiers в *Nouvelles nouvelles*, Paris, 1663, 3-me partie.

быта данной местности, данного отрезка времени, данной социальной среды. Комические типы в них никогда не перерастают в комические характеры. Все горожане, слуги, доктора, военные, действующие в итальянских комедиях XVI века, отнюдь не являются обобщением каких-либо типов, взятых из живой итальянской действительности. О пресловутых любовниках нечего и говорить, — их условность стала одной из тех традиций комического театра, преодолеть которую развивающемуся буржуазному художественному сознанию было особенно трудно.

Но наиболее характерно то, что эта комедия запутанных и сложных положений была лишь в очень слабой степени «комедией интриги», хотя ей издавна присвоено это наименование. Она содержит обильнейшие элементы интриг, но самой «интриги» в ней нет: нет того напряжения, того нарастания событий, того поступательного движения, которое создает интригу в собственном смысле. Есть комбинации, сопоставления и противопоставления обманных, сомнительных, двусмысленных ситуаций, так или иначе растасовывающие персонажи. В этих комбинациях заключается весь смысл и интерес комедии: интрига существует в комедии не *органически*, а только *формально*. Интрига в итальянской комедии XVI—XVII веков формалистична в такой же мере, в какой ее бытовизм абстрактен, а типаж условен.

Сюжет комедии Секки и в основном и в ряде подробностей — тот же, что и сюжет *Любовной досады*. Некий купец держит со своими приятелями пари на крупную сумму, что у него родится сын. Родается дочь, и, чтобы деньги все же перешли к нему, он выдает ее за мальчика и соответствующим образом воспитывает. Подростки, девушка-юноша влюбляется в сына того самого приятеля купца, который проиграл пари, и становится его любовницей, а так как у купца есть еще другая, «настоящая» дочь, то любовник девушки-юноши думает, что у него роман именно с этой настоящей дочерью. Она, в свою очередь, имеет поклонника, и все это приводит к ряду недоразумений и конфликтов, которые благополучно кончаются разрешением основного недоразумения и двумя счастливыми браками. Сюжет

в комедии XVI—XVII веков — типичный и даже излюбленный: девушки, выдающие себя или выдаваемые другими за мужчин, избилуют в испанском, итальянском и английском театре эпохи.

Мольер не удовольствовался ни простым переводом комедии Секки ни частичными изменениями сюжета или простым введением ряда новых сцен. Однако он не пожелал или, может быть, не сумел органически переработать пьесу. Поэтому сюжет и расстановка персонажей остались у него прежними. Правда, Мольер изменил мотивировку завязки: исходным пунктом у него является не пари, а завещание, согласно которому крупная денежная сумма должна перейти к мальчику, если таковой родится. Французские исследователи единодушно упрекают Мольера за неправдоподобие, еще более заметное, чем в мотивировке Секки. Но справедливы ли эти упреки? Мишо,^{*} тоже констатируя, что «романтичность этой интриги мало правдоподобна», все же делает правильное замечание: «Без сомнения, Мольер решил, что сумма в две тысячи эку не оправдывает мистификации». Действительно, только стремлением к правдоподобности можно объяснить неловкую попытку Мольера видоизменить мотивировку интриги. Другие внесенные им изменения мало существенны и не исходят из каких-либо художественных принципов: то обстоятельство, что в *Любовной досаде* нет непристойностей ее итальянского оригинала, что Мольером введена весьма удачная, литературно и сценически выигрышная сцена недоразумения между двумя стариками, просящими друг у друга прощения, что некоторые сцены распределены иначе, что самый сюжет подвергается некоторым изменениям, — несколько не изменяет по существу смысла комедии и, в общем, оставляет основу пьесы в неприкосновенности.

Гораздо важнее то новое, что было внесено Мольером в эту пьесу, в результате чего внутри старой, пятиактной схемы была построена как бы новая, оригинальная двухактная пьеса. Эти положительные достижения Мольера в *Любовной досаде* шли по линии борьбы его за реалистический театр.

* G. Michaut, *La jeunesse de Molière*, 1923, p. 245.

Только творческой незрелостью писателя можно объяснить то обстоятельство, что элементы реализма оказались лишь механически привнесенными в сюжетную схему Секки и в конце концов отделились от нее, образовав самостоятельное драматургическое целое.

Поскольку Мольер не сделал попытки органически переработать комедию Секки, для него открывался лишь один путь — «присочинить» то, чего с его точки зрения не доставало итальянской пьесе. Материалом ему послужили персонажи Секки, мало использованные в его комедии: сестра переодетой героини (в *Любовной досаде* — Люсиль) и ее возлюбленный (Эраст). Люсиль и Эраст любят друг друга в блаженном неведении интриги и козней, но двусмысленная ситуация Валер — Аскань врывается в их идиллию вмешательством Валера, любовника «Асканя», думающего, что его осчастливила Люсиль. Отсюда возникает *qui pro quo*, которое, впрочем, отнюдь не делает Эраста и Люсиль участниками интриги, ибо для них интрига оборачивается психологическим конфликтом. Стремление показать развитие этого конфликта, его этапы, чередование размолвок и примирений — все это так увлекло Мольера, что он (повидному, вполне сознательно) размежевал обе ситуации и из своего собственного детища — истории любовных тревожений Люсиль и Эраста — создал то, что и дало комедии ее название, т. е. подлинную *Любовную досаду*.

Сцены между Люсиль и Эрастом, равно как и их слугами Гро-Рене и Маринетой, действительно представляют собою самостоятельное театральное «действие». Замечательно различие в методах трактовки двух влюбленных пар: ситуация Валер — Аскань, показанная в том же плане, в каком она дана у Секки, является фоном для ситуации Люсиль — Эраст. Эти последние, правда, тоже — «только влюбленные», однако Мольер постарался сделать из этого неблагоприятного материала все, что было возможно.

Психологический реализм, который проявляется здесь в трактовке любовной ситуации едва ли не впервые, основан на тщательной нюансировке любовных переживаний, на максимальной конкретизации сценического показа таких душевных дви-

жений, как ревность, обида, оскорбленное самолюбие, стремление к примирению и т. п. Конкретность мольеровского реализма (ибо здесь уже можно говорить о реализме) сказывается больше всего в том, что Мольеру удалось показать противоречивость чувств и переживаний, владеющих его героями. Отсюда — исключительная «жизненная правдивость» сцен между Эрастом и Люсиль, отсюда — живость и напряженность диалога, в котором раскрываются оба персонажа. Валер и Аскань — еще условные театральные фигуры, вневременные и внепространственные; Эраст и Люсиль — уже представители конкретного французского буржуазного общества середины XVII столетия.

Бытовой элемент еще сильнее подчеркивается введением двух новых персонажей, которых у Секки нет — Гро-Рене и Маринеты. Эти «простонародные» любовники, дублирующие Люсиль и Эраста, действительно простонародны. Их функция в комедии — пародирование отношений их господ, но формальный момент — пародирование — наполнен социальным содержанием.

Реалистический, конкретный показ Гро-Рене и Маринеты придает их ситуации самостоятельную ценность и значение. Ригаль^{*} в своем блестящем анализе обеих сцен примирения показывает, как по-разному пришли обе пары влюбленных — господа и слуги — к счастливой развязке конфликта, и подчеркивает социальную обусловленность поведения персонажей. С его доводами нельзя не согласиться. В *Любовной досаде* Мольера (т. е. сценах, принадлежащих только ему) мы имеем уже комедию социально осмысленных характеров.

В общем *Любовная досада* — достойная предшественница *Смешных модниц*, этой первой подлинно новаторской комедии Мольера. В ней нет злободневности, которая была бы способна вызвать литературно-общественную дискуссию, но преуменьшать ее значение не следует: это начало борьбы Мольера за реалистический метод.

Впоследствии, уже будучи мастером комедии характеров и нравов, Мольер отнюдь не пренебрегал и в этом жанре эле-

^{*} E. Rigal, *Molière*, t. II, 1908, pp. 94—95.

ментами интриги или фарса. Но там они играют подчиненную роль, иногда даже отрываясь от основного действия и конденсируясь в своеобразные интермедии. Здесь, наоборот, такой интермедией являются элементы быта и реалистического психологизма. Но именно им принадлежит ведущая роль, именно они обусловили живучесть этой ранней комедии.

Н. Рыкова.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

- Эраст, влюбленный в Люсиль.
Альберт, отец Люсиль.
Гро-Рене, слуга Эраста.
Валер, сын Полидора.
Люсиль, дочь Альберта.
Маринета, служанка Люсиль.
Полидор, отец Валера.
Фрозина, наперсница Асканя.
Аскань, девушка, переодетая мужчиной.
Маскариль, слуга Валера.
Метафраст, педант.
Ла-Рапьер, бреттер.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Эраст, Гро-Рене

Эраст

Скажу ли я тебе, что тайною тоской
Давно уже смущен моей души покой?
Что б ты ни говорил — любовь моя, признаться,
Бойся всячески обманутой остаться:
Чтоб верности твоей соперник не купил,
Иль чтобы вместе нас обман не ослепил.

Гро-Рене

Поставьте же любовь почтенную в известность,
Что даром лишь моя задета ею честность,
И что к тому ж она — плохой знаток людей.
Подсзрывать, что я — предатель и злодей!
С моею внешностью, благодаренье богу,
Не суждено вселять сомненье иль тревогу.
О нас, о толстяках, давно идет молва,
Что неспособны мы на козни плутовства
И что не знаемся ни с хитростью, ни с злобой;
Я это подтвердить могу своей особой.
А что обманут я — вот это может быть,
И это б вы скорей могли предположить.
Но все ж не вижу я, не понимаю даже,

Что повод вам подать могло к подобной блажи.
 По мне, Люсиль любви не может скрыть от вас :
 Готова видеть вас, встречаться всякий час ;
 Его ж, по моему такому рассуждению,
 Валера — терпит лишь она по принуждению.

Эраст

Как часто ложные надежды мы храним !
 Кто принят лучше всех, тот не всегда любим,
 И нежность женская, как складки покрывала,
 Огонь другой любви нередко прикрывала.
 И, наконец, Валер, — да, этим я смущен, —
 Чтоб быть отвергнутым, спокоен слишком он.
 То, что на милости, которым простодушно
 Ты веришь, он теперь взирает равнодушно,
 Мне отравляет их ; я погружаюсь в мрак,
 Которого понять не можешь ты никак,
 И трудно верить мне словам моей Люсиль,
 Хотя бы мне они о счастье гласили.
 Пойми, тогда бы я судьбой доволен был,
 Когда б соперник мой был мрачен и уныл ;
 Его отчаянье и нетерпенья страстность
 Вернули бы душе утраченную ясность.
 Но мыслимо ль, как он, чуть не скрывая смех,
 Спокойно замечать соперника успех ?
 И коль не веришь ты, тогда тебя прошу я —
 Подумай и скажи, не грежу ль я впусую.

Гро-Рене

Быть может, сердце он к другой уж обратил,
 Поняв, что тщетен здесь его любовный пыл.

Эраст

Когда любовь души отвергнута бывает,
 Она присутствия любимой избегает
 И в равновесие немедля не придет,
 Разбивши с легкостью оков тяжелый гнет,

Воспоминанию жестокому послушна,
 Душа к бывшей любви не будет равнодушна;
 И коль презрение не победит любовь —
 То берегись, она способна вспыхнуть вновь.
 К тому ж, как ни гаси огонь минувшей страсти,
 А ревновать еще ей свойственно отчасти,
 И больно видеть нам, как овладел другой
 Нам не доставшимся всем сердцем дорогой.

Гро-Рене

По мне, так рассуждать поистине накладно:
 Не философствую, — что вижу, то и ладно.
 Терзаться? Проверять ревниво всякий шаг,
 Чтоб попусту страдать? Да я себе не враг.
 Что проку умствовать и мудрствовать лукаво?
 Причин для горести искать не нужно, право.
 Вот вы печалитесь теперь: из-за чего?
 Дождемся праздника, чтоб праздновать его.
 Считаю горе я пренеудобной штукой
 И даром бы себя не стал терзать я мукой.
 Подчас, наоборот, есть повод горевать,
 Но я решил глаза на горе закрывать.
 В любви нам суждено узнать одно и то же,
 И с вашей участью в моей все будет сложе:
 Уж если госпожа готовит вам обман,
 Служанкой будет мне урок такой же дан;
 Но места не хочу давать я подозреньям:
 Мне говорят «люблю» — я верю увереньям,
 И, чтоб счастливым быть, не нужен мне ответ,
 Что друг мой Маскариль рвет волосы иль нет.
 И если Гро-Рене красотка Маринета
 Расделовать себя допустит без запрета
 И будет надо мной соперник хохотать, —
 Я в смехе от него не вздумаю отстать:
 Тогда пусть судят все, кто веселей смеется.

Эраст

Ну, будет рассуждать.

Гро-Рене

А вот она несетя.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Маринета, Эраст, Гро-Рене

Гро-Рене

Тс... Тс...

Маринета

Ты здесь чего?

Гро-Рене

Легка ты на помин:

Речь о тебе была.

Маринета

А, здесь твой господин!
Набегалась же я! Хоть умереть на месте,
Все это из-за вас!

Эраст

Как?..

Маринета

И. могу по чести

Я вас заверить...

Эраст

В чем?

Маринета

Что в этот самый час
Ни дома, ни в саду, ни в церквѣ — нету вас.

Гро-Рене

Поклясться б ты должна.

Эраст

Ты послана за мною,
Скажи скорее, кем?

Маринета

Особою одною,
Чьи чувства к вам никак нельзя враждою счесть.
Ог госпожи моей я принесла вам вѣсть.

Эраст

Ах! Эта речъ твоя, — скажи мнѣ, Маринета, —
Действительно ль залог ея души привета?
И нежности твоей прелестной госпожи
Могу ли верить я действительно, скажи!
Молю, я знать хочу, в чем тайна роковая.
Вѣрь, я не рассержусь: отвѣтъ лишь, не скрывая.

Маринета

О! Это что еще? Откуда? Не пойму!
Иль мало вам она открыла самому?
Какой же надо вам в ея любви поруки?

Гро-Рене

Да сущих пустяков: коль не наложит руки
Соперник на себя, покою не бывать.

Маринета

Что?

Гро-Рене

Так изволит он к Валеру ревновать.

Маринета

К Валеру ревновать? Премило! Презабавно!
 Никто бы, кроме вас, не выдумал так славно.
 А я-то до сих пор — не знаю почему —
 Питала к вашему доверие уму;
 Да по всему видать — ошиблась я порядком.
 А ты подобным же не захворал припадком?

Гро-Рене

Я — ревновать? Ну, нет! Не так я недалек,
 Чтоб из-за ревности я стал спускать жирок!
 Ты мне не кажешься способной на измену,
 Во-первых; во-вторых, себе я знаю цену
 И убежден, что ты другого не найдешь,
 Чтоб так был мил тебе и так же был хорош.

Маринета

Ты верно говоришь: так рассуждать и надо!
 Поверь, всегда вредна ревнивая досада:
 Ты, выказав ее, себя разогорчишь,
 А для соперника — победу облегчишь.
 И то, что блеск его тебя так беспокоит,
 Быть может, на него ее глаза откроет.
 Да, счастием своим ей избранный герой
 Обязан ревности соперника порой.
 Ну, словом, кто всегда уныл, ревнив и мрачен
 Того дебют в любви частенько неудачен,
 И делает себя несчастным он в кредит.

[Эрасту]

Вам это выслушать совсем не повредит.

Эраст

Пусть так, но говори; зачем меня искала?

Маринета

Эх, стоило бы мне помучить вас сначала.
И в наказание отдать вам не сейчас
Ту весть, с которою я так искала вас.
Бог с вами: вот письмо; возьмите, успокойтесь.
Здесь нету никого — читайте же, не бойтесь.

Эраст [*читает*]

«Сказали вы, что ваша страсть
Разбить способна все преграды!
Когда она отца склонить сумеет власть —
Ей нынче ж можно ждать награды.
Пусть будет приговор судьбы произнесен:
Просить даю вам позволение;
И если вам меня присудит он,
Тогда клянусь ему в повиновенье».

О, счастье! А ты, принеся его, —
В тебе явилось мне благое божество.

Гро-Рене

Я вам сказал, что все — игра воображенья.
Как безошибочны мои предположенья.

Эраст [*перечитывает*]

«Пусть будет приговор судьбы произнесен:
Просить даю вам позволение;
И если вам меня присудит он,
Тогда клянусь ему в повиновенье».

Маринета

Да, расскажи я ей, что слышала сама —
Она бы отреклась от своего письма.

Эраст

Скрой от нее, молю, минутное сомненье,
Вселившее в меня внезадное смятенье;

А если скажешь ей — тогда прибавь, не скрыв,
 Что смертью искупить готов я свой порыв,
 Сложив к ее ногам свое существованье,
 Чтоб справедливое смягчить негодованье.

Маринета

Некстати вам сейчас о смерти говорить.

Эраст

Я должен горячо тебя благодарить,
 И я вознагражу — ты можешь быть спокойна —
 Такую добрую посланницу достойно.

Маринета

А кстати, знаете, где я еще была,
 Когда искала вас?

Эраст

Где?

Маринета

В лавке у угла,

В той, помните...

Эраст

В какой?

Маринета

Где, вот уж три недели,
 Как ваша милость мне колечко приглядели.
 Так вы сказали мне.

Эраст

Ах, помню — ты права.

Гро-Рене

Плутовка!

Эраст

Повторить готов свои слова.
Я с этим запоздал, но ждет тебя награда.

Маринета

Да я не тороплю и обождать я рада.

Гро-Рене

Еще бы...

Эраст *(дает ей кольцо)*

Но постой; взгляни-ка: может быть,
Вот этим я могу тот перстень заменить?

Маринета

Вы, сударь, шутите! Его принять мне стыдно.

Гро-Рене

Бедняжка, не стыдись; ведь слишком очевидно:
Не брать, когда дают — способен лишь дурак.

Маринета

На память сохраню, как дорогой мне знак.

Эраст

Когда ж могу пред ней излить свое томленье?

Маринета

Вам нужно заслужить отца благоволенья.

Эраст

А если ждет отказ?

Маринета

Тогда решим, как быть.
Стараться будут вам согласие добыть;

Но так или не так, а вы добьетесь цели.
Старайтесь о своем, а мы — о нашем деле.

Э р а с т

Сегодня же еще узнаем мы исход.

[Про себя перечитывает письмо]

М а р и н е т а *[к Гро-Рене]*

А что твоя любовь? Настал и наш черед:
Чего же ты молчишь?

Г р о - Р е н е

К чему тут разговоры?

Чтоб пожениться нам, какие нужны сборы?
Ты хочешь за меня?

М а р и н е т а

С восторгом — мой ответ.

Г р о - Р е н е

Так по рукам — и все.

М а р и н е т а

Прощай же, мой предмет.

Г р о - Р е н е

Прощай, моя звезда.

М а р и н е т а

Прощай, источник света.

Г р о - Р е н е

Прощай, о радуга моя, моя комета.

[Уходит Маринета]

Ну, радуйтесь — дела в порядке, наконец:
Наверно даст свое согласие отец.

Эраст

Сюда идет Валер.

Гро-Рене

Раз так судьба решает,
Бедняга жалость мне невольную внушает.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Эраст, Валер, Гро-Рене

Эраст

Ну-с, господин Валер?

Валер

Ну-с, господин Эраст?

Эраст

Как ваших чувств размер?

Валер

Что ваша сгрась вам даст?

Эраст

Люблю я все сильнее.

Валер

И я.

Эраст

Люсиль?

Валер

Конечно.

Э р а с т

За образец того, как постоянство вечно,
Готов я вас признать, любезнейший Валер.

В а л е р

И редкой твердости потомству вы пример.

Э р а с т

Я лично не пойму такой любви суровой,
Питаться взглядами и вздохами готовой.
Мне нехватило бы ни чувств моих, ни сил,
Чтобы я вечную холодность выносил.
Когда люблю — люблю, чтоб и меня любили.

В а л е р

Понятно. Вы мое лишь мнение подтвердили.
С предметом самым бы порвал я дорогим,
Когда бы не был сам взаимно им любим.

Э р а с т

Однакоже, Люсиль...

В а л е р

Люсиль душою нежной
Давно ответила любви моей безбрежной.

Э р а с т

Довольны малым вы, однако.

В а л е р

Не совсем.

Э р а с т

Но я, не хвастаясь, скажу вам между тем,
Что в праве я себя считать любимым ею.

Валер

В ее любви ко мне я вас уверить смею.

Эраст

Вам, обольщенному, в ошибку впасть легко.

Валер

Вас ослепление заводит далеко.

Эраст

Я б доказательство сейчас вам мог доставить...
Но нет, позвольте мне от горя вас избавить.

Валер

Я мог бы вам сейчас открыть один секрет...
Но... я б вас огорчил. Не выдам тайну, нет!

Эраст

Вы вынуждаете меня на откровенность:
Нельзя не пристыдить подобную надменность.
Вот.

Валер [*прочитав письмо*]

Да, слова нежны.

Эраст

Рука известна вам.

Валер

Рука Люсилы, да.

Эраст

И что ж, ее словам...

Валер [*со смехом*]

Прощайте, сударь мой.

[*Уходит*]

Гро-Рене

Бедняга. Он помешан:

С какой же стати он так этим разугешен?

Эраст

И сам я поражен: он словно рад письму;
Здесь что-то кроется, но что — я не пойму.

Гро-Рене

Идет его лакей.

Эраст

Поговорим с лакеем

И правду выпытать хоть от него сумеем.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Маскариль, Эраст, Гро-Рене

Маскариль [*с стороны*]

Плачевней участи не знаю я другой,
Чем быть у юноши влюбленного слугой.

Гро-Рене

Привет.

Маскариль.

Привет.

Гро-Рене

Куда, друг Маскариль, плетешься?

Ты возвращаешься, идешь иль остаешься?

Маскариль

Не возвращаюсь я — еще я не был там;
А также не иду: стою — ты видишь сам,

Но и не остаюсь; скажу тебе наверно,
Что тотчас ухожу.

Эраст

О, точность беспримерна!
Полегче, Маскариль.

Маскариль

Ах, сударь! Ваш слуга.

Эраст

Что ж так вам каждая минута дорога?
Бойтесь вы меня?

Маскариль

О ваша милость, что вы!

Эраст

Дай руку; мы забыть все прошлое готовы;
Нет больше ревности, я вам уже не враг.
Освобождая путь, желаю вам всех благ.

Маскариль

Дай боже!

Эраст

Подтвердит тебе он новость эту.

Гро-Рене

Да, и тебе отдать готов я Маринету.

Маскариль

Об этом речи нет; не велика беда,
Соперничество нам не принесло б вреда;
Но смею ль верить я, что ваша милость точно
Забыли страсть свою? Иль это вы нарочно?

Эраст

Твой господин сумел ее любовь стяжать ;
Я ж не настолько глуп, чтоб стал воображать,
Что я за ним могу добиться этой чести.

Маскариль

Поистине я рад такой приятной вести ;
Хоть вы и были нам весьма не по нутру,
Но, право, во-время вы бросили игру.
Давно бы надо вам оставить — это верно —
Тех, кто любезностью дарил вас лицемерно.
Как часто вас жалел я, знавший их дела,
Когда надежда в вас все более росла.
Обман подобный был прямое оскорбленье.
Но как узнали вы про их соединенье ?
Ведь ночью, кроме нас, — поруку в этом дам —
Лишь два свидетеля надежных было там,
И все мы тайною считали безусловной,
Как утоляется счастливых пыл любовный.

Эраст

Как ? Что ты говоришь ?

Маскариль

Понять я не могу.
Я тайну до сих пор так свято берегу ;
Но кто ж вам мог открыть, что не подозревалось .
Что так хитро от вас и ото всех скрывалось, —
Что нежная чета вступила в тайный брак ?

Эраст

Вы лжете.

Маскариль

Сударь, лгу — коль вам угодно так.

Вы негодяй.

Эраст

Маскариль

Да, да.

Эраст

За это всенародно
Сто палок стойло б вам всыпать.

Маскариль

Как угодно.

Эраст

Рене...

Гро-Рене

Мой господин.

Эраст

Тебе я сознаюсь,
Что в правде слов его увериться боюсь.
[Маскарилю]

Как! Ты — бежать?..

Маскариль

Нет, нет.

Эраст

Люсиль — жена Валера?..

Маскариль

Нет, сударь, я шутил.

Эраст

О дерзость без примера!

Шутил!

М а с к а р и л ь

Нет, не шутил.

Э р а с т

Так это правда?

М а с к а р и л ь

Нет,

Я это не сказал.

Э р а с т

Каков же твой ответ?

М а с к а р и л ь

Не знаю, что сказать, чтоб не испортить хуже.

Э р а с т

Солгал ты или нет, я знать желаю. Ну же!

М а с к а р и л ь

Все как угодно вам: я здесь не для того,
Чтоб с вами в спор вступать.

Э р а с т [*обнажая шпату*]

Не скажешь ничего?

Вот что немедленно язык тебе развяжет.

М а с к а р и л ь

Ну, вдруг она на мне характер свой покажет!
Прошу вас, лучше вы скорее всыпьте мне
Десяток палочных ударов по спине —
И вас от своего присутствия избавлю.

Э р а с т

Несчастный! Ты умрешь — иль я тебя заставлю
Открыть мне истину.

М а с к а р и л ь

Увы! Я все скажу,
Но, сударь, правдой вас наверно рассержу.

Э р а с т

Смотри, не вздумай ты от истины отречься —
От ярости моей тебе не уберечься,
Когда хоть каплю лжи найду в твоих словах.

М а с к а р и л ь

Согласен. Вы меня избейте в пух и прах;
И больше: можете убить меня на месте,
Когда хоть капля лжи в моей таится вести.

Э р а с т

Свершился этот брак?

М а с к а р и л ь

Что делать: сплеховал,
И мой язык сболтнул, что долго я скрывал.
Ну, словом: было тут свиданье за свиданьем,
А вы — служили им прикрытьем, оправданьем;
Так незамеченной осталась их игра,
И обвенчались они позавчера.
С тех пор она к нему на вид все холоднее
И пылкую любовь скрывает все умнее;
Решила потому отныне делать вид,
Что благосклонностью своею вас дарит,
К предосторожностям подобным прибегая,
Чтоб не открылась всем их тайна дорогая.
Коль вы не верите, что мой правдив рассказ, —
Пускай ваш Гро-Рене пойдет со мной хоть раз —
И убедится он, на страже ночью стоя,
Как легок доступ нам в окно ее покоя.

Э р а с т

Прочь с глаз моих, наглец!

М а с к а р и л ь

Охотно поспешу:

Я только этого у вас ведь и прошу.

[Уходит]

Э р а с т

Ну, что?

Г р о - Р е н е

Что, сударь мой? Обмануты мы оба.

Э р а с т

Наглед! Но не могла б солгать так даже злоба.
 Правдоподобно все: не верить как ему?
 А отношение соперника к письму?
 Все ясно мне теперь: здесь умысел коварный,
 И служит целям он моей неблагодарной.

Я В Л Е Н И Е П Я Т О Е

Эраст, Маринета, Гро-Рене

М а р и н е т а

От госпожи моей спешу вам передать:
 Сегодня вечером в саду вас будут ждать.

Э р а с т

Ты смотришь мне в глаза, лукавое создание?
 Скажи ей: не приду сегодня на свиданье;
 И пусть не трудится записок мне писать:
 Я буду, не прочтя, вот так их все бросать.

[Разрывает письмо и уходит]

М а р и н е т а

Скажи мне, что его за муха укусила?

Гро-Рене

Ты говоришь со мной, отродье крокодила,
Чье сердце низкое и лживое, как сон,
Коварней, чем сатрап иль дикий лестригон?
Ступай, ступай к своей любезнейшей хозяйке:
Что мы не дураки — скажи ей без утайки;
Что хитрости ее совсем не удались.
Ступай — и вместе с ней ты к чорту провались.

[Уходит]

Маринета

Да наяву ли ты, бедняжка Маринета?
Каким же демоном их гордость так задета?
Всем нашим милостям — и вдруг прием такой!
Вот удивятся-то все этому в людской!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Аскань, Фрозина

Фрозина

Аскань, болтливую меня не назовут.

Аскань

Но безопасно ли беседовать нам тут?
Что, если кто-нибудь нас невзначай встревожит
Или из-за угла подслушает, быть может?

Фрозина

Здесь безопаснее, чем дома, — верьте мне,
И можем говорить спокойно мы вполне:
Мы видим все вокруг, нас некому подслушать.

Аскань

О, как мне тяжело молчание нарушить!

Фрозина

Однако, ваш секрет серьезен должен быть.

Аскань

Да, если даже вам боюсь его открыть.
И если б было мне возможно промедленье,
Его не знали б вы.

Фрозина

Но это оскорбление.

Вы затрудняетесь открыть секрет свой мне,
 Чью дружбу верную вы знаете вполне;
 Мы вместе выросли, и не храню ли свято
 Все тайны, что о вас узнала я когда-то?

Аскань

Да, да, известна вам вся истина о том,
 Зачем был скрыт мой пол и скрыт мой отчий дом;
 Вы знаете, что к ним была взята я с детства
 Затем, чтоб сохранить у них в руках наследство;
 Что смерть в младенчестве их сына унесла,
 И за наследника я выдана была.
 Да, все известно вам; вот это и причина,
 Что легче будет мне открыться вам, Фрозина.
 Но ранее, чем я к рассказу приступлю,
 Мои сомнения вас разрешить молю:
 Ужели это все Альберту неизвестно,
 Ужели сыном он меня считает честно?

Фрозина

По правде, и меня смущало уж не раз
 То обстоятельство, что занимает вас:
 Затем этой всей не знаю я начала, —
 Не более меня и мать моя узнала.
 Вот все, что знаю я: когда их умер сын
 (Он был надеждой их, и был у них один;
 Богатый дядюшка ребенку до рожденья
 В духовной завещал огромные владенья),
 Отец в отъезде был; тогда решила мать
 Кончины мальчика ему не открывать:
 Он был бы вне себя вдвойне, лишась наследства,
 Что принесло б его семье такие средства.
 Чтоб скрыть всю истину (и вот ее вина!),
 Ребенка подменить придумала она.
 Обман устроила она довольно тонко:

Кормила ваша мать умершего ребенка ;
 Польстясь на выгоду, взялась беде помочь
 И выдать за него свою родную дочь.
 Так взяли вас от нас, где вы со мной возрастали ;
 Альберту ничего рассказывать не стали.
 Хранила свой секрет двенадцать лет жена ;
 Скоропостижно вдруг скончалась она,
 И смерть не принесла загадки разрешенья.
 Но с вашей матерью он не прервал сношенья,
 И тайно деньгами он помогает ей,
 Что подозрительно мне кажется скорей.
 С другой же стороны, он поженить вас хочет
 И о невесте вам усиленно хлопочет.
 Быть может, знает он не все, а только часть.
 Но в отступления весьма легко нам впасть :
 Так долго говорим — а все не ближе к цели.
 Вернемся же к тому, что вы открыть хотели.

А с к а н ь

Так знайте ж : у любви, Фрозина, зоркий взгляд —
 Не обмануть ее, надев чужой наряд.
 И под мужским плащом — любви коварной стрелы
 До сердца девушки проникнули несмелой.
 Фрозина, я люблю.

Ф р о з и н а

Вы любите ?

А с к а н ь

Люблю.

Постойте, я еще вас больше удивлю.
 Приберегите же, прошу вас, изумленье,
 Пока вам не скажу, о ком души томленье.

Ф р о з и н а

Но кто же ?

Аскань

Он — Валер.

Фрозина

Вы любите его?

Вы правы. Полюбить наследника, кого
Лишает ваш обман огромного имения!
Когда бы он имел хоть каплю подозрения,
Ведь состояние вернулось бы к нему;
Да, тут действительно дивиться есть чему.

Аскань

Я более еще должна открыть вам.

Фрозина

Что же?

Аскань

Что я его жена.

Фрозина

Жена! Великий боже!

Как? Вы его жена?

Аскань

Да, я его жена.

Фрозина

Да тут сойдешь с ума!

Аскань

Еще сказать должна...

Фрозина

Еще?

Аскань

Он этого до сей поры не знает
И о моей судьбе и не подозревает.

Фрозина

Добейте. Вы меня поставили втупик:
Смешались мысли все и отнялся язык;
Но как же разгадать подобную загадку?

Аскань

Коль вы хотите знать, скажу вам по порядку.
Когда к моей сестре Валер попался в сеть,
Я стала на него с участием смотреть;
Валер казался мне вполне достойным.
За ним следила я с смущеньем беспоконным,
Люсиль в холодности я стала обвинять,
Ей качества его старалась объяснять.
И что же! Поддалась влеченью незаметно,
Которое в сестре старалась вызвать тщетно.
Он обращался к ней — внимала я ему,
И каждый вздох его шел к сердцу моему.
Отвергнутые ей, слова его печали,
Как победители, мне в душу проникали,
И сердце слабое, Фрозина, захватил
Предназначавшийся не мне сердечный пыл.
Удар был отражен, а мне вся боль досталась,
И я за долг мужей с избытком рассчиталась.
И вот решила я, наперекор судьбе,
Скрыв правду от него, взять счастье себе.
С ним ночью встретилась под именем Люсилы;
Ему уста мои любовь мою открыли.
Тут все мне помогло: наряд мой, мрак ночной.
Он до конца не знал, что говорит со мной.
Под складками моей обманчивой одежды
Я возбудила в нем счастливые надежды;
Сказала, что к нему пылаю я давно,
Но что отцом моим другое решено,
Что потому при всех нам надо притворяться
И ночи лишь одной спокойной доверяться;
Что днем не должен он искать со мною встреч

Из опасения секрета не сберечь;
 Что буду я при всех такою, как бывало,
 Чтобы моей любви ничто не выдавало:
 Ни жест, ни вздох, ни взгляд, ни слово, ни намек,
 Что будет от меня, как прежде, он далек.
 Ну, словом, долго я рассказывать не стану,
 Как прибегала я не раз еще к обману
 И как я, наконец, последствий не боюсь,
 Своим супружеством с ним закрепила связь.

Фрозина

Талантов этаких не знала я за вами!
 Ах, вы притворщица с холодными глазами!
 Но поспешили вы, пожалуй, тут слегка:
 Хоть удавалось вам как будто все пока,
 Но ведь рассчитывать на тайну — безрассудно,
 И долго все скрывать, пожалуй, будет трудно.

Аскань

Чем удержать любви стремительный полет?
 Она одним горит, она одним живет.
 О, лишь бы цели ей достигнуть было можно —
 А остальное все так кажется ничтожно.
 Но все ж решила я открыться вам, мой друг,
 Мне нужен ваш совет. Ах, вот и мой супруг!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Валер, Аскань, Фрозина

Валер

Простите, может быть, явился я не в пору?
 Когда я вашему мешаю разговору,
 Я удалюсь.

А скань

О, нет. К чему от вас скрывать?
Вы дали тему нам и в праве нас прервать.

Валер

Я?

А скань

Да.

Валер

Но как?

А скань

Я здесь Фрозине объяснился,
Что, будь я женщиной, Валером бы пленился;
А если бы ему взаимно был я мил,
То счастье бы ему с восторгом подарил.

Валер

Увы! От этих слов мне проку очень мало,
Когда подобное нам «если» помешало.
Но что, когда бы вас я на слове поймал
И лестный отзыв ваш проверить пожелал?

А скань

Так что ж! Поверьте мне, будь вашим я предметом,
Взаимность вы нашли б наверно в сердце этом.

Валер

Так если б вы могли моей любви помочь
Своим вмешательством, вы были бы не прочь?

А скань

Нет, обмануло б вас такое ожиданье.

Валер

Как? После ваших слов — подобное признание?

Аскань

Как? Вы хотели бы просить меня — о чем?
 Чтоб, будь я девушкой, влюбленной в вас притом,
 Я обещала вам оказывать услуги,
 Чтобы добились вы любви иной подруги?
 Нет! слишком эта роль была бы тяжела.

Валер

Но вы не женщина.

Аскань

Вся речь моя была
 От сердца женского; так к ней и относитесь,
 Как к речи женщины.

Валер

Так, значит, согласитесь,
 Что, если небеса нам чуда не пошлют,
 Не должен ни на что рассчитывать я тут:
 Раз вы не женщина — прости вся ваша нежность,
 И встретить я у вас могу одну небрежность.

Аскань

Но я в делах любви ужасно щекотлив:
 Легко меня смутить, безделкой оскорбив,
 Когда пылаю я. Скажу вам откровенно:
 Я лишь тогда готов служить вам неизменно,
 Когда вы можете поклясться в свой черед,
 Что и у вас в душе любовь ко мне живет,
 Что дружбу пылкую мою делить вы рады
 И, будь я женщиной, не будь меж нас преграды,
 Ко мне пылали б вы сердечных чувств огнем.

Валер

Подобной ревности я не встречал ни в ком ;
Но, как бы ни было, мне это чувство лестно,
И вам охотно дам такую клятву.

Аскань

Честно?

Валер

Вполне.

Аскань

О, если так, я клятву вам даю,
Что ваши выгоды с своими я солью.

Валер

Я вскоре тайну вам одну открыть посмею
И дружбой мне помочь вы сможете своею.

Аскань

И я один секрет доверю тоже вам
И дружбу выказать мне вашу повод дам.

Валер

Каким же образом? Как я успею в этом?

Аскань

Вздыхаю тайно я ; а над моим предметом
Вы можете один иметь такую власть,
Чтоб увенчать мою мучительную страсть.

Валер

Откройтесь мне, Аскань ; когда мое участие
Способно вам помочь — своим считайте счастье.

А скань

Сказали больше вы, чем думали.

Валер

О нет.

Но назовите же скорее свой предмет.

А скань

Нет, время не пришло. Но будьте лишь готовы
Узнать, что то лицо вам очень близко.

Валер

Что вы!

О, как бы я был рад! Ужель моя сестра?..

А скань

Ни слова.

Валер

Почему?

А скань

Так. Не пришла пора.

Узнавши ваш секрет, я свой открыть посмею.

Валер

Но позволения еще я не имею.

А скань

Добейтесь же его и возвращайтесь с ним;
Кто будет друг верней — тогда мы и сравним.

Валер

Пусть так, я очень рад.

А с кань

Я буду клятве верен.

[Уходит Валер]

Фрозина

Он дружбу братскую найти у вас намерен.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Фрозина, Аскань, Маринета, Люсиль

Люсиль [Маринете]

Так решено. Пойми: одна возможна мечь —
Хоть чем-нибудь его в отчаянье привести.
О, сердцу моему так сладко будет мщенье!

[К Асканю]

Мой брат, вам предстоит увидеть превращенье.
Не буду больше я с Валером так горла,
Ему отдать любовь решаюсь навсегда.

Аскань

Что слышу! Вы шутить хотите, вероятно?
Мне переменчивость такая непонятна.

Люсиль

Но непонятнее ответ ваш для меня:
Не вы ль, достоинства Валера оценя,
Из-за него меня бранили так? Не вы ли
Меня в жестокости и гордости винили?
И что ж: решила я исполнить ваш совет —
И порицание встречаю вдруг в ответ!

Аскань

Я позабыл о нем, судьбою вашей занят;
Я знаю, что Валер вам отвечать не станет,

Другая страсть теперь душе его закон ;
А вдруг на ваш призыв не отзовется он ?

Лю с и л ь

Ах, самолюбие мое вас беспокоит ?
Поверьте, за него тревожиться не стоит :
Он от меня не скрыл своей любви огня.
Скажите же ему всю правду от меня ;
А не хотите вы — сама сказать сумею,
Что нежностью меня растрогал он своею.
Что это значит, брат ? Чем вы так смущены ?

А с к а н ь

Увы, сестра моя ! От сердца глубины
Я умоляю вас : одумайтесь, сдержитесь
И от намерений подобных откажитесь.
Сестра, Валер любим несчастною одной, —
Она мне дорога не менее родной ;
Внемлите же мольбам и заклинаньям брата ;
Подумайте, она ни в чем не виновата.
Она открылась мне ; и власть любви такой
Должна торжествовать над гордостью людской.
Да, вы бы сжалились наверно над бедняжкой,
Поняв, какой удар готовите ей тяжкий.
Страдая вместе с ней, скажу вам наперед,
Сестра моя, — она наверное умрет,
Невозвратимую потерю обнаруживая.
Эраст достоин вас ; для вас нет лучше мужа ;
Взаимная любовь...

Лю с и л ь

Мой брат, не знаю той,
О ком печетесь вы с такою добротой ;
Но прекратим наш спор : довольно, ради бога.
Я в одиночестве хочу побыть немного.

А скань

Жестокая сестра, вы губите меня,
Свое ужасное намеренье храня.

[Уходит]

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Маринета, Люсиль

Маринета

Какое быстрое, сударыня, решенье!

Люсиль

Любовь оскорблена, — ей нужно утешенье;
Что близко под рукой, берет она, спеша,
Чтоб мстью поскорей насытилась душа.
Изменник! Наглое такое оскорбленье!

Маринета

Я не могу врити в себя от изумленья:
Кругом да около напрасно я брожу;
Что приключилось тут — ума не приложу.
Едва ль возможно быть, — поверьте мне по чести, —
Восторженней, чем он, от вашей доброй вести:
Он так возликовал от вашего письма,
Звал божеством меня, был прямо без ума,
Однакоже, когда явилась я вторично,
Я встречена была — ну, прямо неприлично.
Все изменилось так, что просто чудеса!
Но что произошло за эти полчаса?

Люсиль

Что б ни произошло, мне это безразлично,
И ненависть моя отныне безгранична.
Как! Этой низости причину ищешь ты

Не в глубине его душевной черноты?
 Письмо мое, винюсь, есть слабости излишек,
 Но где же повод в нем для неприличных вспышек?

Маринета

Вы правы. Сознаюсь, он виноват кругом,
 И мы нигде черней измены не найдем.
 Вперед наука нам. Развешиваем уши,
 Когда бездельники смущают наши души,
 Клянутся нам в любви, страдают без конца —
 И эти рассказы смягчают нам сердца.
 Мы поддаемся им затем, что слишком слабы.
 Мы глупы, а они... Чума их всех взяла бы!

Люсиль

О, пусть он надо мной смеется, — ничего!
 Недолго ведь его продлится торжество.
 Я покажу ему, как в сердце благородном
 Легко сменить любовь презрением холодным.

Маринета

Да хорошо еще, что мы не в их руках:
 Что было б иначе — подумать просто страх.
 Нет, что ни говори, недаром в вечер темный,
 Как расшались мы, я оставалась скромной.
 Другой бы, может быть, и натянули нос:
 «Брак, мол, прикроет грех». Но я — nescio vos.

Люсиль

Послушай, неужель твой ум так мало чуток,
 Что этаким момент ты выбрала для шуток?
 Я в сердце самое поражена навек,
 И если б захотел тот низкий человек, —
 Но нет, я и на то рассчитывать не смею,
 Что как-нибудь отмстить удастся мне злодею
 (Уж слишком был небес несправедлив удар,
 Чтоб ждать от них себе могла я мести в дар),—

Когда б он захотел по воле провиденья
 Мне жизнью заплатить за эти заблужденья,
 В слезах у ног моих проступок свой кляня, —
 Не вздумай за него упрашивать меня.
 Напротив, я хочу, чтоб ты без сожаленья
 Напоминала мне всю дерзость оскорбленья;
 И если б в слабости сердечной я могла
 Забыть, как честь моя унижена была, —
 Пусть преданность твоя суровой вдвое будет
 И справедливый гнев опять во мне разбудит.

Маринета

О нет, не бойтесь вы, чтобы мой гнев утих:
 Оскорблена и я не меньше вас самих,
 И лучше в девушках всю жизнь свою останусь,
 Но с толстяком своим коварным я расстанусь.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Маринета, Люсиль, Альберт

Альберт

Люсиль, нельзя ль ко мне учителя позвать?
 Хочу наедине я с ним потолковать:
 Быть может, он мое рассеет беспокойство
 И брата вашего мне объяснит расстройство.

[Уходят Люсиль и Маринета]

В какие пропасти мучений и забот
 Дурной поступок нас безжалостно влечет.
 Корыстолюбия презренного избыток
 Уж сколько моему доставил сердцу пыток!
 Наследство столько уж мне принесло вреда,
 Что лучше бы о нем не знать мне никогда.
 То мне представится, что стал обман известным,
 Что в нищете семья, я заклеймен «бесчестным»;

То я за жизнь его пугаюсь и дрожу,
 О мальчике чужом совсем с ума схожу;
 Уеду ль по делам, боюсь по возвращенью
 О бедствии таком услышать сообщенье:
 «Как, вы не знаете? У вашего сынка
 Горячка, сломана нога или рука». —
 О чем ни думаю, а в мыслях неотвязных
 Сто разных горестей и бед разнообразных.
 А!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Альберт, Метафраст

Метафраст

Mandatum tuum curo diligenter.

Альберт

Учитель, я хотел...

Метафраст

Учитель — magister,

В три раза больший.

Альберт

А! не знал, скажу по чести.

Но это все равно. Учитель, надо вместе...

Метафраст

Прошу вас продолжать.

Альберт

Я рад бы продолжать,

Но красноречие вас попрошу сдержать.

Итак, учитель, я, — уж в третий раз, заметьте, —

Хочу просить у вас: на мой вопрос ответьте.
Мой сын, — вы знаете, мне очень дорог он...

Метафраст

«Filio non potest...»

Альберт

Эх, бросьте ваш жаргон!

Чтоб с вами по душам потолковать о сыне,
Совсем нам прибегать не надобно к латыни.
Я верю на слово — готов поклясться в том —
И в ваши знания и в докторский диплом.
Но чтобы выяснить его тоски причину,
Вы вашу не должны выкладывать доктрину
И поучать меня, и слов пускать картечь,
Как будто с кафедры вы говорите речь.
Покойный мой отец (он был высоких правил)
Лишь часослов меня весь выучить заставил, —
Полвека я его читаю день за днем
И все же ни аза не понимаю в нем.
Так от науки вы на время оторвитесь
И речью, так и быть, ко мне приоровитесь.

Метафраст

Так.

Альберт

Сыну моему внушает ужас брак.
Напрасно я его пытаю так и сяк.
Холодность вижу в нем одну и нежеланье.

Метафраст

Не Марка ль Туллия сказалось здесь влияние?
Подобных склонностей его держался брат:
Еще Athanaton, как греки говорят...

Альберт

Оставьте греков вы, славян всех и албанцев
И всяческих тому подобных иностранцев;
Ученый мой магистр, они тут не при чем,
У нас нет с ними дел; он с ними не знаком.

Метафраст

Оглично. Что ж ваш сын?

Альберт

Меня берет сомненье:

А вдруг он тайное скрывает увлечение?
Он грустен, молчалив. Уж тут не жди добра.
Как по хозяйству лес я обходил вчера,
Я подглядел его в непроходимой чаще.
Уединения он стал искать все чаще.

Метафраст

«В уединении скрывался он лесном».
Такое место мы *secessus* назовем.
Вергилий так сказал: «*Est in secessu locus*»...

Альберт

Вергилий вам сказал? Однако, вот так фокус:
Откуда он узнал? Ведь в той лесной глуши
Мы были — я да сын, и больше ни души.

Метафраст

Прошу прощенья: назвал я имя это
Не как свидетеля — как славного поэта.

Альберт

А я вам говорю: мне вовсе дела нет,
Что скажет вам любой свидетель иль поэт.
Я подтверждаю сам свои предположенья.

Метафраст

Однако, выбирать должны мы выраженья
У лучших авторов. «Tu vivendo bonos, —
Нас учат, — scribendo sequare peritōs».

Альберт

Чорт или человек, меня ты слушать будешь?

Метафраст

Квинтилиан сказал...

Альберт

Терпенье с ним забудешь!

Болтун!

Метафраст

Его слова сейчас вам приведу
И верно к ним у вас сочувствие найду.

Альберт

О, чорт тебя возьми! Ужель тебе все мало?
Вот искушение меня вдруг обуяло:
Вкатить бы парочку хороших оплеух!

Метафраст

Что вас так гневает, что вы бранитесь вслух?
Чего хотите вы?

Альберт

В двадцатый раз: нельзя ли,
Чтоб вы дослушали меня и не прервали?

Метафраст

Ах, только и всего? К чему же столько слов?
Молчу.

Альберт

Давно бы так.

Метафраст

Я слушать вас готов.

Альберт

Итак...

Метафраст

Пускай сойду на ранней смерти ложе,
Когда хоть слово я скажу.

Альберт

Помилуй боже!

Метафраст

Мне не поставите болтливости в вину.

Альберт

Аминь.

Метафраст

Начните же рассказ ваш.

Альберт

Я начну.

Метафраст

Не бойтесь, чтоб я вас прервал не деликатно.

Альберт

Я верю.

Метафраст

Слушать вас мне будет лишь приятно.

Альберт

Прекрасно.

Метафраст

Обещал я замолчать совсем.

Альберт

Довольно же.

Метафраст

И я отныне буду нем.

Альберт

Чудесно.

Метафраст

Ну, смелей. Но говорите кратко.
В моем внимании не будет недостатка,
Я не раскрою рта.

Альберт [*в сторону*]

Предатель и злодей!

Метафраст

Но говорите же, — кончайте поскорей.
Я долго слушал вас, и слушал бескорыстно:
Пора начать и мне.

Альберт

Так слушай, ненавистный...

Метафраст

Как? Слушать — все еще? Сбегу со всех я ног,
Коль мы не превратим беседу в диалог.

Альберт

Мое терпение...

Метафраст

Все говорит! Per Iovem!

Альберт

Я не сказал...

Метафраст

Ужель ничем не остановим
Потока быстрого стремительных речей?
Я прямо изумлен! Он льется, как ручей!

Альберт

Я наконец взбешусь!

Метафраст

О, пытка без названья!
Открыть мне дайте рот хотя б из состраданья!
Молчащего глупца смешают, наконец,
С безмолвным мудрецом.

Альберт *(уходя)*

Ты замолчишь, мудрец!

Метафраст

Здесь мысль мудрейшую припомнить не пора ли?
Мысль эта: «Говори, чтобы тебя познали».
Да, если у меня речь будет отнята,
То превратиться я скорей готов в скота
И уподобиться безмолвному творенью.
Ну, вот. Опять на всю неделю я с мигренью.
О, сколь несносны мне такие болтуны!
Но если замолчать ученые должны
И не внимает мир их речи вдохновенной —
Пускай изменится порядок во вселенной —
Пусть курица начнет лисицу загрызать,
Пусть смеет старику младенца приказать,

Пускай охотятся ягнята за волками,
Законом правит шут, а женщины — полками.
Преступник над судьей пусть совершает суд,
А школьники пускай учителя секут,
Здоровому больной лекарство предлагает,
Пугливый заяц же...

*(Альберт, вернувшись, звонит над ухом Метафраста колокольчиком
и этим обращает его в бегство)*

Спасите! Убивают!

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Маскариль [один]

Уж правду говорят, что бог владеет смелым:
Так справишься подчас и с самым трудным делом.
Об осторожности обещанной забыв,
Я с посторонними уж слишком был болтлив;
Но средство я нашел поправить это дело,
Скорей хозяину все рассказал я смело.
Отчасти — ветреный меня смущает сын:
Но, черт меня возьми, другой-то господин,
Того ведь и гляди, он наш обман откроет
И нам еще скандал неслыханный устроит!
Да, да — потороплюсь исправить промах свой:
Быть может, стариков мы склоним к мировой;
Теперь — от нашего, чтоб кончить эти смуты,
Иду к Альберту я, не медля ни минуты.

Стучит в дверь к Альберту]

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Маскариль, Альберт

Альберт

Кто там?

Мольер, I

М а с к а р и л ь

Свои.

А л ь б е р т

А, ты! А по каким делам?

Ну?

М а с к а р и л ь

Сударь, «добрый день» пришел сказать я вам.

А л ь б е р т

Так из-за этого трудился ты? Напрасно.

Спасибо, добрый день.

(Уходит)

М а с к а р и л ь

Гм! Коротко и ясно.

Вот резкий человек!

(Стучит опять)

А л ь б е р т

Как! Это ты опять!

М а с к а р и л ь

Вы не дослушали.

А л ь б е р т

Ты «добрый день» сказать

Хотел мне?

М а с к а р и л ь

Сударь, да.

А л ь б е р т

Какие ж разговоры?

Ну, добрый день — и все.

[Он уходит, Маскариль удерживает его]

Маскариль

Я к вам от Полидора.

Альберт

Другое дело. Так. Он мне прислал поклон?

Маскариль

Да, сударь.

Альберт

Истинно, весьма любезен он.

Скажи, что всяких благ ему желаю тоже.

[Уходит]

Маскариль

Он церемонный враг, на то весьма похоже.

[Стучит]

Еще не кончил я: хотел бы пару слов

Он вам сказать.

Альберт

Вот как? Я слушать их готов.

[Он уходит, Маскариль удерживает его]

Маскариль

Дозвольте ж мне его докончить порученье:

Он должен важное вам сделать сообщенье;

Решил у вас отнять он несколько минут,

И, сударь, вслед за мной сейчас он будет тут.

Альберт

В чем дело? Для бесед не вижу я предлога.

Маскариль

Принявши, вы его обяжете премного:

Он обстоятельство узнал сейчас одно, —

Равно обоих вас касается оно.
Вот с чем я приходил.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Альберт *(один)*

О небо! Трепещу я,
Всю неминуемость ужасной бури чую.
Какие же у нас иначе с ним дела?
Конечно, вот оно. С дьба меня нашла.
Сыскался, верно, уж какой-нибудь предатель —
И опозoren я навеки, мой создатель!
Открылся мой обман. О, правды скрыть нельзя!
Полна случайностей опасной лжи стезя.
О, я бы не терпел такой ужасной казни,
Когда б послушался внушения боязни,
Советовавшей мне скорей мой долг вернуть
И с чистой совестью вступить на правый путь!
Все мирно бы пошло; душа б спокойной стала,
И я избегнул бы позорного скандала.
Но поздно, поздно уж. И я покрыт стыдом.
Богатство, хитростью вошедшее в мой дом,
Покинувши его, возьмет с собою вместе
Остаток моего имущества и чести.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Альберт, Полидор

Полидор *[не замечая Альберта]*

Что тут поделаешь? Обвенчаны тайком!
Ах, если б это все окончилось добром!
Не знаю, что нас ждет. И не без основанья

Страшусь богатого отца негодованья.

[*Видит Альберта*]

Но вот он здесь — один.

Альберт

О боже! Полидор!

Полидор

Боюсь заговорить.

Альберт

Боюсь поднять я взор.

Полидор

Как приступить?

Альберт

С чего начать мне объясненье?

Полидор

Он сильно возбужден.

Альберт

В его чертах волненье.

Полидор [*Альберту*]

Вы, верно, знаете, как мне ни тяжело,
Что, сударь, к вам меня сегодня привело.

Альберт

Увы!

Полидор

Сразила вас такая весть, бесспорно.
Я сам не верил ей, скажу вам непритворно.

Альберт

Придется мне краснеть от горя и стыда.

Полидор

Переносить обман нам тяжело всегда,
И я оправдывать не стану преступленье.

Альберт

Господь и грешнику дарует искупленье.

Полидор

Конечно, — это я хотел сказать сперва.

Альберт

Мы — христиане ведь.

Полидор

Прекрасные слова.

Альберт

Простите, Полидор, коль вы великодушны.

Полидор

Веленьям доброты вы будете ль послушны?

Альберт

Прошу я милости, колени преклоня.

Полидор

Подобные мольбы пристойней для меня.

Альберт

Вы к сединам моим имейте сожаленье.

Полидор

Простите вы меня за это оскорбленье.

Альберт

Я в сердце поражен подобной добротой.

Полидор

С таким смирением отнесся бы святой.

Альберт

Простите же меня.

Полидор

У вас молю прощенья.

Альберт

Не в силах выразить я своего смущенья.

Полидор

И сам отчаянья не в силах я сдержать.

Альберт

Одна моя мечта — огласки избежать.

Полидор

Увы! Могу ли я и сам желать иного?

Альберт

Спасите честь мою.

Полидор

Даю вам в этом слово.

Альберт

А денежный вопрос решайте вы одни.

Полидор

Ну, нет. Позвольте мне остаться здесь в тени:

Во всем заранее я соглашаюсь с вами.

Доволен я уж тем, что вы довольны сами.

Альберт

Вот божий человек! Вот ангел доброты!

Полидор

Вы сами так добры!

Альберт

От сердца полноты

Хотел бы вам всех благ возможных пожелать я!

Полидор

Спаси и вас господь!

Альберт

Обнимемся, как братья.

Полидор

От всей моей души: я бесконечно рад,
Что все так хорошо пошло у нас на лад.

Альберт

Да, слава господу!

Полидор

Скрывать от вас не буду,

Что, это все узнав, подумал: «быть тут худу».
У вас ведь связей тьма, богатая казна,
И вашей дочери единственной вина...

Альберт

При чем тут дочь моя? Здесь речь не о Люсили!

Полидор

Да, да, любезный друг, вы правильно спросили:
Она здесь не при чем, и больше во сто крат,
Конечно, мой сынок-повеса виноват.
Готов признать, что он — один всему виною,
Не ваша дочь с ее высокой чистотою.
Да, был бы от нее подобный шаг далек,

Когда бы он ее в проступок не вовлек :
 Он дерзко соблазнил невинное созданье
 И все отцовские расстроил ожиданья.
 Но дело сделано, и, вняв мольбам моим,
 Свое прощенье вы даровали им.
 Так сожаления бесцельные оставим —
 И пышным торжеством их тайный брак исправим.

Альберт [*в сторону*]

Мой бог! Что слышу я! Иль я попал впросак?
 Ведь это из огня да в полымя никак!
 Не должен отвечать ни под каким я видом,
 Не то еще себя я с головою выдам.

Полидор

О чем задумались, скажите?

Альберт

Ни о чем.

На время, я прошу, беседу мы прервем;
 Мне вдруг занемоглось. Покамест, до свиданья.

[*Уходит*]

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Полидор [*один*]

Да, я готов понять души его страданья,
 Читаю ясно в ней и вижу все насквозь:
 Негодование в нем еще не улеглось;
 Хотя он очень добр, но тяжела обида,
 И трудно упустить ему ее из вида.
 Он от меня ушел, чтоб скрыть свою печаль.
 Пусть успокоится, — его мне, право, жаль.
 Но время лучший врач для бедствий и несчастий.
 А! Вот мой сумасброд, источник всех напастей.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Полидор, Валер

Полидор

Ну, что ж, красавчик мой? Доколе ваша прыть
 Отцу безвременно могилу будет рыть?
 Что день, то новости и свежие проказы;
 Я только слушаю занятые рассказы.

Валер

Что я преступного такого совершил
 И чем отцовский гнев, скажите, заслужил?

Полидор

Конечно, я тиран, я изверг не на шутку:
 Такого обвинять примерного малютку!
 Куда, помилуйте! В святые он готов:
 С утра до вечера — в руках молитвослов,
 А если рассказать, что милый наш отшельник
 Ночь обращает в день — откажешься, бездельник?
 Сказать, что для тебя не значат ни черта
 Отец, семья, родня — ты скажешь: «клевета»?
 А если рассказать о том, что стало явно,
 Как в тайный брак вступил любимчик мой недавно,
 Последствий не боюсь? Да это был другой,
 И неповинен в том мой мальчик дорогой!
 Он даже не слышал об этом приключенье.
 О, небо мне тебя послало на мученье!
 Ужели никогда не станешь ты умней,
 И мне терпеть глупца вплоть до последних дней?

[Уходит]

Валер [один]

Откуда он узнал? Вот что меня тревожит.
 Конечно, Маскариль: иначе быть не может.
 Он не сознается. Постой же: притворюсь,
 Сдержу свой правый гнев и правды я добьюсь.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Маскариль, Валер

Валер

Послушай, Маскариль, отцу уж все известно.

Маскариль

Вот как?

Валер

Он знает все.

Маскариль

Откуда, интересно?

Валер

Не знаю, от кого узнать он это мог.
Одно тебе скажу: он вовсе не был строг;
Я вспомнить не могу об этом хладнокровно.
Он понял и простил отечески, любовно,
Ни слова резкого он мне не произнес.
Я счастлив, Маскариль. Теперь один вопрос:
Кто, кто был так умен, так ловко и умело
Сумел его смягчить и объяснить все дело?
Кого благодарить должна душа моя?

Маскариль

А если бы я вам сказал, что это я, —
Я б удовольствие доставил вам большое?

Валер

Э, полно, шутишь ты: остав меня в покое.

Маскариль

Все это от меня узнал мой господин,
И вашей радости виновник — я один.

Валер

Меня дурачишь ты; с тобой я время трачу.

Маскариль

Пусть чорт меня возьмет, коли я вас дурачу!

Валер *[обнажая шпагу]*

Пусть он меня возьмет, коли тебе сполна
Не будет поделом награда воздана!

Маскариль

Ай, сударь, что это? Я не люблю сюрпризов.

Валер

Ага, презренный плут, попался ты на вызов!
Ты не сознался бы иначе мне, злодей!
Так вот как в верности ты клялся мне своей?
Изменник! Твой донос, да, твой язык проклятый
Разгневал батюшку: не постою за платой.
Ты погубил меня — настал твой час: молись,
Сейчас умрешь.

Маскариль

Зачем за шпагу вы взялись?
Не подготовлена моя душа к кончине.
По уважительной, поверьте мне, причине
Открыл я ваш секрет; теперь успех вас ждет:
То государственный лишь был переворот;
Дождитесь же конца, — увидите тогда вы,
Как в ярости своей вы были бы неправы.
Чего вы сердитесь? Одно ведь важно тут
(И к этому мои старания ведут),
Чтоб признан был ваш брак и кончилась вся мука.

Валер

А если ты мне лжешь? Где у тебя порука?

Маскариль

Так вы меня убить успеете всегда.
 Ей-богу, обождать большого нет вреда.
 А вдруг бог вступится, и ваш слуга дождется,
 Что вам еще его благодарить придется?

Валер

Посмотрим. Но Люсиль...

Маскариль

Тс... вот ее отец.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Валер, Альберт, Маскариль

Альберт [*в сторону*]

Не знаю я теперь, что думать, наконец:
 Я страхом был введен невольно в заблуждение.
 Но странным кажется его мне поведение.
 Люсиль клянется мне, что все — чистейший вздор,
 И что не лжет она, я вижу с этих пор.

[*Валеру*]

А, сударь! Это вам обязаны мы сказкой,
 Честь дочери моей позорящей оглаской?

Маскариль

Извольте, сударь, тон немного легче взять:
 Не слишком гневайтесь, — ведь это же ваш зять.

Альберт

Как — зять, негодный плут? Смотря на эту мину,
 Легко поверить мне, что ты пустил машину
 И первый изобрел все это плутовство.

Маскариль

Да что так сердит вас, я не пойму того.

Альберт

Как! Дочь мою чернить, позорить все семейство, —
По-твоему, пустяк подобное злодейство?

Маскариль

Покорным вам во всем найдете вы его.

Альберт

Хочу я правду знать, и больше ничего.
Когда бы он питал любовь к моей Люсиле,
Когда б намеренья его достойны были,
Тогда б он честно мог идти прямым путем,
Удостовериться в согласии моем
И низким вымыслом и клеветою лживой
Не оскорблять ее невинности стыдливой.

Маскариль

Так, значит, ваша дочь Валеру не жена?

Альберт

Нет, и не будет в век его женой она.

Маскариль

А если этот брак окажется свершенным, —
Желаете тогда признать его законным?

Альберт

А если этот брак плод выдумки твоей, —
Желаешь битым быть, чтоб не собрать костей?

Валер

Но в правде слов его я вас уверить смею

Альберт

Я вижу, господин вполне под стать лакею,
И оба заодно — отменные лгуны!

Маскариль

По чести говорю, вы верить нам должны.

Валер

К чему б стараться нам уверить вас в обмане?

Альберт [*в сторону*]

Не спелись лучше бы на ярмарке цыгане.

Маскариль

Не будем ссориться, кто прав и чья вина;
Спросите-ка Люсиль, — что скажет вам она.

Альберт

А если вас она изобличит в обмане?

Маскариль

Не будет этого, ручаюсь вам заране.
Не откажите лишь в прощении своем —
И можете меня изжарить вы живьем,
Коль не признается она в своем ответе
И в страстной их любви, и в данном ей обете.

Альберт

Я должен все узнать.

[*Идет и стучит в свою дверь*]

Маскариль [*Валеру*]

Ну, он у нас в руках.

Альберт

Люсиль! На пару слов.

Валер [*Маскарилю*]

Боюсь...

Маскариль

Оставьте страх.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Валер, Альберт, Маскариль, Люсиль

Маскариль [*Альберту*]

Позвольте мне сказать, прошу вас.

[*Люсиль*]

Будьте рады,

Сударыня, любовь разрушила преграды:
Ваш батюшка, узнав про ваш сердечный пыл,
В безмерной доброте простить ваш брак решил:
Теперь вы можете без всякого стеснения
Своим признанием разрушить все сомненья.

Люсиль

О чем он говорит, нахальный этот плут?

Маскариль

Однако, славные мне титулы дают.

Люсиль [*Валеру*]

Скажите, сударь, мне: чьей мысли интересной
Мы этой сказкою обязаны прелестной?

Валер

Простите, ангел мой, но выдал нас лакей;
Известным стал наш брак — не по вине моей.

Лю с и л ь

Наш брак?

В а л е р

Открыто все, — и вот моей богине
К притворству прибегать не надобно отныне.

Лю с и л ь

Как? Я в вас влюблена? Вы тайно мой супруг?

В а л е р

Создаст мне тысячу завистников вокруг
Известие, что я навеки с вами связан,
Что вашей доброте я счастием обязан.
Я знаю, что ваш гнев бесспорно справедлив:
Глубокой тайною союз наш окружив,
Вы приказали мне не открывать секрета,
И я, скрывая страсть, не нарушал запрета;
Но...

М а с к а р и л ь

Да, я выболтал: не велика беда!

Лю с и л ь

Какая клевета! Иль нет у вас стыда?
В моем присутствии вы на своем стоите
И этой хитростью добыть меня хотите?
Так вот же он каков влюбленный! Не сумел
Он ранить сердца мне — так не жалеет стрел,
Чтобы ранить честь мою! А мой отец в испуге
Уже готов меня отдать ему в супруги!
Так нет же: пусть за вас вступается весь свет,
Все склонность чувств моих, отец, судьба — нет, нет!
Не отступила бы я в гнев перед борьбою
С своею склонностью, с отцом, с самой судьбою.
Скорее смерть, чем мне отдать себя во власть

Тому, кто хитростью хотел меня украсть.
 Ступайте. Помните: когда б не стыд девичий,
 Который требует не преступать приличий,
 О, я сумела б вас достойно проучить.

Валер [Маскарилю]

Нет, гнева этого ничем мне не смягчить.

Маскариль

Я с ней поговорю. Сударыня, простите:
 К чему вам прибегать к ненужной лжи защите?
 Какая ваша цель? Все это словно бред:
 Вы поступаете своей любви во вред.
 Ну, будь ваш батюшка тиран неумолимый...
 Но нет — готов простить он дочери любимой.
 Он сам мне обещал — вот вам моя рука,
 Что за признание вам простит наверняка.
 Я понимаю все: поверьте, очевидно
 Вам без стеснения в любви открыться стыдно;
 Но — пусть из-за любви грех на душе лежит —
 Поверьте, свадьбою ведь всякий грех прикрыт.
 Да и какой тут грех, что вы так полюбили?
 Подумаешь, что вы кого-нибудь убили!
 Плоть наша немощна, известно всем давно.
 Притом же девушка не камень, не бревно;
 Не вы ведь первая, не вам быть и последней.

Люсиль

Ужель не прекратят его нахальных бредней?
 Вы слушаете их, молчание храня,
 И не вступаетесь, отец мой, за меня?

Альберт

Но что же мне сказать? Такое приключение...
 Я просто вне себя.

Маскариль

Скажу вам в заключение,
Что вам давно пора признаться бы во всем.

Люсиль

В чем, в чем признаться мне?

Маскариль

Сударыня, как в чем?
Признайтесь только в том, что было между вами.
Подумать — страх какой!

Люсиль

Что ж было между нами,
Скажи, чудовище?

Маскариль

Ну, думается мне,
Вам лучше знать про то; уж тут я — в стороне.
Но слишком эта ночь была для вас приятна,
Чтоб вы ее легко забыли, вероятно.

Люсиль

Иль слушать надо мне бесстыжего слугу?
Довольно, батюшка. Я больше не могу.

[Дает Маскарилю пощечину и уходит.]

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Валер, Маскариль, Альберт

Маскариль

Ого! Мне, кажется, пощечина влетела.

Альберт

Наглец, ты получил пощечину за дело.

Маскариль

А тем не менее, сам чорт меня возьми,
Когда я здесь солгал пред добрыми людьми!

Альберт

А тем не менее, пусть мне отрежут уши,
Коль я не прекращу бесстыдной этой чужи!

Маскариль

Хотите, я двоих свидетелей найду?

Альберт

Двух конюхов тебя избить я приведу.

Маскариль

Их показания вполне ваш взгляд изменят.

Альберт

Мой недостаток сил — их кулаки заменят.

Маскариль

Поверьте, что Люсиль лишь смущена была.

Альберт

Поверь, что я легко найду причину зла.

Маскариль

Знаком ли вам Ормен, нотариус известный?

Альберт

Знаком тебе, скажи, Гремпан, палач наш местный

Маскариль

Еще портной Симон, — он, верно, вам знаком?

Альберт

И виселичный столб на рынке городском?

Маскариль

Они вам подтвердят, что брак вполне законный.

Альберт

Они закончат путь, тобою здесь пройденный.

Маскариль

Свидетелями их просили быть они.

Альберт

На виселице ты окончишь дни свои.

Маскариль

Я видел это все и очень был утешен.

Альберт

А я увижу сам, как будешь ты повешен.

Маскариль

Примета: черный шарф надет был на нее.

Альберт

Примета: на лицо взгляну лишь я твое.

Маскариль

Упрямый ты старик!

Альберт

Ты выродок природы!

Благодари судьбу, что мне мешают годы
За дерзости тебя сейчас же лично вздуть:
Но ты получишь все сполна, спокоен будь.

[Уходит]

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Валер, Маскариль

Валер

Ну, что же, где успех, обещанный тобою?

Маскариль

Я понимаю вас. Что ж? Я гоним судьбою;
 Со всех сторон беда: тут виселица ждет,
 Там — палки для меня. Покончу с жизнью счет.
 Довольно мне терпеть мучения и горе:
 Пойду и со скалы скорее брошусь в море.
 Но где достаточно высокая скала,
 Чтобы она вполне по вкусу мне была?
 Прощайте, сударь мой.

Валер

Ни с места — ты мой пленник:

И если умирать — умрешь при мне, изменник.

Маскариль

Нет, будет на людях мне умирать трудней,
 И запоздать могу со смертью я своей.

Валер

Я покажу тебе — шутить здесь будет кстатилль:
 Иди, иди за мной, не рассуждай, предатель.

[Уходит]

Маскариль

Несчастный Маскариль, каких ты нажил бед!
 Платясь за грех чужой, себе принес лишь вред.

[Уходит вслед за Валером]

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Аскань, Фрозина

Фрозина

Все это не к добру.

Аскань

Да, милая Фрозина.

Ах, ложь запутала меня, как паутина,
Судьба мне гибелью грозит из-за угла.
Конечно, наши все откроются дела.
Фрозина, добрый друг, ну, как я тайну скрою?
Ведь всем случившимся Валер с моей сестрою
Заинтригованы, добиться захотят,
Что это значит все и кто тут виноват.
Узнавши истину, таить ее не станут.
И, знает ли Альберт, иль сам он был обманут,
Но раз откроется вся правда обо мне,
И денег по моей лишится он вине,
На что же я ему тогда, судите сами?
Какими на него владею я правами?
Весь интерес его ко мне исчезнет вдруг.
И как бы ни смотрел на это мой супруг,
Захочет ли признать такой союз обманной
Он с бесприданницей, бездомной, безымянной?

Фрозина

Вы рассуждаете так ясно и умно;
Но помнить это все вам надо бы давно.
Да чем же были вы ослеплены доселе?
Не надо было быть колдуньей в этом деле,
Чтоб все предугадать, что в будущем вас ждет.
Как заблуждаться вы могли на этот счет?
С тех пор, как знаю все, мне чудится невзгода,
И не предвижу я хорошего исхода.

Аскань

Но что же делать мне? Обдумать силы нет.
На место став мое, подайте мне совет.

Фрозина

На место ваше став, я жду от вас ответа
И в бедствии моем хорошего совета.
Я — значит, это вы, а вы — вы стали мной;
Так вам теперь решать приходится одной.
Фрозина милая, как справимся мы с этим?

Аскань

Увы! где ждем любви, там мы насмешку встретим.
Смеетесь вы моей отчаянной судьбе.
Я мало в вас нашла участия к себе.

Фрозина

Нет, верьте, ваша мне чувствительна забота.
Чем в силах, помогу распутать вам тенета.
Но что же я могу? Куда ни погляди,
Немного вижу я надежды впереди.

Аскань

Так остается мне отбросить жизнь, как бремя.

Фрозина

Ого! Для этого всегда найдется время:
Смерть — под рукой у нас в любой момент, и к ней
Нам надо прибегать как можно попоздней.

Аскань

Нет, нет, Фрозина, нет. Слова здесь бесполезны,
И если вы меня не вырвете из бездны,
То жизни я скажу в отчаянье: «прости».

Фрозина

Вот что я думаю: мне надо бы пойти...
Но тсс... Эраст идет, нам будет неудобно.
Уйдем и по пути обсудим все подробно.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Эраст, Гро-Рене

Эраст

Неужели опять с отказом ты пришел?

Гро-Рене

Навряд ли хуже мог быть принятым посол.
Едва лишь я спросил, как вы мне приказали,
Что повидать ее минутку вам нельзя ли, —
Она ответила, взглянувши с высоты:
«Ступай... Он нужен мне не более, чем ты;
Я знать вас не хочу». И с этой речью строгой,
Мне спину повернув, пошла своей дорогой.
За ней, задравши нос, и Маринета вслед:
«Оставь в покое нас, бубновый ты валет».
И вот — моя судьба не радостней, чем ваша,
И не минула нас одна и та же чаша.

Эраст

Неблагодарная! Так вот каков прием
Для сердца верного и в бедствии своем!
Да в чем виновен я? Лишь в том, что подозрею
Позволил заползти мне в душу мрачной тенью.
Но, боже! Как бы я спокойно видеть мог
Успехов моего соперника залог?
И кто другой бы мог перенести спокойно
Мысль, что обманут он, обманут недостойно?
И я ли, несмотря на тяжесть всех улик,
Не ждал ни клятв, ни слов, а в истину проник?
Когда еще кругом загадка всех смущает,
Уж сердце ей свое доверье возвращает.
Она ж поспешности подобной не ценя,
Не видит чувств моих, не поняла меня.
Не то, чтоб выяснить, помочь хотя бы словом,
Противостать для нас готовящимся ковам —
Покинула меня в отчаянье, во тьме;
Несносно слышать ей о встрече, о письме!
Увы, любовь была светильником без масла,
Когда от малости такой она угасла.
Гнев этот показал неумолимо мне,
Как мало было чувств в сердечной глубине
И как моей душе ценить бы нужно мало
То, чем ее каприз дарил меня бывало!
Нет! Больше верности не стану я хранить
Для сердца, что любви не в силах оценить.
Раз вижу холодность любви моей навстречу,
Я так же поступлю, и так же ей отвечу.

Гро-Рене

И я за вами вслед: сердиться, так вдвоем.
Ошибкой юности любовь мы назовем.
Красоткам ветреным давать не надо воли:
Докажем, что свои мы чувства поборили.
Кто издевательство способен перенести,

Достоин, чтоб его затрагивали честь.
 Они б не брали верх, не будь мы простаками:
 Да, да, в их гордости мы виноваты сами.
 (И если я не прав — себя повесить дам)
 Они бы вешались на шею сами нам,
 Когда б не вздохи все, моленья, клятвы, мины,
 Которыми в наш век балуют их мужчины.

Э р а с т

Презренье более всего меня гнетет.
 Но пусть она его узнает в свой черед:
 Я новым пламенем свою наполню душу.

Г р о - Р е н е

Ну, нет. Что до меня — теперь я женщин трушу:
 Я откажусь от всех, не буду я дурак,
 И лучше, если б вы решили точно так.
 Позвольте вам сказать: плохая их природа,
 Они животные особенного рода,
 Как сказано о них; к дурному все склонны,
 Для изучения, к тому ж, весьма трудны.
 Животное всегда останется животным,
 Хотя бы даже был срок дней его бессчетным;
 Вот так и женщина, — останется навек
 Всего лишь женщиной. Отсюда: некий грек
 Сказал, что голова ее — песок сыпучий.
 Вот рассуждение, теперь даю вам случай
 Обдумать это все; как знаете и вы,
 Для тела голова играет роль главы;
 А тело без главы — как дикий зверь опасно;
 Когда не все у них налажено согласно
 И в ход не пущены ни циркуль, ни компас,
 То неприятности случаются подчас,
 И часть грубейшая стремится к полновластью
 Над тонкой, более чувствительною частью:
 Кто тянет вверх, кто вниз; то просит об одном,
 А это — о другом, и все идет вверх дном.

Да, женской голове (отсюда это ясно)
 Название флюгера дано ведь не напрасно.
 Вот, сударь, почему друг Аристотель сам
 Уподобляет их всегда морским волнам.
 Отсюда говорят (как знают даже дети):
 «Устойчивей волны нет ничего на свете».
 Итак, сравнение (сравнение ж всегда
 Поможет доводы понять нам без труда,
 И мы, ученые, без всякого сомненья,
 Готовы тождеству предпочитать сравненья);
 Так вот сравнение (позвольте, сударь мой):
 Как море бурное покрыто мрачной тьмой,
 Все изменяется, когда гроза бушует,
 Вздываются валы, свирепо ветер дует,
 И как бы рулевой ни направлял штурвал,
 Корабль то вверх, то вниз — в чердак и на подвал,
 Вот так и женщина: мятется безрассудно,
 Как в бурю на море ныряющее судно.
 Кто может справиться и как — вопрос иной:
 Какой-нибудь бурун... какой-нибудь волной...
 И как-нибудь... глядишь — и на мель вдруг садятся,
 И... словом, женщины ни к чорту не годятся.

Эраст

Ты славно рассудил.

Гро-Рене

Не очень плохо, да.

Но, сударь, вижу я, они идут сюда.
 Держитесь крепче вы.

Эраст

Не бойся.

Гро-Рене

Только взглянет —

Боюсь, что этот взгляд вам снова цепь затянет.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Эраст, Люсиль, Маринета, Гро-Рене

Маринета

Вот он и снова здесь. Вы не сдадитесь, нет.

Люсиль

Ужель я так слаба? Напрасен твой совет.

Маринета

Он к нам идет.

Эраст

Нет, нет, сударыня, не стану
 Вам снова открывать души болезную рану;
 Я излечил ее. Да, понял я, увы,
 Как сердца вашего мне мало дали вы.
 За тень обиды лишь — такое раздраженье!
 Но ваше я вполне постиг пренебреженье.
 Жестокая! Тому, в ком благородство есть,
 Всегда всего трудней презренье перенести.
 Сознаюсь: в вас одной мои искали взгляды —
 И кроме вас ни в ком — блаженства и отрады;
 В душе благословляя я гнет своих оков,
 Я был бы царский трон отдать за них готов;
 Любовь моя была безумна и безмерна;
 Я только вами жил. К чему скрывать? И верно,
 Освобождение мне будет тяжело,
 Хотя отвергнут я так холодно и зло.
 И, может быть, когда я это рабство сброшу —
 Оплакивать начну я дорогую ношу,
 И с сердцем раненым, истерзанным, в крови
 Я буду осужден не знать иной любви.
 Но это все равно, ведь вас ничто не тронет,
 И ваша ненависть мою любовь отгонит.
 Я скроюсь навсегда от ваших строгих глаз
 И потревожил вас теперь в последний раз.

Лю с и л ь

Могли б вы быть добрей; скажу вам откровенно :
«Последний» этот раз был лишним совершенно.

Э р а с т

Вот как, жестокая? Ну, что ж, пускай вражда.
Я с вами разорву навеки, навсегда ;
И пусть мой смертный час безвременно настанет,
Коль ваши прелести меня опять приманят.

Лю с и л ь

Тем лучше для меня.

Э р а с т

О, слово я сдержу
И сердцу слабому замолкнуть прикажу.
Пусть не изгнать ему виденья дорогого ...
Поверьте, никогда я не вернусь к вам снова.

Лю с и л ь

Напрасный был бы труд.

Э р а с т

Скорее лезвию
Позволил бы сто раз пронзить я грудь мою,
Чем допустил себя свершить такую низость
И после этих слов искал бы вашу близость.

Лю с и л ь

К чему так много слов ?

Э р а с т

Да, да. Не надо слов.
И я без лишних фраз покончить все готов.
Неблагодарная! Чтоб было вам понятно,
Как цепь свою решил порвать я безвозвратно,

Не стану сохранять я даже мелочей,
 Чтоб не смущали мне ни сердца, ни очей.
 Конец! Вот ваш портрет. Передает он ясно
 Все, что пленяет в вас, что нежно и прекрасно,
 Но прячет он в цветах коварную змею.
 Я вам обманщика обратно отдаю.

Гро-Рене

Отлично.

Люсиль

А! И я верну вам все, понятно.
 Возьмите — вот алмаз, подарок ваш, обратно.

Маринета

Прекрасно.

Эраст

Вот браслет, позвольте вам отдать.

Люсиль

А вот и ваш агат, обделанный в печать.

Эраст [читает]

«Вы любите меня безумно, беспримерно,
 И ждет ответа ваш сердечный пыл.
 Любим ли мной Эраст? Не знаю я наверно,
 Но я люблю, чтоб он Люсиль любил».

[Продолжает]

Так поощряли вы моей любви признанья?
 Да, ложь подобная достойна наказания.

[Разрывает записку]

Люсиль (читает)

«Не знаю, долго ль мне еще терпеть страданье,
 И чем судьба мне за него воздаст ;

Но знаю я одно, прелестное создание, —
 Что вечно будет вас любить Эраст».

(Продолжает)

Казалось, что клялись вы искренне вполне:
 И сердце и письмо — солгали оба мне...

[Разрывает записку]

Гро-Рене *[Эрасту]*

Подбавьте.

Эраст

Вот еще; порву без проволочки.

Маринета *[Люсиль]*

Ну, хорошенько же.

Люсиль

Не пощажу ни строчки.

Гро-Рене *[Эрасту]*

Не уступайте ей.

Маринета *[Люсиль]*

Держитесь до конца.

Люсиль

Вот остальные.

Эраст

Все, благодаря творца.
 Пускай умру, коль вновь узнаю ваши чары!

Люсиль

Коль слова не сдержу, я жду небесной кары!

Эраст

Прощайте ж.

Люсиль

Навсегда.

Маринета [Люсиль]

Отлично. Молодцом.

Гро-Рене [Эрасту]

Вы торжествуете.

Маринета [Люсиль]

Все кончено, пойдем.

Гро-Рене [Эрасту]

Уйдемте же от них: теперь вы с ней в расчете.

Маринета [Люсиль]

Чего же ждете вы?

Гро-Рене [Эрасту]

Чего еще вы ждете?

Эраст

Увы, Люсиль, Люсиль! Еще когда-нибудь
О сердце преданном придется вам вздохнуть.

Люсиль

Эраст, Эраст! Таких сердец довольно всюду;
Чтоб ваше заменить, искать не долго буду.

Эраст

Как ни ищите вы, на жизненном пути
Вам более любви подобной не найти.
Не с тем я говорю, чтоб обо мне жалели:
Безумцем был бы я, стремясь к подобной цели, —

Неумолимы вы к слезам моим, к словам,
 Решили вы порвать — я повинуюсь вам.
 Но никогда, никто — что б вам ни говорили —
 Не будет так любить, так обожать Люсилы.

Люсилы

Но если любим мы, должны мы быть добрей
 И не спешить судить и обвинять людей.

Эраст

Нет, если любим мы, в отчаянье ревнивом
 Мы можем страстным быть охвачены порывом.
 Но если любим мы — разлука нам страшней,
 Чем даже смерть сама, а вы стремитесь к ней.

Люсилы

Но ревность все ж должна не забывать почтенья.

Эраст

К вине из-за любви должно быть снисхожденье.

Люсилы

Нет, истинная страсть была для вас чужда.

Эраст

Нет, не любили вы Эраста никогда.

Люсилы

Увы! До этого вам очень мало дела.
 Быть может, я на жизнь иначе бы глядела,
 Когда б действительность... Но что тут толковать?
 Я мыслей вам своих не вправе открывать.

Эраст

Но почему?

Лю с и л ь

Затем, что это неуместно :
Мы порываем ведь, как вам уже известно.

Э р а с т

Мы порываем ?

Лю с и л ь

Как ! У вас сомненья есть ?

Э р а с т

Приятно это вам, как радостная весть ?

Лю с и л ь

Мне ? Так же, как и вам.

Э р а с т

Как мне ?

Лю с и л ь

Да, без сомненья.
Не мне ж выказывать пристало сожаленье.

Э р а с т

Но *вы*, жестокая, сказали мне прости.

Лю с и л ь

Я ? Я ? Да на разрыв спешили *вы* пойти !

Э р а с т

Но этим радость лишь хотел я вам доставить.

Лю с и л ь

Нет, самому себе. К чему теперь лукавить ?

Э р а с т

А если б сердце вновь рвалось в свою тюрьму,
Как высшей милости, моля простить ему?

Л ю с и л ь

Не надо умолять — боюсь я этой просьбы,
Чтоб слишком вам легко прощенье не далось бы.

Э р а с т

Достаточно легко его нельзя вам дать,
Как скоро б ни было — о, я не в силах ждать:
Молю смиренно вас! Подобной страсти сила,
Подобная любовь — бессмертье заслужила.
Что вы ответите на стон сердечный мой?

Л ю с и л ь

Что?.. Можете меня вы проводить домой.

Я В Л Е Н И Е Ч Е Т В Е Р Т О Е

Маринета, Гро-Рене

М а р и н е т а

Как бесхарактерна!

Г р о - Р е н е

О, как безвольны оба!

М а р и н е т а

Краснею за нее.

Г р о - Р е н е

Меня задушит злоба.
Ты не вообрази, что я такой простак.

Маринета

Не вздумай только ты, что я поддамся так.

Гро-Рене

Да, сунься-ка ко мне поближе, попытай-ка.

Маринета

Ты спутал, милый мой, я — не моя хозяйка.
Смотрите на него, — подумаешь, небось,
Красавец! Так хорош, что лучше не нашлось!
Мне — чувствовать любовь вот к этой глупой роже!
Мне бегать за тобой? Ну, нет. Себе дороже!
Такие не для вас.

Гро-Рене

Ах, вот как! Ну, стой!
Теперь уж разговор пойдет у нас простой.
На, вот тебе твой бант и ленточки обратно.
Прикосновение их — и то мне неприятно.

Маринета

Тебе презрением я так же отплачу
И от тебя беречь подарков не хочу.
Подарки — тоже... На бери. Булавок пачка.

Гро-Рене

А вот тебе твой нож. Подумашь, подачка!
Пожалуй, что тебе он стоил два гроша.

Маринета

Вот ножницы и цепь. Куда как хороша!

Гро-Рене

На, получай еще кусок вчерашний сыра.
Не сохраню его за все богатства мира.
Похлебки, жаль, твоей вернуть я не могу.

Маринета

Нет писем здесь при мне, — но я их все сожгу.
Все, до последнѣго — в огонь, без сожаленья.

Гро-Рене

Иное для твоих найду употребленья.

Маринета

Смотри, не приходи просить меня опять.

Гро-Рене

Постой-ка. Мы должны соломинку сломать
В залог, что никогда не прекратится ссора.
Так принято всегда: скрепленье договора.
Не строй же глазок мне, — ты слышишь, я сердит.

Маринета

И так в волненье я — а он еще глядит.

Гро-Рене

Ломай — тогда нельзя уж будет на попятный.
Ломай. Смеешься ты? Уж это непонятно!

Маринета

Да ты меня смешишь.

Гро-Рене

Смеется! Эк ее.

Куда девалось все бешенство мое?
Ну, что ж, так мы порвем.

Маринета

Как ты.

Гро-Рене

Как ты.

Маринета

Как знаешь.

Гро-Рене

Ужель мою любовь навек ты отклоняешь?

Маринета

Как хочешь.

Гро-Рене

Нет, как ты. Скажи!

Маринета

Нет, не скажу.

Гро-Рене

Ни я.

Маринета

Ни я.

Гро-Рене

Ни я.

Маринета

И слово я сдержу.

Гро-Рене

Э, бросим глупости! На что это похоже!
Дай руку: я простил.

Маринета

Так я простила тоже.

Гро-Рене

О, боже! При тебе сейчас же я размяк.

Маринета

О, как я при тебе глупею, мой толстяк!

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

М а с к а р и л ь [один]

«Лишь ночь над городом раскинет покрывало,
Хочу к Люсиль я проникнуть, как бывало :
Ступай и приготовь фонарь мне потайной,
Оружье собери : пойдешь и ты со мной».
А мне послышалось, скажу вам непритворно :
«Ступай, возьми узду и вешайся проворно».
Пожалуйте сюда, любезный мой патрон.
Я приказаньем так был вашим изумлен,
Что прямо онемел : язык прилип к гортани.
Теперь же, не страшась несправедливой брани,
Готов я рассуждать спокойно обо всем.
Поговоримте же. Так решено ; тайком
Хотите нынче в ночь пробраться вы к Люсиль ?
— «Да, Маскариль, хочу». — А вы сообразили,
Кто поступает так ? — «Влюбленные». — Ничуть :
Глупцы, которым жизнь не дорога отнюдь.
— «Ты знаешь, почему так нужно?» — Почему же ?
— «Люсиль разгневана ужасно». — Ей же хуже !
— «Но мне любовь велит упасть к ее ногам».
— Любовь болтает зря. Кто поручится нам,
Что нас не будет ждать за это все расплата,
Месть гневного отца, соперника или брата ?
— «Ты думаешь, они злоумышляют месть ?»

— Конечно, думаю. Что на рожон нам лезть?
 Соперник всех страшней. — «Оставь свои советы;
 Ты, верно, позабыл про наши пистолеты.
 Ведь драгся можем мы и отразить врага».
 — Так. Этого и ждал покорный ваш слуга.
 Я — драться? Вот уж нет! На это я не годен,
 С отважным рыцарем Роландом я не схожен.
 Я слишком мил себе, и стоит вспомнить мне,
 Что стали дюймов двух достаточно вполне,
 Чтоб сразу предо мной отверзлись двери гроба, —
 Как странная меня охватывает злора.
 — «От головы до ног вооружишься ты».
 — Тем хуже. Будет мне трудней ударить в кусты.
 К тому ж, и в панцире найти возможно щелку,
 Чтоб острие копья просунуть втихомолку.
 — «Но трусом ты прослыть желаешь, Маскариль!»
 — Лишь быть бы живу мне, а прочее все — гниль.
 За четверых меня считайте за едою,
 В сраженье же — я нуль, я это не скрою.
 Быть может, в лучший мир вас и влечет душа,
 По мне ж, земная жизнь довольно хороша,
 И мне расстаться с ней нисколько не угодно.
 Вы, право, можете одни глупить свободно.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Валер, Маскариль

Валер

О, как сегодня день томительно ползет!
 Феб словно позабыл покинуть небосвод,
 И к золотым вратам подземного чертога,
 Я вижу, так еще длинна его дорога;
 Как будто никогда не кончит он пути
 И медлит, чтоб меня совсем с ума свести.

Маскариль

К чему ж, подумаешь, стремишься так поспешно?

Чтоб ощупью врага найти во тьме кромешной!
Вы видите, Люсиль вас не желает знать.

Валер

Довольно, Маскариль, напрасно слов не трать.
Когда б меня ждала смертельная опасность —
Я должен к ней пойти и привести все в ясность.
Мне страшен гнев ее, и я его смягчу,
Иначе — я умру. Конец: я так хочу.

Маскариль

Пусть так, но вот беда: ведь вам придется тайно
Пробраться к ней?

Валер

Ну, да.

Маскариль

Боюсь я чрезвычайно

Вам быть помехой.

Валер

Как?

Маскариль

Да. Кашель вдруг начал.

(Кашляет)

Услышат кашель мой — и весь ваш план пропал.
Мое присутствие вам будет только вредно.

Валер

Прими лакричный сок — и все пройдет бесследно.

Маскариль

Нет, сударь, я боюсь, так скоро не пройдет.
Я был бы очень рад ваш разделить поход,
Но, право, весь дрожу от мысли я единой,
Что мог бы послужить вам бедствия причиной.

ЯВНЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Валер, Ла-Рапьер, Маскариль

Ла-Рапьер

Привет вам, сударь мой. Имел я нынче весть,
Что против вас Эраст злоумышляет месть,
Альберт же говорит, разгневанный изрядно,
Что вашего слугу велит избить нещадно.

Маскариль

Меня? При чем же я? Кого в беду вовлек?
За что меня избить — мне прямо невдомек.
Ужель священный долг — спрошу в высоком стиле —
Хранить всех девственниц — лежит на Маскариле?
Могу ль им бедный я мешать любиться всласть?
И над соблазнами имею ли я власть?

Валер

Значенья придавать не стоит пустословью,
И, как бы ни был он одушевлен любовью,
Эрасту справиться не так легко со мной.

Ла-Рапьер

Позвольте, может быть, служить вам, сударь мой?
Вы знаете, что я всегда готов на дело.

Валер

О сударь мой, я вам признателен всецело.

Ла-Рапьер

Еще двоих друзей представить вам могу:
Они помогут вам противустать врагу.
В подобных случаях они весьма полезны.

Маскариль

Берите, сударь, их.

Валер

Вы слишком уж любезны.

Ла-Рапьер

Тут был бы бедный Жиль для нас незаменим,
 Не приключись такой прискорбный случай с ним.
 Ах, сударь, жаль его! В подобное безлюдье...
 Вы слышали, что с ним сыграло правосудье?
 Как Цезарь, умер он: среди жесточайших мук,
 Как ни пытал палач, хотя бы слово, звук!

Валер

Да, мы должны жалеть людей такого сорта.
 Но я благодарю: не нужно мне эскорта.

Ла-Рапьер

О, как угодно вам! Вы предупреждены,
 Что нападения теперь вы ждать должны.

Валер

Я не боюсь его и только тем отвечу,
 Что сам противнику пойду сейчас навстречу;
 Пройду весь город я, но разыщу его
 В сопровождении лакея одного.

[Уходит Ла-Рапьер]

Маскариль

Вы, сударь, искушать хотите провиденье?
 О смелость! Видите — грозит вам нападение.

Валер

Куда ты все глядишь?

Маскариль

Куда гляжу? Вопрос!
 Вот с этой стороны — побори чует нос.

К чему на улице торчать нам попустому?
Примите мой совет — пойдемте лучше к дому,
Запремся у себя.

Валер

Запремся, негодяй?
Подобной низости ты мне не предлагай!
Ну, ну, иди за мной и слов не трать напрасно.

Маскариль

Мой добрый господин! Увы! Ведь жизнь прекрасна,
А умирают раз — и уж на долгий срок.

Валер

Один лишь звук еще — задам такой урок...
Аскань идет. Уйдем. Пускай без принужденья
Он выяснит свое в дальнейшем поведенье.
Пойдем пока домой; что надо, приготовь
На случай встречи с тем.

Маскариль

Будь проклята любовь!
Будь прокляты и вы, негодницы пустые!
Сначала нагрешат — а там, глядишь, в святые.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Аскань, Фрозина

Аскань

Фрозина, правда ли? А может быть, я сплю?
О, расскажите мне подробно все, молю!

Фрозина

Не торопитесь так. Теперь, своим порядком,
Не будет и конца рассказам и догадкам,

И вам подробности успеют надоесть.
Скажу вам главное, что в этом деле есть.
Итак: был нужен сын; иначе состоянья
Лишился бы Альберт по смыслу завещанья;
Но вас произвела на свет его жена,
И все разрушила мечты его она.
Тогда Альберт решил: другого нет исхода,
И он исправит сам, что сделала природа.
Тут бедную одну уговорил он мать
Ребенка-мальчика ему совсем отдать;
Он ясно доказал той женщине, — Иньесе, —
Что это будет все в ее же интересе.
Своею дочерью она вас назвала
И матери моей кормить вас отдала.
Альберт уехал тут. Прошло уже полгода,
И вышли новые дела — такого рода:
Скончался мальчик тот. Тогда обратно взять
Решила вас к себе родная ваша мать.
Боясь отца, она замену эту скрыла,
Сказав, что дочь взяла у них могила.
Иньеса это все скрывала до сих пор,
Зачем и почему — другой уж разговор
(Тут выгоду свою, не вашу соблюдала).
Я толку от нее совсем не ожидала,
Но попыталась все ж: попытка ведь — не грех.
И неожиданно — полнейший вдруг успех!
Теперь, мой друг, для вас минули все печали —
Мы обе с нею все Альберту рассказали.
Письмо жены его мы отдали ему.
Не стану повторять, как, что и почему,
Но мы уладили все дело постепенно.
Мы доказать ему успели несомненно,
Что с Полидором мир полезен для него;
Ну, коротко сказать, добились мы того,
Что рад он, как отец вновь обретенной дочки,
Желанный брак скрепить без всякой проволочки.

Аскань

Фрозина! К счастью вы мне открыли путь!
Чем мне вам отплатить, как это вам вернуть?

Фрозина

Сияет наш старик, и шутит, и хохочет,
И тайну скрыть пока он от Валера хочет.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Аскань, Фрозина, Полидор

Полидор

Приблизьтесь, дочь моя: так вас назвать я рад.
Я знаю, что скрывал доселе ваш наряд.
Вы прощены вполне: вы поступили смело;
Но мило и умно вы повели все дело,
И счастлив будет сын, — сомненья в этом нет, —
Когда узнает он своей любви предмет.
Вам прямо нет цены — готов я в том признаться.
Но вот и он. Над ним должны мы посмеяться.
Зовите всех своих, пускай идут сюда.

Аскань

Повиноваться вам — мой первый долг всегда.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Маскариль, Полидор, Валер

Маскариль [*Валеру*]

Поверьте, сударь мой, что сны бывают вещи,
Сегодня снились мне пророческие вещи:
Все бисер сыпался, — я будто не сберу,
Да яйца битые, а это не к добру.

Валер

Презренный трус!

Полидор

Валер! Готовится сраженье.

Имей в виду: твое опасно положение,
Противник твой силен.

Маскариль

И ни души кругом,
Чтоб людям помешать в безумии таком!
Тут дело не во мне, но, сударь, если сына
Лишит навеки вас жестокая судьбина,
Я в том не виноват.

Полидор

Я этим не смущен:

Пусть здесь же и при мне свой долг исполнит он.

Маскариль

Бесчувственный отец!

Валер

Нет, батюшка: без лести —

Подобные слова вам служат только к чести.
Хоть оскорбил я вас и справедлив ваш гнев,
Что так я поступил, совет отца презрев, —
Природа верх взяла над чувством оскорбленья:
Отцовская любовь несет мне подкрепление,
Я вас благодарю, особенно ценя,
Что не боитесь вы Эраста для меня.

Полидор

Эраст! Ах, не в его теперь угрозах дело,
И обстоятельство иное подоспело;
Бежать немислимо, а, вызовом грозя,
Противник злейший ждет.

М а с к а р и л ь

На мир пойти нельзя.

В а л е р

Бежать? Избави бог! Но кто ж противник новый?

П о л и д о р

Аскань!

В а л е р

Аскань?

П о л и д о р

Он сам отмстить тебе готовый.

В а л е р

Аскань? Он в дружбе мне клялся до этих пор.

П о л и д о р

Ну, вот!.. С тобой одним вести он хочет спор.

И явится сюда он очень скоро с целью

На поле чести вам решить ваш спор дуэлью.

М а с к а р и л ь

Вот славный человек! Привычка мне мила —

Не впутывать других в семейные дела.

П о л и д о р

Он предъявил к тебе в обмане обвиненье, —

Понятым стало мне вполне его волнение;

Решили оба мы с Альбертом оттого,

Что вызов ты принять обязан от него

Здесь, на глазах у всех, сейчас, без промедленья,

По точным правилам, отнюдь без отступленья.

В а л е р

Отец мой, а Люсиль, все ожесточена...

Полидор

С Эрастом, милый сын, она обручена :
 Чтоб доказать, как ложь твоя ее порочит —
 Венчаться при тебе она сегодня хочет.

Валер

Бесстыдство низкое! Мой бог! Ужель она
 Лишилась совести и чести, и ума?

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Маскариль, Люсиль, Эраст, Полидор,
 Альберт, Валер

Альберт

Ну, что противники? Предупредить успели?
 Ваш будет здесь сейчас; готов ли ваш к дуэли?

Валер

О да, вполне готов: сотру я мой позор.
 Хоть колебался я еще до этих пор —
 Не страх перед врагом: остаток уваженья
 Причиной был тому. Но будет униженья!
 Терпенье кончилось, я слишком оскорблен.
 Ну где ж противник мой? Пускай не медлит он!
 Коварству низкому такому нет названья,
 И жаждет отомстить любовь в негодованье.

[К Люсиль]

О, нет. Не думайте, что все люблю я вас:
 Пылает ненависть, а жар любви угас.
 Когда же ваш позор открою я публично,
 Преступный видеть брак мне будет безразлично.
 Но этого, Люсиль, не ждал я никогда.
 Поверить страшно мне! Лишились вы стыда,
 Но лучше б умереть вам было от позора.

Люсиль

Я огорчилась бы от вашего укора,
 Когда б не знала я, что за меня отмстят.
 Вот к нам идет Аскань, мой смелый юный брат.
 Не сомневаюсь я ничуть в его удаче, —
 Что он заставит вас заговорить иначе,
 И без труда при том.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Маскариль, Люсиль, Эраст, Альберт, Валер, Гро-Рене,
 Маринета, Аскань, Фрозина, Полидор

Валер

Не быть тому вовек,
 Явись помочь ему хоть двадцать человек.
 Мне жаль, что за сестру вступился он такую.
 Но разьяснить его ошибку не рискую.
 Коль хочет драться он, отвечу я ему,
 А кстати вызов ваш, любезный мой, приму.

Эраст

Нет, это все Аскань взял на себя всецело.
 И отстраняюсь я, оставив это дело.

Валер

Да, осторожным быть, пожалуй, и не грех,
 Но все же...

Эраст

Он один ответит вам за всех.

Валер

Он? Он?..

Полидор

Не ошибись, скажу тебе заранее:
Еще не знаешь ты всех странностей Асканя.

Альберт

Не знает, но узнать ему легко вполне.

Валер

Пускай же он скорей докажет это мне.

Маринета

Как? На глазах у всех?

Гро-Рене

Нет, это непристойно.

Валер

Насмешки выносить не стану я спокойно.
Смотрите, голову кому-нибудь пробью.

Аскань

Нет, нет, выказывать не стану власть мою,
И в этом случае, где все равно мне мило,
Увидят слабости моей пример, не силы.
Не относитесь же ко мне вы, как к врагу:
Нет, — гнева против вас иметь я не могу.
Так небом суждено, чтоб вы здесь победили,
Чтоб вашею рукой убит был брат Люсила.
Не то, что мощь свою пред вами восхвалять —
Аскань готов вас сам о смерти умолять,
Когда бы эта смерть могла своею властью
Открыть вам светлый путь к спокойствию и счастью
И пред лицом людей в супруги дать вам ту,
Кто в сердце уж давно хранит о том мечту.

Валер

Нет, нет, хотя б весь мир молил меня об этом, —
Коварство низкое...

Аскань

Но перед целым светом
Я вам клянусь, Валер, что вам она верна,
И сердце чистое хранит для вас она.
Безумна страсть ее, — невинна добродетель.
Спросите батюшку: он этому свидетель.

Полидор

Да, да, мой милый сын. Но шутку прекратим;
Положим мы конец мучениям твоим.
Вот та, с кем связан ты любовью и обетом;
Не сразу ты ее узнаешь в платье этом.
Из-за семейных дел скрывали с детских лет,
Что девушка она, и был обманут свет;
Но молодой любви таинственная сила
Первоначальные все планы изменила.
Да не смотри же так, — я больше не шучу
И правду, наконец, открыть тебе хочу.
Ну, словом, с ней тебя — под именем Люсилы —
Все клятвы верности в ночи соединили.
Никто не знал о том, — и вот что с этих пор
Посеяло меж вас смятенье и раздор.
Асканя больше нет — пред нами Доротей;
Вы можете любить друг друга, не краснея;
Теперь ваш тайный брак мы заново скрепим.

Альберт

И вот она, дуэль, — с противником таким,
Которой смуть должны вы были оскорбленье;
Такой — не запретит закона повеленье.

Полидор

Вполне понятно мне, как ты смущен теперь;
Но колебанию здесь места нет, поверь.

Валер

Нет, нет. Противиться не думаю нисколько.
Конечно, этим всем я был смущен сначала,
Конечно, изумлен, но более — польщен.
Любовь, волнение и радость — точно сон.
Ужели этот взор...

Альберт

Валер! В такой одежде
Ей странно слушать вас. Пускай изменит прежде
Наряд и явится в девической красе.
Пойдем, подробности узнаете вы все.

Валер

Простите мне, Люсиль. В невольном заблужденье...

Люсиль

Прощается легко такое оскорбление.

Альберт

Прошу, отправимся ко мне сначала в дом:
Там на досуге мы любезничать начнем.

Эраст

Но позабыли мы среди мирных разговоров,
Что все еще предмет остался для раздоров.
Счастливо излечен сердечный наш недуг, —
Но Маринета здесь и двое наших слуг.
Кого же одарит она своей любовью?
Им это разрешить необходимо кровью.

Маскариль

Ну, нет, простите! Кровь мне самому нужна.
За толстяка Рене пускай идет она.
Красотка милая, с твоим знаком я правом:
Не будет брак служить препятствием забавам.

Маринета

Не думаешь ли ты, что будешь мне дружком?
Нет! Муж — куда ни шло! Какого мы найдем,
Такого и берем: пусть будет безобидный;
Но уж поклонник-то обязан быть завидный.

Гро-Рене

Постой! Как женимся — тебе совет я дам:
Отнюдь любезников не допускать к дверям.

Маскариль

Как? Только для себя намерен ты жениться?

Гро-Рене

Да-с, за моей женой прошу не волочиться.

Маскариль

Эх, успокойшься ты быстро, милый кум,
Не станешь поднимать из-за пустого шум.
Да, тот, кто до венца ревнует очень бурно,
Потом под башмаком живет весьма недурно.

Маринета

Не бойся ничего, мой милый муженек.
Любезности пойдут любезникам не впрок;
Тебе рассказывать все откровенно буду.

Маскариль

Скажите, как тут мне не подивиться чуду?
Мужей в наперсниках я видеть не привык!

Маринета

Ну ты, туз пиковый! Попрдержжи язык.

Альберт

Я в третий раз прошу под кров гостеприимный,
Беседу продолжать с приятностью взаимной.

СМЕШНЫЕ МОДНИЦЫ

Les Précieuses ridicules

Перевод Б. И. Ярхо

18 ноября 1659 г. группа Monsieur, «единственного брата короля», дала первое представление одноактной комедии *Смешные модницы* (*Les précieuses ridicules*).

В истории французского театра эта дата — одна из важнейших, ибо она знаменует собою первый решающий успех мольеровской труппы в Париже. Отныне комедианты Monsieur могут соперничать с «королевской» труппой Бургундского Отеля, считавшейся в Париже образцовой. Недаром в своей приветственной речи к Людовику XIV, произнесенной Мольером на первом спектакле, игранном его труппой в Париже 24 октября 1658 г., он счел необходимым польстить актерам Бургундского Отеля, назвав их «превосходными оригиналами», а своих актеров — только «слабой копией».

В свете этого первого скромного выступления Мольера, состоявшегося за год до премьеры *Смешных модниц*, эта последняя должна была показаться весьма смелым и дерзким выступлением молодого театра, успевшего за один год своего пребывания в Париже пустить достаточно крепкие корни.

Материальным выражением успеха новой комедии Мольера явилась значительная выручка. Если до первого представления *Модниц* максимальный сбор мольеровской труппы не превышал 300 ливров за спектакль, то 18 ноября 1659 г. сбор достиг 533 ливров, что позволило Мольеру дать второе представление своей комедии по повышенным ценам и выручить уже 1400 ливров. Дальнейшие представления *Модниц* дают приблизительно такие же кассовые результаты. Но этим дело не ограничилось: труппа Мольера получила ряд приглашений в дома вельмож и даже к самому, уже больному и умирающему, кардиналу Мазарини специально для показа *Смешных модниц* и, помимо

художественного успеха, пожала здесь дополнительную материальную жатву. Наконец, пьеса получила и «высочайшее» одобрение. В ноябре 1659 г. двора в Париже не было, он находился на юге, где справлялось бракосочетание Людовика XIV с испанской принцессой, но пьесу по тем или иным причинам — быть может, в виду скандальности ее успеха — сочли нужным послать туда. Молодой король одобрил *Модниц* дважды: на юге, где он прочел комедию, и на представлении у кардинала Мазарини, на котором он присутствовал инкогнито, после чего велел выдать труппе денежную награду. Впоследствии комедия не раз исполнялась в его присутствии.

Мы уже упомянули о скандальности успеха *Смешных модниц*. Действительно, эта «легкая», граничащая с фарсом комедия вызвала несомненный литературно-общественный скандал. Как ни прикрывался Мольер из соображений мудрой осторожности своим нарочито провинциальным типажом, пьеса его высмеивала модные литературные вкусы и симпатии парижского высшего света, за которым тянулись высшие слои буржуазии. Почти немедленно после премьеры комедия была напечатана, — факт очень важный, прежде всего потому, что это было первое появившееся в печати произведение Мольера, а затем потому, что едва ли не впервые такая честь выпала на долю комедии в прозе и к тому же еще одноактной; обычно печатались только трагедии и комедии, написанные стихами. * У Мольера появились сторонники и хулители; но положение последних было не особенно легким. Успех *Модниц* был столь велик, что отрицать его, замалчивать или просто бранить пьесу было бесполезно: даже завсегдашние аристократических литературных салонов, где процветала мода на самую подлинную и высокопробную «прециозность», сочли за благо поверить Мольеру, уверявшему, что он метит только в «ложную» прециозность, и сделать хорошую мину при плохой игре.

Зато враги Мольера, и в первую очередь беззастенчивый литератор Сомез, использовали всеобщее увлечение темой *Модниц* и учинили вокруг комедии Мольера грандиозную литературную

* G. Michaut, *Les débuts de Molière à Paris*, 1923, p. 52.

спекуляцию с плагиатом, мошенничеством и т. д. Впрочем, кампания эта, при помощи которой Сомез, с одной стороны, пытался ублажить «прециозные» круги, а с другой — стремился просто заработать, не увенчалась полным успехом. Мольер принял меры и добился того, что наполовину списанная с его пьесы комедия Сомеза *Les véritables précieuses* (Истинные модницы) вышла в свет уже после опубликования мольеровской комедии, а не до нее, как хотели Сомез и его издатель. Сомез вознаградил себя, выпустив, одно за другим, ряд произведений (*Смешные модницы в стихах, Процесс модниц, Большой словарь прециозности*), в которых он обрушился на Мольера злобной критикой, инсинуациями и даже обвинениями в плагиате: Мольер мол украл свою комедию у аббата де-Шюр, который незадолго до того поставил пьесу на однородный сюжет. Не углубляясь здесь в разрешение вопроса об источниках комедии Мольера (тем более, что большинство исследователей считает высказывания Сомеза не заслуживающими внимания), мы должны подчеркнуть, что именно происки литературных врагов Мольера ярче всего свидетельствуют об успехе *Смешных модниц* и их огромном литературно-общественном значении.

Комедия Мольера была боевым, программным выступлением против прециозности. Но что представляла собою эта беспощадно разоблаченная Мольером прециозность? Прециозность, как литературный стиль и стиль «бытового экстерьера», выражала идеологию тех группировок французской феодальной аристократии, которые находились в оппозиции к абсолютизму, ущемлявшему их феодальные права и привилегии. Недаром в эпоху, когда центр прециозности, салон маркизы Рамбулье, находился в полном расцвете, там блистали и задавали тон вожди Фронды, этого последнего феодального движения против абсолютизма, и самыми убежденными прециозниками являлись герцогиня де-Лонгвиль, герцогиня Монпансье и другие представительницы «фрондирующей» феодальной знати. Прециозный стиль был орудием аристократической самозащиты; его пафос заключался в предельном утверждении социальной дифференциации рангов и градаций. Проблема художественного освоения реальной действительности для прециозного стиля даже не возникала.

В этом его коренное отличие от классицизма, этого стиля абсолютизма, отражавшего настроения наиболее прогрессивных дворянских и отчасти буржуазных групп.

Теоретики классицизма допускали и «высокое» и «низкое». Прециозный стиль знает одно только «высокое», культивирует только то, чего не касается низменная реальность. Процветают доведенные до предела «утонченности» жанры, возникшие в Италии и Испании XVI—XVII веков, этой эпохи феодально-католической реакции: пастораль, своеобразно преломленный «рыцарский» и «античный» роман позднего средневековья, любовная лирика и патетическая ода — жанры, целиком подчиненные жесточайшим условностям прециозного языкового творчества.

Прециозные романы (характернейшие из них — творения м-ль де-Скюдери) многотомны, но лишены какого бы то ни было движения в отношении как сюжета, так и психологии, перегружены совершенно абстрактными аллегорическими описаниями, минимально раскрывающими подлинную суть изображаемого. Обильная любовная лирика прециозных поэтов представляет весьма любопытное явление: из нее выветривается эмоция, непосредственное чувство переносится в план мысли о чувстве, понятия чувства. Аллегоризм господствует и здесь: прециозные лирики работают в том же плане, что и м-ль де-Скюдери, разработавшая свою знаменитую *Carte du Tendre* (*Карту страны нежности*) — аллегорическую схему развития любовной эмоции «вообще».

Но полнее всего дух прециозности выразился в своеобразном поэтическом языке, насаждавшемся не только в литературе, но и в быту. Охранительная тенденция прециозного стиля здесь решительно торжествует: нужно было создать — для поэзии и для бытового обихода — свой собственный, изысканный язык, чуждый непосвященным и подчеркивающий превосходство «избранных». Для этого язык делит слова на высокие и низкие, причем низким оказывается все, обозначающее бытовые, жизненные, обиходные предметы, отношения и ситуации, — одним словом, все *обиденное*. Но без этих терминов не обойтись. И вот происходит их развеивание, выхолащивание из них кон-

кретно чувственного смысла: слова становятся лишь абстрактными знаками вещей. Но этого мало. Если обычное название вещи слишком назойливо говорить о ее материальном смысле и ее материальной функции, надо подойти к этому названию обходным путем, найти для него *перифразу*. Так возникает своеобразный метафоризм прециозного языка, принципиально отличный от образности классической речи, служащей более четкому, более конкретному познанию вещи или явления.

Метафоризм прециозных поэтов — не образность, но особый способ «загадывать» понятия; прециозная метафора — ребус. Отсюда — все эти «советники граций» вместо зеркал и «удобства собеседования» вместо кресел, все эти маскарилевы стишки о «воре» и т. п., словом, все педантические благоглупости мольеровских смешных модниц и лже-маркиза Маскарилья, дающие буржуазную карикатуру на изысканную речь отгораживающейся от живой жизни аристократии.

Но была ли комедия о *Смешных модницах* направлена против прециозности вообще? Вопрос этот может показаться странным, и тем не менее, он был серьезно поставлен французской критикой и до сих пор еще продолжает в ней обсуждаться. Виновником этих дискуссий является прежде всего предисловие Мольера к первому изданию его комедии, имеющее явно «оборонительный» характер: автор хочет здесь отвести от себя обвинение в нападках на прециозный стиль и его высоких сторонников. Его сатира касается мол глупых подражателей, — «неумелых обезьян», искажающих даже «превосходнейшие дела».

Более того, не желая портить отношения с влиятельной маркизой Рамбулье и ее друзьями, Мольер пытается даже ослабить эффект своей пьесы, поставив 6 мая 1660 г. комедию Жильбера (быть может, написанную по специальному заказу Мольера) *La vraie et la fausse précieuse* (*Ложная и истинная модница*), название которой совершенно ясно говорит о ее тенденции. Французские литературоведы усиленно дебатировали вопрос о намерениях Мольера, стараясь в связи с этим выяснить отношение мольеровского творчества к прециозной поэзии вообще,

а один из новейших мольеристов, Франсис Бомаль, * пытался (правда, довольно безуспешно) доказать, что автор *Смешных модниц* был сам заражен духом прециозности, сам являлся прециозным поэтом.

Все эти споры представляют для нас довольно мало интереса, ибо дело не в субъективных намерениях Мольера, каковы бы они ни были, а в объективном смысле его комедии и в той роли, которую она сыграла. Комедия была принята современниками и расценивалась как сатира на подлинную прециозность. Недалеким такой ярый прециозный литератор, как Менаж, уверяет своих издателей, что именно первое представление *Модниц* заставило его пересмотреть свои литературные установки и отойти от прежних позиций. Чрезвычайно знаменательно также сообщение упомянутого уже Сомеза в его *Dictionnaire des précieux*, что комедия некоторое время находилась под запретом по настоянию какого-то влиятельного лица.

Обратившись к самой пьесе, мы и здесь неизбежно придем к тем же выводам. Конечно, Като и Мадлон — провинциалки, только что приехавшие в Париж, но их провинциализм — лишь защитный цвет для Мольера. Обе прециозные девиды очень хорошо осведомлены о том, на что они стремятся походить; они начитаны и имеют далеко не превратное представление о прециозных салонах и прециозном стиле. Они постоянно ссылаются на «истинных» прециозниц, аргументируют их «практикой» и если именно здесь нет тончайшего издевательства над «подлинной» прециозностью, то незачем вообще видеть в *Смешных модницах* сатиру.

Наиболее основательно разобран вопрос о тенденции мольеровской комедии у Мишо. Для него совершенно очевидна ошибочность злоупотребления высказываниями Мольера в его знаменитом предисловии. В отличие от ряда других исследователей Мишо прекрасно понимает, что, если бы Мольер действительно метил только в «неумелых обезьян», он неизбежно противопоставил бы Като, Мадлон и Маскарилю представителей подлинной прециозности. Но он этого не сделал, так как это свело бы на-нет всю антипрециозную заостренность его комедии.

* F. Vaumal, *Molière auteur précieux*, Paris, «La renaissance du livre» s. a.

Впрочем, говорит Мишо, «с прециозностью дело обстоит так же, как и с другими вещами, в которых нельзя нападать на внешнюю сторону без того, чтобы стрела не задела самой сущности: ложное или дурное благочестие, ложный или дурной патриотизм, ложный или дурной демократизм не могут быть разоблачены на театральных подмостках так, чтобы не были задеты или даже не оказались серьезно пострадавшими подлинное благочестие, подлинная филантропия, подлинный патриотизм, подлинный демократизм» (стр. 44).

Была ли комедия направлена против определенных, конкретных лиц? Это не так уж существенно. Конечно, в *Смешные модницы* нет ни малейшего намека на маркизу Рамбулье, эту «папессу» прециозности, задеть которую Мольер попросту не посмел.

Зато в ряде мест комедии задевается известная м-ль де-Скюдери; ее цитируют, на нее ссылаются, и есть указание на то, что писательница не могла простить Мольеру его дерзости. «Но, — замечает Мишо, — если Мольер имел в виду м-ль де-Скюдери, он нападал тем самым и на всех прециозниц, активно выступавших в Париже» (цит. соч., стр. 47). С этим нельзя не согласиться. *Смешные модницы* были одним из самых ярких фактов борьбы во французской литературе XVII века. Мольер выступил в своей комедии против всего того, чем характеризуется прециозный стиль как стиль непримиримой аристократии. Современники Мольера и главным образом враги его если не поняли, то во всяком случае почувствовали, в чем тут дело. Интересно, например, что Сомез расценивал внешне почтительный к подлинным прециозницам тон Мольера в его предисловии к первому изданию комедии как сугубо «наглый». Если даже это и слишком сильно сказано, то все же смысл мольеровского выступления был понят Сомезом правильно.

Смешные модницы — первая социально значимая вещь Мольера, первое его произведение, в котором сатирическая установка делается конкретной до злободневности. Легко видеть, что тенденция комедии требовала от Мольера усиления реалистических моментов как в трактовке персонажей, так и в развертывании комедийной ситуации вообще. Отсюда — те нефарсовые черты,

которые характеризуют эту фарсового типа комедию: проблемность, показ социального типажа, бытовизм. Переходя к социальной сатире, Мольер в *Модницах* преодолевает ту технику комического, которая была характерна для его юношеских фарсов.

Тем не менее, черты «чистого» фарсового комизма, т. е. комизма, лежащего вне социально-сатирического плана пьесы и действующего как бы помимо этого плана, еще чрезвычайно резки и заметны. Правда, при чтении они несколько сглаживаются, но зато при постановке неизбежно выступают на первый план.

К чисто фарсовым эффектам относится сцена взбучки, которую Маскариль и Жодле получают от своих хозяев, сцена с разоблачением (в буквальном смысле слова!) мнимых аристократов, сцена с ощупыванием ран Жодле (в особенности то место, где Маскариль готов раздеться, чтобы продемонстрировать свою «рану») и т. п. Традиционно фарсовыми являются имена Горжибюса и Маскариля. Ряд фарсовых моментов приносят с собою и чисто театральные приемы комедии, главным образом обыгрывание костюмов и грима. Есть основания полагать, что некоторые персонажи, в том числе Маскариль, играли в масках, а костюм Маскариля, как показывает сохранившаяся гравюра, представлял собой гротескный шарж на аристократические моды того времени. Имеются указания на то, что Мольер перерабатывал пьесу, подготавливая ее к печати. Эта переработка шла по линии приглушения специфически фарсовых элементов комедии, особенно обильно оснащавших роль Жодле и являвшихся продуктом специфического творчества этого знаменитого фарсового актера.

Так или иначе, но вытравление из *Модниц* фарсовых элементов проходило под знаком борьбы Мольера за реалистический метод комедийного творчества. На этот путь толкала его, как сказано выше, сатирическая установка комедии. На анализе бытовых черт комедии можно не останавливаться подробно: все сцены между модницами и Горжибюсом, модницами и слугами, наконец сцены с Маскаршлем и Жодле в этом отношении почти не отличаются от аналогичных сцен в позднейших «серьезных»

комедиях Мольера. Характеры, правда, здесь едва намечены, но при всем том они уже в значительной мере отражают усиливающиеся реалистические тенденции Мольера, развившиеся в последующих его произведениях. Так, Горжибюс — несомненный прототип тех благоразумных буржуа мольеровского театра, которым отвратительно слепое подражание некоторых представителей их класса аристократическим вкусам и замашкам, а Като и Мадлон — предшественницы «мещан во дворянстве», бессмысленно копирующих вещи, не заслуживающие уважения и подражания. Прибавим, что при всем схематизме и эскизности характеров данной комедии они все же далеки от примитивизма и обнаруживают явные попытки индивидуализации. Так, заметно различие между характерами Мадлон и Като, Маскариля и Жодле. Мадлон как представительница прециозных вкусов и тенденций более активна и более агрессивна, чем Като, которая часто лишь вторит ей. Точно так же наглость и самоуверенность Маскариля ярче и разностороннее, чем довольно пассивное и тупое хвостовство Жодле.* Но самое существенное для *Смешных модниц* заключается в другом: рядом с «бескорыстным» и механическим комизмом фарсовых гротесков, почти совершенно заглушая его, вырастает иной комизм — комизм саморазоблачения подлежащих осмеянию персонажей, достигающий своего апогея в диалоге между Мадлон и Маскарилем. Здесь преодоление фарса завершено: самым смешным оказывается «серьезное», и подлинный комизм проявляется в смысловой нагрузке.

Эта необычность и новизна обусловили тот исключительный успех одноактной, легкой комедии, который так поразиł современников. Ибо парижская аристократическая и буржуазная публика середины XVII века привыкла и к потасовкам, раздвиганиям и экстравагантным костюмам; вряд ли ее могли поразить сами по себе волочащиеся по земле локоны маскарилева парика, его гиперболические воланы, банты и раструбы рукавов.

* Заметим, однако, что подобное противопоставление динамики и статики в двух персонажах одного амплуа унаследовано Мольером от итальянской комедии масок, влияние которой в данной комедии совершенно несомненно.

Но актуальная тематика пьесы создала вокруг нее атмосферу скандала, а социально-реалистическое новаторство автора обеспечило ей художественный и материальный успех. Первые представления *Смешных модниц* оказались поворотным пунктом в истории мольеровского творчества: труппа Мольера начала выдвигаться на первое место в Париже, а ее руководитель впервые обрел себя как драматург.

Н. Рыкова

ПРЕДИСЛОВИЕ

Странное дело, что человека печатают без его согласия. Нет, по-моему, ничего более несправедливого, и я охотнее готов простить любое другое насилие, нежели это.

Не то чтобы я вздумал разыграть роль скромного автора и по чистой совести облить презрением собственную комедию. Я бы весьма некстати оскорбил весь Париж, обвиняя его в том, что он аплодировал какой-то чепухе. Поскольку публика является безусловным судьей такого рода произведений, было бы дерзостью с моей стороны опорочить ее приговор. И будь я даже самого худшего мнения о своих *«Смешных модницах»* до появления их на сцене, я теперь должен был бы увериться в том, что они чего-нибудь да стоят, раз столько людей одновременно их похвалило. Но, поскольку значительная часть достоинств, найденных в них зрителями, зависит от игры и интонации актеров, мне не хотелось, чтобы комедия была лишена этих украшений; я считал, что успех, который она пожала во время представления, достаточен и что вполне можно им удовлетвориться. Повторяю, я решил показывать ее только при свечах, чтобы не подать кому-либо повода вспомнить пословицу, и мне не хотелось, чтобы она перепорхнула из Бурбонского театра в галерею Суда. Все же я не смог этого избежать, и к вичшему своему огорчению увидел копию пьесы в руках книгопродавцев, а при ней привилегию, добытую нахрапом. Я мог сколько душе угодно восклицать: «О времена! о нравы! —

мне ясно доказали, что я должен либо печататься, либо затеять тяжбу; а последнее зло еще хуже первого. Итак, необходимо подчиниться судьбе и согласиться на то, что все равно не преминули бы сделать и без моего согласия.

Боже милостивый! Сколь затруднителен выпуск книги в свет, и как неопытен автор, впервые печатающийся! Если бы мне дали хоть немного времени, я успел бы позаботиться о себе и принял бы все предосторожности, которые господа писатели (отныне мои собратья) принимают в подобных случаях. Не говоря уже о каком-нибудь знатном вельможе, которого я против его воли взял бы в покровители своего творения (и щедрость коего я попытался бы искусить цветистым посвящением), я бы еще потщился составить прекрасное и высокоученое предисловие: у меня нет недостатка в книгах, которые снабдили бы меня всем, что можно в ученом стиле сказать о трагедии и комедии, об этимологии их названия, об их происхождении, сущности и т. д. Я поговорил бы кой с кем из своих друзей, которые для препоручения публике моей пьесы не отказали бы мне ни во французских, ни в латинских стихотворениях. Есть у меня и такие, которые восхвалили бы меня по-гречески; ведь ни для кого не тайна, что греческая похвала в начале книги обладает чудодейственной силой. Но меня выпускают в свет, не дав мне времени оглядеться, и я даже не могу добиться права сказать несколько слов в оправдание своих намерений при выборе сюжета этой комедии. А между тем, я хотел бы подчеркнуть, что она нигде не преступает границ сатиры пристойной и дозволенной; что превосходнейшие дела подвергаются опасности подражания со стороны неумелых обезьян, которые заслуживают насмешки; что эти скверные пародии на все, что есть самого совершенного, во все времена поставляли материал для комедии и что по той же причине истинно ученые и истинно мужественные люди еще ни разу не были в обиде на

комедийного Доктора или Капитана, равно как судьи, князя и короли не оскорблялись, видя как Тривелин или другой лицедей изображает в смешном виде судью, князя или короля. Точно так же истинные прециозницы напрасно вздумали бы обижаться, когда высмеивают их смешных и неловких подражательниц. Но, как сказано, мне не дадут вздохнуть, и г-н де-Люин собирается немедленно отдать меня в переплет. Ну, в добрый час, раз уж на то воля божия!

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Лагранж } отвергнутые поклонники.
Дюкруази }
Горжибюс, честный горожанин.
Мадлон, дочь Горжибюса } смешные
Като, племянница Горжибюса } модницы.
Марота, служанка у смешных модниц.
Альманзор, лакей у смешных модниц.
Маркиз Маскариль, слуга Лагранжа.
Виконт Жодле, слуга Дюкруази.
Два носильщика, с порт-шезом.
Соседки.
Скрипачи.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Лагранж, Дюкруази

Дюкруази

Господин Лагранж.

Лагранж

Что?

Дюкруази

А ну-ка, взгляните мне в глаза и не смейтесь.

Лагранж

Взглянул. Что дальше?

Дюкруази

Что вы скажете о нашем визите? Много ли вы им довольны?

Лагранж

А как по-вашему? Есть тут чему порадоваться?

Дюкруази

Да, по правде сказать, нечему.

Лагранж

Что до меня, то я, признаюсь, возмущен до крайности Ну, скажите на милость, слыханное ли дело, чтобы две провинциальные дурехи пыжились до такой степени или

чтоб с двумя порядочными людьми обошлись так, как с нами? Ведь они насилу решились кресла нам предложить. В жизни я не видал, чтобы столько перешептывались, зевали, столько раз терли глаза и спрашивали: «Который час». Ответили ли они на наши слова хоть что-нибудь, кроме «да» и «нет»? Согласитесь, что, будь мы даже самыми последними людьми на свете, никто не мог бы оказать нам худшего приема.

Дюкрузи

Вы, кажется, принимаете это близко к сердцу.

Лагранж

Разумеется, принимаю. И даже настолько, что намерен отомстить за такую дерзость. Я знаю, почему нас облили презрением. Дух жеманства не только заразил весь Париж, но и разлился по провинции, а наши смешные фефелы нанюхались его вдоволь. Одним словом, все их существо — это помесь кокетки с модницей. Теперь я понял, чем надо быть, чтобы добиться от них хорошего приема. И, если вы одобрите мой план, мы сыграем с ними штуку, которая убедит их в собственной глупости и научит впредь получше разбираться в людях.

Дюкрузи

Каким же это образом?

Лагранж

Есть у меня лакей, по имени Маскариль, который во мнении многих слывет чем-то вроде остромысла, ибо в наши дни нет товара дешевле, чем остромыслие. Это — чудак, который силится во что бы то ни стало разыгрывать барина. Обычно он щеголяет галантностью и стихоплетством, а других слуг до того презирает, что зовет их не иначе, как скотами.

Дюкруази

Так что же вы собираетесь с ним сделать?

Лагранж

Что собираюсь сделать? Нужно будет... Да, впрочем, выйдемте сперва отсюда...

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Горжибюс, Дюкруази, Лагранж

Горжибюс

Ну, что? Виделись вы с моей племянницей и дочерью? Как идут дела? Каковы последствия вашего посещения?

Лагранж

Об этом вам лучше было бы осведомиться у них, нежели у нас. Мы же можем только сказать, что покорно благодарим за оказанную честь и пребываем отныне всецело к вашим услугам.

Дюкруази

Всецело к вашим услугам.

[Уходят Дюкруази и Лагранж]

Горжибюс *[один]*

Вот так так! Они уходят как будто не совсем довольными. Откуда бы взяться такому недовольству? Надо порасспросить, что это значит. Эй! люди!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Марота, Горжибюс

Марота

Что прикажете, барин?

Горжибюс

Где ваши барышни?

Марота

В будуаре.

Горжибюс

Что делают?

Марота

Губную помаду.

Горжибюс

Не в меру они распомадились. Скажите им, пусть сойдут сюда [*Уходит Марота*]. Эти негодницы, видно, задумали разорить меня своими помадами. Повсюду только и вижу, что белки яичные, да «девичье молоко», да еще тысячу неведомых финтифлюшек. С тех пор как мы здесь, они извели на сало дюжину поросят, никак не меньше. А бараньими ножками, которые они для чего-то употребляют, четверо слуг могли бы кормиться изо дня в день.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Мадлон, Като, Горжибюс

Горжибюс

Очень нужно, в самом деле, тратить такую уйму денег, чтобы насалить себе рожу. Скажите-ка мне лучше, как вы обошлись с этими господами: они так холодно со мною простились. Разве же я не велел вам принять их так, как подобает людям, которых я наметил вам в мужья?

Мадлон

А как же, батюшка, могли мы иначе оденить их ни с чем не сообразное поведение?

К а т о

Да разве может, дядюшка, мало-мальски рассудительная девица примириться с их внешностью?

Г о р ж и б ю с

А чем они вам не угодили?

М а д л о н

Вот так галантность! Нечего сказать! Начинают прямо с законного брака.

Г о р ж и б ю с

А, по-вашему, с чего им начать? С незаконного, что ли? Разве такое обращение не лестно для вас обеих, а равно и для меня? Может ли быть что нибудь приятнее этого? А священный союз, которого они домогаются, не служит ли лучшим доказательством честности их намерений?

М а д л о н

Ах, батюшка! Что вы говорите? Это ужасное мещанство. Право, мне стыдно даже слушать такие речи. Вы бы хоть немножечко поучились хорошему тону.

Г о р ж и б ю с

Наплевать мне и на тон и на мелодию. Я тебе говорю, что брак — дело святое и божеское, и кто с этого начинает — тот, стало быть, человек честный.

М а д л о н

О боже! Ежели бы весь свет был на вас похож, как скоро бы романы кончались! Куда как прекрасно, ежели бы Сирюс тут же и женился на Мандане или Аронс без дальних слов повенчался с Клеией!

Г о р ж и б ю с

Не пойму я, что ты плетешь.

Мадлон

Вот, батюшка, и кузина вам тоже скажет, что браку надлежит быть лишь после всех прочих приключений. Чтобы понравиться нам, поклонник должен уметь изъяснять выспренные чувства, попеременно брать тона сладостные, нежные и страстные — словом, домогательство свое совершать по всей форме. Прежде всего, надлежит ему в церкви, на прогулке или во время публичного торжества встретиться с особою, его пленившей, или волею судеб быть приведенным к ней в дом каким-либо родственником или другом и выйти оттуда в мечтательном и меланхолическом расположении. Некоторое время скрывает он страсть свою от обожаемого предмета, а сам тем временем наносит возлюбленной несколько визитов, при каковом случае обязательно дискутируется какая-нибудь любовная проблема, на которой все общество упражняет свое остроумие. Наступает день декларации, каковую предпочтительно делать в какой-нибудь садовой аллее, покуда остальное общество несколько удалилось. За декларацией немедленно следует гневное возмущение, сказывающееся в румянце наших ланит и на время удаляющее поклонника с наших глаз. Немного погодя он изыскивает способ нас умиловить и незаметно приучить к изъяснениям страсти, а затем и вырвать столь тягостное для нас признание. После следуют приключения: соперники, стоящие на пути упрочившейся склонности двух сердец, тирания родителей, ложные тревоги ревности, жалобы, взрывы отчаяния и, наконец, похищение со всеми вытекающими из оногo последствиями. Вот как должно вести дело по регламенту хорошего тона. Таковы правила, без коих истинно галантный человек шагу не ступит. Но прямо, без обиняков, переходить к узам супружества и заключать сердечный союз одновременно с брачным контрактом, и переворачивать задом наперед весь ход романа, — повторяю вам, батюшка, это самый торг^а-

шеский образ действия, и мне делается дурно при одной только мысли об этом.

Горжибюс

Что это за галиматья! Вот уж, поистине, высокий штиль!

Като

И впрямь, дядюшка, кузина правильно о вещах судит. Как, скажите на милость, принимать таких людей, которые в галантности ничего не смыслят? Я в том готова об заклад побиться, что они никогда не видали карты Страны Нежности, что село Любовные Цедули, деревня Любезные Услуги и замок Стихотворные Приятства то же самое для них неведомые страны. Ужели вы не видите, что вся их персона сие обличает и что совсем не обладают они такой внешностью, которая бы сразу располагала в их пользу. Как? Явиться с визитом к обожаемой даме в чулках и штанах одного цвета, в шляпе, не украшенной перьями, с немодной прической из естественных волос и в кафтане, страдающем от скудости лент!.. О боже! Вот так поклонники! Какое убожество наряда и какая сухость в разговоре! Выдержать невозможно, перенести немисливо! Подметила я также, что брыжжи у них от плохой мастерицы и что штаны их чуть ли не на полфута уже, чем следует.

Горжибюс

Сдается мне, они обе спятили. В толк не возьму всей этой тарабарщины. Слушай, Като, и ты, Мадлон...

Мадлон

О батюшка! Бросьте, сделайте милость, эти нелепые имена и зовите нас иначе.

Горжибюс

Что такое? Нелепые имена? Да разве они вам не при крещенье даны?

Мадлон

Господи! До чего вы вульгарны! Я никак не могу притти в себя от удивления, что вам удалось стать отцом такой просвещенной дочери, как я. Ну, кто когда-либо говорил в изящном стиле о каких-то Като и Мадлон. Признайтесь, что одного такого имени было бы достаточно, чтобы развенчать лучший в мире роман.

Като

Совершенно справедливо, дядюшка, что мало-мальски деликатное ухо невыносимо страдает при звуке таких слов. Имена же *Поликсена*, избранное кухней, и *Аминта*, как я себя называю, обладают изяществом, которого и вы не откажетесь признать.

Горжибюс

Слушайте вы обе: мое слово твердо. Я не потерплю никаких имен, кроме тех, что дали вам крестные папаши с мамами. А что касается тех господ, о которых мы говорили, то мне известны их семейства и достатки, и я настоятельно требую, чтобы вы вышли за них замуж. Мне прискучило с вами нянчиться, и забота о двух девицах — бремя слишком тяжелое для человека моих лет.

Като

Про себя, дядюшка, скажу, что я считаю брак делом величайшей неблагопристойности: как можно вынести даже мысль о том, чтобы спать рядом с совершенно голым мужчиной?

Мадлон

Разрешите же нам хоть немного подышать воздухом столичного света. Дайте нам на свободе заплести узел нашего романа и не слишком торопите развязкой.

Горжибюс [*про себя*]

Сомнения нет, они окончательно рехнулись. [*Гролко!* Говорю и повторяю: я ничего не смыслю в этой ахинее. Но я хочу быть полновластным хозяином в своем доме и посему, чтобы прекратить всякие разговоры, скажу прямо: либо вы, не теряя времени, пойдете под венец, либо обе отправитесь в монастырь. И в этом я вам клянусь чем угодно.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Като, Мадлон

Като

Ах, боже мой, милочка! Как у отца твоего форма погружена в материю! Сколь тяжеловесен его ум и какой мрак обитает в его душе!

Мадлон

Что делать, душечка? Я краснею за него, и мне трудно представить себе, что я впрямь его дочь: я все жду, что какой-нибудь счастливый случай обнаружит мое высокое происхождение.

Като

Охотно верю. Поистине, все на это указывает. И сама я, как погляжу на себя...

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Марота, Като, Мадлон

Марота

Вот тут человек чей-то пришел; спрашивает дома ли вы; барин-де его с визитом к вам собирается.

Мадлон

Да приучайтесь же вы, дура этакая, не столь простецки изъясняться. Надо сказать: «Вот явился служитель; он спрашивает, находитесь ли вы в благорасположении, чтобы принимать посещения».

Марота

Я по-латыни-то не смыслю и не произошла, как вы, всю философию по великому Сириусу.

Мадлон

Нахалка! Просто слушать невыносимо! А кто такой барин этого лакея?

Марота

Да он назвал его маркизом де-Маскариль.

Мадлон

Ах, милочка, маркиз! Маркиз! Ступайте же, скажите, что мы принимаем. Без сомнения, это какой-нибудь остромысл, прослышавший о нас.

Като

Разумеется, душечка.

Мадлон

Лучше принять их здесь внизу, в зале, нежели в нашей комнате. Пойдем же, слегка оправим прическу и подержим свою репутацию. Скорей протяните нам сюда советника Граций.

Марота

Ей-ей, не разберу, что это за зверюка. Вы уж лучше по-христиански говорите, ежели хотите, чтоб я поняла.

Като

Так принесите же зеркало, невежда вы бестолковая, и смотрите, не замажьте стекла отражением своего изображения.

[Уходят все]

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Маскариль и два носильщика

Маскариль

Стой, носильщики! Стой, ой-ой-ой-ой! Эти разбойники, как видно, задались целью истолочь меня в порошок непрерывным стуканьем то о стены, то о мостовую.

Первый носильщик

Чорт побери! Что за узкая дверь! Вы же сами приказали, чтобы мы вас внесли сюда.

Маскариль

Еще бы! А вам бы хотелось, бездельники, чтобы я отдал пышность своих перьев на милость жестокости дождливой поры и чтобы я отпечатлел на грязи подошвы своих башмаков? Прочь! Уберите порт-шез.

Второй носильщик

Будьте добры, сударь, заплатите нам.

Маскариль

Что такое?

Второй носильщик

Я прошу вас, сударь, дать нам денег.

Маскариль *(даст ему пощечину)*

Как, мошенник? Требовать денег от особы моего ранга

Второй носильщик

Так-то вы платите бедным людям? Да разве ваш ранг нас обедом кормит?

Маскариль

О-го-го! Я научу вас знать свое место! Эта шушера еще осмеливается надо мной потешаться.

Первый носильщик *(вооружившись одним из шестов порт-шеза)*

Ну, раскошеливайтесь, да поскорее.

Маскариль

Что-о?

Первый носильщик

Сейчас же давайте деньги — вот что.

Маскариль

Вот это разумная речь.

Первый носильщик

Ну же, поторапливайтесь.

Маскариль

Ладно. Вот ты говоришь, как следует. А он — негодяй и сам не знает, что болтает. Получай, довольно с тебя?

Первый носильщик

Нет, не довольно. Вы дали оплеуху моему товарищу и...

[Замахивается шестом]

Маскариль

Потише. Вот тебе за оплеуху. От меня всего можно добиться, если правильно взяться за дело. Ладно. После зайдите за мной, чтобы нести меня в Лувр к малому вечернему приему.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Марота, Маскариль

Марота

Барышни мои, сударь, сию минуту выйдут.

Маскариль

Пусть не торопятся. Мне здесь очень удобно дожидаться.

Марота

А вот они сами-с.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Мадлон, Като, Маскариль, Альманзор

Маскариль *(отвесив поклон)*

Вы, вероятно, поражены, сударыни, смелостью моего посещения? Слава ваша навлекла на вас эту напасть. Для меня же высокие достоинства обладают такую притягательную силой, что я непрестанно за ними гонюсь.

Мадлон

Ежели вы гоняетесь за достоинствами, то не на нашей земле вам надлежит охотиться.

Като

Чтобы узреть достоинства в нашем доме, надобно, чтоб они вошли сюда вместе с вами.

Маскариль

О, нет! Я заявляю отвод вашим словам. Молва не ошиблась, перечисляя ваши качества, и вы не преминете сделать шах, мат и кадут всему, что есть галантного в Париже.

Мадлон

Любезность столь неумеренно повышает щедрость ваших похвал, что мы с кузиной остережемся отнестись со всею серьезностью к сладости ваших комплиментов.

Като

Милочка, необходимо внести кресла.

Мадлон

Эй, Альманзор!

Альманзор

Что прикажете, барышня?

Мадлон

Поскорее вкадите сюда удобства собеседования.

Маскариль

Но буду ли я здесь в безопасности?

[Альманзор выходит и вскоре затем вкатывает кресла]

Като

Чего же вы опасаетесь?

Маскариль

Опасаясь похищения моего сердца, убийства моей независимости. Передо мною — глаза, похожие на заправских разбойников, которые не уважают ничьей свободы и с душами обходятся, как турецкие корсары. Клянусь честью, я им не доверяю. Я готов обратиться в бегство и требую надежной гарантии в том, что они не причинят мне зла.

Мадлон

Милочка! Это тип игривого поклонника!

Като

Я уж и сама вижу, что это — Амилькар.

Мадлон

Вам нечего бояться: глаза наши не питают дурных намерений, и ваше сердце может спокойно почивать, положившись на их добропорядочность.

К а т о

Но умоляю вас, сударь, не будьте безжалостны к этому креслу, которое вот уже четверть часа простирает к вам свои объятия; снизойдите же к его желанию прижать вас к своей груди.

М а с к а р и л ь *(приведя в порядок прическу и оправив наколенники)*

Итак, сударыня, что скажете вы о Париже?

М а д л о н

Увы, что можем мы сказать? Надо быть антиподом здравого смысла, чтобы не признать Париж складом всех диковин, средоточием хорошего вкуса, тонкого ума и галантности.

М а с к а р и л ь

Я лично считаю, что для порядочных людей несть спасения вне Парижа.

К а т о

Это неоспоримая истина.

М а с к а р и л ь

Правда, улицы грязноваты. Но ведь на то есть портшезы.

М а д л о н

В самом деле, портшезы — великолепное убежище от нападков грязи и дурной погоды.

М а с к а р и л ь

Часто ли вы принимаете у себя? Кто из остромыслов у вас бывает?

М а д л о н

Увы! Мы еще мало известны в обществе. Но мы на пути к известности: есть у нас близкая приятельница, кото-

рая обещает привести к нам всех господ из *Собрания избранных сочинений*.

К а т о

И еще некоторых, которых нам отрекомендовали как высших судей в области прекрасного.

М а с к а р и л ь

Никто не поможет вам в этом деле лучше меня. Все они у меня бывают. Могу сказать, что по утрам у моей постели собирается никак не менее полдюжины остроумислов.

М а д л о н

Боже мой! Вы обязали бы нас величайшим обязательством, ежели бы оказали нам такую любезность. В конце концов, необходимо быть знакомым со всеми этими господами, чтобы принадлежать к высшему свету. Ведь в Париже только они и дают толчок репутации. И, вы знаете, есть между ними такие, одно общение с которыми способно создать вам славу законодательницы мод при отсутствии всех прочих качеств. Я же лично особенно ценю то, что при посредстве столь просвещенных посетителей научаешься множеству вещей, которых нельзя не знать и которые составляют самую сущность остроумислия. Ежедневно узнаешь мелкие новости из галантного мира, изящную переписку в стихах и прозе. Всегда можешь точно сказать: такой-то создал лучшую в мире пьесу на такой-то сюжет; такая-то положила на слова такой-то мотив; этот разрешился мадригалом по случаю приятного развлечения; тот сочинил стансы по поводу чьей-то неверности; господин такой-то написал секрет девице такой-то, а она наутро, в восьмом часу, прислала ему ответ; один писатель набросал план нового сочинения другой приступил к третьей части своего романа; третий отдал труды свои в печать. Вот что придает вам цену в ассамблеях, и ежели кто не знает этих вещей, то я гвоздя не дам за весь его ум.

К а т о

По-моему, так на свете нет ничего смешнее человека, который претендует на ум, а сам не знает всех до единого четверостиший, кем-либо сочиненных за день. Сама я со стыда бы умерла, ежели бы меня спросили, видала ли я такую-то вещь, и оказалось бы, что я не видала.

М а с к а р и л ь

Разумеется, постыдно не быть среди тех, кто первыми узнают все, что творится. Но не извольте беспокоиться: я собираюсь превратить ваш дом в академию остромыслов и обещаю, что во всем Париже не будет написано ни одного стишка, которого вы не знали бы наизусть раньше всех прочих. Что до меня, то и я, каков ни на есть, а слегка упражняюсь в этом искусстве; по изысканнейшим альковам Парижа вы услышите двести песенок, столько же сонетов и более тысячи мадригалов моего сочинения, а загадок и стихотворных портретов я уж и не считаю.

М а д л о н

Признаюсь, я совершенно без ума от портретов. Я не знаю ничего более галантного.

М а с к а р и л ь

Портреты — дело трудное и требующее глубокого ума: вы увидите некоторые образчики моего произведения, которые вам, надеюсь, понравятся.

К а т о

Что касается меня, то я до ужаса обожаю загадки.

М а с к а р и л ь

Они упражняют ум; и не далее, как нынче утром, я сочинил четыре штуки, которые предложу вам разгадать.

Мадлон

Приятны и мадригалы, если они ловко сделаны.

Маскариль

На мадригалы у меня особый талант; в настоящее время я работаю над переложением в мадригалы всей римской истории.

Мадлон

О, без сомнения, это будет великолепно! Если вы их напечатаете, я попрошу вас оставить для меня хоть один экземпляр.

Маскариль

Каждой из вас обещаю по одному, да еще в самых лучших переплетах. Печататься — ниже моего достоинства — я соглашаюсь на это только для того, чтобы дать заработок книготорговцам, которые осаждают меня просьбами.

Мадлон

Воображаю, какое это огромное удовлетворение — увидеть свое произведение в печати.

Маскариль

Разумеется... Но кстати, я должен прочитать вам экспромт, сочиненный мною вчера во время визита к одной герцогине, моей приятельнице: я, видите ли, чертовски силен в экспромтах.

Като

Экспромт — это как раз и есть пробный камень остроумия.

Маскариль

Так слушайте же.

Мадлон

Уши наши — само внимание.

Маскариль

Ого! Как видно, дал я маху:
Пока, не чая зла, на вас гляжу без страху,
Ваш глаз исподтишка взял сердце и... стянул,
Караул! караул! караул! караул!

Като

О боже мой! Вот, действительно, верх галантности.

Маскариль

Все, что я пишу, звучит по-кавалерски и никогда не отдает педантом.

Мадлон

О, это на две тысячи миль удалено от всякого педантизма.

Маскариль

Обратили ли вы внимание на начало? «Ого!» — вот что достопримечательно. «Ого!» — как будто человек только сейчас спохватился. «Ого!» — удивление. «О-го!!»

Мадлон

Я нахожу это «о-го» восхитительным.

Маскариль

На первый взгляд кажется, что это — пустячок.

Като

Помилуйте, что вы говорите! Да таким вещам цены нет.

Мадлон

Без сомнения. Я бы скорее предпочла быть автором этого «о-го», нежели целой эпической поэмы.

М а с к а р и л ь

Убей меня бог! Да у вас великолепный вкус!

М а д л о н

Да, осмелюсь сказать, не совсем плохой.

М а с к а р и л ь

Но не отметили ли вы также: «дал я маху»? «Дал маху», то есть не остерегся, оплошал — естественный способ выражения: «дал маху». «Пока, не чая зла» — то есть бесхитростно, без задней мысли, как бедный ягненок. «На вас гляжу», — то есть наслаждаюсь лицемерием вашим, наблюдаю вас, созерцаю вас. «Ваш глаз исподтишка...» Что вы скажете об этом словечке: «исподтишка»? Не правда ли, недурно подобрано?

К а т о

Безукоризненно.

М а с к а р и л ь

«Исподтишка» — незаметно. Точно кошечка сцапала мышечку... «Ис-под-тиш-ка».

М а д л о н

Лучше и придумать невозможно.

М а с к а р и л ь

«Взял сердце и стянул», «стянул» — унес! похитил!! «Караул, караул, караул!» Ну, прямо видишь, как человек бежит за воров и кричит, чтоб его задержали, — не правда ли? «Караул, караул, караул!»

М а д л о н

Нельзя не признать, что это оборот остроумный и галантный.

М а с к а р и л ь

Я спою вам арию, которую я сочинил на эти слова.

К а т о

Как! Вы и музыке учились?

М а с к а р и л ь

Я? Ничуть не бывало.

К а т о

А как же тогда...

М а с к а р и л ь

Человек благородный все знает, ничему не учившись.

М а д л о н

Разумеется, милочка.

М а с к а р и л ь

Послушайте, понравится ли вам ария. Кхм, кхм... Ла-ла-ла-ла. Жестокость этого времени года нанесла немалый ущерб нежности моего голоса. Но все равно. По-кавалерски, знаете... *(Поет: «О-го! Как видно, дал я мажу» и т. д.)*

К а т о

Ах! Вот уж подлинно страстная мелодия. Скажите, от нее не умирают?

М а д л о н

В ней есть нечто... хроматическое.

М а с к а р и л ь

Не находите ли вы, что мысль отлично выражается музыкой? «Караул, караул!» И затем — словно кто кричит во весь голос: «ка-ка-ка-ка-караул!» И вдруг — точно у него горло перехватило: «караул!»

М а д л о н

Вот что значит проникнуть во все тонкости, в величайшие тонкости, в тончайшие тонкости! Все — чудесно,

уверяю вас. Я в полном энтузиазме и от слов и от музыки.

К а т о

Мне еще не приходилось слышать ничего столь отменного.

М а с к а р и л ь

Все, что я творю, дается мне само собой, безо всякого учения.

М а д л о н

Природа обошлась с вами, как любящая мать: вы — ее баловень.

М а с к а р и л ь

Чем вы, сударыни, коротаете время?

К а т о

Ничем.

М а д л о н

До сих пор мы страдали от ужасающей бескормицы в развлечениях.

М а с к а р и л ь

Разрешите мне на днях повезти вас в Комедийный театр. Там как раз играют новую пьесу, и мне бы очень хотелось посмотреть ее вместе с вами.

М а д л о н

От таких вещей не отказываются.

М а с к а р и л ь

Но уж прошу вас, когда мы будем там, как следует похлопать. Я, видите ли, обещал устроить пьесе успех, и автор еще нынче утром приходил меня о том про-

силь. Здесь такой обычай, что писатели читают нам, вельможам, свои произведения, чтобы мы находили их прекрасными и создавали им добрую славу. А уж если мы что-нибудь скажем, то, посудите сами, осмелится ли партер нам возражать? Что до меня, то я очень в этом отношении точен: раз уж я обещал автору, то и кричу: «Прекрасно, превосходно!» — еще раньше, чем свечи зажгут.

М а д л о н

Ах, не говорите! Париж — обворожительный город. Ежедневно здесь происходят сотни вещей, которых в провинции никогда не узнаешь, хоть будь ты самой просвещенной женщиной.

К а т о

Довольно. Раз мы предупреждены, то и выполним свой долг и будем как следует восторгаться каждым словом.

М а с к а р и л ь

Может быть, я ошибаюсь. Но вы, положительно, выглядите так, точно сами написали какую-нибудь комедию.

М а д л о н

В словах ваших, пожалуй, есть доля истины.

М а с к а р и л ь

О, о! мы непременно должны ее посмотреть. Между нами сказать, я тоже сочинил комедию и хочу поставить ее на театре.

К а т о

А какой труппе вы ее доверите?

М а с к а р и л ь

Странный вопрос! Разумеется, комедиантам Бургундского Отеля: они одни только и способны показать товар лицом. Все остальные — невежды, которые читают стихи так, как говорится. Они не умеют ни раскатисто декламировать, ни останавливаться в самых эффектных местах. А каким способом вы узнаете, где красивый стих, ежели актер не остановится и тем не предупредит вас, что пора поднимать содом?

К а т о

В самом деле, есть способы показывать слушателям хорошие стороны произведения, и пьеса становится ценной лишь постольку, поскольку ей набьют цену.

М а с к а р и л ь

Что скажете об отделке моего туалета? Подходит ли она к кафтану?

К а т о

Бесподобно.

М а с к а р и л ь

Эта лента хорошо подобрана?

М а д л о н

Безумно хорошо. Это — самый подлинный Пердрижон.

М а с к а р и л ь

А что вы скажете о наколенниках?

М а д л о н

Они у вас в превосходном виде.

М а с к а р и л ь

Могу похвалиться, что они, по крайности, на четверть фута шире самых широких, какие теперь делаются.

Мадлон

Должна признаться, что никогда не видала элегантности туалета, доведенной до такого совершенства.

Маскариль

Прошу вас приковать на время к этим перчаткам внимание вашего обоняния.

Мадлон

Они чудовищно хорошо пахнут.

Като

Ни разу еще не случилось мне вдыхать аромат столь замечательно подобранный.

Маскариль

А этот? [*Дает ил. поюзать свой напудренный парик*]

Мадлон

Он — сама изысканность: возвышенное в нем подчеркивается прелестным.

Маскариль

Но вы ничего не сказали о моих нерях. Как вы их находите?

Като

Ужасно прекрасными.

Маскариль

Знаете ли вы, что пучок стоит целый луйдор? Что до меня, так таков мой обычай: я всегда набрасываюсь на все что ни на есть лучшее.

Мадлон

Уверю вас: мы с вами в этом сходимся. Я безумно деликатна в отношении всего, что на мне надето, и даже

чулок не стану носить, ежели они не от хорошей мастерицы.

Маскариль *(неожиданно вскрикивает)*

Ай, ай, ай! Пошадите! Накажи меня бог, сударыни, так не поступают! Я вправе жаловаться на такое обхождение. Это — не по чести.

Като

Что такое? Что с вами?

Маскариль

Как? Обе сразу соединенными силами — против моего сердца? Ополчаются на меня справа и слева? Нет, это противно международному праву! Силы не равны, и я готов кричать: «режут!»

Като

Надо сознаться, что у него своеобразная манера выражаться.

Мадлон

Бесподобный поворот мысли.

Като

У вашего страха глаза велики, и сердце ваше, обжегшись на молоке, дует на воду.

Маскариль

Как? Да оно, чорт возьми, ошпарено с головы до пят!

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Марота, Маскариль, Като, Мадлон

Марота

Вас, барышня, видеть желают.

Мадлон

Кто?

Марота

Виконт Жодле.

Маскариль

Виконт Жодле?

Марота

Он самый, сударь.

Като

Известен он вам?

Маскариль

Он — мой лучший друг.

Мадлон

Скорей! Просите!

Маскариль

Мы уже несколько дней не видались, и я в восторге от случая...

Като

Вот и он.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Жодле, Маскариль, Като, Мадлон, Марота, Альманзор

Маскариль

А! Виконт!

Жодле

А! Маркиз!

(Они целуются)

М а с к а р и л ь

Как я рад тебя встретить!

Ж о д л е

Как я счастлив, что вижу тебя здесь!

М а с к а р и л ь

О, пожалуйста! Поцелуй меня еще раз.

М а д л о н [*обращаясь к Като*]

Радость моя, мы становимся известными. Вот уже высший свет находит дорогу к нам в дом.

М а с к а р и л ь

Сударыни, разрешите мне представить вам этого дворянина: словом ручаюсь, что он достоин знакомства с вами.

Ж о д л е

Справедливость требует воздать вам должное. Прелести же ваши заявляют суверенные права на людей всех званий.

М а д л о н

Вежливость ваша доходит до крайних пределов лести.

К а т о

День этот будет отмечен в нашем календаре как день благополучнейший.

М а д л о н [*Альманзору*]

Эй, мальчишка! Сколько раз надо повторять тебе одно и то же? Разве ты не видишь, что необходимо нарастить одно кресло?

Маскариль

Не удивляйтесь виду виконта. Он только что оправился от болезни, которая придала его лицу узреваемую вами бледность.

Жодле

Это — плоды придворных бдений и военных невзгод.

Маскариль

Известно ли вам, сударыни, что в лице виконта вы видите одного из доблестнейших мужей нашего века? Это — первостатейный рубака.

Жодле

Вы, маркиз, мне в этом не уступите. Мы отлично знаем, на что вы способны.

Маскариль

Правда, мы при случае имели возможность оценить друг друга.

Жодле

Да, и к тому же в делах довольно жарких.

Маскариль [*бросая взгляд на Като и Мадлон*]

Да, но не в таких жарких, как здешнее. Ай, ай, ай!

Жодле

Мы познакомились в армии. При нашей первой встрече он командовал конным полком на мальтийских галерах.

Маскариль

Это верно. Но вы начали службу раньше меня. Я припоминаю, что был еще молодым офицериком, когда вы уже командовали двумя тысячами всадников.

Жодле

Война — отличное дело. Но, по чести сказать, двор довольно плохо вознаграждает таких служак, как мы с вами.

Маскариль

Вот почему я и хочу повесить шпагу на гвоздь.

Като

Что до меня, то я безумно обожаю военных.

Мадлон

И я их люблю, но требую, чтобы храбрость была приправлена остроумием.

Маскариль

Помнишь ли ты, виконт, тот полумесяц, который мы захватили с тобой при осаде Арраса?

Жодле

Какой там полумесяц? Целое полнолуние!

Маскариль

Пожалуй, ты прав.

Жодле

Как мне его не помнить? Меня там ранило гранатой в ногу, так что до сих пор знак остался. Вот, сделайте милость, пощупайте. Вы сами убедитесь, какой был удар.

Като [*пощупав указанное место*]

Шрам, действительно, очень велик.

Маскариль

Разрешите мне взять вашу руку, и пощупайте вот это. Вот тут, на затылке. Нашли?

М а д л о н

Да, я что-то нащупываю.

М а с к а р и л ь

Это мушкетная рана, полученная мной в последнюю кампанию, в которой я участвовал.

Ж о д л е [*раскрывая грудь*]

А вот следы другого удара, который пронзил меня насквозь во время атаки при Гравелине.

М а с к а р и л ь [*поднося руку к пьювице на штанах*]

Я покажу вам потрясающую рану!

М а д л о н

Не извольте трудиться: мы верим, не глядя.

М а с к а р и л ь

Это — знаки почетные, показывающие, кто ты такой.

К а т о

Мы не сомневаемся в том, кто вы такой.

М а с к а р и л ь

Виконт, тут ли твоя карета?

Ж о д л е

На какой предмет?

М а с к а р и л ь

Мы бы повезли дам прокатиться за городские ворота и устроили бы в их честь небольшую пирушку.

М а д л о н

Нам сегодня трудно было бы отлучиться.

Маскариль

Так пригласим же скрипачей и потанцуем.

Жодле

По чести, это разумный совет.

Мадлон

На это и мы согласны. Но необходимо несколько большее общество.

Маскариль

Эй, люди! Шампань, Пикар, Бургиньон, Каскаре, Баск, Ла-Вердюр, Лорен, Провансаль, Ла-Вьюлет! Чорт подери всех лакеев! В целой Франции, я думаю, нет дворянина, которому прислуживают хуже, чем мне! Эти каналы вечно оставляют меня одного.

Мадлон

Альманзор, скажи людям господина маркиза, чтобы они пошли за скрипачами; а сам пойд и попроси господ и дам по соседству, чтобы они заселили пустыню нашего бала.

[Уходит Альманзор]

Маскариль

Виконт, что скажешь ты об этих глазках?

Жодле

А ты сам, маркиз, что о них думаешь?

Маскариль

Я утверждаю, что нашей свободе вряд ли удастся выйти сухой из воды. Я, по крайней мере, испытываю сильнейшие потрясения, и сердце мое висит на ниточке.

Мадлон

Как естественно все, что он говорит! Он всему умеет придать наиприятнейший оборот.

Като

Поистине, он бешено тратится на остроумие.

Маскариль

Чтоб доказать вам свою правдивость, я сейчас сочиню экспромт на эту тему. *[Обдумывает]*

Като

О! Заклинаю вас со всею преданностью сердца: дайте нам услышать что-нибудь, сочиненное в нашу честь.

Жодле

Я был бы рад последовать его примеру, но поэтическая жилка у меня несколько истощена многочисленными кровопусканиями, которым мне пришлось подвергнуться за последние дни.

Маскариль

Что за чорт! Всегда у меня отлично выходит первый стих; а вот остальные не ладятся. По правде сказать, уж очень это спешно. На досуге я сочиню вам такой экспромт, который покажется вам лучшим в мире.

Жодле

У него демонское остроумие.

Мадлон

И галантность, и ловкость выражений.

Маскариль

Скажи-ка, виконт: давно ты не видал графини?

Жодле

Вот уже недели три, как я не бывал у нее с визитом

Маскариль

Знаешь ли ты, что гердог навестил меня нынче утром и все хотел увезти с собой в деревню, чтобы вместе погоняться за оленем?

Мадлон

А вот и наши подруги.

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Люсьль, Селимена, Като, Мадлон, Маскариль, Жодле, Марота, Альманзор, скрипачи

Мадлон

Ах, милочки! Пожалуйста, извините нас. Этим господам пришла фантазия! одухотворить наши ножки, и мы послали за вами, чтобы заполнить пустоты нашей ассамблеи.

Люсьль

Вы безусловно весьма нас обязали.

Маскариль

Здесь всего только бал на скорую руку; но на днях мы дадим вам другой, по всей форме. Явились ли скрипки?

Альманзор

Да, сударь, они тут.

Маскариль *[пляшет один, как бы в виде прелюдии к балу]*

Ла-ла-ла-ла, ла-ла-ла-ла.

Мадлон

У него безукоризненно изящная фигура.

К а т о

И по всему видно, что он отменный танцор.

М а с к а р и л ь (*приласив Мадлон*)

Сердце мое танцует куранту заодно с ногами. В такт, скрипки! В такт! О невежды! Нет никакой возможности танцовать под их музыку. Чорт вас побери! Неужто же вы не в состоянии выдержать такт? Ла-ла-ла-ла, ла-ла-ла-ла. Поживей. Эх вы, деревенские мазилы!

Ж о д л е (*танцует вслед за ним*)

Эй, вы! Замедлите-ка темп: я еще не оправился от болезни.

Я В Л Е Н И Е Т Р И Н А Д Ц А Т О Е

Дюкруази, Лагранж, Като, Мадлон, Люсиль, Селимена, Жодле, Маскариль, Марота, скрипачи

Л а г р а н ж (*с палкой в руке*)

Ага, мошенники! Что вы тут делаете? Вот уже три часа, как мы вас разыскиваем.

М а с к а р и л ь (*почувствовав удары*)

Ой, ой, ой! Вы мне не сказали, что побои входят в тот же счет.

Ж о д л е

Ай, ай, ай!

Л а г р а н ж

Так тебе и пристало, подлецу этакому, разыгрывать вельможу.

Д ю к р у а з и

Это научит вас знать свое место.

(*Уходят Дюкруази и Лагранж*)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

Като, Мадлон, Люсьиль, Селимена, Маскариль, Жодле,
Марота, скрипачи

Мадлон

Что все это значит?

Жодле

Это — пари.

Като

Как? Вы позволяете, чтобы вас так избиди?

Маскариль

О господи! Я не подал виду. Потому что я горяч от природы и легко мог бы вспылить.

Мадлон

Снести такое оскорбление в нашем присутствии?

Маскариль

Это — пустяки. Давайте продолжать. Мы давнишние знакомые. А в дружеском кругу никто не станет дуться из-за такой безделицы.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТНАДЦАТОЕ

Дюкруази, Лагранж, Мадлон, Като, Селимена, Люсьиль,
Маскариль, Жодле, Марота, скрипачи

Лагранж

Клянусь честью! Вам не удастся посмеяться над нами, бездельники. Эй вы, войдите!

[Входят три-четыре наелных головореза]

Мадлон

Что за дерзость врываться сюда таким образом и тревожить нас в собственном доме!

Дюкрузи

Ужели, сударыня, нам терпеть, чтобы наших лакеев лучше принимали, чем нас, чтоб они за наш счет вели с вами амуры и давали вам балы?

Мадлон

Ваши лакеи?

Лагранж

Да, наши лакеи. И с вашей стороны нехорошо и неприлично так их развращать.

Мадлон

Господи! Какая наглость!

Лагранж

Но мы не позволим им впредь пользоваться нашим платьем, чтобы пыжиться перед вами. И уж если вы хотите их любить, так любите за прекрасные глаза. Ну-ка, поживей! Снимайте с них все.

Жодле

Прощай наше щегольство.

Маскариль

Рухнули и маркизат и графство.

Дюкрузи

Ага, мошенники! Вы осмелились с нами соперничать? Ну, так уверяю вас, придется вам поискать в другом месте, чем козырять перед своими красотками.

Лагранж

Мало того, что вы заняли наше место, вы еще вздумали занять его в нашем же платье!

Маскариль

Сколь велико, Фортуна, твое непостоянство!

Дюкруази

Не мешкайте! Снимите с них все до последней мелочи.

Лагранж

Унесите все эти тряпки, да поживей. Теперь, сударыни, в нынешнем их виде вы можете продолжать с ними амуры сколько вам угодно. Мы предоставляем вам полную свободу, и оба заверяем, что нимало не станем ревновать.

[Уходят Дюкруази и Лагранж]

Като

Ах, какой позор!

Мадлон

Я готова умереть с досады.

Один из скрипачей *(обращаясь к Маскарилью)*

Это что же такое? А кто нам запластит?

Маскариль

Спросите у господина виконта.

Один из скрипачей *(к Жодле)*

Кто же нам деньги отдаст?

Жодле

Спросите у господина маркиза.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ

Горжибюс, Мадлон, Като, Жодле, Маскариль,
скрипачи

Горжибюс

Ах вы, бесстыдницы! Вижу, вижу, в какую лужу вы всех нас посадили. Нечего сказать, хорошие дела узнал я от господ, что только что вышли отсюда!

Мадлон

Ах, батюшка! Они сыграли с нами жестокую шутку.

Горжибюс

Да, конечно, жестокую. Но это лишь последствие вашей заносчивости, бездельницы! Они обиделись на оказанный им прием, а я, несчастный, вынужден проглотить оскорбление.

Мадлон

О, я клянусь, что за нас отомстят, или же я умру от сокрушения. А вы, негодяи, еще осмеливаетесь оставаться здесь после такой дерзости?

Маскариль

Так обходиться с маркизом! Вот он — свет! Малейшая неудача — и нас презирают те, кто нами же восхищался. Пойдем, приятель! Пойдем искать счастья в других местах. Здесь, я вижу, ценят лишь суетную видимость и презирают нагую добродетель.

(Уходят Маскариль и Жодле)

ЯВЛЕНИЕ СЕМНАДЦАТОЕ

Горжибюс, Мадлон, Като, скрипачи

Один из скрипачей

Мы надеемся, сударь, что вы заплатите вместо них за то, что мы тут играли.

Горжибюс (*бьет их*)

Да, да! Я вам заплачу! Вот этой самой монетой. А вы, негодницы... Не знаю, что удерживает меня от того, чтоб и с вами не поступить так же. Теперь мы станем притчей во языцех и всему свету посмешищем. А все это вы навлекли на себя своими чудачествами. Пойдите, негодные, спрячьтесь! спрячьтесь навеки! [*Уходят Мадлон и Като*] А вы, виновники их безумства, дурацкие бредни, пагубные развлечения досужих умов, романы, стихи, песенки, сонеты и сонетки, — провалитесь вы... ко всем чертям!

**СГАНАРЕЛЬ,
ИЛИ
МНИМЫЙ РОГОНОСЕЦ**

Sganarelle ou Le Cocu imaginaire

Перевод А. И. Оношкович-Яцыны

Одноактная комедия Мольера *Сганарель, или Мнимый рогоносец* (*Sganarelle ou Le cocus imaginaire*), была представлена впервые труппой Мольера в театре Пти-Бурбон 28 мая 1660 г.* Новиди-мому она прошла с большим успехом: об этом свидетельствуют выдержанные ею подряд тридцать четыре представления. И да-лее к 1673 г. (год смерти Мольера) *Сганарель* выдержал еще сто двадцать два представления, почти не сходя с репертуара. Известно, что Людовик XIV благоволил к этой комедии и смо-трел ее в придворном театре девять раз, несмотря на то, что она не принадлежала к излюбленному им жанру комедий-балетов и не заключала в себе ни танцевальных интермедий, ни гро-тескных «выходов» масок. Об успехе пьесы говорит и то обстоя-тельство, что она немедленно вызвала подражания: в том же 1660 г. некий Доно выпустил пьесу *Мнимая рогоносец*, где раз-вертывание интриги мольеровской комедии оставлено в непри-косновенности, с тою лишь разницей, что в роли беспричинно ревнующего лица выступает не муж (как у Мольера), а жена. Впрочем, сценическая судьба пьески Доно неизвестна.

Сганарель не есть «комедия характеров» вроде *Скупого* и не «комедия нравов» вроде *Мещанина во дворянстве*. По жанровому признаку, несмотря на наличие несколько «облагораживающего» ее стихотворного языка (впрочем, еще далекого от блестящих строф *Мизантропа* и порою сбивающегося на версификаторские клише — «среднее арифметическое» стихотворных комедий

* В том же году она была издана, без ведома и согласия Мольера, неким сьером де-Неффиленом, видевшим пьесу на сцене и, как он уверяет в своем предисловии, запомнившим весь текст ее наизусть. Такое происхождение первого издания пьесы объясняет, без сомнения, обилие в ней ремарок, обычно весьма редких в пьесах Мольера.

XVII века), *Сганарель* должен быть отнесен к «низовому» жанру — фарсу.

Детище ремесленно-цеховой и купеческой буржуазии феодального города, французский фарс, возникший еще в XIV столетии, к XVII веку далеко еще не утратил своей популярности. Крепкие словечки, рискованные ситуации, заразительно веселые потасовки, несложная «земная мораль», «здравый смысл» Санчо Пансы, неистощимый «галльский юмор», которому Рабле и Монтень, Мольер и Лафонтен дали высокое литературное оформление, сатирико-обличительные выпады, мишенью которых являются не абстрагированные фигуры («плут», «скупец», «распутник», как это обычно имело место в итальянской комедии), но сословия и профессии («кюре», «адвокат», «мужик», «портной», «дворник» и т. д. — обычные персонажи французского фарса) — все это способствовало превращению фарса в излюбленное зрелище клерков, мелких чиновников, горожан и школяров.

В начале XVII века мы встречаем фарс на Новом Мосту, на Сен-Жерменской ярмарке и даже в Бургундском Отеле, этом крупнейшем и старейшем театре Парижа. Именно в нем подвизаются прославленные фарсовые лицедеи: Робер Герен, по прозвищу Гро-Гильом, Анри Легран, по прозвищу Тюрюпен, Гюг Герю, по прозвищу Готье-Гаргиль. В театре Маре блистает другой популярный фарсовый актер — Жодле, гротескный герой комедий Скаррона; мы уже встретили его в *Слепых модницах* Мольера.

Расцвет всех этих фарсовых фигур хронологически совпадает с детством Мольера: это — та театральная среда, которой он обязан первыми неизгладимыми впечатлениями. Правда, для Парижа это — годы заката фарса. Его с катастрофической быстротой вытесняет итальянская комедия масок, более цивилизованная и утонченная, модная в аристократических кругах; вымазанные мукой физиономии фарсовых персонажей уступают подмостки изящным итальянским маскам. Но фарс еще долго живет в провинции, и во время своих театральных странствований Мольеру с группой неоднократно приходилось с ним встречаться где-нибудь в Нанте, Авиньоне, Каркасоне или

Лионе (где, впрочем, Мольер впервые близко столкнулся с итальянской труппой). Небезынтересно отметить следующее обстоятельство: когда по возвращении в Париж труппа Мольера 24 октября 1658 г. играет после Корнелева *Никомеда* пьеску Мольера *Влюбленный доктор*, эта последняя именуется не фарсом (как это полагалось бы по жанровым признакам), но «дивертисментом». Очевидно, в городе и при дворе аристократические вкусы восторжествовали над «плебейской» традицией фарса, который появляется хоть и не слишком редко, но под чужим титулом.

В разбираемой комедии мы находим скрещенные старые фарсовых элементов с новыми итальянскими. От итальянцев ведет свое начало интрига, построенная на цепи нанизываемых одно на другое недоразумений, неузнаваний и путаниц. Актер и театровед первой половины XVII века, офрандуженный итальянец Луиджи Риккони, в свое время утверждал, что нашел первоисточник *Сганареля* в сценарии *Arlecchino cornuto per opinione*; однако доказать хронологическое первенство названного сценария и факт знакомства с ним Мольера он не сумел. Впрочем, вопрос о существовании такого первоисточника не кажется нам существенным. Если сложность интриги и некоторые элементы фигуры главного героя (как и этимология его имени) могут быть отнесены за счет итальянцев, то общий тон и характер сюжета, тема напрасно ревнующего мужа, грубовавшая семейная мораль, ряд ситуаций и фигур (например, буржуа Горжибюса) несомненно ведут свое происхождение от французского фарса.

Наиболее интересна в *Мини.м. рокопосце* фигура главного героя. Имя и образ Сганареля мы встречаем у Мольера неоднократно помимо разбираемой комедии, Сганарель фигурирует в шест других — *Летающем лекаре*, *Лекаре поневоле*, *Любви целительнице*, *Браке по принуждению*, *Уроке мужьям* и *Дон-Жуане*. Заметим мимоходом, что в трех из них, подобно своему фарсовому предшественнику Гильо-Горжю (рукописями которого, по сплетням современников, будто бы попользовался Мольер). Сганарель пародирует медицину. Устойчивая привязанность Мольера к одному и тому же персонажу может на первый взгляд при-

вести к предположению, что в типе Сганареля мы имеем одну из тех постоянных масок, которыми обычно оперировала итальянская комедия (Бригелла, Арлекин, Панталоне и т. д.), т. е. с условной комедийной фигурой, в которой раз навсегда фиксированные схематические характерные черты («пронирыливый слуга», «скупой отец» и т. д.) сочетались со столь же точно фиксированным типажем (маска, грим, костюм, повадка). К подобным маскам — характерологическим схемам — Мольер прибегал в своих ранних комедиях: таков Маскариль — ловкий лакей, «первый дзанни» по итальянской театральной терминологии, герой первых трех комедий Мольера.

Однако Сганарель социально и психологически много сложнее Маскариля. Он может быть отцом, воспитателем, мужем-буржуа, крестьянином, лакеем, стариком или просто человеком не первой молодости; он пьяница, эгоист, ревнивец, плут; иногда он становится носителем буржуазного здравого смысла; чаще же всего он остается обманутым, обкраденным, побитым. И если своими корнями Сганарель и восходит к Скарамусшу — знаменитой маске, созданной крупным итальянским актером Тиберпо Фьорелли (1608—1694), чьим учеником называли Мольера, — то в развитии образа тип Сганареля образует переходную ступень к большим мольеровским «характерам». Недаром Сент-Бев утверждал, что Сганарель уже содержит в себе зародыши образов Арнольфа, Дандена, Оргона (в *Тартюфе*).

Характерно, что все пьесы с участием Сганареля написаны Мольером в промежутке между 1660 и 1666 гг. После этой даты, разрабатывая комедии характеров и нравов, зрелый Мольер отбрасывает Сганареля как преодоленную ступень.

И. Соллертинский

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Горжибюс, парижский горожанин.

Селия, его дочь.

Лелий, влюбленный в Селию.

Гро-Рене, слуга Лелия.

Сганарель, парижский горожанин и мнимый рогоносец.

Жена Сганареля.

Вильбрекен, отец Валера.

Служанка Селии.

Родственник жены Сганареля.

Действие происходит в Париже

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Горжибюс, Селия, служанка Селии

Селия (выходит заплаканная, за нею ее отец)

Жестоко и смешно подобное желанье!

Горжибюс

Что вы там шепчете, упрямое создание?
Не думаете ль вы, что нынче я шучу?
И с вами поступать не смею, как хочу?
Не разобрав причин, ваш ум пустой и скорый
С отцовским опытом вступает дерзко в споры.
Но так как оба мы не можем быть правы,
То кто ж, по-вашему, из нас, я или вы
Верней, о дурочка, поймет, что вам полезно?
Ах, чорт возьми! сейчас я говорю любезно,
Но если желчь мою раздражите слегка,
Придется вам узнать, как бьет моя рука.
Послушайте меня, упрямыца, как друга:
Берите мной для вас избранного супруга.
*Не знаю свойств его, по вашим я словам,
И не спросил у вас, сколь нравится он вам?*
Я знаю, он богат, богат неисчислимо, —
Так что же знать еще о нем необходимо?
А раз у мужа есть солидная казна,
Какого же еще вам надобно рожна?
Да, я ручаюсь вам как человек бывалый,
Что этаким богач, конечно, славный малый!

Селия

Увы!

Горжибюс

Ах так, «увы»? Вот каковы дела!
 Как кстати здесь «увы» она произнесла!
 Эх, если яростью я распалюсь горячей,
 Я вас заставлю петь «увы» совсем иначе.
 Вот ваших глупых книг достойные плоды,
 Но вас не оторвешь от этой ерунды,
 Любовной болтовней мозги набиты ваши,
 И *Клемиа* для вас творца вселенной краше.
 Прошу вас бросить все романы эти в печь,
 Они способны вас на ложный путь завлечь.
 Прочли бы вы хоть раз, — ведь смысл их так
 прекрасен, —

Пибраковы стихи иль взяли томик басен
 Советника Матье; весьма почтенный труд!
 А сколько мудрости вы почерпнете тут.
Советы грешникам — для чтения прелестно
 И учит в краткий срок жить праведно и честно.
 Когда б читали вы таких побольше книг,
 Желаниям моим вы б подчинились вмиг.

Селия

Как можете вы ждать, что буду я готова
 У Лелия назад взять данное мной слово?
 Еще когда бы мной он тайно был любим;
 Но сами вы, отец, меня связали с ним.

Горжибюс

Пусть слово одному мы дали, — но понятно,
 Что, встретив богача, его берем обратно.
 Пусть Лелий и хорош: но в жизни, не забудь,
 Важнее, чтоб жених принес хоть что-нибудь.
 Урода золото преобразит чудесно,

А остальное все совсем не интересно.
Валер, согласен я, понравится не вдруг;
Тебе не мил жених, — но будет мил супруг.
Что значит слово *муж*, того не знает всякий,
А очень часто страсть рождается только в браке.
Но что же трачу я напрасные слова.
Когда приказывать имею все права?
И я вам говорю: довольно дерзких споров;
Я больше не стерплю подобных разговоров.
Сегодня вечером придет мой новый зять:
Посмейте-ка его неласково принять!
Коль вы не будете вести себя прекрасно,
То я... Но я молчу, ведь и без слов все ясно.

[Уходит]

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Селия, служанка Селии

Служанка

Ах, отвергаете вы, барышня, так зло
То, что других людей бесспорно б привлекло.
На предложение ответить слезами,
Не молвить «да» — смешно, ну, посудите сами!
Ах, если кто-нибудь посватал бы меня,
Ему бы не пришлось мне кланяться три дня.
Сказать один раз «да» казалось бы мне мало,
И я б охотно их две дюжины сказала.
Учитель, что дает по вечерам урок
Братишке вашему, от правды недалек,
Когда он говорит, толкуя о природе,
Что женщина — как плющ иль что-то в этом роде:
Обнявши дерево, прекрасен и силен,
Но наземь падает, когда с ним разлучен.
Я уверяю вас, что сказано отлично, —
Ведь это все сама я испытала лично.
Скончался мой Мартин велеием творца!

При нем был у меня как персик цвет лица,
 Грудь пышная и взор всегда живой и скорый,
 А нынче стала я совсем какой-то хворой.
 Те дни счастливые минули для меня,
 Когда среди зимы ложилась без огня,
 Не думая вздыхать по простыням нагретым,
 Как делаю теперь, дрожа от стужи летом.
 Уж больно хорошо, — чего уж тут скрывать? —
 Коль ночью с вами муж уляжется в кровать
 И сразу есть кому (не говоря худо),
 Когда чихнете вы, сказать вам: «Будь здорова!»

Селия

И ты советуешь его мне обмануть, —
 Покинуть Лелия, вступить на этот путь?

Служанка

Да Лелий ваш дурак порядочный, ей-богу,
 Коль так не во-время отправился в дорогу.
 И то, что нынче он отсюда так далек,
 Я б верности его поставила в упрек.

Селия (*показывая ей портрет Лелия*)

Ах, не пугай меня печалью без ответа.
 Вглядись внимательней в черты лица портрета:
 Какая преданность и сколько страсти тут;
 И верить я хочу, что мне они не лгут.
 Ведь это Лелий мой изображен здесь точно,
 И страсть его ко мне честна и беспорочна.

Служанка

Да что и говорить, лицом он очень мил
 И нежную любовь, конечно, заслужил.

Селия

Но все же я должна... Ах помоги!

(*Рокиет портрет Лелия*)

Служанка

Откуда

Достали вы его?.. Ах, боже мой, ей худо.
Скорее! Кто-нибудь!..

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Селия, Сганарель, служанка Селии

Сганарель

Что вы кричите так?

Служанка

Она кончается.

Сганарель

Ну, что ж! Такой пустяк?

Я думал, впрямь беда, вы так шумливы.
Однако, подойдем. Сударыня, вы живы?
Ой-ой! Она молчит.

Служанка

Я сбегаю позвать

Кого-нибудь помочь; извольте поддержать.

[Уходит]

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Селия, Сганарель, жена Сганареля [с окне]

Сганарель (*трогая грудь Селии*)

Повсюду холодна, и как тут быть, не знаю.
Давай-ка, я теперь дыхание поймаю.
Нет, не берусь сказать, хотя найти я смог
В ней жизни признаки.

Жена Сганареля (*смотря в окно*)

Что вижу я, мой бог!

Там обнимается мой муженек с другою.
Он изменяет мне, но я его накрою.

Сганарель

Но помощь оказать пора бы ей давно;
Столь юной умереть, конечно, неумно.
И я считаю смерть глупейшею забавой,
Коль на земную жизнь еще имеешь право.

(Вместе с человеком, приведенным служанкой, уносит Селию в ее комнату)

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Жена Сганареля *[входит]*

Однако, он успел отсюда убежать,
И мне его накрыть не удалось опять.
Но здесь он изменил супружеским обетам;
Мне стоило взглянуть, чтоб убедиться в этом.
Ну, ясно, отчего со мной он так не мил,
Когда дарю ему стыдливой страсти пыл.
Он ласки отдает другим, быть может, многим,
А платится жена постом довольно строгим.
Но большинство мужей притом не дуэт в ус:
То, что дозволено, теряет всякий вкус.
Вначале все они как будто превосходны,
Их чувства к нам весьма пылки и благородны,
Но скоро наша страсть надоедает им,
И нашу собственность они несут другим.
Ах, жалко, что закон не разрешил повадки
Менять своих мужей как грязные перчатки!
А было б хорошо! И не одной жене
Пришлось бы по сердцу весьма, не только мне.

(Поднимает портрет, оброненный Селией)

Какую прелесть мне судьба послала, право!
Эмаль прекрасная, чудесная оправа.
Открою.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ
Сганарель, жена СганареляСганарель (*думал, что он один*)

Думал я, что умерла она;
Все вздор, она опять здорова и сильна.

[Замечает жену]

Но вижу я жену.

Жена Сганареля (*думал, что она одна*)

Да, здесь портрет! О боже!
Как он красив и как наверное похоже!

Сганарель (*заглядывая через плечо жены, в сторону*)

Что поднесла к глазам взволнованной рукой?
Не много доброго сулит портрет такой.
И подозрение в душе зашевелилось.

Жена Сганареля (*не замечая мужа*)

Прекрасней ничего встречать не приходилось;
И мастер может быть своей работой горд.
К тому же пахнет как!

Сганарель (*в сторону*)

Что! Поделуй! О черт!

Однакож!

Жена Сганареля (*продолжала*)

Хочется мне, глядя на картину,
Иметь поклонником подобного мужчину.
Когда б он стал шептать любовные слова,
То закружилась бы, конечно, голова.
Такого где найдешь? Попробуй, повстречай-ка!
А мой-то как плешив, как груб...

Сганарель (*вырывая у нее портрет*)

Ах, негодяйка!

Я оскорбления почти не в силах снести!

Вы здесь поносите супружескую честь!
 Так вы считаете, почтенная супруга,
 Что в общей сложности не стоим мы друг друга?
 Клянусь дьяволом, — ах, чтоб он вас побрал, —
 Да разве б кто-нибудь другой вас в жены взял?
 Скажите, что во мне вы видите плохого?
 Я нравлюсь женщинам, даю вам в этом слово.
 Мое лицо в сердца легко вселяет страсть,
 Красавиц тысячи пред ним готовы пасть;
 Короче говоря, бесспорно не пристало,
 Чтoб личности такой, как я, вам было мало!
 Но кроме мужа ваш нескромный аппетит
 Еще любовника вам завести велит!

Жена Сганареля

Куда вы клоните, мне ясно с полуслова.
 Ты думаешь, что так...

Сганарель

Обманывай другого!

Здесь все доказано, и я в руке держу
 Свидетельство того, чем я тебя стыжу.

Жена Сганареля

Ты, верно, думаешь, я гневаюсь для виду?
 Что смеешь наносить мне новую обиду?
 Прошу тебя вернуть вещицу мне опять.
 Подумай...

Сганарель

Думаю тебе бока намять.

Как жаль, что не могу я заодно с портретом
 Держать оригинал!

Жена Сганареля

Зачем?

Сганарель

Молчу об этом.

Моя прелестница, я должен быть счастлив,
Твои дары на лбу внезапно ощутив.

(Глядя на портрет Лелия)

Вот он, постельный плут, невиданное диво,
Преступного огня злосчастное огниво,
Подлец, с которым ты...

Жена Сганареля

С которым?.. Продолжай.

Сганарель

С которым, говорю... меня не раздражай.

Жена Сганареля

Я что-то не пойму вас, господин пьянчуга?

Сганарель

Отлично поняли вы, госпожа подлюга.
И Сганарелем я уж больше не зовусь.
Отныне имя мне — синьор Корнелиус.
Лишился чести я; а ты не без причины
Лишишься всех зубов и ребер половины.

Жена Сганареля

Так смеешь говорить ты со своей женой?

Сганарель

А смеешь шутки ты разыгрывать со мной?

Жена Сганареля

О чем ты говоришь? Скажи мне, не скрывая.

Сганарель

Ах, что там сетовать! Беда моя пустая!
Рогами наградив супруга своего,
Увы, не удивишь ты этим никого!

Жена Сганареля

Бесстыдно оскорбив и лицемерно вместе
И возбудив во мне желание правой мести,
Разыгрываешь ты какой-то мнимый гнев,
Чтобы угасла злость моя, перегорев?
Так нагло поступать — неслыханно и ново;
Тот, кто обидел, сам еще громит сурово.

Сганарель

Ах, дерзкая! Взглянув, как держится она,
Любой подумал бы, что верная жена!

Жена Сганареля

Ступай своим путем, дари красоткам ласки,
Им в верности клянись, целуй им губки, глазки,
А мне отдай портрет, и больше ничего.

(Вырывает у него портрет и убегает)

Сганарель *(бежит за ней)*

Ты думаешь удрать... Я отниму его.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Лелий, Гро-Рене

Гро-Рене

Вот мы и здесь. Но я хочу спросить вас, барин,
И буду за ответ вам очень благодарен.

Лелий

Ну, что же, говори!

Гро-Рене

Не чорт ли в вас сидит,
Что сохранили вы такой прекрасный вид?
Уже неделю мы несемся наудачу
И не одну в пути загнали насмерть клячу,

Чья рысь проклятая так растрясла меня,
 Что я б сейчас не мог влезть снова на коня, —
 Мне так отбило все, что говорить подробно
 Об этом с кем-нибудь мне даже неудобно;
 А вы совсем бодры, как будто жизнь легка,
 Когда всю ночь не спал и в рот не брал куска.

Л е л и й

Поспешность ставить мне в вину никто не может:
 Брак Селии моей весьма меня тревожит;
 Я так ее люблю; и мчался во весь дух,
 Чтоб только поскорей проверить страшный слух.

Г р о - Р е н е

Обильная еда вам помогла б, конечно,
 При выяснении истории сердечной:
 Ведь сердце бы тогда окрепло для борьбы
 И легче бы снесло любой удар судьбы.
 Вот, например, я сам: пустую незадачу,
 Когда я голоден, мне не снести, — я плачу;
 Когда же я поем, моя душа тверда,
 И ей уж нипочем страшнейшая беда.
 Я вам советую, напичкайтесь по горло,
 И вам покажется, что сразу вам поперло;
 И в сердце злая скорбь проникнуть не вольна,
 Коль оградить его бутылкою вина.

Л е л и й

Но есть я не могу.

Г р о - Р е н е *(тихо, в сторону)*

Я сдохну, это ясно.

[Громко]

Но ведь готов обед, состряпанный прекрасно.

Л е л и й

Молчи, я говорю.

Гро-Рене

Такой приказ жесток!

Лелий

Но я не голоден, я страхом изнемог.

Гро-Рене

А я и голодом и страхом. Плохо дело,
Коль глупая любовь вас заняла всецело.

Лелий

Я должен разузнать, потерян ли мой рай.
Ты, если хочешь есть, оставь меня, ступай.

Гро-Рене

Коль сударь так велит, то я не возражаю.

[Уходит]

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Лелий *(один)*

Нет, нет, напрасно я тоской себя терзаю;
Отец мне обещал, и проявила дочь
Любовь, способную прогнать сомненья прочь.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Сганарель, Лелий

Сганарель [*не замечая Лелия и держа в руках портрет*]

Его держу и всласть могу упиться рожей
Того, кто сделал жизнь мою на ад похожей.
Его же знаю я.

Лелий *(в сторону)*

Что вижу я! Нет, нет!

Что должен думать я, коль это мой портрет!

Сганарель *(не видя Лелия)*

Ах, бедный Сганарель! Как тяжело мужчине
Нести такой позор, как ты несешь отныне!

*(Залетив Лелия, который смотрит на него, сворачивает
в другую сторону)*

И...

Лелий *(в сторону)*

Дар любви не мог, не вызвав мой испуг,
Необъяснимо так уйти из милых рук.

Сганарель *[в сторону]*

И всякий пальцем ткнет, коль проходить я буду,
Кто сложит песенку, а кто везде и всюду
Бросать в лицо начнет позорную судьбу,
Что, как постыдное клеймо, ношу на лбу!

Лелий *(в сторону)*

Но не ошибся ль я?

Сганарель *[в сторону]*

Дрянь, как посмел твой милый
Наставить мне рога, когда я в цвете силы?
Ведь за красавца я еще сойти бы мог.
Какой-то ветрогон, какой-то сосунок...

Лелий *(в сторону, снова глядя на портрет,
который Сганарель держит в руках)*

Да, это мой портрет; я видел слишком ясно.

Сганарель *(повертываясь к нему спиной)*

Как любопытен он.

Лелий *(в сторону)*

Я удивлен ужасно.

Сганарель *[в сторону]*

Что вертится он тут?

Лелий *(в сторону)*

Его остановлю.

(Громко)

Могу ль... Один вопрос...

Сганарель *(в сторону, удаляясь)*

Болтливых не терплю.

Лелий

Хотелось бы мне знать, как эта вот вещица
Могла у вас в руках внезапно очутиться?

Сганарель *(в сторону, поглядывая на него и на портрет)*
Зачем бы знать ему? Но что я вижу здесь...
Ах, чорт возьми, теперь он мне раскрылся весь!
Мне ясно, отчего он побледнел в испуге:
То — он, молодчик мой, верней — моей супруги.

Лелий

Но помогите мне, скажите, как попал...

Сганарель

Я, слава богу, все теперь о вас узнал;
Картинка — ваш портрет (на нем вы, правда, краше),
И находился он в руках знакомой вашей.
Для нас ведь не секрет та пламенная страсть,
В которой оба вы преуспевали всласть.
Но в увлечении, бесспорно очень лестном,
Имею ли я честь вам все же быть известным?
Во всяком случае прошу мне сделать честь
И на другой предмет ваш пламень перенести.
Ведь узы брака вам должны же быть священны...

Лелий

Как! Та, которая вам отдала бесценный...

Сганарель

Моя жена, я — муж ее.

Лелий

Вы муж ее?

Сганарель

Да, говорю вам, муж, и я возьму свое.
Вам все известно, я ж теперь пойду с рассказом
К ее родителям.

[Уходит]

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Лелий (один)

Что узнаю я разом?

И вправду говорят, что муж бедняжки, всех
Уродством превзойдя, похож на смертный грех.
Ах! Если б никогда из уст твоих беспечных
Признаний не слышал и клятв я бесконечных,
То низкий выбор твой, мою волнуя кровь,
Во мне бы поддержал горячую любовь,
Неблагодарная... Обиды и тревоги
И утомление стремительной дороги
Так тяжко голову измучили мдю,
Что кружится она, и я едва стою.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Лелий, жена Сганареля

Жена Сганареля [думая, что она одна]

Хитрец, наперекор...

[Заметив Лелия]

Вам плохо, сударь, что вы?
Вы, кажется, упасть от слабости готовы.

Лелий

Да, вдруг какая-то внезапная напасть.

Жена Сганареля

Смотрите, как бы здесь без чувств вам не упасть ;
Покуда не пройдет, зайдите в залу эту.

Лелий

Я с благодарностью последую совету.

[Уходят оба]

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Сганарель и родственник его жены

Родственник

Ваш гнев понятен мне, что тут и говорить ;
Но в этаких делах не следует спешить :
И до конца рассказ прослушав хладнокровно,
Я не могу сказать, что впрямь она виновна.
А можно ль обвинять, когда вина тяжка,
Не убедившись в ней сперва наверняка ?

Сганарель

Так что ж, мне их поймать на месте преступления ?

Родственник

Поспешность создает нередко огорченья.
Вы разве знаете, как к ней портрет попал ?
Да и вообще знаком ли ей оригинал ?
Сперва узнайте все : коль подозренье верно,
То, верьте мне, ее накажем мы примерно.

[Уходит]

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Сганарель (один)

Как был разумен он, совет мне мудрый дав
Не чересчур спешить ! Быть может, я не прав,
Что предаюсь теперь нелепейшим заботам

И от волнения зря я обливаюсь потом.
За исключением портрета, ничего
Не подтвердило мне позора моего.
Итак, попробуем...

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

Сганарель, жена Сганареля (*проезжающая Лелия на порог
дома*), Лелий

Сганарель [*в сторону, заметив их*]

Зачем живу на свете!
Сейчас уже вопрос далеко не в портрете,
Теперь уж налицо и сам оригинал.

Жена Сганареля (*Лелию*)

Не надобно спешить; и каждый бы сказал,
Что рано выйти так совсем неосторожно.

Лелий

Я благодарен вам, поскольку то возможно,
За помощь милую, оказанную мне.

Сганарель (*в сторону*)

Он смеет нежности шептать моей жене!

[*Жена Сганареля уходит в дом*]

ЯВЛЕНИЕ ПЯТНАДЦАТОЕ

Сганарель, Лелий

Сганарель (*в сторону*)

Меня заметил он; что скажет мне, узнаем.

Лелий

Ах! увидав его, я жаждою сжигаем...
А надо подавить такой порыв в себе

И ставить горечи в вино одной судьбе.
Но зависли к его блаженству я не скрою.

(Проходя мимо Сганареля и поглядывая на него)

Счастливец! Обладать красавицей такою!

[Уходит]

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ

Сганарель, Селия *[у окна, глядит на уходящего Лелия]*

Сганарель *(не замечая Селии)*

Он недвусмысленен в нападках на врага,
Я так же поражен, как если бы рога
На голове моей поднялись прихотливо.

(Глядя вслед ушедшему Лелию)

Так поступать со мной, однако, некрасиво.

Селия *(входя, в сторону)*

Как! Лелий здесь, а я не знаю ничего!
Кто от меня мог скрыть присутствие его?

Сганарель *(не видя Селии)*

«Счастливец! Обладать красавицей такою!»
Попробуй, повладей подобною каргою,
Из-за которой я, теперь наверняка,
И рогоносцем стал и в роли дурака!
Но, несмотря на все содеянные штуки,
Я остаюсь, как пень, стоять, сложивши руки!
Мне надо было бы его поколотить,
В него комком земли иль камнем запустить
И, чтобы отомстить и здорово и скоро,
Созвать соседей всех, крича: «Держите вора!»

(Во время речи Сганареля Селия постепенно приближается и ждет чтоб заговорить, когда его возбуждение уляжется)

Селия

Тот, кто входил сюда и кто стоял вон там
И с вами говорил, давно ль знаком он вам?

Сганарель

Что он знакомец мой, не думайте напрасно:
Знаком моей жене.

Селия

Как вы бледны ужасно!

Сганарель

Не ставьте мне в вину невольную печаль;
Пусть вздохи горькие текут без счета вдаль!

Селия

О чем скорбите вы, и так невероятно?

Сганарель

Меня измучили не пустяки, понятно.
Но, чорт возьми, тому я дорого бы дал,
Кто в положении моем смеяться б стал!
Отныне дни пройдут, и каждая неделя
Усугубит позор бедняги Сганареля!
Что честь украдена — не страшная беда;
Но имя доброе пропало навсегда.

Селия

Как?

Сганарель

Правду говоря, вот этот франт без чувства
Наставил мне рога по правилам искусства.
Я окончательно и прочно убежден,
Что тайно видится с моей женою он.

Селия

Как, тот, кто только что...

Сганарель

Да, да, от вас не скрою:
Друг в друга влюблены они с моей женою.

Селия

Ах! Знала я, возврат сей тайный не к добру,
Я чуяла за ним коварную игру.
И задрожала вдруг, его увидев снова,
Охваченная вся предчувствием худого.

Сганарель

Я вашу доброту считаю неземной:
Ведь далеко не все так бережны со мной,
И многие друзья, узнав мои печали,
Не плакали со мной, а только хохотали.

Селия

Бывают ли когда поступки так черны?
Где наказание достойное вины?
Но как ты можешь жить попрежнему беспечно,
Покрыв себя такой изменой бессердечной?
Возможно ль это? Нет!

Сганарель

И очень даже — да.

Селия

Предатель! Негодяй! Без сердца и стыда!

Сганарель

О, добрая душа!

Селия

Нет, нет, все муки ада
За грех ужасный твой — лишь слабая награда.

Сганарель

Не плохо сказано!

Селия

Так поступаешь с той,
Что вся невинностью была и добротой!

Сганарель *(вздыхая громко)*

Ах!

Селия

С сердцем, что вовек не ведало биенья,
Достойного такой обиды и презренья!

Сганарель

Согласен.

Селия

И совсем... Но как посмел!.. И что ж,
Одна об этом мысль для сердца — острый нож.

Сганарель

Не горячитесь так, голубушка родная,
Вы чересчур добры, — вас слушаю, рыдая.

Селия

Но не воображай, что я мою тоску
В пустые жалобы бесплодно облеку!
Желанье мести мне жестоко еердце гложет,
И уж ничто меня остановить не сможет.

[Уходит]

ЯВЛЕНИЕ СЕМНАДЦАТОЕ

Сганарель *(один)*

О, пусть подобных бед не ведает она!
Отмщением моим, как ангел, вся полна!
Но гнев ее, моим навеянный позором,
Мне должен послужить уроком и укором;
Переносить без слов и терпеливо так
Бесчестие свое — способен лишь дурак.
Бежим искать врага, покажем негодю,
Что я решителен и что я мстить желаю.
Пусть он узнает, плут, что честь мне дорога
И безнаказанно не ставят мне рога.

(Сделав несколько шагов, возвращается)

Но осторожнее! По внешности похоже,
 Что очень вспыльчив он и рад подраться тоже.
 Мне нанесет опять обиду остолец,
 Раскрасив мне бока, как разукрасил лоб.
 Как неприятен мне холерик непристойный;
 Люблю, чтоб человек был мирный и спокойный.
 Сражаться не люблю, боюсь я быть побит,
 В душе я очень добр и вовсе не сердит.
 Но честью этот раз я безусловно связан,
 Она мне говорит, что я отмстить обязан.
 Однако, пусть она твердит себе свое, —
 Чорт с тем, кто так смешон, чтоб слушаться ее!
 Когда в награду мне за эту твердость духа
 Безжалостная сталь вонзится прямо в брюхо,
 И все заговорят о горестной судьбе, —
 Какая польза в том, о честь моя, тебе?
 Гроб жесток для того, кто в жизни был изнежен,
 И даже вреден тем, кто коликам подвержен;
 А если сравнивать, то на худой конец
 И рогоносец все ж приятней, чем мертвец.
 Какая в том беда? Не станет же короче
 От этого нога. Не окривеют очи!
 Да будет проклят тот неслыханный осел,
 Кто этакую дурь впервые изобрел,
 Связавши крепко честь солидного мужчины
 С поступками его прекрасной половины!
 Преступи к лично сам виновен или нет, —
 А наша честь несет за женщину ответ.
 Мы по чужой вине бываем виноваты,
 Коль наших жен мутит какой-то бес проклятый.
 Распределение несправедливо, страх:
 Им делать дурости, а нам быть в дураках.
 Нет, так нехорошо. Мне кажется, что власти
 Должны б нас охранять от этакой напасти.
 И недостаточно ль и так различных бед,
 Что вечно как на зло нам гонятся вослед?
 Процессы, хворости, раздоры, муки жажды

Теченье мирных дней нам портят не однажды.
А в довершение — и нам себя не жаль!
Придумываем мы нелепую печаль.
Давайте презирать подобные тревоги!
По вздохам и слезам пускай шагают ноги.
Жена виновна — пусть ревет она ручьем:
Зачем же плакать мне, когда я не при чем?
Но это зло терпеть мне сразу легче стало
При мысли, что бедняг таких, как я, немало.
Прекраснейшим мужьям повадка суждена
Смотреть сквозь пальцы, как целуется жена;
И неприятностью обзаводиться новой
Смешно из-за такой обиды пустяковой.
Мне скажут, что я глуп, раз отомстить не смог?
Но умереть сто раз глупее, видит бог.

(Приложив руку к животу)

И все ж я чувствую, мне что-то жжет печонку,
И так и хочется бежать за ним вдогонку.
От ярости дрожу; я трусил до сих пор, —
Теперь я вору мстить решил за свой позор.
И для начала я ни от кого не скрою,
Что этот негодяй живет с моей женою.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЕМНАДЦАТОЕ

Горжибюс, Селия, служанка Селии

Селия

Да, да, согласна я итти с ним под венец
И подчиняюсь вам охотно, мой степ.
Условье подписать в любой момент готова
И выполню свой долг, не проронив ни слова.
Мечты я выброшу навек из головы
И буду делать все, что скажете мне вы.

Горжибюс

Вот это сказано и вежливо и мило;
Твое согласие меня так окрылило,

Что я, пожалуй, бы пустился даже в пляс,
Когда б насмешливых не опасался глаз.
Поди ко мне сюда, тебя я поцелую.
Как мне не похвалить разумницу такую?
Что нежно дочь отца обнимет своего,
В том неприличного не вижу ничего.
Эх, с радости, что ты так действуешь толково,
Я скинул десять лет и молодею снова.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТНАДЦАТОЕ

Селия, служанка Селии

Служанка

Вдруг изменилось все.

Селия

Коль расскажу тебе,
Ты станешь уважать меня в моей борьбе.

Служанка

Возможно, что и так.

Селия

Так вот узнай, что Лелий
Был лишь обманщиком и жалким пустомелей!
Приехавши сюда...

Служанка

Да кстати, вот и он.

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТОЕ

Лелий, Селия, служанка Селии

Лелий

Хотя теперь навек я с вами разлучен,
Но я хотел бы здесь, быть может, неумело...

Селия

Как! Говорить со мной! Однако, это смело!

Лелий

Да, может быть, я смел, но выбор ваш таков,
Что преступление — вам не сказать двух слов.
Живите весело и позабудьте друга
В объятиях своего достойного супруга.

Селия

Ну что ж, и буду жить, как я того хочу;
Тем лучше для меня, коль вас я огорчу.

Лелий

Но чем же вызвал я такое возмущенье?

Селия

Еще разыгрывать ты смеешь удивленье?

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТЬ ПЕРВОЕ

Селия, Лелий, Сганарель (*вооруженный*), служанка Селии

Сганарель

Смерть! Только смерть заслуживает вор,
Навлекший на меня безжалостный позор!

Селия [*Лелию, указывая на Сганареля*]

Взгляни, взгляни сюда.— и мой ответ не нужен.

Лелий

Ах, вижу...

Селия

Хорошо, что ты еще сконфужен.

Лелий

А вы? Вы смотрите, ничуть не покраснев.

Сганарель [*в сторону*]

Всесокрушающих поступков жаждет гнев;
Я сразу стал смелей и как-то беспокойней!
Когда мы встретимся, то здесь запахнет бойней.
Я клялся — он умрет! ему спасенья нет;
Найдя его, тотчас отправлю на тот свет.

[*Наполовину выпавше шпагу, приближается к Лелию*]

Я в сердце нанесу ему удар здоровый...

Лелий [*обернувшись*]

Кого вы это так?

Сганарель

Я — никого. Ах, что вы!

Лелий

А все оружие?

Сганарель

Да это так, наряд,
Чтоб от дождя спастись.

[*В сторону*]

Ах, как я буду рад,
Убить его! Итак, бросаюсь в бой опасный.

Лелий [*снова обернувшись*]

Э?

Сганарель

Я не говорил.

[*В сторону, поглолав себя по животу и надавав себе пощечин для бодрости*]

Ах, что за трус несчастный!
Куриная душа!

Селия [*Лелию*]

Конечно, этот вил,
Ваш поражая взор, вам много говорит.

Лелий

Он говорит, что вас могу считать виновной
В измене милому, жестокой, хладнокровной,
Способной погубить доверие навек.

Сганарель (*в сторону*)

Немножко мужества!

Селия

Бесстыдный человек!
Какие мерзости вы мне сказать посмели!

Сганарель [*в сторону*]

Ах, как старается она о Сганареле!
Смелей, мое дитя, ведь все в твоих руках.
Да ну! вперед! и, взяв хорошенький размах,
Убей его, пока к тебе стоит он задом.

Лелий (*сделав случайно два-три шага заставляет повернуть
Сганареля, который намеревался его убить*)

Вы возмущаетесь с рассвирепевшим взглядом,
Я должен вас хвалить, по-вашему? Ну, что ж!
Могу вам подтвердить, что выбор ваш хорош.

Селия

Прекрасен выбор мой, я вам уж говорила.

Лелий

Вы защищаете его ужасно мило.

Сганарель [*Лелию*]

Хотя обижен я, но мудр, — не то, понятно,
Здесь кончилось бы все резней невероятной.

Лелий

Чем вы обижены и, что за горе вдруг?

Сганарель

Вы сами знаете, где натирает тюк!
Вам в голову притти должна бы мысль простая,
Что все ж моя жена для вас — жена чужая.
Под носом у меня ее хотеть стянуть —
Совсем, по-моему, не христианский путь.

Лелий

Но подозрение такое недостойно.
Не сомневайтесь, спать вы можете спокойно!
Ее вам уступлю; не нужно мне сердце...

Селия

Как ты обманывать умеешь ловко, лжец!

Лелий

Что слышу я теперь! Вы думаете, видно,
Что чувство тайное мое ему обидно?
Вы очень низкого понятия обо мне.

Селия

Поговоривши с ним, ты все поймешь вполне.

Сганарель [Селии]

Вы защищаете меня умно и смело
И очень правильно взяли за это дело.

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЕ

Селия, Лелий, Сганарель, жена Сганареля, служанка Селии

Жена Сганареля *(Селии)*

Я вовсе не хочу, чтоб мой ревнивый пыл
Ваш слух, сударыня, жестоко уязвил;
Но знайте, обмануть меня не в вашей власти,
Есть низкие сердца и низменные страсти!
Другое б надо вам занятие найти,
Чем увлекать сердца, сбивая их с пути.

Селия

Признание звучит наивно, даже жалко.

Сганарель *(жене)*

Кто звал тебя сюда, бесстыдная нахалка?
Ты поднимаешь здесь неслыханный скандал
Из страха, чтобы твой любовник не сбежал.

Селия

Ах, не подумайте, что мне он очень нужен.

(Обернувшись к Лелию)

Ну, кто из нас солгал и кто теперь сконфужен?

Лелий

Что за история?

Служанка

Я голову даю,
Что не распутать им теперь галиматью.
Довольно долго здесь стою я, как немая, —
Чем больше слушаю, тем меньше понимаю.
Ну, в это дело мне придется сунуть нос.

(Встает между Лелием и своей юспожей)

Поочередно всем хочу задать вопрос.

(Лелю)

Ну, в чем ее вина? Теперь за вами слово.

Л е л и й

В том, что неверная мне предпочла другого.
Когда я услышал, что брак ее решен
И прилетел сюда, без памяти влюблен,
Тому, что я забыт, не в силах верить прямо,
Я здесь ее застал уже замужней дамой.

С л у ж а н к а

Замужней? Но за кем?

Л е л и й *(указывая на Сганареля)*

За ним.

С л у ж а н к а

Как так, за ним?

Л е л и й

Ну, да!

С л у ж а н к а

Кто вам сказал?

Л е л и й

Он сам, что ей любим.

С л у ж а н к а *(Сганарелю)*

Серьезно?

С г а н а р е л ь

Говорил я о своей супруге,
Что я на ней женат.

Лелий

В неистовом испуге
Держали вы в руках мой собственный портрет.

Сганарель

Вот он.

Лелий

А также мне сказали вы в ответ,
Что с той, что вам дала вот эту безделушку,
Вы делите, как муж, и ложе и подушку.

Сганарель *(указывая на жену)*

Да! Вырвал эту вещь я у нее из рук,
Открыв, что у жены моей есть тайный друг.

Жена Сганареля

Ну, что ты говоришь? И право, что за тайна?
Я на земле портрет нашла совсем случайно.
Когда слегка остыл твой безрассудный гнев

(указывая на Лелия)

И сударь к нам зашел, внезапно ослабев,
Я не узнала в нем портрета, безусловно.

Селия

Да, да, в истории с портретом я виновна!
В минуту дурноты он был обронен мной.

(Сганарелю)

Вы помогли тогда добраться мне домой.

Служанка

Вы б и сейчас еще все спорили, ей-богу,
Когда б я не пришла так кстати на подмогу.

Сганарель *[в сторону]*

Неужто верить мне в счастливую судьбу
И знать, что ничего я не ношу на лбу?

Жена Сганареля

Совсем спокойной быть еще, как будто, рано,
И, как ни рада я, а все ж боюсь обмана.

Сганарель [*жене*]

Ну, что ж, давай считать, что оба мы чисты.
Притом рискую я серьезнее, чем ты.
Не отвергай такой весьма разумной сделки.

Жена Сганареля

Идет. Но не спущу тебе другой проделки.

Селия (*Лелию, после того как они пошептались*)

Ах, если это так, как все вернуть назад?
Вот ревности моей достойный результат!
Те веря больше вам, я отомстить хотела;
Теперь не знаю, как исправить это дело:
Я миг тому назад сказала, что вступлю
В брак с тем, кого давно всем сердцем не терплю.
Я поклялась отцу: но как бы сделать снова...
Вот он идет сюда.

Лелий

Но он ведь дал мне слово.

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЕ

Горжибюс, Селия, Лелий, Сганарель, жена Сганареля,
служанка Селии

Лелий

Вы, сударь, видите, что я уж снова здесь,
Все той же страстью полн и изнывая весь,
В надежде услышать, — я верю вам, не скрою, —
Что Селию могу назвать своей женою.

Горжибюс

Я вижу, сударь, вас, который снова здесь,
Все той же страстью полн и изнывает весь,
В надежде услышать, — он верит мне, не скрою, —
Что может Селию назвать своей женою.
Покорнейший слуга высокому герою.

Лелий

Как, сударь, вы меня хотите обмануть?

Горжибюс

Да, сударь, мне мой долг указывает нуть.
Дочь следует ему.

Селия

Но я просить готова,
Отец, чтоб он назад вернул вам ваше слово.

Горжибюс

Да разве смеет дочь так дерзко отвечать?
О послушании забыла ты опять!
Валер... Его отец идет сюда нарочно,
Чтоб дело порешить раз навсегда и прочно.

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОЕ

Вильбрекен, Горжибюс, Селия, Лелий, Сганарель,
жена Сганареля, служанка Селии

Горжибюс

Почтенный Вильбрекен, я счастлив видеть вас.

Вильбрекен

Мне новость важную пришлось узнать сейчас.
Она вернула мне мной данное вам слово.
Мой сын, женой кого стать Селия готова,
Меня обманывал пять месяцев подряд:

Он тайно уж давно на Лисе был женат.
А ведь ее родство так знатно, так вельможно,
Что этот брак порвать, конечно, невозможно.
И я...

Горжибюс

Довольно слов! Вас даже не спросив,
Валер нашел жену и, видимо, счастлив,
Так что же мне скрывать, что мы давно хотели,
Чтобы на дочери моей женился Лелий?
Он преданность свою ей доказал опять,
И мужа лучшего мне нечего желать.

Вильбрехен

Ваш выбор похваляю.

Лелий

Взяв в жены дочку вашу,
Блаженством без конца я жизнь свою украшу.

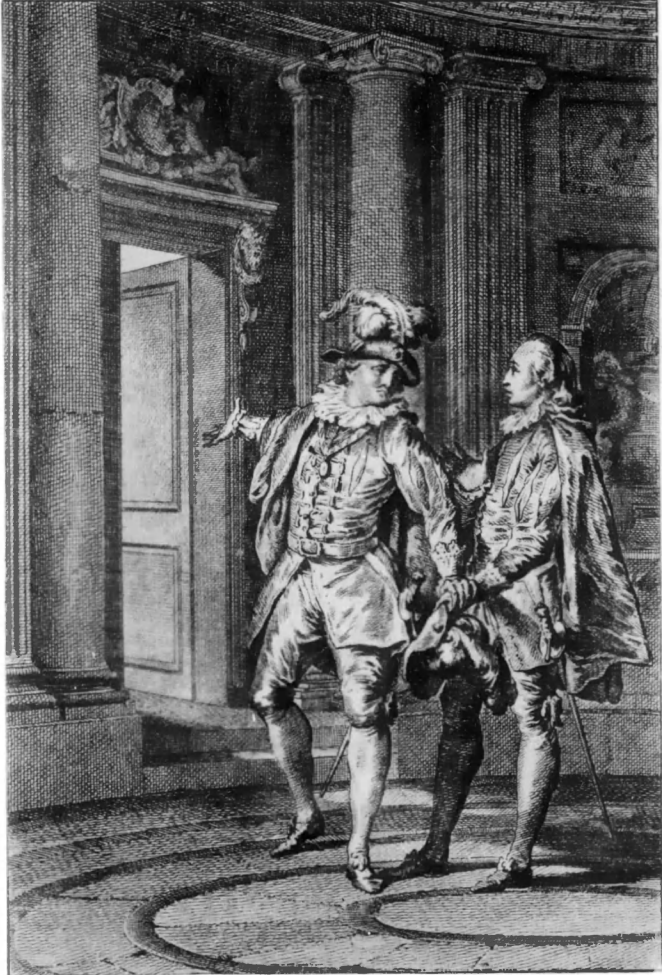
Горжибюс

Пойдем, назначим день, я, право, очень рад.

(Уходят все, кроме Сганареля)

Сганарель *(к партнеру)*

Поклясться мог бы я, что здорово рогат!
Вот видите, вообще нельзя судить по виду.
Чтоб не нажить себе напрасную обиду,
Отныне, следуя примеру моему,
Все ясно увидав, не верьте ничему.

**ДОН ГАРСИЯ НАВАРРСКИЙ,
ИЛИ
РЕВНИВЫЙ ПРИНЦ**

Don Garcie de Navarre, ou Le Prince jaloux

Перевод Н. Я. Брянского

Сценическая судьба этой пьесы не принадлежит к числу удачных. *Дон Гарсия Наваррский, или Ревнивый принц (Don Garcie de Navarre, ou Le Prince jaloux)*, был впервые поставлен труппой Мольера в театральном зале Пале-Рояля 4 февраля 1661 года и выдержал всего семь спектаклей. Через полтора года с лишним Мольер сделал попытку возобновить пьесу, предложив ее на этот раз вниманию короля. Людовик XIV и его двор отнеслись к *Дону Гарсии*, повидимому, более благосклонно, и комедия выдержала при дворе еще четыре представления (что для придворных спектаклей являлось цифрой достаточно значительной). Это окрылило Мольера, внушив ему мысль еще раз показать *Ревнивого принца* парижанам — с надеждой на переоценку комедии в лучшую сторону. На этот раз — решительный провал: после двух спектаклей пьеса была совсем снята с репертуара. В печати она впервые появилась лишь в 1682 году, через девять лет после смерти автора.

Чем объяснить неудачу комедии? Причин было несколько. Одна из них заключается, повидимому, в резком жанровом и стилевом контрасте *Дона Гарсии* всему предшествующему репертуару театра Мольера. Завсегдатаи этого театра, привыкшие хохотать над проделками Маскариля или фарсовыми злоключениями «мнимого рононоса» Сганареля, остались разочарованными несколько чопорной серьезностью действия и неподнятым тоном *Дона Гарсии*.

В самом деле, среди ранних комедий Мольера *Дон Гарсия* стоит особняком. В нем не найти ни крепких, подчеркнутых «галльским юмором» шуток, ни веселых двусмысленностей, ни буффонных потасовок. Изгнаны традиционные фигуры комических слуг. Более того: *Дон Гарсия* вообще не рассчитан на смех в зрительном зале. Это — трагикомедия или «героическая

комедия» (с таким подзаголовком она фигурирует в издании 1734 года), где ход действия торжественен и серьезен, где внешняя интрига сведена к минимуму и где основное ударение делается на изощренном анализе смены чувств у главных героев и их психологических мотивировках. Отсюда — декламационный, риторический, эмфатически-высокий стиль пьесы. В монологе герой, охваченный страстью, пытается расчленить свои переживания, смело прослеживая свои колебания и оттенки чувств до их логических пределов. Диалоги превращаются в настоящие словесные поединки, в которых действующие лица соревнуются в благородстве и изысканности аффектов и поступков.

Источником для *Дона Гарсии* послужила Мольеру популярная комедия флорентийского драматурга XVII века Джачинто-Андреа Чиконьини *Счастливая ревность принца Родриго*, изданная в 1654 году и с тех пор неоднократно переиздававшаяся. Известный итальянский актер XVIII века Луджи Риккобони, много занимавшийся Мольером, в посвящении своей переделки комедии Чиконьини ссылается на некий испанский первоисточник Чиконьини, который мог быть известен и Мольеру.* Мнения об испанском происхождении *Дона Гарсии* держался и Вольтер. Правда, два мольериста, специально обследовавшие вопрос о влиянии испанской драматургии на великого французского комедиографа — француз Мартинанш** и венгерец Юсар*** этого испанского первоисточника так и не обнаружили. Однако это не исключает вопроса об испанском влиянии, тем более, что в других пьесах Мольера заимствования из Лопе-де-Веги, Морето или Тирсо-де-Молины совершенно бесспорны. Да и не у одного только Мольера. И Ротру, и Корнель, и Скаррон, и многие другие французские драматурги XVII века испытали сильнейшее воздействие испанцев. Самый жанр трагикомедии с романтическими перипетиями, почти совпадающий с жанром «героической комедии» и во всяком случае ему очень родственный — в значительной мере испанского происхождения.

* *Nouveau théâtre italien*, tome III, 1733.

** Martinenche, *Molière et le théâtre espagnol*, Paris, 1906.

*** G. Huszár, *Molière et l'Espagne*, Paris, 1907.

В *Доне Гарсии Наваррском* испанский колорит отнюдь не ограничивается именами действующих лиц и местом действия. Главный герой — типичный испанский кабальеро, необычайно шепетильный во всем, что касается его любви; достаточно малейшего пустяка, чтобы пробудить в нем бешеную ревность, заставляющую его совершать самые экстравагантные поступки. В испанские же тона окрашен и образ принцессы Эльвиры, любящей своего ревнивого претендента, однако из чувства гордости не желающей унизиться до опровержения его подозрений. Моральные предпосылки поступков обоих главных действующих лиц отчетливо восходят к кодексу испанской феодальной чести (honra). Правда, Эльвира в конце концов оказывается не такой уже суровой и непреклонной, как ее сестры из комедии Кальдерона, и в этом, пожалуй, можно видеть смягчающее влияние морали самого Мольера. Однако элементы феодальной этики в *Ревнивом принце* все же бесспорны; все чувствования героев носят печать утонченного аристократизма. Отсюда — вполне последовательные расхождения в классовой оценке пьесы: провалившись перед буржуазно-демократическим партером в Париже, она имела некоторый успех при дворе.

Аналогичные по характеру трагикомедии иных авторов, однако, шли с успехом в других городских театрах. Правда, они шли преимущественно в Бургундском Отеле, где публика была много консервативнее: политическое самосознание французской буржуазии XVII века в целом стояло еще на очень невысоком уровне. Мольер ориентировался на передовую ее часть. Противоречие еще осложнилось тем обстоятельством, что Мольер пытался играть *Дона Гарсию* — при всех феодальных элементах его образа — в сценических принципах реализма. Вместо напевной, «псалмодирующей» декламации и трагических раскатов Монфлери, премьера Бургундского Отеля, едко пародированного Мольером в *Версальском экспромте*, Мольер вводит читку, приближающуюся к естественным интонациям разговорной речи. А это новшество именно на материале такой риторической трагикомедии, какою по существу является *Дон Гарсия*, могло быть недооценено и не понято. Для ломки актерских традиций, предпринятой Мольером, бытовая пьеса характеров оказалась

куда удобнее, нежели «героическая комедия» с ее идеалистическим пафосом.

При всем том *Дон Гарсия* — далеко не шедевр Мольера. Однако в творческом пути великого драматурга эта пьеса сыграла роль одного из подступов к другой «высокой комедии», несравненно более ему удавшейся — к гениальному *Мизантропу*. В протестующих тирадах и ревнивых упреках Дона Гарсии, уже можно расслышать взволнованные и негодующие интонации Альсеста. Правда, в них нет еще самого главного: обобщающего социального пафоса, присущего обличительным речам *Мизантропа*. Не совсем совпадает и сюжетная ситуация: дон Гарсия ревнует по вздорным поводам, Альсест — с основанием. И все же не случайно многие стихи из *Ревнивого принца* целиком или с легкими изменениями перешли в текст *Мизантропа*. Да не только *Мизантропа*: более или менее точные цитаты и реминисценции из *Дона Гарсии* можно встретить и в *Амфитрионе* (д. II, явл. 3), в *Ученых осенницах* (д. IV, явл. 2, д. V, явл. I), и даже в *Тартюфе* (д. IV, явл. 5). Очевидно, в драматургии Мольера *Дон Гарсия* оказался не случайным эпизодом, но одной из отправных точек для последующего развития.

И. Соллертинский

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Д о н Г а р с и я, принц Наваррский, влюбленный в Эльвиру.

Э л ь в и р а, принцесса Леонская.

Э л и з а, наперсница Эльвиры.

Д о н А л ь ф о н с, принц Леонский, принимаемый за принца Кастильонского под именем дона Сильвио.

И н ь е с а, графиня, влюбленная в дона Сильвио и любимая узурпатором Леонского престола, Маурегатом.

Д о н А л ь в а р, наперсник дона Гарсии, влюбленный в Элизу.

Д о н Л о п е, другой наперсник дона Гарсии, влюбленный в Элизу и отвергнутый ею.

Д о н П е д р о, дворянин на службе Иньесы.

*Действие происходит в испанском городе Асторге,
в королевстве Леонском*

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Донья Эльвира, Элиза

Донья Эльвира

Нет, в выборе моем таинственная сила
Одна влечением души руководила;
В моем избраннике нет ровно ничего,
Что заставляло бы предпочитать его.
Дон Сильвио ему ни в чем не уступает
И те же качества в себе соединяет:
Ведь доблести его и славных предков кровь
Могли бы и к нему привлечь мою любовь,
И я не знала бы, кого избрать в супруги,
Когда б над сердцем власть имели лишь заслуги;
Но волей неба страсть бывает зажжена,
И участь их любви отныне решена:
Да, хоть обоих я глубоко уважаю,
Но чувства нежные лишь к Гарсии питаю.

Элиза

Любовь, какую вас сумел он вдохновить,
Вам удалось от всех весьма искусно скрыть;
Нас долго мучило жестоко сомненье,
Кому из двух вы дать решили предпочтенье.

Донья Эльвира

Но, прежде чем решить поклонников судьбу,
Я вынесла в душе тяжелую борьбу.

Взгляну ль на одного — не чувствую укора,
 Что не свожу с него восторженного взора;
 Но тотчас мыслью я о том удручена,
 Что я тогда другим пожертвовать должна.
 Меж тем дон Сильвио казался мне достоин
 Удела лучшего как храбрый, славный воин,
 И я — Леонская принцесса — сознаю
 Перед Кастилией обязанность мою;
 Отец дон Сильвио и мой, тебе известно,
 Весь век свой прожили в сердечной дружбе тесной.
 Да, чем моя душа другим была полней,
 Тем жалость к Сильвио росла во мне сильней.
 В ответ его любви я доброй быть желала,
 Наружной нежностью мечты его ласкала,
 Стараясь чем-нибудь жестокость ту смягчить,
 Которую над ним решила я свершить.

Элиза

Но мысль, что вы предмет не первых в нем волнений,
 Освобождает вас от всяких угрызений:
 Ведь прежде, чем он вас безумно полюбил,
 Он столь же пламенно Иньесе предан был.
 Но, сколько знаю я, для вас, моя принцесса,
 Подругой близкою всегда была Иньеса,
 И, если тайну их вам удалось узнать, —
 Свободу полную себе должны вы дать.
 Вы можете ему сказать, что долг подруги
 Вам запрещает взять его себе в супруги.

Донья Эльвира

Да, эта новость мне действительно важна:
 С изменою любовь его сопряжена,
 И я теперь в ответ на все его исканья
 Отказу моему имею оправданья.
 Итак, все кончено теперь меж мной и им, —
 Пусть расточает он любовь свою другим.
 Едва ль, однако, я найду успокоенье:

Другое для меня готовится мученье:
 Что, если с ревностью безумною своей
 Дон Гарсия любви не оценит моей,
 И вдруг, на горе мне, мой рыцарь беспокойный
 Союз наш сценою разрушит недостойной?

Элиза

От вас он не слышал о счастья своем,
 Поэтому и быть сомненья могут в нем;
 Все, что сопернику надежды подавало,
 Сомненья в Гарсии, понятно, возбуждало.

Донья Эльвира

Нет, не найти тебе, Элиза, ничего,
 Чем ревность оправдать безумную его.
 Давала я ему не раз понять душою,
 Что может он считать себя любимым мною;
 Помимо воли в нас такой огонь горит,
 Что и без слов душе о чувствах говорит;
 Вздох, взгляд, румянец щек, миг грустного молчанья —
 Все может передать сердечные признанья;
 В любви — все говорит; чтоб сердце нам раскрыть,
 Довольно, как намек, хоть слабый свет пролить, —
 Мы, женщины, храня достоинство высоко,
 Не проявляем то, что чувствуем глубоко.
 Я с ними, признаюсь, старалась равной быть,
 Чтоб беспристрастнее обоих оценить;
 Но — ах! — с влечением души борьба напрасна,
 И тотчас разницу почувствуешь прекрасно
 Меж этой нежностью притворною и той,
 Которая у нас владеет всей душой.
 Там — каждый миг себя ты в чувствах принуждаешь,
 Здесь — ты себя любви невольно подчиняешь;
 Как чистые струи свободного ключа,
 Она течет сама, блистая и журча.
 И я, к дон Сильвио сочувствие питая,
 Все ж холодна была, сама не замечая,

Меж тем дон Гарсия мог смело отгадать
По взглядам то, что я стеснялась бы сказать.

Элиза

Но если так его терзают подозренья
Без повода к тому, — то, значит, без сомненья,
Наш доблестный боец безумно в вас влюблен;
Ах, многих ревностью в восторг привел бы он.
Ведь ревность лишь тогда нам тягостна бывает,
Коль ею человек немилый нам пылает;
Но если ревностью избранник наш горит,
То этим много он отрады нам дарит;
Ведь ревностью свой пыл докажет он яснее, —
Чем больше он ревнив, тем должен быть милее.
Ведь тот, в ком чувства все клокочут и кипят...

Донья Эльвира

Не проповедуй мне подобный странный взгляд.
Я к ревности всегда питала отвращенье;
Она для чувств моих — прямое оскорбленье,
И чем милее тот, кто так меня ревнует,
Тем более душа на это негодует.
Ужели радостно глядеть мне на него,
Как в гневе не щадит он чувства моего,
Как радость и печаль моя его волнует,
И тотчас, видя их, безумно он ревнует?
Я не могу взглянуть — представь: мой каждый взгляд
Для Гарсии таит измены мнимой яд!
Нет, я скажу тебе, Элиза, без стесненья:
Я не могу сносить такие подозренья.
Конечно, Гарсия все ж мил и дорог мне,
И сердца моего достоин он вполне.
Он доблестью своей мне доказат прекрасно,
Что любит он меня так искренне и страстно;
Опасностям себя он часто подвергал,
От замысла врагов меня не раз спасал
И наконец укрыл за этою стеною

От брака грустного, грозившего бедою.
 Не отрицаю я, мне тяжело было б знать,
 Что я не Гарсии должна принадлежать;
 Ведь долг свой сознавать особенно нам ценно
 Пред тем, которого мы любим неизменно;
 Тогда и наша страсть проявится смелей,
 Когда признательность счастливо слита с ней.
 Да, мне приятно знать, что он, мне дав спасенье,
 В награду заслужил мое благоволение,
 Я рада, что меня опасность с ним свела;
 И, если не пустой молва о том была,
 Что волею небес мой брат к нам возвратится,
 То мне лишь об одном приходи́сь молиться, —
 Чтоб Гарсия скорей тирану отомстил
 И брату моему державу возвратил,
 И чтоб за подвиг тот имел в вознаграждение
 От брата моего к себе расположение.
 Но если будет он опять меня гневить
 И вспышек ревности не сможет прекратить,
 Не внемля голосу моих ему велений, —
 Пускай откажется от всех своих стремлений:
 Наш невозможен брак; страшусь я этих уз,
 Что адом сделают семейный наш союз.

Э л и з а

Какие б ни были у Гарсии воззренья,
 Он подчиниться вам обязан, без сомненья;
 Вы изложили так в послании к нему
 Желанья ваши, что, мне кажется, ему...

Д о н ь я Э л ь в и р а

Нет, отослать письмо я не могу решиться,
 Мне лучше на словах во всем с ним объясниться.
 В руках влюбленного не должно оставлять
 Письма, которое он будет сохранять
 Как доказательство сердечных отношений,
 Не отсылай его.

Элиза

Я ваших повелений,
 Принцесса, слушаюсь. Чем более живешь,
 Тем больше разницы во взглядах узнаешь :
 На что одни глядят как на обиду злую,
 Другие видят в том лишь сторону благую;
 Я, например, сочла счастливой бы себя,
 Ревнивца страстного всем сердцем любя;
 Я восторгалась бы при виде беспокойства
 Любовника; и вот как раз такого свойства
 Лишен мой дон Альвар; ни тени в нем забот.

Донья Эльвира

К нам неожиданно он сам сюда идет.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Донья Эльвира, дон Альвар, Элиза

Донья Эльвира

Как! вы вернулись вновь? Ну, что мне сообщите?
 Альфонса ждать ли нам? — скорее расскажите.

Дон Альвар

О, да, принцесса, да. Настанет скоро час,
 Когда, вернув свой трон, ваш брат увидит вас.
 Взял дон Луис его к себе на воспитанье
 И вашего отца исполнил завещанье:
 От взоров всей страны судьбу его сокрыл,
 От Маурегата злой измены охранил.
 И хоть тиран не раз найти его старался
 И трон ему вернуть пред всеми обещался, —
 Разумен дон Луис и непреклонен был,
 Опасным проискам врага не уступил.
 Но наконец народ, глубоко возмущенный
 Несправедливостью, над вами совершенной,

Возможность старцу дал решительнее быть,
 Мечту давнишних лет теперь осуществить.
 Он с горстью преданных друзей в течение года
 Искал сообщников среди знати и народа.
 Меж тем Кастилия вооружала рать,
 Чтоб трон желанному наследнику отдать.
 Однако дон Луис устроить так стремился,
 Чтоб во главе лишь войск ваш брат здесь появился,
 Чтоб сразу мести гром в стране загрохотал
 И сверженный тиран к стопам Альфонса пал.
 Уж вторгнулись в Леон, ломая все преграды, —
 Дон Сильвио привел отцовские отряды.

Донья Эльвира

Такая помощь нам отрадна и ценна;
 Но слишком, я боюсь, обяжет нас она.

Дон Альвар

Но удивительно, что в этом положении,
 Когда ему грозит разгром и унижение,
 Обидчик злобный ваш — все говорят здесь так —
 С Иньесою сейчас вступить желает в брак.

Донья Эльвира

Опоры ищет он, покинутый народом,
 В союзе с древним тем и столь почтенным родом.
 Тревожусь, ничего не пишет мне она;
 Но знаю, что она к тирану холодна.

Элиза

Честь и любовь ее отвергнуть заставляют
 Тот брак, к которому ее так принуждают,
 И...

Дон Альвар

Принц идет сюда.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Дон Гарсия, донья Эльвира, дон Альвар, Элиза

Дон Гарсия

Пришел я вам сказать

О том же, что имел он счастье передать :
Ваш брат уж дерзкому тирану угрожает
И светлые мечты любви моей ласкает ;
Он повод даст рискнуть мне жизнию моей
За пурпур ваших уст, за дивный блеск очей,
И может быть, даст бог, мне улыбнется слава
Восстановителя похищенного права.
Измена низкая должна позорно пасть,
Ваш род получит вновь и прежний блеск и власть ;
И я с особенным восторгом жду возврата
Теперь к нам вашего возлюбленного брата.
Он будет королем. Безмерно счастлив я.
Свободна от клевет теперь любовь моя,
И подозрений я отнюдь не опасаюсь
В том, что не вас, но лишь короны домогаюсь.
Да, перед всеми здесь откроюсь я душой,
Что движим к подвигам любовью я одной ;
О, сколько раз пришлось мне испытать мученья,
Что я — увы ! — не столь высокого рожденья.
Но пыл моей любви все ж столь нескромен был,
Что дивный образ ваш в награду мне сулил ;
Я думал : жизнь мою здесь в жертву принесу я,
Но все, что отнято у вас, — все вам верну я.
И этим подвигом иметь я буду честь
Вам принести лишь то, что должен я принести.
Но так как небеса на пыл мой непреклонный
Мне наконец ответ готовят благосклонный, —
Дозвольте ж, чтоб тот пыл надежду мог таить :
Когда удастся мне мой правый суд свершить,
За подвиги мои и верность в награжденье —
И брата и страны найти благоволенье.

Донья Эльвира

Я верю, вы за нас сумеете отмстить
И славным подвигом страсть вашу подтвердить.
Но чтобы вам была желанная награда,
Вам подвиг совершить еще труднее надо:
Пусть ценит вас страна, пусть вам обязан брат —
Все эти почести меня не покорят.

Дон Гарсия

Я понимаю вас, принцесса, превосходно:
Я знаю, что о вас вздыхаю я бесплодно;
Есть нечто грозное для моего огня,
И то препятствие — не тайна для меня.

Донья Эльвира

Что думаем мы знать — порою мы не знаем;
Легко, разгорячась, в ошибку мы впадаем.
Но знаете ль, когда — не стану я скрывать —
Могли б желанной вы надежды не терять?

Дон Гарсия

То для меня была б великая награда.

Донья Эльвира

Когда любить меня вы будете, как надо.

Дон Гарсия

Клянусь, нет ничего и во вселенной всей,
Что не склонилось бы пред страстию моей!

Донья Эльвира

Когда в любви у вас не будет проявлений,
В которых я найду хоть призрак оскорблений.

Дон Гарсия

Ужель в любви моей...

Донья Эльвира

Когда она вполне
Забудет измышлять дурное обо мне.

Дон Гарсия

Любовь моя вас чтит.

Донья Эльвира

Когда у вас ни тени
Не будет на душе столь ложных подозрений,
И змея раздавить у вас достанет сил;
Который вашу страсть отравой напоил.
Зовется ревностью безумной змей тот лютый;
Боюсь, отравит он мне лучшие минуты
И страстным вашим всем признаниям в ответ
Заставит произнести решительное «нет».

Дон Гарсия

Принцесса! Сознаюсь, как ни стремлюсь бороться,
Все ж капля ревности на сердце остается,
И хоть его здесь нет, но все ж соперник мой
Тревожит каждый час души моей покой.
Прав в этом я иль нет, но вечно мысль со мною,
Что вы по нем — увы! — удручены тоскою
И, вопреки моим стараньям и любви,
Счастливицу шлете все приветствия свои.
Но если сердят вас такие подозренья,
Рассеять можете вы их без затрудненья.
Над ними приговор произнести тотчас
Зависит, верьте мне, всецело лишь от вас.
О, да! Нетрудно вам всего двумя словами
Разрушить ревности преграду между нами,
Надеждой радостной мне сердце озарить
И змея лютого навеки раздавить.
Молю, принцесса, вас, рассейте мне сомненье,
Пусть ваших дивных уст благое изреченье

Мне даст уверенность в изменчивой судьбе,
Которую найти не в силах я в себе.

Донья Эльвира

Я вижу, принц, что вы находитесь под властью
Жестоким ревности, к великому несчастью.
Напрасно этот дух сомнений мучит вас.
Для сердца дорого быть понятым тотчас,
Душа влюбленного всегда понять готова
Признания любви взаимной с полуслова,
А требованье клятв и пламенных речей
Лишь недоверие внушат любви моей.
Вам не скажу, какой я выбор бы свершила
Меж доном Сильвио и вами, если б было
В моей то воле. Вы должны бы были чтить,
Что я от ревности хочу вас отучить...
Я думала, что все само собой поймется,
Что больше этого сказать мне не придется,
Но все же мрачны вы, сомнения храня,
И требуете вновь признаний от меня.
Должна ль я, чтобы вы не мучились напрасно,
Пред всеми объявить, что вас люблю я страстно?
И это, может быть, не убедило б вас,
И вы мне скажете, чтоб я вам поклялась?

Дон Гарсия

Вы правы. Начал я, быть может, забываться.
Кому же, как не вам, я должен подчиняться?
Я больше не прошу признаний никаких;
Вы сжалились, поняв всю тяжесть мук моих;
И как бы ни было в вас мало сожаленья,
Все ж недостойн я такого награжденья.
Отныне кончено, нет ревности моей.
Я счастлив совершить ваш приговор над ней,
Я счастлив, что от вас веленье получаю;
Я сердце от нее навек освобождаю.

Донья Эльвира

Обет ваш, принц, велик; и с вашею ль душой
Такое совершить насилье над собой?

Дон Гарсия

Принцесса, вы мне — жизнь, вы — цель моих желаний.
Нет, не нарушу я вам данных обещаний.
Сознание, что ваш закон мне так велит,
Усилие над собой мне тотчас облегчит.
Пусть буду жизнь влачить я, небом осужденный,
Пусть здесь, у ваших ног, я, громом пораженный,
Умру... иль, чтоб меня сильнее наказать,
Пусть мне придется гнев ваш грозный испытать,
Коль я когда-нибудь, из ревности презренной,
Нарушу мой обет великий и священный,
Коль я когда-нибудь хоть малый произвол
Посмею допустить...

(Входит дон Педро и подает Эльвире письмо)

Донья Эльвира

Ты во-время пришел.

[Уходит дон Педро]

Пусть подождет гонец. *[В сторону]* Я вижу вмиг
по взгляду,

Что конюх мой письмом ему уж подлил яду.
Как удивителен мне этот человек!

[Громко]

Кто клятву вашу, принц, внезапно так пресек?

Дон Гарсия

Вам подали письмо, и я невольно фразу
Был принужден прервать.

Донья Эльвира

Вы странно как-то сразу
Понизили ваш тон. Скажите, отчего?

Вас передернуло как будто бы всего;
Мне странно, что вы вдруг тревожны как-то стали.
Что это значило б? Причину знать нельзя ли?

Дон Гарсия

Я в сердце боль сейчас внезапно ощутил.

Донья Эльвира

Чтоб боли те стерпеть, вам надо много сил,
И меры против них принять вам не мешает.
Но с вами часто ли такой недуг бывает?

Дон Гарсия

О нет, так, иногда.

Донья Эльвира

О слабый принц! Ну, вот,
Прочтите вы письмо — и тотчас боль пройдет.

Дон Гарсия

Прочесть письмо? Ах, нет! Прошу я извиненья.
Я понял вашу мысль и ваше обвиненье.

Донья Эльвира

Прочтите — и конец страданиям вашим всем.

Дон Гарсия

Чтоб упрекать меня в безволии затем?
Нет, нет! Я доказать вам должен на примере,
Что не смущен письмом я ни в малейшей мере,
И чтобы подтвердить доверья глубину,
Я даже на письмо, клянусь вам, не взгляну.

Донья Эльвира

Коль вы упрямитесь, и даже так упорно,
Вас в том насиловать я не должна, беспорно.

Достаточно, чтоб вы взглянули лишь слегка,
Чтоб убедились, чья писала мне рука.

Дон Гарсия

Вы выражаете столь твердое желанье,
Что выполнить тотчас я должен приказанье,
Повиновение безропотно храня.

Донья Эльвира

О да, о да, мой принц, прочтите для меня.

Дон Гарсия

Но лишь в угоду вам, и должен я вторично...

Донья Эльвира

Читайте же скорей, мне это безразлично.

Дон Гарсия

Не от Иньесы ли, насколько знаю я?

Донья Эльвира

Да, и я радуюсь за вас и за себя.

Дон Гарсия (*читает*)

«Хотя силен презренья глас,
Тиран влюблен в меня; как только вас не стало,
Чтоб к плану своему склонить меня сейчас,
Направил на меня все ненависти жало,
Которым гнал сначала
Наследника и вас.

Кто надо мной имеет власть в сем мире, —
В заботе об одном тщеславия кумире,
Союз позорный склонны одобрять.
Не знаю, где конец. Мучения все шире,
Но я не уступлю, — готова жизнь скончать.

О если б вам, драгой Эльвире,
Судьбы подобной не видать!

Донья Иньеса»

Как доблестно она идет судьбе навстречу!

Донья Эльвира

Подруге дорогой я тотчас же отвечу.
А вы меж тем, мой принц, старайтесь быть сильней,
Иначе снова вас замучит страшный змей;
Я чтением письма смягчила вам смущенье,
И счастливо прошло внезапное волненье.
Но может также, принц, случиться иногда,
Что от сомнений злых придет для вас беда.

Дон Гарсия

Могли ль подумать вы...

Донья Эльвира

Что думать мне — я знаю.

Мои советы я запомнить вам желаю.
Прощайте. А любовь, коль есть она у вас,
Вы докажите мне, как надо, в добрый час.

Дон Гарсия

Поверьте, что лишь в том и все мои желанья:
Скорей умру, чем я нарушу обещанье...

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Элиза, дон Лопе

Элиза

Поступки Гарсии, по совести сказать,
Меня уже никак не могут удивлять :
Ведь каждый человек среди любви волнений
Испытывает-ряд мучительных сомнений ;
Порывы ревности в приливе чувств таких
Вполне естественны, — я одобряю их.
Но вот что для меня, дон Лопе, очень странно, —
Что вы, как слышу я, стремитесь неустанно
Все подозрения у принца пробуждать
И в нем старательно ту ревность разжигать.
Ведь тот, кто сам влюблен, естественно, ревнует,
Но вас-то ревность та чем так интересует ?
Откуда эти все старания у вас ?
Такое свойство я встречаю в первый раз.

Дон Лопе

Пусть каждый роль мою, как хочет, объясняет.
Но верьте, цель свою отлично Лопе знает.
И коль у вас любовь отвергнута моя,
То принцу услужить стремлюсь получше я.

Элиза

Но если будет он так ревновать фатально,
То кончится судьба его весьма печально.

Дон Лопе

Видали ль вы, чтоб тот, кто смысл не потерял
 О пользе своего владыки хлопотал?
 Ведь царедворец сам, раз ловок он и гибок,
 Не будет исправлять властителя ошибок
 И лишь к тому склонять стараться будет речь,
 Чтоб пользу для себя возможную извлечь.
 Ведь все старания и наши все стремленья —
 К тому, чтоб заслужить к себе расположение;
 А чтоб быстрее всего нам милость заслужить,
 Лишь стоит господам во всем усердно льстить,
 И все поступки их превозносить на славу,
 И не препятствовать их взбалмошному нраву.
 Вот истинный секрет всегда угодным быть,
 А искренний совет лишь может рассердить,
 И ты рискуешь вмиг доверия лишиться,
 Чего с таким трудом ты лестью мог добиться.
 Ну, словом, наша роль у всех вельмож таких —
 Умеючи играть на слабой струнке их,
 Старательно во всем питать их заблужденья
 И не высказывать ненужные сужденья.

Элиза

Все это хорошо, но только до поры:
 Печален может быть исход такой игры;
 Ведь и в уме владык, на смену ослепленья,
 Вдруг может заблестеть луч яркий просветленья,
 Который отомстит бессовестным льстецам,
 Жестоко отомстит, — и горе будет вам.
 Да кроме этого, должна я вам признаться,
 Не смело ль слишком вы решились объясняться?
 Ведь если это все до принца вдруг дойдет,
 Большую пользу вам едва ли принесет.

Дон Лопе

Во-первых, для меня не будет затрудненья
 Отвергнуть тотчас же все эти обвиненья

Пред принцем; а к тому ж, Элиза так скромна,
 Что разглашать секрет не вздумает она,
 Да, в сущности, что я сказал вам здесь такого,
 Чего б не знали все от слова и до слова?
 Чего же должен я бояться, наконец?
 Ведь не изменник я, не хитрый, злобный лжец;
 Во всем стараюсь я быть только лишь любезным,
 Угодливым слугой, приятным и полезным;
 Не замышляю я дурного ничего,
 Я только ведь слежу за ревностью его;
 Живет лишь ею принц, и все мое старанье —
 К тому, чтоб ревность та имела оправданье;
 И всюду поводы стараюсь я найти,
 Чтоб с ним интимную беседу завести.
 И вот являюсь я с таинственным докладом, —
 Он с жадностью готов упиться этим ядом,
 И чем сильней его та новость поразит,
 Тем он сердечнее меня благодарит,
 Тем выпивает он охотнее отраву,
 Как будто в ней нашел и почести и славу.
 Идет соперник мой; оставляю вас одних,
 И хоть известен мне конец надежд моих,
 Все ж было б тяжело мне увидеть предпочтенье,
 Которое Альвар получит, без сомненья,
 И я от этих сцен себя освобожу.

Элиза

Вы поступаете умно, как погляжу.

(Уходит дон Лопе)

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Дон Альвар, Элиза

Дон Альвар

Известно стало нам, что сам король Наварры
 Готовится нанести совместные удары;
 Ждут дон Гарсию союзные войска, —

Победа будет им теперь вполне легка.
Я очень удивлен, как быстро все свершилось;
Но все ж, я думаю...

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Дон Гарспя, Элиза, дон Альвар

Дон Гарсия

Принцесса отлучилась?

Элиза

Принцесса у себя. К ней письма есть. Сейчас
Принцессе доложить я поспешу о вас.

Дон Гарсия

Я подожду ее.

[Уходят Элиза и дон Альвар]

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Дон Гарсия (*один*)

Мой бог! С каким смущеньем

Я жду ее! Каким неведомым волненьем
Полна душа моя! Я слов не нахожу
И, полный страшного предчувствия, дрожу.
Дрожу! Какой позор! О, нет, я овладею
С моим волнением и подчинить сумею
Порывы чувств моих рассудку моему.
Хочу довериться холодному уму;
Хочу лишь в нем искать прямые указанья,
Действительно ли есть такие основанья
Здесь, в роковом письме, для ревности моей,
Чтоб всей душой я мог теперь отдаться ей.
О боже, как мои терзания жестоки!
Я перечту опять неконченные строки.

Спокойно перечту. О, что б я дать готов
 За окончание зловещих этих строф!
 Но что я говорю? Довольно и начала;
 В нем несомненно есть язвительное жало.

(Читает)

«Хотя соперник ваш...
 Но все же вы должны...
 Не кто иной, как вы...
 Которую легко...
 Я искренне ценю...
 Я ими спасена...
 Любовь его ко мне...
 Он ненавистен мне...
 Избавьте ж вашу страсть...
 И заслужите взор...
 И, если вам дают...
 То не упорствуйте...»

Обрывков этих фраз — увы! — довольно мне,
 Чтоб горький жребий мой нарисовать вполне.
 Чтобы понять весь смысл посланья рокового —
 Увы! — не надобно мне вовсе остального.
 Но все же я сдержу отчаянья порыв;
 Волнение мое от глаз неверной скрыв,
 Исполню роль свою я, как актер на сцене,
 И выдаст пусть себя она сама в измене.
 Но вот она идет. Будь тверд, о разум мой,
 И хоть на час один ты властвуй надо мной!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Донья Эльвира, дон Гарсия

Донья Эльвира

Вы подождать меня любезно пожелали?

Дон Гарсия [*тихо, в сторону*]

Что за притворщица!

Донья Эльвира

Мы только что узнали,
Что ваш отец, король, вполне одобрил план,
Которым должен быть низвержен злой тиран,
Чему, дон Гарсия, я радуюсь сердечно.

Дон Гарсия

В восторге также я от этого, конечно,
Но...

Донья Эльвира

Я уверена, что час его настал;
Желают все в стране, чтоб узурпатор пал.
А я, я льщу себя надеждою, что ныне
Та доблесть славная, которая в твердыне
Асторги сберегла меня от рук его,
Вновь подвиг совершит для края своего,
Завоевание Леона завершая
И самовластный трон тирана низвергая.

Дон Гарсия

Я подвиг тот свершу, — не сомневайтесь в том,
Но, умоляю вас, к другому перейдем.
Осмелюсь ли просить у вас, чтоб вы сказали,
Кому вы в эти дни последние писали,
С тех пор, как здесь судьба свела обоих нас?

Донья Эльвира

Мне странен ваш вопрос. Что так волнует вас?

Дон Гарсия

Так, любопытство мне на ум подчас приходит.

Донья Эльвира

От ревности оно, поверьте, происходит.

Дон Гарсия

О, нет, вы можете спокойны быть вполне:
Ведь ревновать — навек вы запретили мне.

Донья Эльвира

Так вот: чтоб ревность вас не слишком волновала,
Скажу вам, что в Леон к Иньесе я писала
И два еще письма дон Луису в Бургос.
Исчерпан ли теперь, скажите, ваш вопрос?

Дон Гарсия

А не писали ль вы еще кому другому?

Донья Эльвира

Как к недоверию мне отнестись такому?

Дон Гарсия

Припомните, молю, принцесса. Может быть,
Писали вы еще? Ведь так легко забыть.

Донья Эльвира

Я никогда таких вещей не забываю.

Дон Гарсия

Но вот на этот раз забыли. Да, я знаю.

Донья Эльвира

Принц!

Дон Гарсия

Чем могу служить?

Донья Эльвира

О боже, что за тон!
У вас, я вижу, принц, рассудок помрачен.

Дон Гарсия

Да, трудно бы ему теперь не помрачиться,
 Когда мне суждено в измене убедиться.
 О горе, горе мне! Что вижу перед собой?
 Я очарован был предательской красой.

Донья Эльвира

Что за предательство? О ком вы говорите?

Дон Гарсия

О, как двуличны вы! Как тонко вы хитрите!
 Но пользы будет вам, поверьте, мало в том.
 Взгляните же сюда: ваш почерк вам знаком.
 Мне окончания не надобно. Едва ли
 Я ошибусь, сказав, кому вы здесь писали.

Донья Эльвира

Так вот откуда гнев внезапный проистек?

Дон Гарсия

Вы не краснеете при виде этих строк?

Донья Эльвира

Краснеть невинности, поверьте, не пристало.

Дон Гарсия

К несчастью, вижу я невинности здесь мало.
 Вы пользуетесь тем, что подписи здесь нет.

Донья Эльвира

Но почерк явно мой, и это не секрет.

Дон Гарсия

Какое чистое, нежданное признание!
 Так вами писано столь нежное посланье?
 Скажите, для кого? Подруге, может быть?

Иль родственнику вы желали так почтить?
Иль так кому-нибудь по делу вы писали,
Кого, быть может, вы случайно лишь встречали?

Донья Эльвира

О, нет. Писала я к влюбленному в меня,
К кому и я полна взаимного огня.

Дон Гарсия

Клянусь, изменница...

Донья Эльвира

Безумец, замолчите

И недостойный ваш порыв остановите.
Хотя вы вовсе здесь не властны надо мной
И я даю отчет во всем себе одной —
Однако снять хочу с себя я подозренья
В предательстве моем, на ваше же мученье.
Все будет тотчас здесь для вас яснее дня:
Готова в данный миг защита у меня.
Я назначаю вас самих себе судьбою,
Чтоб приговор могли жестокий над собою
Вы сами произнести — тем лучше, чем скорей.
Вы убедитесь вмиг в невинности моей.

Дон Гарсия

Загадки это всё, что выше пониманья.

Донья Эльвира

Я не измучу вас тоскою ожиданья.
Элиза, поскорей.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Дон Гарсия, донья Эльвира, Элиза

Элиза

Принцесса!

Донья Эльвира [*доку Гарсии*]

Вы, сеньор,
Старайтесь, чтобы ваш обманут не был взор;
Следите же за мной, чтоб явно убедигься,
Что все без хитрости здесь тотчас совершится.

[*Элизе*]

Ответьте быстро мне: где спрятано у вас
Письмо, которое писала я сейчас?

Элиза

Принцесса, я должна пред вами повиниться.
Не знаю, как могло письмо то очутиться
Вдруг в комнате моей, в отсутствии моем,
И вот я только что узнала, что тайком
Дон Лопе у меня, как то не раз случилось,
Все перерыл, и вот — письмо ему попало;
Но, к счастью, не успел его он прочитать:
В то время в комнату явилась убирать
Моя прислужница и тотчас постаралась
Отнять письмо из рук. При этом разорвалась
Бумага пополам, и с частью лишь одной
Дон Лопе убежал из комнаты стрелой.

Донья Эльвира

Вторая часть у вас?

Элиза

О; да.

Донья Эльвира

Скорее дайте.

[*Берет вторую половину письма. Доку Гарсии*]

Сложите же письмо и громко прочитайте.
Желаю также я посланье услышать;
Посмотрим же кого придется наказать.

Дон Гарсия

Ах! Дону Гарсии.

Донья Эльвира

Ну, что же. Продолжайте
И именем себя напрасно не смущайте.

Дон Гарсия

«Хотя соперник ваш вам душу возмущает,
Но сами вы себя должны б сильней страшить,
И в вас самих теперь вам надлежит сломить
Преграду злейшую, что ваша страсть встречает.

Я высоко ценю дон Гарсии старанья
Освободить меня от недостойных рук;
Он любит горячо, он предан мне как друг,
Но ревность дикая приводит в содроганье.

Лишите страсть свою вы страстного обличья,
Достойным надо быть, коль к вам направлен взор.
Принудят ли принять счастливый приговор, —
Старайтесь не бежать подобного отличья».

Донья Эльвира

Ну, что вы скажете?

Дон Гарсия

О, я скажу, принцесса,
Что счастья предо мной задернулась завеса,
Что преступленье я великое свершил
И ненависть навек за это заслужил.

Донья Эльвира

Довольно. Знайте же, что если я решилась,
Чтобы письмо мое пред вами очутилось,
То — бог свидетель в том — лишь только для того,

Чтобы навек стократ отречься от всего,
Что там написано. Прощайте.

Дон Гарсия

О! куда вы?

Донья Эльвира

Туда, где вас не будет.

Дон Гарсия

Боже правый!

Ах, сжальтесь, сжальтесь же, принцесса, надо мной!
Безумная любовь одна тому виной.
Ведь если б, увидав нисьмо, я был спокоен,
Я б порицания был более достоин.
Ведь тот, кто страстно так, безумно так влюблен, —
Мученьям ревности невольно обречен.
Ужель денили б вы любви моей волненья,
Когда б записке той не придал я значенья,
Не содрогнулся бы при виде этих строк,
Которых смысл мог быть столь для меня жесток?
Скажите сами вы, — ужели есть сомненье,
Что всякий бы письмом введен был в заблужденье?
Ужель тому, чем все так были б смущены,
Мог не поверить я?

Донья Эльвира

Могли бы и должны.

Или того, что вам недавно я сказала,
Чтоб страх рассеять ваш, все ж оказалось мало?
Другой бы смело все доносы отвергал,
Хотя бы целый мир Эльвиру обвинял.

Дон Гарсия

Чем меньше стоишь ты блаженств обетованных,
Тем тягостней наплыв предчувствий непрестанных,
Тем в счастье свое труднее веришь ты,

Как в призрак сладостный несбыточной мечты.
 И, чувствуя, что я вас вовсе недостоин,
 За счастье мое я вечно беспокоен.
 Я думал: так как я властитель над страной —
 По принуждению лишь нежны вы со мной,
 Что, разрешивши мне к себе такую близость...

Донья Эльвира

Могли ль предположить во мне такую низость?
 Меня ль в притворстве вы могли подозревать,
 И мне ль угодливость рабыни проявлять?
 Мне — чувству изменить, и раз я в вашей власти,
 Прикидываться мне охваченной к вам страстью?
 Меня не соблазнит победный ваш венок.
 Вы смели бросить мне в глаза такой упрек!
 Так знайте же — ничто во всем подлунном мире
 Не в силах предписать унизиться Эльвире.
 И если я была вам предана душой, —
 Что было, вижу я, ошибкой роковой, —
 То ныне к вам одно презренье я питаю,
 Всей вашей славою себя я не смущаю.
 И я сумею вам отныне доказать,
 Что низости во мне вовеки не сыскать.

Дон Гарсия

Ну, что ж! Виновен я, и нет мне извиненья.
 Но все ж, прекрасная, молю у вас прощенья!
 Молю у ваших ног во имя той любви,
 Которая зажгла огонь в моей крови
 С такою силою. Нет никого на свете,
 Который так же бы страдал, как я, в минуты эти.
 Но если этот гнев не может быть смягчен
 И я на ненависть отныне обречен —
 То пусть тогда удар меча, из состраданья,
 Меня освободит от этого терзанья.
 Коль ненависть к себе я буду видеть в вас —
 Ужель смогу прожить я хоть единый час?

Раскаянье томит меня тоскою жгучей,
 Мой светлый небосклон затмился грозной тучей,
 И стая коршунов уж носится под ним
 И злобно тешится страданием моим.
 Принцесса, жду от вас последнего решения:
 Коль нет отныне мне надежды на прощенье,
 То есть в моих руках мой неизменный меч,
 Чтоб жизнь несчастного у ваших ног пресечь.
 И я бы счастлив был, пред вами умирая,
 Когда бы знал, что кровь течет моя, смывая
 То преступление, которое свершил
 Лишь потому, что вас безумно я любил;
 Что, если вспомнить вдруг вам обо мне случится, —
 Презрением ко мне ваш взор не омрачится.
 Вот все, о чем теперь я смею умолять.

Донья Эльвира

Жестокий человек!

Дон Гарсия

Чего я должен ждать?

Донья Эльвира

Должна ль, скажите, я вам даровать прощенье,
 Чтоб снова заслужить такое оскорбленье?

Дон Гарсия

Ужели может тот, кто любит, оскорбить?
 Ужель порыв любви не следует простить?

Донья Эльвира

Поступка вашего любовь не извиняет.

Дон Гарсия

Она лишь пламень свой открыто проявляет.
 Чем пламенной любовь, принцесса, тем трудней...

Донья Эльвира

Нет, недостойны вы теперь руки моей.

Дон Гарсия

Я ненавистен вам?

Донья Эльвира

Да. Силюсь всей душою

Я ненавижу вас. Стремлюсь владеть собою,
Чтоб ненависть мою навеки сохранить,
Хоть тяжело будет мне ее не изменить.

Дон Гарсия

Зачем же делать вам усилие над собою?
Ведь меч мой занесен открыто надо мною.
Скажите приговор — и Гарсия умрет.

Донья Эльвира

В ком ненависти нет — не хочет казни тот.

Дон Гарсия

А я — я не могу влачить существованье,
Когда ко мне у вас не будет состраданья.
Решайте, что из двух: прощенье или казнь.

Донья Эльвира

Увы! Не скрою я невольную боязнь,
Что если вам теперь прощенье обещаю,
То этим я себе жестоко изменяю.

Дон Гарсия

О незабвенный миг! Прекрасная моя...

Донья Эльвира

Оставьте. Боже мой, как малодушна я.

[Уходит]

Дон Гарсия

Я наконец...

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Дон Гарсия, дон Лопе

Дон Лопе

Мой принц, я снова с донесеньем.
Боюсь, оно опять наполнит вас волненьем.

Дон Гарсия

Ступай ты от меня с известием твоим:
Безумно счастлив я и не встревожусь им.
Я только что здесь был восторженный свидетель,
Что в ней одной слились краса и добродетель,
Что в ней царит один великий, светлый дух;
К докладам всем твоим отныне буду глух:
Избавь меня от них...

Дон Лопе

Мой принц, как вам угодно,
Распоряжаться мной вы можете свободно;
Я думал, что секрет мне удалось открыть,
Который должно вам тотчас же сообщить,
Но так как, вижу я, он вам не интересен —
Я тему изменю. Быть может, неизвестен
Вам тот восторг у всех леонских горожан,
Которым утрашен зазнавшийся тиран?
Народ, при кликах войск Кастилии, ликует,
Что истинный король теперь восторжествует.

Дон Гарсия

И чтобы подвиг тот, как должно, завершить,
С кастильской армией мою соединить
Я поспешу теперь, чтоб, хищнику управу
Дав должную, стяжать заслуженную славу.
Ты сообщить хотел какую-то мне весть?
Какую именно?

Дон Лопе

Нет, ничего, как есть.

Дон Гарсия

Да ну же, говори, теперь я позволяю.

Дон Лопе

Из ваших прежних слов я, принц, отлично знаю,
Что я сомненья в вас не должен возбуждать.
Отныне буду я стараться век молчать.

Дон Гарсия

Я говорю тебе, что тайну знать желаю.

Дон Лопе

Я приказаниям отнюдь не возражаю,
Но, принц мой, говорить здесь неудобно мне:
Я в скромности дверей уверен не вполне.
Уйдем отсюда: вы увидите, что тайна
Мне осторожным быть велит необычайно.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Донья Эльвира, Элиза

Донья Эльвира

Элиза, ты меня наверно осудила
За то, что слабость я такую проявила,
Что легкомысленно, с такою быстротой,
Забыв обиды боль и гнев правдивый мой,
Сменила так легко достойное решенье
На малодушное, позорное прощенье?

Элиза

Скажу я, что, когда любимый оскорбит,
Конечно, это нас жестоко тяготит;
Но коль обиды нам не может быть больше,
То мы ее простить готовы тем скорее,
И если избранным неожиданно нам она
В избытке чувств любви была нанесена
И если сильный гнев в душе у нас бушует,
Избранник тем скорей, прощенный, торжествует.
Итак, хоть вам удар обидный нанесен,
Не удивляюсь я, что вами принц прощен.
Свершать жестокий суд над ним не в нашей власти,
И самый сильный гнев всегда уступит страсти.

Донья Эльвира

Ах, знай: как ни сильна к нему моя любовь,
Но краскою стыда я не зардеюсь вновь,

И как ни тяжела была бы мне утрата,
 Но к чувству прежнему не может быть возврата,
 Когда хоть раз еще нарушит клятву он,
 Порывом ревности обидной ослеплен.
 Пойми, что гордый дух несказанно страдает,
 Когда решение свое он изменяет;
 Он часто внутренней, мучительной борьбой
 Стремится подавить желаний страстных рой.
 Элиза, честь свою он выше счастья ценит
 И слову данному вовеки не изменит.
 Итак, по поводу прощенья моего
 Ты не загадывай в грядущем ничего.
 Какие б мне судьба ни нанесла удары,
 Поверь, не буду я принцессою Наварры,
 Пока дон Гарсия не сможет доказать,
 Что впредь не будет он нелепо ревновать
 И что не может быть мне больше опасений
 Вновь испытать хоть тень подобных оскорблений.

Элиза

Ужели ревностью возможно оскорбить?

Донья Эльвира

Но что же более нас может прогневить?
 Ведь сердце женщины в таком волненье бьется,
 Когда оно в любви мужчине признается.
 Ведь этот шаг свершить, ты знаешь, трудно нам, —
 Предаться можем мы свободно лишь мечтам.
 И если женщина решилась на признание,
 То ей не верящий достоин наказанья.
 Возможно ль допустить еще сомненье в том,
 На что решились мы с таким большим трудом?

Элиза

Принцесса, я всегда того держалась мнения,
 Что в недоверье к нам нет вовсе оскорбленья;
 Готова я сказать обратное как раз:

Опасность есть, коль друг уверен слишком в нас.
Ведь...

Донья Эльвира

Прекратим наш спор. Различны наши взгляды.
Иные женщины ревнивцу очень рады,
Но я не такова. Коль Гарсия ревнив,
Я между мной и им предчувствую разрыв,
И как бы он теперь в бою ни отличился...
Но, боже мой, сюда дон Сильвио явился.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Дон Альфонс, донья Эльвира, Элиза

Донья Эльвира

О принц, ужели вас я вижу пред собой?

Дон Альфонс

Принцесса, знаю я, приход не в пору мой;
Не ждали вы, что я, запрет строжайший зная,
Проникну в замок ваш, опасность презирая,
Украдкою войти один сюда решусь
И перед вами здесь внезапно появлюсь.
Но видеть вас хоть миг — безумное желанье
Могло бы превозмочь любое испытанье;
Тяжелый мой удел — в разлуке с вами быть —
Не в силах более я был переносить,
И я не мог сдержатъ мучительных стремлений
Взглянуть еще на вас хоть несколько мгновений.
Я вам пришел сказать о радости моей,
Что здесь вы спасены от вражеских депей;
Что посягнуть на вас тиран уж здесь не может.
Но вместе с тем меня мученье вечно гложет,
Что столь безжалостна была судьба моя,
Что счастья вас спасти — увы! — лишен был я.
Завидный подвиг тот судьба несправедливо

Позволила свершить сопернику счастливо.
 Принцесса, чувства к вам такие ж я хранил,
 Как и соперник мой, — я подвиг бы свершил,
 Как и дон Гарсия, — и вы б свободны были;
 Но небеса — увы! — иначе все решили.

Донья Эльвира

Я знаю, знаю, принц, что вы одарены
 Высокой доблестью героев старины.
 Не сомневаюсь я, что, доблести послушный,
 Вы подвиг совершить могли б великодушный
 И, как соперник ваш, в душе полны огня,
 От вражеских цепей избавили б меня.
 Но все ж к судьбе своей не будьте слишком строгим:
 Стране Кастилии обязана я многим.
 Все знают, как отец ваш верен дружбе был
 И что для короля покойного свершил,
 Как помогал ему во всяком затрудненье;
 У вашего ж отца мой брат нашел спасенье.
 В теченье двадцати тяжелых, долгих лет
 Отец ваш охранял его от горьких бед,
 А ныне, чтоб он стал властитель над странкою,
 На узурпатора идете вы войною.
 Ужель не вижу я в такой великий час,
 Что узы тесные давно связали нас?
 Но, принц, едва ли б вы, сознайтесь, нравы были,
 Когда б во всем служить один мне порешили.
 Ужель, скажите мне, вас может оскорбить,
 Что помощь от других могла я получить?
 Позвольте ж мне, среди столь тяжких испытаний,
 Хранить и для других хоть тень моих признаний;
 Уймите ропот ваш на то, что и другою
 Спасал меня от бед могучею рукой.

Дон Альфонс

Принцесса, я не прав; я вижу слишком ясно,
 Что жалобу мою я высказал напрасно:

Ах, стоит ли твердить, что горе мучит нас,
 Когда есть горшее во много, много раз?
 Хоть помощь от других для вас меня терзает,
 Но не она меня навеки убивает.
 Увы! соперник мой, я вижу, предпочтен,—
 И вот он, тот удар, которым я сражен.
 Да, слишком ясно мне, как вашу душу
 Он прочно завладел сравнительно со мною,
 А счастье, давшее возможность вам служить
 И доблесть всю свою пред вами проявить,
 Блестящим подвигом вам даровав спасенье,
 Есть следствие одно лишь вашего веленья.
 Я верю: есть звезда средь вечной синевы,
 Что славу даст тому, кому хотите: вы.
 Мои ж усилия все — что легкий пар тумана.
 И я веду войска, чтоб растоптать тирана,
 Но сам иду, дрожа, на славный подвиг тот.
 Ах, не меня звезда счастливая ведет,
 Не мне нанести врагам смертельные удары!
 Победный, славный лавр получит принц Наварры.
 Принцесса, неужель мне видеть суждено
 Погибель всех надежд, лелеемых давно?
 Какое я свершил, скажите, преступленье,
 Что заслужил свое жестокое крушенье?

Донья Эльвира

Не спрашивайте, принц, меня теперь о том,
 На что ответ сокрыт в достоинстве моем.
 Холодности моей, что, вижу, вас смущает,
 Ваш голос внутренний ужель не объясняет?
 Ведь, право, сами вы не можете не знать,
 Что ваше прошлое должно мне подсказать;
 Оно известно мне. Мой принц, вы благородны,
 Поступки низкие не могут быть вам сродны;
 Вы сами можете ль, скажите, допустить,
 Чтоб я вам помогла неверность совершить?
 Скажите сами вы, ужель не преступленье,

Раз слово дав другой, мне делать предложенье?
 Ужели может быть вам горек мой отказ?
 Он от неверности спасти желает вас.
 Да, принц мой, первых чувств любви огонь священный
 Пылает с силою такую неизменной,
 Что света божьего должно себя лишить
 Скорее, чем любовь вторую допустить.
 Я чувствую к вам то, — и этого не скрою, —
 Что должно чувствовать к столь славному герою,
 Я уважаю вас. Но вашей быть должна
 Лишь та, что первую, принц, вами избрана.
 Вы изменили ей, и хоть ей это ясно,
 Но все ж попрежнему она вас любит страстно.
 Как вам она верна — вы знаете, и как
 Отвергла ради вас весьма завидный брак,
 Отвергла смело блеск короны лучезарной
 В порыве доблестном. А вы, неблагодарный!
 Какие жертвы ею вам принесены!
 Отдайте же ей то, что вы отдать должны.

Дон Альфонс

Принцесса, знаю я, что в ней достоинств много,
 И за измену ей себя караю строго;
 Но, сознаваясь в том, принцесса, я боюсь,
 Что я и в чувствах к вам спокойствия лишусь.
 О, да! К покинутой я полон сожаленья,
 И к вам любовь моя мне создает мученья:
 Едва я увлекусь о вас моей мечтой,
 Как образ, весь в слезах, встает передо мной,
 И прежняя любовь дзвительным укором
 Является опять перед смятенным взором;
 Но вновь мечты о вас и сила ваших чар
 Наносят в сердце мне мучительный удар.
 Позвольте до конца вам высказать признание:
 Пытался много раз я цепь очарованья
 Навек с души моей решительно сорвать
 И чувству попрежнему во власть себя отдать.

Но тщетны были все старанья и усилья :
 Я опустил мои израненные крылья ;
 Пускай всю жизнь меня гнетет судьба моя —
 Забыть мечту мою о вас не в силах я,
 Не в силах допустить ужасное сознанье,
 Что вами тот другой добьется обладанья.
 Нет ! Если должен ваш свершиться гименей,
 То смерти будет он свидетелем моей.
 Я знаю, как добра, верна моя Иньеса,
 Но в чувствах я моих виновен ли, принцесса ?
 Сраженный вашею пленительной красой,
 Могу ли отвечать я за поступок мой ?
 Ах ! Кто из нас двоих мучительней страдает ?
 В лице моем она изменника теряет :
 Легко утешиться в страдании таком ;
 Но чем утешусь я в несчастии моем ?
 Я верную мою Иньесу покидаю
 И сам себя любви терзаньям обрекаю.

Донья Эльвира

Терзанья сами вы себе изобрели, —
 Вы с чувством справиться по-рыцарски могли ;
 Но слабости своей, как вижу, уступили,
 Про силу разума, про долг ваш позабыли.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Дон Гарсия, донья Эльвира, дон Альфонс

Дон Гарсия

Принцесса, знаю я, приходом в этот зал
 Беседу вашу здесь некстати я прервал ;
 Не думал я никак, — даю вам в этом слово, —
 Что повстречаю здесь я гостя дорогого.

Донья Эльвира

Вы правы, всякого мой гость бы удивил,
 И так же для меня он неожидан был.

Дон Гарсия

Принцесса, верю я, что гостя вы не ждали
И, что он будет к вам, совсем того не знали.

[Дону Альфонсу]

Но, принц мой, вы б должны нам оказать хоть честь,
Прислав заранее нам радостную весть:
Мы вас бы встретили, как это подобает;
Внезапный ваш визит неволью удивляет.

Дон Альфонс

Я знаю, что у вас теперь так много дел,
Что отвлекать от них я вас не захотел.
Среди высоких дум воители не склонны
Отвешивать другим учтивые поклоны.

Дон Гарсия

Зато воители, в достоинстве своем,
Не любят совершать что б ни было тайком
И, видя с детских лет лишь славу пред собою,
Идут на подвиги с поднятой головою;
Лишь чувством доблестным их дух руководим,
Притворства вид один для них недопустим.
И не унизили ль достоинства вы сами,
Пробравшись к нам сюда окольными путями?
Да, я уверен, вам не избежать молвы,
Что недостойно так здесь поступили вы.

Дон Альфонс

Осудят ли мое — не знаю — поведение,
Что тайною облек я это посещение,
Но знаю твердо, принц, что я ни в чем другом,
Что света требует, не поступал тайком;
И жаловаться вам, коль дело вас коснется,
На неожиданность, поверьте, не придется, —
Сумею обо всем я вас предупредить,
И будете вы знать, как должно поступить.

Не будем доводить мы здесь до иступленья
 Наш благородный пыл и принимать решенья:
 Отложим счеы все и спорить погодим,
 Не будем забывать, пред кем мы говорим.

Донья Эльвира [*дону Гарсии*]

Ах, вы не нравы, принц; не надо к посещенью
 Его...

Дон Гарсия

Как! Он у вас нашел благоволение?
 Нет, это слишком! Нет! Вам тоньше похитрить,
 Принцесса, следует, чтоб снова убедить
 Мою доверчивость к вещам необычным, —
 Что дона Сильвио приход к вам был случайным.

Донья Эльвира

Всецело волю вам даю подозревать
 И нужным не сочту что-либо отвергать.

Дон Гарсия

Кончайте же скорей геройское признание.
 К чему послужит здесь, конечно, отрицанье?
 Притворству всякому, принцесса, есть предел.
 Пускай разит меня удар смертельных стрел, —
 Скажите ж истину, оставьте принужденность,
 Скажите, что к нему вы страстную влюбленность
 Питаете в душе, что без него дышать...

Донья Эльвира

Посмеете ли вы любви моей мешать?
 Кто сделал вас судьей души моей влечений?
 Должна ль на них просить у вас я позволений?
 Так знайте — были вы обольщены мечтой,
 Подумав, что у вас права есть надо мной.
 Вы знаете меня, я вижу, слишком мало,
 Раз думать смеете, что правду я скрывала.

Я вам не говорю, что мною принц любим,
 Но то, что нрав его открытый мною чтим;
 Что он как доблестный и благородный воин,
 Быть может, больше вас руки моей достоин,
 Что для меня готов он жертвовать собой,
 За что признательна ему я всей душой;
 И если будет мне запрещено судьбою
 Наградю служить достойному герою,
 То я ему теперь охотно клятву дам,
 Что я принадлежать не буду также вам;
 И, чтоб не тешить вас пустой надеждой снова,
 Без колебаний я даю вам в этом слово.
 Хотели вы, чтоб я правдивою была?
 Я чувства все мои пред вами излила.
 Довольны вы теперь? Иль ваше посрамленье
 Дальнейшего еще желает объясненья?
 Подумайте, — я вам ответ готова дать,
 Чтоб подозрения все ваши разогнать.

[Дону Альфонсу]

А вы, принц, помните, коль вами я ценима,
 Что помощь ваша мне теперь необходима,
 Что ныне лишь от вас зависит жребий мой,
 А на причудника махните вы рукой, —
 Не слушайте его угроз и беснованья.
 Я вас прошу о том. Покамест до свиданья.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Дон Гарсия, дон Альфонс

Дон Гарсия

Вы возвеличены признанием таким
 И уиваетесь смущением моим.
 Вам все смеется здесь. Успех ваш непреложен;
 Победу празднуйте. Соперник уничтожен.
 Приятней, кажется, нет в мире ничего:
 Соперник ваш был сам свидетелем всего.

Ведь то, что недруг ваш внезапно стал опальным,
 Послужит ныне вам трофеем триумфальным ;
 Блистательный успех достался вам легко ;
 Но знайте, что еще до цели далеко,
 И бешенство во мне не вздорное таится,
 И нечто страшное, быть может, совершится.
 Порыв отчаянья кипит в моей крови.
 Не подлежит суду обманутый в любви.
 И коль изменница при мне вам обещала
 Не быть вовек моей, то знайте — есть немало
 Средств у меня к тому, чтоб также помешать
 Клятвопреступнице и вам принадлежать.

Дон Альфонс

Угрозою своей меня вы не смутите.
 Вперед предсказывать, прошу вас, погодите ;
 Ведь каждый за себя при случае из нас
 Сумеет постоять, когда настанет час.
 Но так как, принц, в пылу мучительных волнений
 Соперникам легко дойти до оскорблений, —
 А я бы этого меж нами не желал, —
 Чтоб слишком резкий спор сейчас не воспылал, —
 С усердной просьбой к вам позвольте обратиться :
 Возможность дайте мне отсюда удалиться.

Дон Гарсия

Не бойтесь, принц, никто здесь не принудит вас
 Нарушить данный вам здесь только что приказ.
 А гнев правдивый мой, как он ни пламенеет,
 Все ж выбрать для себя удобный час сумеет.
 Проход свободен вам ; спешите же уйти,
 Спешите ваш венец победный унести ;
 Но знайте, прежде чем вам счастье улыбнется,
 Вам, принц, через мой труп перешагнуть придется.

Дон Альфонс

К услугам вашим я. Когда настанет час,
 Судьба решит наш спор, и меч рассудит нас.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Донья Эльвира, дон Альвар

Донья Эльвира

Идите, дон Альвар, оставьте попеченье.
Я не могу забыть такое оскорбленье.
Стараясь рану мне словами исцелить,
Вы можете ее лишь больше растравить.
Мольбы его давно мне слушать надоело;
Нет, гневу моему отныне нет предела.
Раскаяньем меня не может он смягчить,
Прощенья никогда ему не получить.

Дон Альвар

Принцесса, сжаьтесь же! Едва ли кто на свете
Раскаивался так, как он в минуты эти.
Когда б вы видели страдания его,
То не лишили бы прощенья своего.
В его года — порыв страстей, порыв волнений
Не может места дать для здравых рассуждений.
В нем так бушует кровь; невольно в страсти он
Порыву первому бывает подчинен.
Дон Лопе, нахватав повсюду слухов ложных,
Все передал ему в словах неосторожных.
И смутная молва, столь быстрая во всем,
Узнав, что к вам придет дон Сильвио тайком,
Твердила, что и вы весьма к тому причастны

И видеть Сильвио заведомо согласны.
 Молве поверил принц и, вестью поражен,
 Всю эту ложную тревогу поднял он.
 Но затемненный ум в нем скоро прояснился,
 Он в роковой своей ошибке убедился;
 Дон Лопе удален, — что ясно говорит,
 Насколько дух его раскаянье томит.

Донья Эльвира

Ах, слишком он легко меняет убежденья.
 Как мог он быстро так забыть все подозренья?
 Скажите же ему, пусть взвесит все сполна
 И дело, не спеша, исследует до дна.

Дон Альвар

Он слишком хорошо...

Донья Эльвира

Прошу вас, ради бога,
 Не будем говорить об этом слишком много.
 Я этим буду лишь сильнее огорчена.
 Сейчас и без того я вся потрясена:
 Не знаю, что с моей графинею случилось.
 Ужасный ходит слух, что будто отравилась,
 И эта мысль меня так тягостно гнетет,
 Что мне теперь совсем не до других забот.

Дон Альвар

Быть может, ложный слух волнует вас глубоко,
 Но принца поражу ответом я жестоко.

Донья Эльвира

Ах, как бы удручен отказом он ни был,
 Поверьте, что еще он больше заслужил.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Донья Эльвира, Элиза

Элиза

Ах, наконец-то он ушел от вас, принцесса!
 Спешу вам сообщить, что, кажется, Иньеса
 Отнюдь не умерла. О, наконец вздохнуть
 Свободней может вновь, надеюсь, ваша грудь!
 Какой-то человек здесь просит разрешенья,
 Чтоб лично передать вам это сообщение.

Донья Эльвира

Пускай скорей войдет. Позвать сюда его!

Элиза

Он видеть, кроме вас, не хочет никого
 И через вестника вас просит чрезвычайно,
 Чтобы его приход для всех остался тайной.

Донья Эльвира

Мы так и сделаем. Сама я дам приказ,
 Чтобы никто не смел здесь беспокоить нас.
 А ты веди его ко мне без замедленья.
 О боже, что за весть? Какое нетерпенье!

[Уходит]

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Дон Педро, Элиза

Элиза

Вы посланный?

Дон Педро

Да, я к услугам вашим весь.

Элиза

А где ваш господин?

Дон Педро

Он недалеко здесь:

Прикажете позвать?

Элиза

Скорее позовите

Его сюда ко мне; притом ему скажите,
Чтоб не боялся он; здесь посторонних нет.

[Уходит дон Педро]

Что за таинственный принес он нам секрет,
Что тайною такой себя он окружает?
Однако, вот он сам.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Элиза, донья Иньеса [*переодетая мужчиной*]

Элиза

Сеньор, вас ожидает

Принцесса. Боже мой! не верю я глазам!

Донья Иньеса

Молчите, милая Элиза, что я к вам
Сюда явилась. Здесь надеюсь я укрыться.
Лишь мертвой притворясь, могла освободиться
Я от насилия родителей моих, —
Тиранами назвать могу я смело их.
Готова я была и смертью непритворной
Тот брак мой отвратить, ужасный и позорный:
Элиза, я прошу у вас меня укрыть;
Но тайну ото всех должны вы сохранить,
Чтоб чувствовать могла себя я безопасной
От злых моих врагов и участи ужасной.

Элиза

О, восклицанием не выдала я вас, —
Никто, поверьте мне, не мог подслушать нас.

Мой бог, в какой восторг придет моя принцесса,
Увидя, что жива, что здесь ее Иньеса!
Пожалуйте скорей! Принцесса там одна,
И тайна будет мной вполне сохранена.

(Уходит Иньеса)

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

Дон Альвар, Элиза

Элиза

Зачем вы здесь?

Дон Альвар

Мой принц меня к вам посылает
И помощи от вас, Элиза, ожидает,
Свиданья для него добиться вы должны,
Иначе дни его, быть может, сочтены:
Он как помешанный. Но вот он...

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Дон Гарсия, дон Альвар, Элиза

Дон Гарсия

Ради бога,
Ах, сжапись надо мной, Элиза, хоть немного!
Ты видишь, я совсем убит моей тоской!
О, как несчастен я! Ах, сжапись надо мной!

Элиза

На месте бы моей принцессы я смотрела
Иначе на ваш пыл. Но с нею мы всецело
Расходимся всегда во взглядах на любовь,
И в споре из-за вас случилось это вновь.

Но если вас она за ревность порицает
 И ревность так ее жестоко возмущает,
 На месте вашем я всегда б старалась быть
 Угодным ей во всем и ревность позабыть.
 Влюбленный совершит безумнейший поступок,
 Коль для возлюбленной не сделает уступок.
 Они ценней, мой принц, чем тысячи услуг,
 Коль видишь, что с тобой во всем согласен друг,
 Что сердце в нем горит таким же чувством тоже,
 Ничто не мило так, как то, что с нами схоже.

Дон Гарсия

Я знаю, но — увы! — как ревность ни гоню,
 Мне случай роковой готовит западню,
 И дух мой, несмотря на все его старанья,
 Не в силах побороть такого испытанья.
 Не то, что чувств моих Эльвира не ценя,
 Перед соперником отвергнула меня
 И, обратясь к нему с своею речью нежной,
 Наполнила меня вновь ревностью мятежной, —
 Не то меня гнетет. Я снести бы это мог.
 Но горе в том, что сам я дал к тому предлог,
 В горячности своей забывшись на мгновенье,
 И сам нанес моей Эльвире оскорбленье.
 Хочу прощенья теперь просить у ней
 И этим снять навеки пятно с души моей.
 И если ждет меня жестокая утрата, —
 Пусть будет в том одна Эльвира виновата.

Элиза

Чтоб хоть немного гнев ее улечься мог,
 Вам выждать надо, принц; она полна тревог...

Дон Гарсия

Нет, нет, не в силах я откладывать свиданье!
 Ах, сделай для меня хотя б из состраданья!
 Я не уйду, пока прощенья не добьюсь.

Элиза

Ах, погодите же; не время, принц, клянусь.

Дон Гарсия

Нет, нет, не удручай отказом столь суровым.

Элиза [*в сторону*]

Ах, надо, чтоб она своим всеильным словом
Упрямого, взялась отсюда удалить.

[*Дону Гарсии*]

Ну, хорошо мой принц, пойду я доложить.

Дон Гарсия

Скажи ей, что теперь навеки прогнан мною
Тот, кто обиде той был истинной виною,
Что дона Лопе нет...

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Дон Гарсия, дон Альвар

Дон Гарсия [*смотрит в дверь, которую Элиза оставила
полуоткрытой*]

Что вижу! Боже мой!

Действительность иль сон все это предо мной??

Иль брежу наяву и вижу привиденья?

Так вот он где, венец смертельного мученья,

Удар, которым я навек теперь еражен!

Недаром часто так я был в душе смущен

Предчувствием беды и тьмою подозрений, —

Все это был лишь ряд судьбы предупреждений.

Дон Альвар

Мой принц, что вас могло так сильно огорчить?

Дон Гарсия

Я видел то, чего не в силах объяснить.

Когда б передо мной весь свет преобразился,

То я и этому не так бы изумился.
Конец... Жестокий рок... Сказать не в силах я...

Дон Альвар

Мой принц, мой добрый принц, придите же в себя.

Дон Гарсия

Проклятье!.. Видел я...

Дон Альвар

О принц мой, вы в припадке..

Дон Гарсия

Я умереть готов. Теперь конец загадке.

Дон Альвар

Но что ж такое там?

Дон Гарсия

Погибло все, Альвар.

Я предан, я убит, — неслыханный удар!
Мужчину там... нет сил... мне голос изменяет...
Мужчину, дон Альвар, Эльвира обнимает.

Дон Альвар

Мой принц, не может быть, ручаюсь в этом вам!

Дон Гарсия

Ах, что ты говоришь, когда я видел сам?
Оставь... Тебе ль, Альвар, так низко лицемерить?
Скажи, могу ли я глазам моим не верить?

Дон Альвар

Мой принц, вы сильно так теперь возбуждены,
Что можете легко в обман быть введены.

Ужели допустить возможность поцелуя
Открыто так?

Дон Гарсия

Альвар, оставь меня, прошу я:
Не место здесь взывать к холодному уму;
Я отдаюсь вполне лишь чувству моему.

Дон Альвар [*с сторону*]

Нет, говорить мне с ним, я вижу, невозможно.

Дон Гарсия

О, как я оскорблен постыдно и безбожно!
Но кем, хочу я знать! Я собственной рукой...
Но вот она сама. Сдержу ли гнев я свой?

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Донья Эльвира, дон Гарсия, дон Альвар

Донья Эльвира

Что вам угодно здесь? Скажите, неужели
Вы снова на глаза явиться мне посмели
С надеждой от меня прощенье услышать?
Что вы осмелитесь еще мне здесь сказать?

Дон Гарсия

Скажу: хоть много зла здесь, на земле, таится, —
Ничто с предательством, как ваше, не сравнится.
Ни небо, ни земля, ни даже самый ад
Такого демона, как вы, не сотворят.

Донья Эльвира

Ах, вот как, милый принц? Недурно для начала!
Признаться, я от вас много ожидала.

Дон Гарсия

О, да! Не ждали вы никак, что я сейчас
 Любовника открыл в объятиях у вас?
 Что я благодаря дверям полуоткрытым
 Свидетелем был сам лобзаньям ядовитым?
 Уж не соперник ли счастливый с вами вновь?
 Иль это новая, неожиданная любовь?
 О небо, дай мне сил — иначе не снесу я
 Позор бесстыдного такого поцелуя!
 Краснейте же скорей! Ужель в вас нет стыда?
 Ведь маска сорвана с измены навсегда.
 Так вот что значили души моей волненья!
 Недаром так меня терзали подозренья!
 Вы называли их позорными, но я
 Был прав, предчувствие в душе моей тая,
 И, несмотря на сеть всех ваших ухищрений,
 Подсказывал беду мне верно добрый гений.
 Но знайте, если я так вами оскорблен,
 Поступок низкий ваш мной будет огомщен.
 Я знаю, что любовь не терпит приквждений,
 Вы выбирать вольны предмет своих влечений, —
 Насильно никогда не станешь сердцу мил.
 Да. Я бы вас за то отнюдь не осудил,
 Когда бы вы во всем признались мне открыто,
 Что волею судеб любовь ко мне забыта, —
 Как ни был бы душе удар такой жесток,
 Я мог бы проклинать лишь мой злосчастный рок.
 Но нет! Передо мной коварная измена,
 Вы мучили меня, как злобная сирена;
 Но за обман такой не буду я в долгу,
 Я гневу моему позволить все могу.
 Нет, нет, всё кончено! Я отомстить сумею.
 Я полон ярости. Собой я не владею.
 О, как поруган я, — обман со всех сторон!
 Но надо, чтоб я был достойно отомщен.
 Я все испепелю и — бешеная злоба,
 Отмстив, мне самому откроет двери гроба.

Донья Эльвира

Достаточно ль теперь наслушалась вас я?
Нельзя ли, чтоб пришла и очередь моя?

Дон Гарсия

Но что вы можете на это все ответить?

Донья Эльвира

Коль вы имеете еще мне что заметить,
Готова слушать я и дальше. Если ж нет,
То ваша очередь прослушать мой ответ,
Как мне ни тяжелы все эти объясненья.

Дон Гарсия

Ну, что ж? Я слушаю. О боже, дай терпенья!

Донья Эльвира

Я подавляю гнев: язвить вас не хочу,
За бешеную речь спокойно отдачу.

Дон Гарсия

Да, так как видите...

Донья Эльвира

Позвольте! Я готова
Была вас выслушать; теперь за мною слово.
Дивлюсь я случаю, дивлюсь моей судьбе:
Представить ничего я не могу себе,
Что было б дико так и так непостижимо
И более всего рассудку нестерпимо.
Тот, кто мне говорит, что и в меня влюблен,
Лишь травлею моей всецело поглощен.
Он сыплет на словах в любви мне уверенья,
На деле ж — нет ко мне ни капли уваженья;
В том сердце, что зажег так пламенно мой взор,
Во всем встречаю я себе один укор;

Ко мне доверия и искры нет ничтожной,
 Чтоб защитить меня от клеветы безбожной.
 Да, вижу...

[Дон Гарсия порывается что-то сказать]

Я себя не дам перебивать.
 Да, вижу, что судьбой дано мне испытать,
 Как сердце, полное любви ко мне, не только
 Ни слову моему не верило нисколько,
 Не только от клевет мне не было щитом,
 Но что оно и есть мой злейший враг во всем.
 Довольно случая ничтожного значенья,
 Чтоб тотчас у него явились подозренья.
 Но мало этого: чтоб злобно их излить,
 Оно меня тотчас готово оскорбить.
 Но где же здесь любовь, которая лелеет
 Свою избранницу и разве что посмеет
 Ей с осторожностью великой намекнуть
 На все сомнения, терзающие грудь?
 Меж тем безумье в вас дошло до иступленья:
 Все эти бешенства, проклятья, оскорбленья...
 Но я на этот раз хочу глаза закрыть
 На все, что так меня должно бы рассердить;
 Я дать возможность вам хочу, чтобы могли вы
 Загладить ваши все безумные порывы.
 Я выслушала их с терпеньем потому,
 Что случай редкостный причиной был всему;
 Напрасно было бы объятий отрицанье,
 И волноваться вы имели основанье.

Дон Гарсия

Ужель...

Донья Эльвира

Прошу еще вниманья я у вас;
 Мое решение вы узнаете тотчас.
 Я положу конец всей счуте бесполезной.

Так знайте — вы теперь находитесь над бездной;
Предоставляю вам всецело я во власть
От бездны той спастись или в нее упасть:
Коль несмотря на то, что вас теперь смутило,
Исполнить долг любви у вас найдется сила,
Коль вы поверите лишь слову моему,
Не требуя в ответ — что, как и почему? —
Ни доказательства, ни лишних оправданий,
Признав нелепость всех сомнений и страданий,
Коль подозренье вы отвергнете свое,
Поверив слепо мне лишь на слово мое, —
То эта дань любви, доверья, уваженья
Изгладит тотчас же все ваши преступленья,
И я готова взять назад, не помня зла,
Все то, что против вас в пылу произнесла.
Вы все исправите покорностью такою,
И если мне дано владеть моею судьбою
И тем не оскорбить ни род, ни честь мою —
То я и руку вам и сердце отдаю.
Но если — здесь прошу особого вниманья! —
Но если, несмотря на это обещанье,
Вы, принц, откажетесь довериться вполне,
Все подозрения принеши в жертву мне;
Но если мало, принц, вам будет уверенья,
В котором — честь моя, честь моего рожденья;
Но если будет все ж сомненье вас язвить,
И, чтоб в невинности моей вас убедить,
Дерзните вы меня решительно заставить
Вам доказательство бесспорное представить, —
Охотно тотчас же его представлю вам,
Но знайте, что тогда конец и всем мечтам,
И с той минуты я вас более не знаю.
В свидетели мои я небо призываю,
Что как бы ни была грустна судьба моя, —
Чем вам принадлежать, скорей погибну я.
Итак, я два пути открыла перед вами;
Который вам избрать — теперь решайте сами.

Дон Гарсия

О небо! Никогда не видел мир земной
 Ни лжи искуснее, ни хитрости такой!
 Клянусь, таких коварств не выдумать и аду,
 И в сердце смертного не влить такого яду!
 Возможно ль что нибудь еще изобрести,
 Чтоб, одурачив нас, лукавей провести?
 О, как сумели вы связать, подобно змею,
 Меня же самого любовию моею!
 Как ловко создали защиту пред собой
 Из этой же любви, безумной, роковой!
 Улика налицо, — и нет вам извиненья.
 Чтоб вывернуться, вы пошли на ухищренья:
 Вы время выгадать хотите, — потому
 И снисходительны так к гневу моему;
 Вы трудным выбором меня смутить хотите,
 Чем от любовника удар мой отвратите.
 Вы ловкий изворот сумели изыскать:
 Раз доказательств вы не можете мне дать. —
 Прикинувшись самой невинностью умело,
 Вы разъясненье мне готовы дать всецело
 Лишь на условиях, которые принять
 Я не решусь никак, — могли вы полагать.
 Но вы ошиблись, да! Без всяких отлагательств
 Я требую от вас бесспорных доказательств.
 Какое чудо здесь еще поможет вам
 Отвергнуть то, чему свидетель был я сам?

Донья Эльвира

Чем это требовать, подумайте-ка прежде:
 Иначе вы должны сказать «прости» надежде.

Дон Гарсия

Согласен я на все. Пусть так. В подобный миг
 Надежд не может быть. Я вас вполне постиг.

Донья Эльвира

Как вы раскаетесь сейчас в своем решенье!

Дон Гарсия

Нет, нет! Вы выиграть хотите в промедление.
 Напрасно вы порыв смутить хотите мой.
 Нет, кто-то скоро здесь раскается другой.
 Нет, вам от слов моих отказа не добиться, —
 Преступник должен мне здесь жизнью поплатиться.

Донья Эльвира

Довольно. Кончено. Мне совестно самой
 С моей напрасною и глупой добротой.
 Безумью своему предела он не знает.
 Погибнуть хочет он — так пусть же погибает!
 Элиза...

[Дону Гарсии]

Вы меня решились принуждать,
 Но вы узнаете, что значит оскорблять.

[Входит Элиза]

Пришельца милого сюда мне позовите;
 Что очень я прошу, что нужно мне — скажите.

Дон Гарсия

И я...

Донья Эльвира

Вы будете удовлетворены.

Элиза (*в сторону, уходя*)

Вновь, видно, воевать с ревнивцем мы должны.

Донья Эльвира

Желаю вам, чтоб вы, порывом оьяненный,
 До самого конца остались непреклонны.
 Но твердо помните, какую вы ценой
 Увидите секрет раскрытым пред собой.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Дон Гарсия, донья Эльвира, донья Иньеса, дон Альвар,
Элиза

Донья Эльвира (*дону Гарсии, указывая ему
на донью Иньесу*)

Вот происшествие простое объяснение.
Вот что повергло вас в такое возбуждение.
Вот он, соперник ваш; глядите же сюда:
Вы в нем узнаете Иньесу без труда.

Дон Гарсия

Мой бог!

Донья Эльвира

Но если взор ваш в гневе помутился
И лица узнавать способности лишился,
То можете спросить об этом у других,
Чтоб не было у вас сомнений никаких.
Уловкой хитрою была ее кончина;
Чтобы спастись сюда от козней властелина,
Пришлось себя в костюм мужчины нарядить
И всюду ложный слух о смерти распусть.

[*Донья Иньесе*]

Прошу, простите мне, графиня дорогая,
Что вызвала я вас, секрет ваш нарушая;
Невольно я к тому была принуждена,
От клеветы себя я защитить должна.
Меня преследует во всем он без изъятия.
Представьте: увидав сердечные объятья,
Которым в радости предались вы со мной,
Ревнивец оскорбил меня упреков тьмой.

[*Дону Гарсии*]

Да, вот он; тот предмет души моей влечений,
Который мне навлек так много оскорблений.
Принц, торжествуйте же, — не скрыто ничего.
Как истый властелин, добились вы всего.

Но знайте, никогда не будет мной забыто,
 Как вы здесь честь мою позорили открыто.
 И, если клятву я мою решусь забыть
 И оскорбителя когда-нибудь простить, —
 Пусть небеса за то пошлют мне наказание,
 Пусть гром меня убьет за это оправданье.

[*Донье Иньесе*]

Графиня, поскорей уйдем отсюда прочь ;
 Я отвращения не в силах превозмочь
 К чудовищу тому, безумному во злобе.
 От бешенства его скорей спасемся обе
 И будем небеса усерднее молить,
 Чтоб от него навек себя освободить.

Донья Иньеса [*доку Гарсии*]

Такою резкостью, — сам бог тому свидетель, —
 Вы оскорбили, принц, жестоко добродетель.

[*Уходит с доньей Эльвирой*]

Дон Гарсия

О боже! Что я, где? Зачем я не убит?
 Смертельный ужас мне все чувства ледянит.
 Кто мог бы ожидать такого совпадения?
 О боже, как меня терзают угрызенья!
 Ты прав, ты прав, Альвар. Но снова злобный ад
 Безумной ревности мне вприснул в сердце яд.
 Да, грозный рок хотел, чтоб снова я терзался
 И сам себе врагом лютейшим оказался.
 К чему, скажи, Альвар, мне пылко так любить.
 Как никогда никто не мог вообразить,
 Когда любовь моя так глупо поступает,
 Что ненависть одну ко мне лишь возбуждает?
 Да, должен искупить я смертью своей
 Те оскорбления, что причинил я ей.
 Могу ль теперь спастись от гнева укорины?
 Мной все потеряно — и нет мне цели в жизни.

Коль не видать вовек мне свет ее очей,
Расстаться мне легко и с жизнью моей.

Дон Альвар

Но, принц...

Дон Гарсия

Нет, дон Альвар, мне смерть необходима:
Моя печаль теперь ничем не утолима.
Умру я, — таково решение мое,
Но подвиг совершив блестящий для нее.
Хочу покинуть жизнь постылую со славой,
Чтоб в блеске увенчал меня мой лавр кровавый;
Хочу я, за нее сражаясь, умереть
И смертью верность ей мою запечатлеть.
Пусть скажет обо мне хоть с тенью сожалений:
«Его любовь была виною оскорблений».
Пусть от моей руки погибнет Маурегат,
И клики в честь мою повсюду прозвучат.
Хочу предупредить соперника желанье
И раньше совершить тирана наказанье,
И сладко будет мне в час смерти сознавать, —
Что уж сопернику той славы не видать.

Дон Альвар

Такого подвига блестящего свершенье
Загладит, верьте мне, принцессы оскорбленье;
Но постарайтесь, принц...

Дон Гарсия

Идем исполнить долг,
Пока отчаянья порыв во мне не смолк.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Дон Альвар, Элиза

Дон Альвар

Никто не ожидал, чтоб это так случилось:
Как гром, известие печальное явилось.
Он только что решил, в отчаянье своем,
Низвергнуть в прах врага карающим мечом,
Стремился всей душой на этот пир кровавый
И жаждал для себя величественной славы,
Чтоб этим подвигом прощенье заслужить, —
Отнюдь соперника к тому не допустить.
Он с войском на врага уж неся ураганом,
Как вдруг услышал весть: победу над тираном,
Которую себе он страстно так желал,
Соперник только что блестяще одержал,
Заставил преданных тирану удалиться
И тем возможность дал Альфонсу появиться,
Который вновь во власть получит свой народ
И в замок за сестрой своей сюда придет.
Затем уж слух прошел везде, что в награжденье
За подвига того блестящее свершенье,
За то, что власть ему теперь возвращена,
Эльвира будет им герою отдана.

Элиза

Принцесса, дон Альвар, давно все это знает.
Король дон Луис сам в письме к ней возвещает,

Что ныне весь Леон — вельможи и народ —
Альфонса и ее к себе с восторгом ждет
И что, отпраздновав день славного возврата,
Она супруга там из рук получит брата.
Из этих слухов всех нетрудно заключить,
Что ей дон Сильвио женой придется быть.

Дон Альвар

Для принца моего удар...

Элиза

Такого свойства,
Что чувствуешь в душе невольно беспокойство.
Но к оскорбителю, однако, интерес,
Насколько знаю я, в Эльвире не исчез.
Меня на первый взгляд немного удивило,
Что радости она совсем не проявила,
Ни прочитав письмо, ни услышав молву.

[Уходит дон Альвар]

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Донья Эльвира, Элиза, донья Иньеса [передает *мужчиной*],
дон Альвар

Донья Эльвира

Скажите, дон Альвар, что принца я зову.

[Донье Иньесе]

Простите, что при вас, графиня дорогая,
С ним о событии поговорить должна я;
Да не послужит мне великою виной,
Что вдруг смягчилась я: теперь, узнав, какой
Постиг его удар, — смягчиться гнев обязан;
Ведь он и без меня достаточно наказан.

Что я должна б свершить, мой гнев в душе храня,
 Все то сама судьба свершила за меня.
 Мысль, что он честь мою пятнал, меня терзала
 И чуждой быть ему навеки заставляла,
 Но ныне, раз его так злобно мучит рок,
 Я вижу, что мой суд был слишком бы жесток.
 А злой запрет судьбы на все его моления
 Дает к его вине возможность снисхожденья;
 Да, слишком я за все уже отомщена,
 И гнев переменить на милость я должна.
 Я признаюсь, мне жаль такого несчастливца,
 И я утешу здесь прощенного ревнивца,
 Уверенная в том, что беспримерный пыл
 Его любви ко мне прощенье заслужил.

Донья Иньеса

Принцесса, было бы совсем несправедливо
 Вас упрекать за то, что вы не горделиво
 Оноситесь к нему, в душе его любя.
 Но вот он. Не похож от горя на себя.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Дон Гарсия, донья Эльвира, донья Иньеса [*переводитая
 мужчиной*], Элиза

Дон Гарсия

Принцесса, как дерзну пред вами появиться?
 Увидев вновь меня, как вам не рассердиться?

Донья Эльвира

О гневе, принц, теперь не станем говорить:
 Ваш жребий мог его на милость изменить.
 Да, зная ваш удел, вас стало жаль Эльвире, —
 Я больше не сержусь, мы с вами снова в мире.

Да, несмотря на то, что ваш любовный жар
 Вполне заслуженно несет небес удар,
 Что яростный порыв столь низких подозрений
 Мне только что нанес так много оскорблений, —
 Я все ж признаюсь вам, что мне вас очень жаль;
 Мне даже весть побед лишь принесла печаль,
 И я возмущена, что, подвиг награждая,
 Здесь в жертву принести любовь мою должна я.
 Я счастлива была б то время воскресить,
 Когда лишь мой отказ мешал мне вашей быть.
 Но вам известно, принц, насколько в нашей доле
 Обязанность стране нас держит всех в неволе,
 Что следовать тому, что мне прикажет брат, —
 Огньне мой король, — мне небеса велят.
 Так подчинитесь, принц, вы этому велению,
 Которому и я подвластна по рождению.
 Сочувствие мое должно вам облегчить
 Все горести любви отважно пережить.
 Мой принц, вы не должны могучей вашей властью
 Противодействовать грозящему несчастью.
 Да, недостойным вас явился б ваш порыв,
 Когда б вы взяли меч, свой долг прямой забыв.
 Да, вы проявите, смирясь перед судьбою,
 Лишь мужество души покорностью такую.
 Не замышляйте же, прошу вас, ничего,
 Откройте вход в страну для брата моего.
 Позвольте, чтобы я для брата то свершила,
 Что в горести моей свершить я порешила.
 Быть может, долг свершив, узнаем, что наш рок
 Не столь, как вы себе рисуете, жесток.

Дон Гарсия

Смягчая мне удар, назначенный судьбою,
 Вы отнеслись ко мне с великой добротой.
 Принцесса, вы б могли и без таких забот
 Обрушить на меня моей судьбины гнет.
 Возможно ль, чтоб я вам в чем-либо прекословил?

Я сам себе удел мой тяжкий уготовил,
И как бы тяжело я ни должен был страдать,
Я права сам себя лишил на то роптать.
Ужели сознавать мой долг я не сумею?
Ужель на что-нибудь я сетовать посмею?
Моя любовь была виновна столько раз.
Что делала она? Лишь оскорбляла вас.
И вот, когда, горя любовью без предела,
Рука моя мечом вам послужить хотела, —
Звезда моя зашла, померк мой небосклон,
И я соперником во всем предупрежден.
Что может ждать теперь вам опостылый воин?
Готовящейся мне я участи достоин.
Покорно жду ее, не смея помышлять,
Чтоб от нее меня вы стали защищать.
Да, должен я теперь от этих всех мучений
Найти во мне самом возможность исцелений
И, смертью моей прервав страданий нить,
Себя от мук моих навек освободить.
Да, скоро дон Альфонс и мой соперник вместе
Появятся сюда: о них уж слышны вести;
Получит скоро он, примчавшись на крылах,
Награду за врага, низверженного в прах.
Не бойтесь, что они, войдя в мои владенья,
Здесь могут повстречать себе сопротивление,
Хотя нет подвига, который бы свершить
Здесь не решился я, лишь вас бы сохранить.
Но нет, не мне — увы! — венец любви и славы,
Не мне спешить теперь на подвиг величавый.
Нет, не посмею я и в мыслях посягнуть
Быть неудобным вам хотя бы в чем-нибудь.
Я здесь свободу вам во всем предоставляю
И двери города широко открываю
Перед соперником увенчанным моим,
Сраженный навсегда ударом роковым.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Донья Эльвира, донья Иньеса [*перодеятая мужчиной*], Элиза

Донья Эльвира (*Иньесе*)

Не ставьте мне в вину, средь ваших треволнений,
 Причину всех моих жестоких огорчений.
 Графиня милая, вам от души скажу,
 Что более любви я дружбой дорожу
 И принимаю в вас живейшее участие;
 И если жалеюсь я на мое несчастье,
 То только потому, что мне злой рок судил
 Причиной быть тому, что друг вам изменил,
 Что стала я теперь нежданно виною
 Любви ко мне того, кто вашим был душою.

Донья Иньеса

Ах, мне ль вас осуждать, так искренне любя?
 Я в том могу винить лишь самое себя.
 И если небом мне дано красы столь мало,
 Что донна Сильвио она не удержала, —
 Что лучше не могло ничто смягчить удар,
 Как то, что сила здесь сказалась ваших чар.
 Из-за измены той краснеть мне не придется, —
 Ведь всякий красотой, как ваша, увлечется.
 Душа моя теперь лишь об одном грустит —
 Что вам самой та страсть столь сердце тяготит.
 И я, поверьте мне, себя винить готова,
 Что красотой своей я неспособна снова
 К себе дон Сильвио попрежнему привлечь,
 Чтоб от непрошенной любви вас уберечь.

Донья Эльвира

Графиня, вам в одном лишь нужно оправданье:
 Зачем хранили вы столь долгое молчанье?
 Когда бы тайну знать мне раньше, — может быть,
 Могла бы я легко несчастье устранить.

Я с первых бы шагов холодностью моею
 Разрушила его преступную затею,
 И он бы ощутил...

Донья Иньеса
 Принцесса, вот он сам.

Донья Эльвира
 Неузнанною здесь остаться можно вам
 И, подавивши гнет мучительных страданий,
 Свидетельницей быть моих ему признаний.

Донья Иньеса
 Волнение затаив, охотно остаюсь,
 Хотя бы так никто не сделал, сознаюсь.

Донья Эльвира
 Я речь мою с ним так вести теперь готова,
 Что не услышите обидного вам слова.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Дон Альфонс, донья Эльвира, донья Иньеса [*переодетая мужчиной*]

Донья Эльвира
 Позвольте, прежде чем вам речь свою начать,
 Мне несколько вам слов, дон Сильвио, сказать.
 Благодаря молве про подвиг ваш чудесный,
 Свершенный только что, нам все уже известно,
 И я приветствую со всеми здесь сто крат
 Такой блистательный и быстрый результат.
 За то, что вы врага низвергли без пощады,
 Не может быть для вас достаточной награды,
 И брат обязан мой всем подвигу тому,
 Который трон отца вернул теперь ему.
 Но, как бы ни был вам мой брат за все обязан, —

Прошу вас, чтобы тем мой выбор не был связан.
 Чтоб подвиг славный ваш достойно завершить,
 Великодушные должны вы проявить.
 Ужель допустите, — мои влечения зная,
 Но ими мне во вред теперь пренебрегая, —
 Чтобы мой брат, король, едва вступив на трон,
 Уж принуждать меня в любви был обречен?
 Наградю иной Леон располагает,
 Которою вас, принц, достойно увенчает.
 Ужели подвиг тем возможно увенчать,
 Чтоб сердце чуждое в награду вам отдать?
 Ужель довольным быть собою вы б сумели,
 Коль сердцем женщины насильно б завладели?
 О, счастья в этом нет, кто искренне влюблен, —
 Победою такой лишь будет огорчен.
 И не потерпит он, чтоб дань происхожденью
 Нас подвергала здесь такому униженью.
 Кто искренне влюблен, не может тот хотеть
 На свой предмет любви как на рабу смотреть.
 Не думайте, что вас так сердце отвергает
 Затем, что отданным другому быть желает;
 О, нет, мой славный принц, вам слово я даю,
 Что волю никому не подчиню мою,
 Что в дальний монастырь укрыться я готова...

Дон Альфонс

Принцесса, дайте мне сказать вам два лишь слова —
 И тотчас же они все это устранят,
 Что ваши мне уста в волненье говорят.
 Я знаю, что у всех явилось убежденье,
 Что мне принадлежит тирана низвержение;
 А между тем, не я, — народ восставший сам,
 Душой своею вияв дон Луиса речам,
 Блистательно во прах тирана низвергает,
 Молва ж толпы меня героем называет.
 Но, повторяю я, не мной убит тиран.
 Ведь делу этому такой оттенок дан

Во всем стараньями дон Луиса благими, —
Он вдохновил толпу призывами своими
И, призывая в бой, — чтоб пыл ее возрос, —
Ей имя там мое умело произнес.
Да, все стараньями дон Луиса свершилось;
Но вместе тайна мне великая открылась.
Я ею изумлен несказанно: сейчас
Ее вам сообщу, чем изумлю и вас.
Вы ждете брата здесь, и ждет его корона;
Взгляните ж, я ваш брат, наследник я Леона!
Да, я и есть Альфонс, — Леон мне колыбель! —
Воспитан я как принц Кастилии доселе,
Благодаря тому, что и ее властитель
И доблестный король, покойный наш родитель,
Друг другу искренне здесь были преданы;
Все доказательства тому сохранены
В руках дон Луиса, и он спешит за мною
Правдивость слов моих поведать пред странюю.
Но полон я теперь совсем иных забот:
Не эта весть меня, сестра моя, гнетет;
Меня не мучает нежданная утрата,
Любовник у меня не отрицает брата;
Мой пыл безропотно про тайну ту узнал,
И из влюбленного я верным братом стал,
И вмиг уз родственных делительная сила
От ныла моего меня освободила.
Теперь, полна огня, во мне воскресла вновь
Моя давнишняя и первая любовь.
О, как стремлюсь теперь я пылкою душою
Вновь свидеться с моей Иньесой дорогою!
Но что с ней? Где она? Ужели умерла?
Ах, если весть о том правдивою была,
Напрасно ждут меня страна и пышность трона.
Мне не мила моя печальная корона,
Раз мне не суждено блаженство испытать —
Предмет моей любви со мной короновать
И этим облегчить Иньесе огорченья,

Что ей я причинил в часы самозабвения.
Сестра, я жду от вас известия скорей.
Надеюсь, что-нибудь вы знаете о ней;
Скажите ж все, молю, — от ваших сообщений
Зависит счастье иль вечный гнет мучений.

Донья Эльвира

Не удивляйтесь: я не сразу дам ответ;
Я так взволнована, что странности в том нет.
Я не могу сказать, волнение подавляя,
Жива или мертва Иньеса дорогая...
Вот этот кавалер — слуга он верный ей —
Вам много передаст неожиданных новостей.

Дон Альфонс [*узнав донью Иньесу*]

О боже! Неужель то вы передо мною
Блистаете своей небесной красотой?
Но как вы взглянете на ветренность мою,
На то, что я...

Донья Иньеса

Мой принц, попрежнему храню
Я к вам доверие. Мне было б оскорбленьем,
Когда бы сердце вдруг смутилось подозреньем,
Что вы любовь ко мне могли бы позабыть.
Неравнодушием к принцессе оскорбить
Меня вы не могли. Вы невиновны были,
Что вас достоинства высокие пленили.
Итак, вся ваша страсть не служит вам виной;
Но если б были вы виновны передо мной,
То знайте, — с гордостью признаюсь перед вами, —
Меня бы не привлечь и царскими дарами.
Да, вы бы не могли, хоть королем вам быть,
Заставить сердце мне обиду позабыть.

Донья Эльвира

Мой брат, — ах, в слове том какая сердцу сладость!
Доставили сестре вы истинную радость.

Как я утешена! Как выбор ваш мне мил,
 Что чувство прежнее в вас снова укрепил!
 Я не могу смотреть на вас без умиления!..

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Дон Гарсия, донья Эльвира, донья Иньеса [*перодегала мужчиной*],
 дон Альфонс, Элиза

Дон Гарсия

Ах, скройте от меня хоть ваше восхищенье
 И дайте умереть с уверенностью в том,
 Что вы страдаете в решении своем.
 Я знаю, что вполне в любви своей вы властны,
 И ей препятствовать не буду я, несчастный,
 Вы это видите; послушен я вполне;
 Ваш строгий приговор законом служит мне.
 Но, признаюсь, не ждал я этого. Ужель я
 Свидетель должен быть столь явного веселья?
 Вид вашей радости всего меня лишил, —
 Порыв отчаянья сдержат во мне нет сил.
 Я прокляну себя, коль ваше восхищенье
 Заставит позабыть мое повиненье.
 Да, волей вашей вы сумели мне внушить
 В молчании мое отчаянье сносить;
 Приказ ваш должен быть в душе моей всевластен, —
 Умру, храня его, покорен и безгласен.
 Но, видя ваш восторг, могу ль себя сдержат?
 Могу ль за действия свои я отвечать?
 Ведь мне, как острый меч, все эти восклицанья.
 Не в силах я снести такого испытанья.
 Ах, умоляю вас, хоть на единый час
 Сдержите вашего восторга шумный глас,
 И как ни велика героя добродетель,
 Не делайте, чтоб я был радости свидетель!
 Мне кажется, могу об этом я молить
 Без риска данный вам обет переступить.

О, не надолго вас прошу не веселиться :
 Отсюда скоро я сумею удалиться ;
 Уйду, терзаемый огнем моих страстей,
 Чтобы не видеть ваш счастливый гименей ;
 Прийти на брачный пир нужды я не имею
 И — знайте — без него я умереть сумею.

Донья Иньеса

Мой принц, позвольте здесь мне вашу речь прервать :
 Вы жалобами лишь напрасно огорчать
 Принцессу будете ; не злобная в ней радость,
 И вам готовится нежданно счастья сладость.
 Надеюсь, что мои слова вас облегчат :
 Соперник славный ваш ей оказался брат.
 Да ! Это дон Альфонс пред нами появился.
 Негаданно секрет столь радостный открылся.

Дон Альфонс

О, да, дон Гарсия, к восторгу моему,
 Я ничего от вас теперь не отниму,
 И тем особенно мое велико счастье,
 Что в вашей же любви могу принять участие.

Дон Гарсия

О боже, неужель, что слышу я, не сон ?
 Я вестью радостной глубоко поражен,
 И всякий бы другой почел себя счастливым,
 На месте будь моем. Но я — увы ! — ревнивым
 Сомнением ее уж раньше оскорбил
 И счастье свое навски погубил.
 И хоть имел уже я столько поучений,
 Охвачен снова я был ядом подозрений ;
 Не мог доверия в себе я соблюсти
 И должен был сказать надеждам всем : « прости ! »
 Возможно ли ко мне не чувствовать презренья ?
 Да, недостойн я в своих глазах прощенья.

И хоть судьба теперь мне счастье дает,
Мне смерть, мне только смерть — единственный исход...

Донья Эльвира

Нет, нет, дон Гарсия, такая непритворность,
Такая кроткая, смиренная покорность
Все клятвы данные позволит мне забыть,
И вас могу я вновь душевно полюбить.
Я вижу столько мук и столько покаянья,
Что тяжкий ваш недуг достоин состраданья.
Вы сами от него охотно б отреклись,
И я хочу к нему спокойно отнестись;
Да, будете ли вы разумны иль ревнивы, —
Могу я вашей стать супругою счастливой.

Дон Гарсия

Избыток счастья совсем меня сразил.
Чтоб перенести его, о небо, дай мне сил!

Дон Альфонс

Дай бог, чтоб этот брак, на смену тревожлений,
Союзом стал сердец, равно как и владений.
Но время нам спешить: нас всех зовет Леон:
Тирана свергнувши, нас хочет видеть он.
Идем же поскорей с триумфом в край соседний,
Чтоб нашему врагу нанести удар последний.

УРОК МУЖЬЯМ

L'École des maris

Перевод Василия Гиппиуса

Комедия *Урок мужьям* (*L'École des maris*) была впервые представлена на сцене Пале-Рояля 24 июня 1661 г. Это — первая комедия Мольера, имеющая своей темой проблему семьи, брака и женского воспитания — одну из основных проблем, разрабатывавшихся буржуазной комедией XVII—XVIII веков.

Сганарель, главный комический персонаж пьесы, изображен ярким приверженцем старины. Ему кажутся пагубными все новшества, начиная с модных костюмов и вплоть до балов и современного, более светского образа жизни парижских женщин. Он предпочитает старинные нравы, старомодное, но удобное платье, жену домоседку и хозяйку, жизнь по средневековым навыкам. Арист («лучший» человек, как указывает греческий корень его имени) представитель новой культуры, либеральный в отношении своей воспитанницы и жены, стремится построить семейную жизнь на началах взаимного доверия и свободного «самоопределения». Однако этот «либерализм» приводит, по замыслу Мольера, не к разрушению семьи, как полагает стоящий на традиционной точке зрения Сганарель, а, наоборот, к укреплению ее, к утверждению на новых, значительно более прочных началах.

Комедия, очевидно, затронула весьма актуальную тему, так как успех ее был чрезвычайно велик. Доказывают это очень крупные кассовые сборы, а также и то, что через три недели (13 июля) пьеса была поставлена в Фонтенебло, где в то время находился королевский двор. Мольеру этот успех был крайне необходим — не только потому, что театр его находился в то время в критическом материальном положении, но и потому что нужно было изгладить неблагоприятное впечатление, оставленное провалом *Дона Гарсии*. Для этого Мольер решил покинуть область «героической комедии» и искать иных путей комедийного творчества, более отвечающих характеру его дарования.

Действительно, *Урок мужьям* был задуман совсем в ином жанре, чем *Дон Гарсия*, явившийся довольно случайным гостем мольеровского театра. *Урок мужьям* представляет собою, с одной стороны, возвращение к старым традициям французской сцены, с значительной примесью элементов фарса, а с другой стороны, осуществляет намеченное уже в прежних пьесах Мольера развитие так называемой «комедии характеров», блестящие образцы которой были даны им впоследствии.

Многое в *Уроке мужьям* говорит о генетической близости этой пьесы к фарсу. Об этом свидетельствуют и языковые особенности речи главного героя комедии, Сганареля, роль которого носит фарсовый характер и имя которого встречается в ранних комедиях-фарсах Мольера — *Летающий лекарь* (дошел до нас только в переработке неизвестного автора) и *Сганарель, или Милый рокошоец*. Восклицание Сганареля, обращенное к толкнувшему его слуге Эргасту (д. II, явл. II): «Чего он под ноги мне тычется, медведь?» (дословно: толстый бык — gros boeuf), — предполагает тип тучного слуги, обычного фарсового персонажа, который часто встречается в ранних фарсах Мольера под именем Гро-Рене. Наконец, несколько фарсовый характер носит и самая интрига, нагромождение удачных обманов, заканчивающихся побегом Изабеллы под видом ее сестры Леоноры, составление нотариусом брачного контракта без указания имени невесты и т. п.

Не следует, однако, преувеличивать элемент фарсового «неправдоподобия», заключающийся в комедии. Так, нотариальный (внецерковный) брак, фигурирующий в большинстве комедий Мольера, был довольно распространен в XVII веке, несмотря на многократные запрещения его как церковной, так и гражданской властью; следовательно, современный зритель должен был воспринимать его на сцене как явление, вполне возможное и в жизни.*

* F. Sanlaville, *Molière et le droit*, 1913, p. 82. Церковный брак заменялся в комедии нотариальным вследствие того, что в XVII веке появление на сцене священника не допускалось церковною властью как оскорбление религии, так же как и произнесение на сцене самого слова «церковь». (Любопытно, что в Италии в ту же эпоху такого запрета не было.)

Несмотря на наличие фарсовых элементов, *Урок мужьям* обнаруживает черты так называемой серьезной, «высокой» комедии. В формах фарсового действия, в формах «комедии интриги» стала осуществляться социальная по существу «комедия характеров», стали обрисовываться характеры, тесно связанные с определенным социальным слоем, его особенностями и смешными странностями. Это свойство *Урока мужьям*, сочетающего напряженную, богатую действием интригу с комедийным изображением «характеров», являлось его достоинством в глазах современников и потомства. «*Урок мужьям*», — писал Вольтер, — навсегда упрочил славу Мольера: это пьеса характера и интриги. Если бы даже Мольер создал только одно это произведение, он все же мог бы считаться превосходным комическим автором.* Это мнение величайшего авторитета эпохи было решающим для всего XVIII века; приблизительно ту же оценку повторяет и Лагарп в своем *Курсе литературы*, особенно настаивающий на высокой поучительности этой комедии.

Конечно, и в более ранних произведениях Мольера встречаются моменты социального наблюдения и социальной сатиры; в этом отношении особенно показательна пьеса *Смешные поддницы*. Но в *Уроке мужьям* струя эта становится более мощной; элементы фарса здесь очень сокращены, и главное внимание зрителя перенесено на серьезную общественно-моральную проблему.

Однако эта общая проблема, социальная тема комедии, существовала в драматической литературе еще задолго до начала театральной деятельности Мольера. Даже два основных характера комедии — Арист и Сганарель — заимствованы им из театра его предшественников. Но если фарсовый характер некоторых сцен *Урока мужьям* заставляет вспоминать об итальянской комедии, то центральная тема пьесы предполагает влияния другого

* Voltaire, *Sommaire des pièces de Molière*. Сочетание обоих жанров комедии (характера и интриги) считалось в XVII веке высшим достижением комического творчества. См. L. Riccoboni, *Observations sur la comédie et le génie de Molière*, 1736, стр. 30 сл., а также Marmontel, *Éléments de littérature*, статья *Comédie*.

рода. Действительно, сюжетная генетика комедии довольно сложна.*

Основной комический мотив, играющий главную роль в построении всей пьесы, — это положение Сганареля, который против своей воли является пособником любви Изабеллы и Валера. Мотив этот очень распространен в новеллистике и в драматургии эпохи Возрождения и встречается в нескольких переоформлениях. Он фигурирует уже в *Декамероне* Боккачо (третья новелла третьего дня). Дама, любящая некоего юношу, желая сообщить ему о своем чувстве, просит исповедующего ее монаха возвратиться этому юноше пояс и кошельки, которые он якобы ей передал. Принимая этот неожиданный подарок, молодой человек догадывается, в чем дело, и желание дамы исполняется. Тот же мотив встречается в комедии Лопе де-Вега *Умница влюбленная* (*La discreta enamorada*). Фениса, героиня Лопе, через капитана Бернардо, за которого ее хотят выдать, сообщает его сыну о любви, которую она к нему питает. Фениса и Люсиндо ведут в присутствии капитана Бернардо разговор с двойным смыслом совершенно так же, как Изабелла с Валером в пьесе Мольера. Но сходство простирается дальше; Фениса не только дает целовать свою руку Люсиндо, но притворно падает с той целью, чтобы Люсиндо мог, поднимая ее, обнять и поцеловать. В семнадцатом явлении второго действия *Урока мужьям* мы находим отражение этого эпизода из комедии Лопе.

Прямым заимствованием из новеллы Боккачо является комедия Доримона *Ловкая женщина* (*La femme industrieuse*, 1611). Героиня ее, как и героиня Мольера, носит имя Изабеллы. Мотив второго действия *Урока мужьям*, несомненно, заимствован из этой пьесы. В комедии Доримона Изабелла просит доктора, одного из героев пьесы, сделать выговор Леандру и таким способом сообщает последнему, что она его любит, что она просит его подбросить

* Об источниках *Урока мужьям* см. предисловие Е. Despois к *Ecole des maris* в его издании *Oeuvres complètes de Molière*, v. II; E. Martinenche, *Les sources de l'Ecole des maris* в *Revue d'histoire littéraire de la France*, 1906 (перепечатано в его книге *Molière et le théâtre espagnol*, 1906); G. Huszar, *Molière et l'Espagne*, 1907.

ей письмо в щелку двери и что он может найти ее в ее комнате, если перелезет через садовую стену. Несомненно, что идея троекратного использования Сганареля с такой же делью в пьесе Мольера имеет своим источником *Ловкую женщину* Доримона.

Другой мотив, касающийся проблемы воспитания жены и охраны «чести» мужа (проблемы, определяющей центральную идею комедии), также был весьма распространен в предшествующей драматургии. В XVIII веке критика видела прямой источник пьесы Мольера в комедии Теренция *Братья* (*Adelphi*), представляющей в свою очередь заимствование из Менандра. В этой комедии изображены два брата, держащиеся противоположных точек зрения на воспитание детей; один полагает, что можно всего добиться мягкостью, другой считает необходимыми суровые меры. Оба применяют соответствующие методы при воспитании своих сыновей, но результаты в обоих случаях оказываются почти одинаково плачевными.

Однако о непосредственном влиянии римского автора говорить едва ли возможно. Те же темы встречаются и в итальянском театре, откуда заимствована была комедия Лариве *Привидения* (*Les esprits*), напоминающая пьесу Теренция, но более симпатизирующая мягким методам воспитания.

Большое значение для Мольера имел испанский театр, в котором целый ряд авторов (Аларкон, Морето, Кальдерон, Лопе де-Вега) разрабатывал все ту же чрезвычайно распространенную в эпоху Возрождения тему. Так, основная теза драмы Лопе *Самое невозможное* (*El mayor imposible*), выражается в рефрене, повторяющемся на протяжении всей пьесы: «... El imposible mayor Para las cosas humanas Es guardar una mujer, Si ella misma no se guarda» («Самое невозможное на свете — это устеречь женщину, если она сама себя не стережет»). Комедия Лопе была переведена в 1651 г. аббатом Буаробером под названием *Безумное пари, или Развлечения графини Пемброк* (*La folle gageure, ou Les divertissements de la comtesse de Pembroc*), и возможно, что она сыграла известную роль в возникновении первоначального замысла *Урока мужьям*. Следовательно, комедия Мольера явилась лишь эпизодом из истории этой обычной в его эпоху темы, своеобраз-

разным французским отзвуком на этот почти общеевропейский сюжет. Впрочем, есть основания предполагать более непосредственное заимствование.

Действительно, прямым источником *Урока мужьям* была пьеса испанского драматурга Антонио Уртадо де Мендосы *Муж делает жену, и обращение меняет нравы* (*El marido hace mujer, y el trato muda costumbre*, 1643). Леонора любит Диего, но выходит замуж против своей воли за Хуана, заранее решив не повиноваться ему ни в чем. Хуана, напротив, выходя за Санчо, с покорностью, хоть и не без грусти, подчиняется своей судьбе. Но после замужества положение меняется. Хуан предоставляет полную свободу Леоноре и тем завоевывает ее доверие и привязанность. Когда он узнает, что Диего назначает свидание его жене, он не только не противится этому свиданию, но, наоборот, убеждает жену отправиться с ее кавалером на прогулку в Прадо — и в результате того Леонора не испытывает никакого желания туда идти. Наоборот, Санчо своим постоянным недоверием раздражает Хуану, и когда Диего обращает на нее свое внимание, он находит благоприятную для себя почву. Веря в силу своих методов, Санчо спокоен, и, встретив в Прадо свою жену Хуану в весьма веселой компании, он принимает ее за Леонору и насмехается над Хуаном. Комизм этой сцены заключается в том, что зритель все насмешки относит к самому Санчо.

Очевидно, все действующие лица, сюжет, вся структура пьесы целиком взяты Мольером из комедии Мендосы. Но есть и отдельные частности, перенесенные, а местами почти прямо переведенные Мольером с испанского оригинала. Так, в одной из сцен комедии Мендосы Санчо запрещает своей жене выходить из дому — совершенно так же, как это делает Сганарель в пьесе Мольера, У Мендосы есть упоминание о разнице в возрасте между двумя братьями, причем более мудрым оказывается старший брат. «Слишком уж вы разыгрываете из себя старшего брата», — говорит Санчо Хуану. Этот момент воспроизведен (в сильно подчеркнутом виде) и в *Уроке мужьям*. Санчо ведет себя с обращающимся к нему Диего совершенно так же, как Сганарель ведет себя с Валером, и когда последний называет Сганареля «странным безумцем», то он лишь переводит испан-

ское выражение, которым Диего определяет Санчо: *majadero* Санчо полагает необходимым для своей жены «законы и решетки» (*Leyes, grillos à mi esposa*). Пьеса Мольера откликается на это словами Ариста (д. 1, явл. II), иронически повторенными Сганарелем (д. III, явл. V): «Решеткой и замком искуснейший радетель Не в силах воспитать в девицах добродетель». Отзвуком испанского оригинала являются и многозначительные слова Лизеты (д. I, явл. II): «Едва ли не растет охота согрешить». Когда безгрешность нам стараются внушить». В комедии Мендосы этому соответствует: «*Que es decir à una mujer Todo lo que no ha de hacer Decirla que puede hacerlo*» («Сказать женщине, что она не должна делать, значит сказать ей, что она может это делать»). Наконец, самое имя Леоноры перешло в *Урок мужьям* прямо из комедии Мендосы.

Что же касается названия пьесы, которое, по мнению Ригаля,* Мольер впервые ввел в историю театра, то, повидимому, и оно навеяно испанской пьесой *Школа Селестины* (*Escuela de Celestina*) Саласа Барбадьльо.**

Через год после постановки комедии на сцене, 20 февраля 1762 г., Мольер вступил в брак с Армандой Бежар, бывшей лет на двадцать моложе него. Возможно, что брак этот был задуман уже в эпоху создания комедии. На этом основании возникло предположение, что в *Уроке мужьям* отразились волновавшие его автора вопросы и что разрешение их в комедии имело для Мольера личное, почти автобиографическое значение. Еще современники узнавали в Аристе самого Мольера и, следовательно, в рассуждениях этого персонажа видели программу его буду-

* E. Rigal, Molière, 1908, t. I, p. 134.

** G. Huszar, цит. соч., стр. 159, и E. Martinenche, R. N. L. 1906, стр. 108 прим. Это название «школа» (или равнозначное ему, как в нашем переводе, «урок») надолго удержалось во французской драматической литературе. В том же 1661 г., по примеру нашуемейшей пьесы Мольера, Доримон назвал свою комедию *Школа рогиносцев, или Бесплезная предосторожность*. Сходные названия носят дальше: *Школа ревнивцев* Монфлери (1664), его же *Школа девиц* (1666), *Школа любовников* Жоли (1718), *Школа друзей* Ла-Шоссе (1737), его же *Школа матерей* (1744), *Школа отцов* Пизра (1787), *Жан Калас, или Школа судей* М.-Ж. Шенье (1791), *Школа стариков*

щего отношения к жене. Несомненно, что в комедии мог заключаться некоторый отзвук собственных переживаний Мольера; однако преувеличивать значение этого личного момента было бы, конечно, неосновательно.

Еще в эпоху появления *Урока мужьям* стали раздаваться голоса о «безнравственности» этой пьесы. Идея брака, заключаемого на основании личной склонности женщины и по собственному ее выбору, показалась слишком смелой приверженцам старой, патриархальной системы воспитания. Сходные обвинения выдвигались против Мольера представителями различных общественно-идеологических воззрений и в течение всего следующего столетия. Так Ж.-Ж. Руссо в своем знаменитом *Письме к Даламберу о спектаклях* снова поднял вопрос о «безнравственности» Мольера, и одним из доводов его было то, что Мольер разрушал уважение к старшим, — к родителям и опекунам, — уча детей неповиновению. В числе прочих пьес Руссо имеет в виду, конечно, и *Урок мужьям*. Множество возражений, вызванных этим *Письмом*, пыталось доказать, что Мольер осмеивал лишь «пороки», уклонения от нормы, и в частности в *Уроке мужьям* комическим персонажем является не добродетельный Арист, а достойный осмеяния Сганарель.* Обвинения Руссо были впоследствии довольно решительно повторены (хотя и с иной социально-политической целью) на закате революции критиком консервативного *Journal des Debates* Ж.-Л. Жофруа. По его словам, Мольер разрушал своей комедией прочные семейные устои, он «угадал и отчасти способствовал» той распушенности нравов, которая началась уже в его эпоху и таким пышным цветом расцвела в следующем веке.* В этой оценке ясно сказывается основная тенденция Жофруа, упорно боровшегося с революционными идеями XVIII века.

Казимира Делавиня (1823), *Школа молодых девиц* Мелани Вальдор (1841), *Школа семейной жизни* Бальзака, и др. (Ср. также название знаменитой английской комедии Шеридана *Школа злословья* 1766).

* См. например, Marmontel, *Apoloogie du théâtre* (Oeuvres complètes, 1819, t. X), p. 210.

** Статья от 7 марта 1812 г. См. Ch.-M. Des Granges, *Geoffroy et la critique dramatique sous le Consulat et l'Empire*, 1897, p. 342.

В то время либерально-буржуазная критика продолжала видеть в *Уроке мужьям* произведение высокой нравственности, правильно разрешающее проблемы брака, семьи и воспитания. Так, Лагарп, стоявший в эпоху написания своего *Лицея* еще на страже просветительных заветов XVIII века, называет пьесу Мольера «*école du monde*», т. е. школой житейской мудрости. С этой оценкой *Урока мужьям* фактически солидаризировалась и революционная буржуазия, относившаяся в общем довольно критически к сатирическим комедиям Мольера. В эпоху революции от 1789 до 1799 г. *Урок мужьям* ставился в Театре Народа и в Театре Республики чаще всех остальных комедий Мольера.

Но спор о «нравственности» или «безнравственности» *Урока мужьям* на этом не кончился, он продолжается еще в XIX и XX веках. Историческая перспектива утеряна, и комедия Мольера служит лишь предлогом для декларации тех или иных социальных идеалов буржуазной критики.

Б. Ризов

ЕГО ВЫСОЧЕСТВУ
ГЕРЦОГУ ОРЛЕАНСКОМУ
ЕДИНСТВЕННОМУ БРАТУ КОРОЛЯ

Монсеньер,

Я предлагаю здесь вниманию Франции нечто весьма мало сообразное. Нет ничего более высокого и более славного, чем имя, которым я озаглавливаю эту книгу, и ничего более низкого, чем то, что она содержит. Все почтут подобное сочетание странным, а иные, может быть, скажут, отмечая такое несоответствие: не значит ли это возлагать венец из жемчуга и алмазов на глиняное изваяние или воздвигать великолепные портики и триумфальные арки для входа в жалкую хижину? Но, монсеньер, да будет мне извинением, что в сем случае не имел я выбора и что честь служить вашему королевскому высочеству привела меня к непременной необходимости посвятить вам первый труд, самолично мною издаваемый. Не подарок подношу я вам, но плачу лишь долг мой; почтение же внешними знаками оного не измеряется. Я осмелился посвятить вашему королевскому высочеству безделку, ибо не мог отказаться от уплаты моего долга; и если я отказываюсь распространяться о том прекрасном и преславном, что можно сказать о вашем высочестве, то лишь из справедливого опасения, что столь высокий предмет еще более обнаружит низкую природу моего приношения.

Я предписал себе молчание, дабы найти более приличное место для подобных красот; и в посвящении моем я мог притязать лишь на то, чтобы оправдать мой поступок перед всею Францией и иметь счастье сказать вашему высочеству лично, с совершенным почтением, что я имею быть

вашего королевского высочества
всенижайшим, всепокорнейшим
и всепредданнейшим слугой

Ж.-Б. П. Мольер.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

С т а н а р е л ь } братья.
А р п с т }
И з а б е л л а } сестры.
Л е о н о р а }
Л и з е т а, служанка Леоноры.
В а л е р, любовник Изабеллы.
Э р г а с т, слуга Валера.
К о м и с с а р.
Н о т а р и у с.

Действие происходит в Париже [на площади].

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Сганарель, Арист

Сганарель

Я очень вас прошу, оставим этот спор.
Пусть каждый так живет, как жил и до сих пор.
Хоть вы мне старший брат и, зная ваши лета,
Я мог бы ждать от вас разумного совета, —
Я все же должен вам по совести сказать,
Что вашим прописям не склонен я внимать,
Что буду следовать лишь прихотям свободным
И образ жизни свой считаю превосходным.

Арист

Но порицают все...

Сганарель

Безумцы вроде вас,

Мой брат.

Арист

Благодарю за отзыв без прикрас.

Сганарель

Хотел бы я узнать всю правду без покрова:
Что может порицать во мне судья суровый?

Арист

Всегда угрюмый вид и нелюдимый нрав :
 Вдали от общества и от его забав
 Вы те же странности храните, что и прежде,
 Слывете варваром — в сужденьях и в одежде.

Сганарель

Да, моде следовать, так люди говорят :
 Носить не для себя — для света свой наряд.
 Так не угодно ль вам всей этой дребеденью,
 Любезный старший брат (затем, что по рождению
 На целых двадцать лет вы старше, не таю.
 И стоит ли вести — не знаю — речь мою ?), —
 Так не угодно ль вам еще меня бесславить,
 Мне ваших щеголей в пример достойный ставить
 И понуждать меня к ношенью узких шляп,
 Скроенных, чтобы мозг в них немощный иззяб ?
 Иль накладных волос, распухнувших безмерно,
 Чтоб утонуло в них лицо мое наверно ?
 Камзолов маленьких — здесь мода вновь скупа ;
 Зато воротников — до самого пупа ?
 Огромных рукавов — чтобы мочить их в супе, —
 С большими юбками, то бишь штанами, вкупе ;
 Иль туфель крошечных, на каждой — пышный клок,
 И смотришь : человек, как голубь, мохноног ?
 Или таких штанин, громадных и раздутых,
 Что каждая нога в них, как рабыня в путах, —
 И вот, наряженный по-модному болван,
 Как перевернутый топорщится волан ?
 Я угодил бы вам, не правда ль, в этой коже ?
 Ведь в шутовской наряд и вы оделись тоже !

Арист

Считаться с большинством необходимо всем ;
 К себе внимание приковывать — зачем ?
 Все крайности претят ; разумному не надо

Ни пышности в словах, ни пышного наряда.
 Спокойно он следить, чуждаясь пустяков,
 За переменами в обычаях готов.
 Я вовсе не хочу усваивать методу
 Всех тех, кто превзойти старается и моду,
 Кто странной ревности ничем не охладил
 И злится, что его другой опередил;
 Но дурно, как бы вы ни защищали это,
 Упрямо избегать обыкновений света;
 Не лучше ли страдать, живя среди глупцов,
 Чем быть единственным из стана мудрецов?

С г а н а р е л ь

Вот истинный старик: он ловко нас морочит
 И черным париком прикрыть седины хочет!

А р и с т

Мне странно, что мой брат причудой одержим,
 Что колет мне глаза он возрастом моим.
 Он всё во мне готов бранить без снисхожденья:
 Бранит умеренность, бранит и развлеченья,
 Как будто старики, земного не любя,
 Лишь смерти ожидать способны для себя,
 Как будто мало жить в ущербе неизбежном;
 И надо быть еще и грубым и небрежным.

С г а н а р е л ь

Ну, что бы ни было, стою на том же я,
 И лучшей из одежд останется моя!
 Потребна шляпа мне, — пусть будет и не модной, —
 Чтоб голову прикрыть она была пригодной;
 Порядочный камзол — его я удлинил,
 Чтоб в холе и тепле желудок мой варил,
 Штаны, скроенные по мерке, как пристало,
 И обувь, чтобы в ней нога не изнывала,
 Как деды умные носили в свой черед.
 Кому не по душе — пусть спину повернет!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Леонора, Изабелла, Лизета, Арист и Сганарель [*разговаривают на авансцене, их не замечают*]

Леонора (*Изабелле*)

От укоризн его я буду вам защитой.

Лизета (*Изабелле*)

Вы вечно взаперти и от людей укрыты?

Изабелла

Таким уж создан он.

Леонора

Как жребий ваш суров!

Лизета [*Леоноре*]

Но старший брат его, по счастью, не таков.
Достался вам удел, какого вы достойны,
В руках разумного вы будете спокойны.

Изабелла

Не чудо ль, что меня сегодня аргус мой
Не запер на замок и не увел с собой?

Лизета

Послав его к чертям, клянусь, вы б были правы
И...

Сганарель [*наткнувшись на Лизету*]

Не прогневайтесь, сударыня, куда вы?

Леонора

Еще не знаем мы, я тороплю сестру
Прохладой подышать со мною поутру,
Но...

Сганарель [*Леопоре*]

Можете гулять, коль есть у вас охота, —

[*Указывая на Лизету*]

Ведь для обеих вас в гулянье вся забота;

[*Изабелле*]

Но вы пожалуйста немедленно назад.

Арист

И полно, — отчего не разрешить им, брат?

Сганарель

Покорный ваш слуга, мой брат.

Арист

У молодежи

Есть...

Сганарель

Молодость глупа, порой и старость тоже.

Арист

Ей нравится с сестрой — к чему ж такой приказ?

Сганарель

Не спорю, но со мной ей лучше во сто раз.

Арист

Но...

Сганарель

Но она в моей — вы слышите ли? — воле:
Заботиться о ней мне не мешайте доле.

Арист

Забота о сестре не меньше и моя.

С ганарель

О господи! печаль у каждого своя!
 Отец их, чувствуя кончины приближенье,
 Над сиротами нам доверил попеченье,
 Предоставляя нам — себе ль их в жены взять
 Иль по-иному их судьбой располагать,
 И обязались мы тогда по договору,
 Как жен и дочерей, подвергнуть их дозору:
 Вы взяли на себя заботу об одной,
 Я точно так же стал опекуном другой.
 Вы опекаете свою, как вы хотите,
 Руководить моей — и вы мне разрешите.

Арист

Вы лучше бы...

С ганарель

А я другой вам дам совет:
 Разумно посмотреть на этот наш предмет.
 Вам любо видеть ту нарядной и на воле?
 Согласен — дайте ей слуг и служанок боле;
 Не спорю, — пусть себе кружится без забот,
 Чтоб снюхивался с ней какой угодно сброд;
 Я не перечу вам: но здесь — другое дело.
 Воспитаннице я приказываю смело,
 Чтоб саржа скромная была одеждой ей,
 А платье черное лишь для воскресных дней;
 Чтоб, дома затворясь, повсюду не езжала,
 Чтобы хозяйственным заботам прилежала:
 Чинила мне белье, коль выберет часок,
 Для развлечения — могла связать чулок,
 Чтоб болтовня повес ей не была знакома,
 Без провожатого не покидала дома.
 Я знаю, плоть слаба — предвижу крик врага.
 Я вовсе не хочу нажить себе рога;
 Ее невестою имея на примете,
 Хочу быть за нее, как за себя, в ответе.

Изабелла

У вас, мне кажется, нет повода...

Сганарель

Молчать!

Я покажу вам, как без спросу убежать!

Леонора

Что нужды?

Сганарель

Боже мой, вы так умны, я знаю,
И с вами говорить нисколько не желаю!

Леонора

Иль неприятно вам, когда сестра со мной?

Сганарель

Ее вы портите, — вот мой ответ прямой.
Не могут нравиться мне ваши посещения,
И я покорнейше прошу о прекращенье.

Леонора

С неменьшей прямою отвечу вам и я.
Не знаю, что сестра сказала бы моя;
По мнению моему, поступки ваши низки,
И хоть по кровному родству мы с нею близки,
Я заглушить в себе сумела бы и кровь,
Когда бы вы могли внушить сестре любовь.

Лизета

И впрямь, где виданы подобные законы?
Или мы в Турции, где под замками жены?
Они, я слышала, невольницы вполне, —
Зато и божий гнев почил на той стране.
Должно быть, наша честь уж очень уязвима,

Коль взаперти ее держать необходимо.
 Иль думаете вы, что этот весь надзор
 Нельзя нам обойти, найдя ему отпор?
 И, если замысел отважный нас тревожит,
 Хитрейший из людей остановить нас может?
 Предосторожности, поверьте мне, — фантом.
 Не лучше ли, клянусь, доверие во всем?
 Грозят опасности тому, кто нам перечит,
 И честь сама себя надежней обеспечит.
 Едва ли не растет охота согрешить,
 Когда безгрешность нам стараются внушить;
 Да, если б мужняя мне ревность досаждала,
 Его сомнения я б назло подтверждала!

С г а н а р е л ь [Аристу]

Вот, мудрый опекун, науки вашей плод!
 И против этого ваш дух не восстает?

А р и с т

Забавно каждое в ее сужденьях слово;
 Но есть в ее речах разумная основа:
 Свободу слабый пол умеет уважать;
 Одною строгостью их трудно удержать;
 Решеткой и замком искуснейший радетель
 Не в силах воспитать в их душах добродетель.
 К обязанностям честь вести должна одна;
 Суровость лишняя, мне кажется, вредна.
 Не правда ль, было бы находкой беспримерной
 Увидеть женщину по принуждению верной?
 Напрасно будем мы их каждый шаг блюсти;
 Не лучше ли сердца себе приобрести?
 И я бы честь мою считал незащищенной,
 Когда б она была в руках поработенной,
 Которая, узнав своих желаний власть,
 Искала б, может быть, лишь случая упасть.

С г а н а р е л ь

Все это чепуха.

Арист

Пусть так; я верю все же,
 Что можно дать шутя уроки молодежи;
 Журить за промахи, — но карой не спеша
 И добродетелью нимало не страша.
 Я с Леонорою держался этих правил:
 Ничтожных вольностей я ей в вину не ставил,
 Ее желания всемерно исполнял
 И в этом никогда себя не обвинял.
 Ей часто побывать хотелось в людном зале,
 В веселом обществе, в комедии, на бале, —
 Я не противился, и утверждать готов:
 Всё это хорошо для молодых умов;
 И школа светская, хороший тон внушая,
 Не меньше учит нас, чем книга пребольшая.
 Ей траты нравятся на платье, на белье:
 Что ж, в этом поощрить стараюсь я ее;
 Нет в удовольствиях подобных преступленья;
 Мы можем дать на них, но средствам,
 позволенье.

Женитьбы требует родительский завет:
 Так — но тираном быть во мне желанья нет.
 Я знаю: разнятся немало наши годы,
 Но я готов ей дать всю полноту свободы.
 Четыре тысячи червонцев — мой доход —
 И вся моя любовь и множество забот —
 Все это, может быть, со временем поможет
 Ту разность лет забыть, что и меня тревожит.
 Захочет — я женюсь; коль нет — она вольна;
 Что ж, будет без меня счастливее она;
 Мне легче увидеть ее женой другого,
 Чем вырвать у нее насильственное слово.

С ганарель

Ишь, сколько сладости! Как сахар, тает сам!

Арист

Ну что ж, таков мой нрав — и слава небесам.
Не вижу смысла я в стеснениях и запрете:
Не из-за них ли ждут отцовской смерти дети?

Сганарель

Но если к вольности привыкнет молодежь,
Потом ее назад уже не повернешь;
Как помешают вам подобно желанья,
Когда придется жизнь менять до основанья!

Арист

Зачем менять?

Сганарель

Зачем?

Арист

Ну, да.

Сганарель

Причин не счесть.

Арист

Быть может, в чем-нибудь моя страдает честь?

Сганарель

Ну вот, вы женитесь, а ей все будет мало, —
Захочет вольности, что прежде испытала.

Арист

А почему бы нет?

Сганарель

Не разрешите ль ей
И мушки на лице в числе других затей?

Арист

Конечно.

Сганарель

И она с усердием немалым
Закружится по всем собраниям и балам?

Арист

Наверно.

Сганарель

Щеголи вас будут посещать?

Арист

Так что же?

Сганарель

И начнут играть и угощать?

Арист

Пускай.

Сганарель

И будут с ней трещать напропалую?

Арист

Прекрасно.

Сганарель

И терпя такую долю злую,
Вы не покажете, что гости вам скучны?

Арист

Нимало.

Сганарель

Ну, так вы — в уме повреждены.

(Изабелле)

Идите, не для вас подобные примеры.

Арист

К моей жене всегда я буду полон веры
И буду жить, как жил, по нраву своему.

Сганарель

О, если бы рога наставили ему!

Арист

Не мне угадывать судьбы определенья,
Но если нет у вас такого прибавленья,
В том вашей нет вины — вас трудно обижать:
Вы делаете все, чтобы его стяжать.

Сганарель

Что ж, смейтесь, зубоскал! Не славно ль это, право,
Под шестьдесят ему, а на уме забава!

Леонора

Ручаюсь вам в одном, — что он до склона лет,
Коль гименея мы произнесем обет,
Мне может доверять; но будь я в браке с вами,
Я б не обмолвилась подобными словами.

Лизета

Грешно обманывать того, кто верит нам,
Но стоит проучить людей, подобных вам.

Сганарель

Прошу уговорить ваш язычок проклятый.

Арист

В ее дурачествах вы сами виноваты.
Итак, обдумайте мой искренний совет,
Что запирать жену — для мужа смысла нет.
К услугам вашим я.

[Уходят все, кроме Сганареля]

Сганарель

Моих услуг не ждите.

О, как они под стать друг другу, поглядите!
 Семья как на полбор. Рехнувшийся старик,
 Развалина — а всё кривляться не отвык;
 Девчонка бойкая, кокетка записная,
 Прислуга наглая! Здесь проповедь читаю,
 Сама Премудрость вмиг махнула бы рукой:
 К добру немислимо направить дом такой.
 Среди таких гостей утратит Изабелла
 Те чести семена, что воспринять успела;
 Пускай поучится, чем так себя вести,
 Капусту поливать да индюков пасти.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Валер, Эргаст, Сганарель

Валер [*в глубине сцены*]

Ты видишь ли, Эргаст: вот аргус мой ужасный,
 Жестокий опекун и страж моей прекрасной.

Сганарель [*думая, что он один*]

Ведь изумления достойно, наконец,
 Как много в наши дни развращено сердец!

Валер

Хоть подойти к нему мне надо для начала,
 А там знакомство свести во что бы то ни стало.

Сганарель

Бывала строгостью вся наша жизнь полна,
 Зато и честностью дышала старина,
 Теперь же молодежь забыла все законы
 И вольнодумствует...

[*Валер кланяется ему издалека*]

Валер

Не помогли поклоны!

Эргаст

Он с этой стороны не видит — вот беда:
Попробуем с другой.

Сганарель

Уеду навсегда!

Я больше не могу в столице оставаться,
Здесь только...

Валер

В дом к нему мне надо бы пробраться.

Сганарель

Как будто голоса. Туда! в поля! скорей!
Не ослепят меня причуды наших дней!

Эргаст

Ну, атакуйте.

Сганарель

Что? Звонит наверно в ухе.

Там наши девушки в наистрожайшем духе...

[Валер кланяется]

Мне, что ли?

Эргаст

Посмелей!

Сганарель

Там ни один шельмец

Не станет...

[Валер снова кланяется]

Чорт возьми!..

[Оборачивается и видит Эргаста, который кланяется ему с другой стороны]

Еще? Ах, мой творец!

Валер

Я мог вам помешать, вы заняты делами?

Сганарель

Возможно.

Валер

Но, клянусь, что честь знакомства с вами
Так много мне сулит приятнейших часов,
Что вам представиться я был всегда готов.

Сганарель

Пусть так.

Валер

Явиться к вам и сразу без искусства
Вам изъяснить мои почтительные чувства.

Сганарель

Я верю.

Валер

Счастливы быть соседом вашим я.
Щедра поистине ко мне судьба моя.

Сганарель

Тем лучше.

Валер

Знаете ли о новости приятной?
Я при дворе слышал о ней неоднократно.

Сганарель

Что мне за дело?

Валер

Да; но в случае таком
Мы любопытного немало узнаем.

Не занимают ли и вас предупрежденья
О близком торжестве дофинова рожденья?

Сганарель

Как знать.

Валер

Не правда ли, в Париже видим мы
Очарования и удовольствий тьмы;
В провинции живешь, как в доме опустелом.
Но чем вы заняты, хотел бы знать я?

Сганарель

Делом.

Валер

Ум должен отдыхать, и, право, не расчет
Так утомлять его обилием работ.
Что делаете вы, к примеру, вечерами?

Сганарель

Все то, что захочу.

Валер

Тончайшими словами

Вы отвечаете: разумнее всего
Творить, что мы хотим, и больше ничего.
С утра до вечера вы заняты, я знаю;
Я посещал бы вас, но, право, не дерзаю.

Сганарель

Слуга ваш...

[Уходит]

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Валер, Эргаст

Валер

Правится тебе такой болван?

Эргаст

Как бука принял вас и речью — грубиян.

Валер

Ужасно!

Эргаст

Отчего?

Валер

Как отчего? Ужасно,
Что завладел дикарь красавицей несчастной,
Как бдительный дракон, чей неусыпный глаз
Свободы ей не даст ни на единый час!

Эргаст

Тем выгодней для вас; на этом основанье
Вы можете питать большие упования.
Запомните, чтоб ум надеждой усладить:
Затворицу вдвойне удобно победить.
Супругов и отцов ревнивые печали
Дела любовников обычно облегчали.
В науке нежностей не сильно я смышлен
И быть любовником, конечно, не рожден,
Но я служил не раз ловцам добычи жадным
И знаю, что они воистину отрадным
Считали, если муж бывал брюзга прямой,
Не возвращавшийся без воркотни домой,
Дикарь отъявленный, кто, без стыда и толку
За собственной женой подглядывая в щелку,
Высоким титулом супруга возгордясь,

При воздыхателях топтал ее же в грязь.
 Все это, говорят, полезно для влюбленных:
 Досада милых дам, невинно оскорбленных,
 Когда сочувствие им выразить легко,
 Есть поле, где зайти возможно далеко.
 Как видите, для вас приятнейшая новость
 Ее опекуна упорная суровость.

Валер

Но пятый месяц я любовью горю
 И трачу день за днем, — а с ней не говорю!

Эргаст

Любовь находчива: кто не хитер — наказан.
 На вашем месте я...

Валер

Но каждый шаг мой связан.
 Ведь с этим увальнем она всегда сам-друг,
 И нет вокруг нее ни горничных, ни слуг,
 Кому бы посулить я мог вознагражденье,
 Чтоб утолить мой жар хоть мигом наслажденья!

Эргаст

О вашей склонности узнала ли она?

Валер

Загадка эта мной еще не решена.
 Куда бы изверг мой ни шел с моей прелестной,
 За ней и я, как тень, и это ей известно;
 И взоры взорами я каждый день ловлю,
 Пытаясь выразить, как горячо люблю.
 Глаза сказали все; но кто бы стал ручаться,
 Что их немой язык мог до нее домчаться?

Эргаст

Да, темен их язык бывает для ума
 Без толкователей — без слов или письма.

Валер

Как выйти из такой беды необычайной,
Узнать, владеет ли она моею тайной?
Найди же средство мне.

Эргаст

Совет покамест мой:
Чтоб дело обсудить — воротимся домой.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Изабелла, Сганарель

Сганарель

Теперь довольно я узнал о доме этом
И о хозяйне — по всем твоим приметам.

Изабелла

О небо! помощь мне подай! благослови
Замысловатый шаг неопытной любви!

Сганарель

Ты где-то слышала, его зовут Валером?

Изабелла

Да.

Сганарель

Так иди, я сам прибегну к нужным мерам.
Да, с этим дураком расчесться б я хотел.

Изабелла [*уходит*]

Для девушки мой план, быть может, слишком смел;
Но так оскорблена неправым я гоненьем,
Что хитрости оно послужит извиненьем.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Сганарель, Эргаст, Валер

Сганарель [*стучит в дверь Валера*]

Не будем времени терять: вот здесь. Кто тут?
 Не грежу ль я? Эй, эй! Здесь кто-то есть — идут.
 Все это рассудив, возможно ли дивиться,
 Что с нежностями он хотел ко мне подбиться?
 Но надо поспешить, чтоб нынче же суметь...

[*Эргасту, который внезапно вышел*]

Чего он под ноги мне тычется, медведь?
 Я чуть не шлепнулся... как будто здесь засада!

Валер

Мне, сударь, очень жаль...

Сганарель

Ах, вас-то мне и надо!

Валер

Меня?

Сганарель

Да. Ведь Валер, не так ли, вас зовут?

Валер

Да.

Сганарель

Уделите же мне несколько минут.

Валер

О, если бы я мог вам оказать услугу!

Сганарель

Нет, — но могу я сам вам услужить, как другу,
 И это к вам меня и привело как раз.

Валер

Как, вас ко мне?

Сганарель

Да, к вам. Что ж удивляет вас?

Валер

Причин достаточно, но я скажу без лести:
Такая честь...

Сганарель

К чему нам говорить о чести!

Валер

Зайдите ж.

Сганарель

Незачем. Когда б имел нужду...

Валер

Покорнейше прошу.

Сганарель

Нет, дальше не пойду.

Валер

Пока стоите здесь, и дело не спорится.

Сганарель

Я с места не сойду.

Валер

Придется покориться.

Но, если так, — я вам хоть малым услужу.
Скорее стул сюда!

Сганарель

Я стоя все скажу.

Валер

Как можно допустить...

Сганарель

Прошу без принуждения.

Валер

Но неучтивые достойны осуждения.

Сганарель

Но неучтивее, поверьте, во сто крат,
Тот, кто не слушает, когда с ним говорят.

Валер

Я повинуюсь вам.

Сганарель

Ну, что же — и прекрасно.
Чиниться попусту, поверьте мне, напрасно.
Готовы слушать вы?

Валер

Конечно, всей душой!

Сганарель

Пред вами опекун девицы молодой:
Известно ль это вам? Она — скажу я смело —
Прекрасна и скромна, ей имя — Изабелла.

Валер

Известно.

Сганарель

Если так, не стану вас учить.
Но знали ль вы, умея ее красы ценить,
Что не опекуном намерен я остаться,
Что суждена ей честь со мною сочетаться?

Валер

Нет.

Сганарель

Так узнайте же; и я б весьма желал,
Чтоб этот пламень ваш ее не волновал.

Валер

Как, сударь, я?

Сганарель

Да, вы! Притворство бесполезно.

Валер

Но кто сказать вам мог, что мне она любезна?

Сганарель

Те люди, чьим нельзя не доверять словам.

Валер

Но кто ж?

Сганарель

Она сама.

Валер

Как?

Сганарель

Да-с! Иль мало вам?

Она, как следует девице благонравной,
Любя меня, во всем призналась мне недавно
И поручила мне вас, сударь, известить:
С тех пор, как стали вы за ней везде следить,
Она, смущенная погоней неучливой,
Постигла ваших глаз язык красноречивый,
И ваша тайная надежда ей ясна.

Не тратить лишних сил советует она,
Ваш пламень изъяснить — напрасно не трудиться:
Привязанность ко мне не может с ним мириться.

Валер

Ужель она сама ко мне послала вас?

Сганарель

Да, все на чистоту вам выложить тотчас:
Узнав, что страстью вы сгораете всечасно,
Она б дала понять давно, что все ей ясно,
Когда бы, облегчив взволнованную грудь,
Она довериться могла кому-нибудь;
Но в этой крайности, живя как в заточенье,
Задумала она дать мне же порученье,
Предупреждая вас, что сердце у нее
Закрывается для других, — оно вполне мое, —
Что в перестрелке глаз она не видит проку,
Что если разума вы внемлете уроку —
Поступите не так. До завтра, сударь мой!
Я все вам передал — в том был мой долг прямой.

Валер [*тихо, Эррасту*]

Как отнесешься ты к такому порученью?

Сганарель [*тихо в сторону*]

Он очень удивлен.

Эрраст [*тихо Валеру*]

По моему суждению,
Вам этот разговор приятное сулит.
Здесь тонкий замысел, наверно, тайно скрыт;
Я думаю, она не стала б вас тревожить,
Когда бы вашу страсть хотела уничтожить.

Сганарель [*в сторону*]

Он, право, молодцом.

Валер [*тихо Эристу*]

Так надо тайн искать?

Эргаст [*тихо*]

Да, но идем скорей, — он может все понять.

[*Уходят Валер и Эргаст*]

Сганарель

Как на лице его отражено смущенье!
Конечно, он не ждал такого сообщения.
Я позову ее. Вот лучшие плоды
Для воспитателя за все его труды!
Да, в добродетели она понавострилась:
Подумать — взорами одними оскорбилась!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Изабелла, Сганарель

Изабелла [*с стороны*]

Боюсь, любезный мой, горя в таком огне
Моих намерений не уяснил вполне;
И я, хотя живу как пленница в оковах,
Невольно думаю об извещеньях новых.

Сганарель

Ну, вот, я и пришел.

Изабелла

И что ж?

Сганарель

Суди сама

О силе слов своих и моего ума.
Хотел он отрицать свое к тебе влечение,
Но стоило твоим назвать мне порученье, —

Он точно онемел и очень был смущен.
Сюда, я думаю, не возвратится он.

Изабелла

Так думаете вы? Но я боюсь другого:
Пожалуй, хлопотать он нас засгавит снова.

Сганарель

Что это в голову могло тебе взбрести?

Изабелла

Едва лишь из дому успели вы уйти,
Я подошла к окну, вдыхая воздух свежий,
Как вдруг увидела: слуга того невежи
Внезапно выбежал из-за угла — и вот
От имени его привет передает
И прямо в комнату бросает хладнокровно
Ларец — и в нем пакет с запискою любовной.
Не медля, все ему решила я вернуть,
Но он тем временем успел уж ускользнуть,
И я рассержена и лишена покоя.

Сганарель

Какие хитрости и плутовство какое!

Изабелла

Мне долг велит спешить; влюбленный сей наглец
Вмиг должен получить обратно свой ларец;
Но помощь мне нужна для этого поступка,
А беспокоить вас...

Сганарель

Наоборот, голубка:

Тем лучше будет мне видна твоя любовь,
И всей душой готов тебе служить я вновь;
Меня обяжешь ты — усердьем дух мой дышит.

Изабелла

Так вот он.

Сганарель

Хорошо. Посмотрим, что он пишет.

Изабелла

Ах, нет! Не вздумайте вскрывать!

Сганарель

А почему?

Изабелла

Что открывала я — внушите вы ему.
 Девица честная должна остерегаться
 К записке, присланной мужчиной, прикасаться.
 Кто любопытствует — доказывает нам,
 Что втайне сам он рад написанным словам.
 Записку дерзкую мне было бы приятно
 Нераспечатанной препроводить обратно,
 Чтобы воочию мог увидеть смельчак,
 Каким презрением был встречен этот шаг,
 Чтобы на пыл его ответ мой был холодным
 И впредь не потакал попыткам сумасбродным.

Сганарель

Ну, да, она права в суждении своем.
 Ты добродетельна, ты и умна притом!
 Взошли в душе твоей моих уроков зерна,
 И быть моей женой достойна ты бесспорно!

Изабелла

Но если сильное у вас желанье есть,
 Письмо в руках у вас — вы можете прочесть!

Сганарель

Не стану! Ты вполне права в своем решенье,
 Я поспешу твое исполнить порученье;

Отсюда два шага — не трудно передать
И с вестью доброю притти к тебе опять.

[*Уходит Изабелла*]

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Сганарель, Эргаст

Сганарель

Душа моя в таком блаженстве утоает,
Любуясь, как она разумно поступает!
Клад добродетели достался мне в удел!
Как! оскорбиться тем, что дерзкий поглядел!
От нежного письма — вспылить 'невероятно
И мне же поручить вернуть его обратно!
Но, видя это все, узнать я был бы рад,
Утешит ли сестра и вас, любезный брат.
Плод воспитания лишь мудрый пожинает.

[*Стучит в дверь Валера*]

Эй!

Эргаст

Что такое?

Сганарель

Вот: пусть господин ваш знает,
Что не дерзнет он впредь любовный вздор писать
И в золотых ларцах девицам рассылать,
Что им разгневана ужасно Изабелла;
Смотрите: даже вскрыть она не захотела;
Пускай же знает он, как принят жар его,
Какое ждет его — по праву — торжество.

[*Уходит*]

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Валер, Эргаст

Валер

Он что-то передал тебе, мой недруг низкий?

Э р г а с т

Он ларчик отдал мне и с ларчиком записку :
 Вы Изабелле, мол, послали, и весьма
 Она разгневалась от вашего письма,
 И распечатывать его не захотела.
 Читайте ж ! кажется, я угадал, в чем дело !

В а л е р *[читает письмо]*

«Письмо это вас, без сомнения, удивит ; можно почесть великой дерзостью с моей стороны и мысль написать его и способ, каким оно вам передано ; но я в таком состоянии, когда меру соблюсти невозможно. Справедливый ужас перед супружеством, через неделю мне грозящим, заставляет меня отважиться на все ; и решив избавиться от него каким бы ни было путем, я пришла к мысли, что мне надлежит избрать вас, а не отчаяние. Не думайте однако, что вы одолжены всем печальной моей участи : не стеснением, в котором я живу, рождены чувства, что я к вам питаю, но оно ускоряет их изъяснение и заставляет обойти околичности, к каким обязывает меня благопристойность моего пола. Только от вас зависит, чтобы я вскоре стала ваша ; и я жду лишь изъяснения намерений вашей любви, чтобы осведомить вас о решении, мною принятом ; но всего более помните, что время не терпит и что два любящих сердца должны понимать друг друга с полуслова».

Э р г а с т

Что, сударь, скажете ? Чудесный оборот !
 В столь нежном возрасте — какой искусный ход !
 Как хитрости любви ей стали вдруг известны !

В а л е р

О, для меня они особенно прелестны !
 Ее любовь и ум открылись мне вполне,
 И стала мне она любезнее вдвойне ;
 И к восхищению, что красота внушает ...

Эргаст

Болван идет: притти в себя вам не мешает.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Сганарель, Валер, Эргаст

Сганарель [*думая, что он один*]

О, дважды, трижды будь благословен указ,
 Которым роскоши запрещены у нас!
 От огорчения мужа освободятся,
 И жены мотовства былого устыдятся.
 За это королю так благодарен я!
 Но чтоб воистину вздохнули все мужа,
 Кокетство запретить мы тоже были б рады,
 Как кружева, шитье и лишние наряды.
 Я тот указ хочу нарочно приобрести,
 Чтоб Изабелла вслух могла его прочесть,
 И этим чтением могли б и впредь друг друга
 Мы развлекать в часы вечернего досуга.

[*Заметив Валера*]

Ну, что, красавчик мой, не станете ль опять
 С записками в ларцах лакеев рассылать?
 С кокеткой встретиться мечтали вы, конечно,
 До шашен лакомой и в нежностях беспечной?
 Теперь вы видите, легко ль ее увлечь.
 Поверьте, сударь мой, игра не стоит свеч;
 Она умна, верна, ей ваша страсть обидна, —
 Так ретируйтесь же, чтоб не было вас видно!

Валер

Да, да, пред вашими заслугами я нем,
 Преграда в них одних моим желаньям всем,
 И я безумцем был, когда с отвагой смелой
 Бороться с вами мог за сердце Изабеллы!

Сганарель

Безумцем, так и есть.

Валер

Я мог ли захотеть

Свободно прелестям ее вослед лететь,
Когда бы только знал, что на пути злосчастном
Мне встреча суждена с соперником опасным?

Сганарель

Ну, разумеется!

Валер

Надежды не вернуть,
И вам без ропота я уступаю путь.

Сганарель

Прекрасно.

Валер

Поступить иначе я не вправе;
Мне ваши качества блистают в полной славе;
Досада всякая еще ли не смешна,
Что Изабелла вам так нежно предана?

Сганарель

Я думаю.

Валер

Да, да, я отойду, не споря;
Лишь малого прошу (ужель в избытке горя,
В любви не признанный, я получу от вас,
Виновника моих несносных мук, отказ?)
Пусть — умоляю вас — поверит Изабелла,
Что если месяцы по ней душа горела,
Сей жар невинен был; умев ее любить,
Я честь ее не мог и в мыслях оскорбить.

Сганарель

Так.

Валер

Что мой дух, ни в чем не видя принужденья,
Мечтал о браке с ней как высшем наслажденье,
Но волею судеб, ее вполне плени,
Преградой стали вы сердечного огня.

Сганарель

Да.

Валер

И — что б ни было — я говорю не ложно,
Что прелестей ее забвенью невозможно,
Что если рок меня лишил ее руки, —
Удел мой есть любовь до гробовой доски;
Но все исканья вы невольно заглушили
Почтенья чувствами, что мне к себе внушили.

Сганарель

Разумные слова; тотчас перескажу
Я все, — обидного я здесь не нахожу;
Но постарайтесь же — советую открыто —
Чтоб вами эта страсть была скорей забыта!
Прощайте!

Эргаст [*тихо, Валеру*]

Влопался.

[*Уходят Валер и Эргаст*]

Сганарель

Мне, право, жалок он.
Бедняга! кажется, он не шутя влюблен;
Но в голову себе такую вбить нелепость:
Задумать осаждать мне преданную крепость!

[*Сганарель стучит в свою дверь*]

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Сганарель, Изабелла

Сганарель

Кто из любовников бывал в такой тоске,
 Письмо невскрытое держа в своей руке?
 Надежды он забыл и отойдет, не споря;
 Но он сказать тебе просил в избытке горя,
 Что, столько месяцев умев тебя любить,
 Он честь твою не мог и в мыслях оскорбить,
 Что дух его, ни в чем не видя принужденья,
 О браке лишь мечтал как высшем наелаженье, —
 Но волею судеб, тебя вполне пленя,
 Я стал преградой сердечного огня;
 И как бы ни было, он говорит неложно,
 Что прелестей твоих забвенью невозможно,
 Что если рок его лишил твоей руки,
 Удел его — любовь до гробовой доски;
 Но все исканья я, невольно заглушаю
 Почтенья чувствами, что я к себе внушаю.
 Так сам он говорил; ему я не судья, —
 Он честный человек, его жалею я.

Изабелла *(тихо)*

Я не обмануга в надеждах сокровенных:
 Невинен был огонь его очей смиренных!

Сганарель

Что шепчешь ты?

Изабелла

Мне жаль, что слишком слаб ваш суд
 Над тем, кого мечты мои теперь клянут;
 И если б вы меня воистину любили,
 Его искания и вас бы оскорбили.

Сганарель

Но сердца твоего он угадать не мог;
В своих же помыслах он честен был и строг
И заслужил одно...

Изабелла

Иль похвалы достойно
О похищение мысль обдумывать спокойно?
И стал бы помышлять, в ком есть прямая честь
Вступать в насильный брак, меня от вас увести?
Как будто после жизнь мне счастье доставит,
Когда стыдом таким меня он обеславит!

Сганарель

Как?

Изабелла

Да, известно мне: влюбленный наш нахал
О похищении моем уж разглашал;
Не знаю, с кем он мог в секретном быть сношенье,
Но ваше он узнал недавнее решенье
Меня на этих днях ввести сужругой в дом,
Хотя вы лишь вчера сказали мне о том, —
И он предупредить, я слышала, стремится
Тот день, когда союз меж нами совершится.

Сганарель

Однако, он хорош!

Изабелла

Признать ли мне вину?
Он честный человек и чувствует одну...

Сганарель

Такие шутки он напрасно допускает.

Изабелла

Но ваша доброта его же подстреклет.
Когда б вы в крупный с ним вступили разговор,

Его бы устрасил ваш гнев и мой укор;
 Ведь после той своей дерзостной записки
 Дерзнул он разглашать свой замысел столь низкий;
 И он не только сам любовью горит,
 Но верит, что и он в душе моей царит,
 Что брака с вами мне решенного не надо,
 Что мне бы и самой бежать была отрада.

С г а н а р е л ь

С ума сошел!

И з а б е л л а

При вас он притворяться рад,
 Его дурачества над вами веселят,
 Словами льстивыми он будет издеваться.
 Как я несчастлива! Должна я вам признаться,
 Что как ни тщи́лась я доньше жить в чести
 И обольщениям навстречу не итти,
 Я предана была внезапности обидной,
 Предметом став игры его неблагоприятной.

С г а н а р е л ь

Не бойся!

И з а б е л л а

Я от вас потребовать должна,
 Чтоб дерзость наконец была отражена, —
 И, если вы его не можете заставить
 Меня исканием докучным не бесславить,
 Я покидаю все: довольно я скорблю
 И поношение несносное терплю.

С г а н а р е л ь

Голубка, не тужи; тебе я обещаю:
 Я разыщу его и разом отчитаю.

И з а б е л л а

Пусть он сознается — вина его ясна,
 Из самых верных рук мне весть передана;
 И если что-нибудь выдумывать он станет,

Бьюсь об заклад: врасплох меня он не застанет.
 Так пусть придет конец и вздохам и словам,
 Он цену должен знать моей приязни к вам;
 Он от великого спасет меня мученья,
 Без повторения усвоив порученье.

Сганарель

Все передам ему.

Изабелла

Но выдержите тон:
 Что не до шуток мне — пусть понимает он.

Сганарель

Ступай, я помню все, — могу тебе ручаться.

Изабелла

Вас с нетерпением я стану дожидаться.
 Вернитесь же скорей — я умоляю вас:
 Когда не вместе мы, мне тяжек каждый час.

Сганарель

Я скоро, мой дружок, — не будь нетерпелива!

[Уходит Изабелла]

Такая умница, примерная на диво!
 Какой счастливец я! Какая радость мне
 Найти себе жену, достойную вполне!
 Вот женщин образец — такие очень редки!
 Куда ни погляди — всё вольные кокетки.
 Болтуни вздорные, — они на весь Париж
 Тебя же высмеют, и как ты уследишь?

[Стучит в дверь Валера]

Эй, где вы там, герой, любезник залихватский!

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Валер, Сганарель, Эргаст

Валер

Что, сударь, нового?

Сганарель

Ваш замысел дурацкий.

Валер

Как?

Сганарель

Вы ль не знаете, о чем нам говорить?
 Я думал, вы умней, — к чему же нам хитрить?
 Меня раскаяньем морочили вы прежде,
 А сами верились бессмысленной надежде;
 Я с вами вежлив был доселе, вас ценя,
 Но вы разгневаться заставите меня.
 Ужель не стыдно вам, во здравом быв рассудке,
 Выдумывать опять такие злые шутки?
 Задумать девушку достойную увести,
 Счастливым брак пресечь, ее пятная честь?

Валер

Откуда странная к вам новость залетела?

Сганарель

Хитрите! Мне о ней сказала Изабелла.
 Она велела вам сказать в последний раз,
 Что сделан выбор ей, что ясен он для вас,
 Что в сердце, верном мне, созрело оскорбленье,
 Что лучше умереть, чем это поношенье,
 Что вызовете вы ее сильнейший гнев,
 Всех этих трудностей прикончить не сумею.

Валер

Коль так она могла и вправду изъясниться,
 Я больше ничего не стану домогаться.

Ясна мне речь ее, и, не вступая в спор,
Уважить должен я столь строгий приговор.

Сганарель

Вы сомневаетесь? Я сочинял, быть может,
Когда передавал все, что ее тревожит?
Так пусть она сама все подтвердит сейчас!
Я согласиться рад, чтобы уверить вас.
Идем, увидите, что я не лгал пред вами,
Что не колеблется любовь ее меж нами.

[Стучит в свою дверь]

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Изабелла, Сганарель, Валер

Изабелла

Как? С вами он идет? Какая ж ваша цель?
Вы в заговоре с ним против меня — ужель?
Очаровавшись им, заставьте ли властно
Меня — его любить и принимать всечасно?

Сганарель

Нет, душка, потерять тебя мне слишком жаль.
Но он вообразил, что я презренный враль,
Решил, что это я так ловко все подстроил —
Тебе любовь ко мне и гнев к нему присвоил,
Хочу, чтоб ты его избавила сама
От заблуждений тех, опасных для ума.

Изабелла [Валеру]

Как? Душу вы мою постигнуть не умели?
Мои желания вам не ясны — ужели?

Валер

О да, известие, что до меня дошло,
Меня, сударыня, лишь удивить могло!

Да, я в сомненье был; ваш приговор жестокий,
 Решающий судьбу моей любви глубокой,
 Мне так чувствителен, что я готов просить,
 Как ни обиден он, — его мне повторить.

Изабелла

Нет, приговором вы удивлены напрасно.
 Мои же чувства вам он дал услышать ясно,
 И, убежденная в их полной правоте,
 Я исповедывать готова чувства те.
 Да, с полной прямою хочу поведать это:
 Судьбою мне даны различных два предмета,
 И чувства разные мне ими внушены,
 Волнуя сердце мне до самой глубины.
 Один избранник мой для будущности честной.
 Предмет почтения и нежности совместный;
 Второй — за дикую привязанность его —
 Предмет презрения и гнева моего;
 Свидания с одним — мне милы и приятны,
 От них в душе прилив веселья благодатный;
 Второй, наоборот, — едва мелькнет в очах,
 Внушает втайне мне и ненависть и страх;
 Быть одного женой я всей душой готова,
 И лучше жизнь отдам, чем выйду за второго.
 Но не довольно ли мне чувства открывать?
 К чему в мучениях жестоких изнывать?
 Я жду, что милый мне, не медля, меры примет,
 И у немилого надежды все отнимет,
 Дабы освободил счастливый гименей
 Судьбу мою от мук, что самой смерти злей.

Сганарель

Да, милочка, уж я исполню все, что надо.

Изабелла

Вот средство верное, чтобы была я рада.

Сганарель

Тебе не долго ждать.

Изабелла

Хотя я знаю — стыд
Девцам открывать мечты их не велит...

Сганарель

Ну, вот еще!

Изабелла

Но я, в подобном затрудненье,
Имею, кажется, права на снисхожденье;
Раздастся без стыда признанья нежный звук
Тому, кто для души моей уже супруг.

Сганарель

Да, детка бедная, да, душенька, конечно!

Изабелла

Но пусть докажет он на деле жар сердечный!

Сганарель

Целуй же руку мне!

Изабелла

Не медля, наконец,
Пусть заключит союз, моих надежд венец;
И честное мое тотчас получит слово,
Что буду я глуха к молениям другого.

[Делая вид, что целует Сганареля, протягивает руку Валеру]

Сганарель

Хе-хе, голубушка, кубышечка моя!
Тебе не долго ждать, тебе ручаюсь я.
Тсс... *[Валеру]* понимаете? Мне нечего трудиться!
Лишь обо мне одном ее душа томится!

Валер

Ну, что ж, сударыня, все ясно с этих пор;
Желанья ваши все открыл наш разговор,
И меры я приму, чтоб вы и не встречали
Того, кто вам внушил немалые печали.

Изабелла

О большей радости не смею и просить;
Докучный этот вид не в силах я сносить, —
Он мне внушает страх, и гнев, и отвращенье.

Сганарель

Ну-ну!

Изабелла

Обидно вам такое возмущенье?
Ужели...

Сганарель

Боже мой! Конечно, нет, отнюдь;
Но все ж, по совести, мне жаль его чуть-чуть;
Ты гневу своему дала напрасно волю.

Изабелла

Но как не гневаться, терпя такую долю?

Валер

Я вас обрадую: трех дней не пролетит —
И взора вашего немилый не смутит.

Изабелла

Желаю счастья вам.

Сганарель [*Валеру*]

Мне жаль, что вы несчастны;

Но...

Валер

Нет, умолкну я, — здесь жалобы напрасны.
Мы оба праведным судом оценены;
Ее желания должны быть свершены.
Прощайте.

Сганарель.

Бедненький! Я так его жалею!
Ну, поделуемся: со мной — как будто с нею!
[Целует Валера, который затем уходит]

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Изабелла Сганарель

Сганарель

Его мне очень жаль.

Изабелла

А мне не жаль его.

Сганарель

Любовию твоей я тронут до того,
Что отлагать ее не буду награжденья.
Неделей ли твое испытывать терпенье?
Нет, завтра я женюсь, и приглашаю лишь...

Изабелла

Как! Завтра?

Сганарель

Знаю, ты стыдишься и хитришь,
Но радость тайная тобою овладела,
И ты хотела бы покончить это дело.

Изабелла

Но...

Сганарель

К свадьбе надо все, не медля, обрядить.

Изабелла *[в сторону]*.

О небо, научи ее предотвратить.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Изабелла [одна]

О да, мне умереть стократ милее будет,
Чем ждать, пока меня к союзу он принудит;
И если я бегу жестоких сих сетей, —
На снисхождение надеюсь от судей.
Пора, уж ночь; иду, с душой неустрашимой,
Судьбу любовнику вручить неразделимо.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Сганарель, Изабелла

Сганарель [говоря наподляющимся с доле]

Я скоро возвращусь, на завтра ж мой приказ...

Изабелла

О небо!

Сганарель

Это ты, голубка? В этот час?

Когда расстались мы, успевши утомиться,
Ты в комнате своей хотела затвориться
И даже не входить просила ты меня,
Дать отдохнуть тебе до завтрашнего дня.

Изабелла

Все это правда, но...

Сганарель

Но что?

Изабелла

Я вся в смущенье,
Не знаю, что сказать сумею в извиненье.

Сганарель

Что ж это может быть?

Изабелла

Нечаянность одна:
Я просьбою сестры уйти принуждена,
И в комнате своей — противилась я тщетно —
Ее же запереть для хитрости секретной.

Сганарель

Как?

Изабелла

Влюблена она — поверите ль? — сама
В отвергнутого мной.

Сганарель

В Валера?

Изабелла

Без ума.

Так страсть ее сильна, что не найти ей равной;
Судите сами вы о силе своенравной,
Когда одна, в сей час, она пришла сюда
Печаль сердечную открыть мне без стыда,
Сказать, что не страшит ее сама могила,
Когда судьба не даст того, что сердцу мило;

Что слишком год уже любви живейший пыл
 Союзом тайным их сердца соединил;
 Что, более того, одним огнем согреты,
 Они произнесли взаимные обеты...

С г а н а р е л ь

Негодница!

И з а б е л л а

И вот увидев бездну бед,
 В какую ввергла я любви ее предмет,
 Пришла — и помощи моей просить дерзает:
 Отъезд предотвратить, что душу ей терзает;
 Принять любовника задумала она
 Под именем моим, у моего окна,
 И голосом моим изобразить решила
 Те чувства нежные, каких всевластна сила,
 Чтобы затем сберечь искусно для себя
 Все, что он чувствует, одну меня любя.

С г а н а р е л ь

И что ты скажешь?

И з а б е л л а

Я? Разгневана безмерно.
 «Так вы бесчувственны, — мой был ответ, — наверно
 И не краснеете, даря свою любовь
 Тому, кто верен час, а там неверен вновь, —
 Свой забывая пол и обманув бесчестно
 Того, с кем волею вы связаны небесной?»

С г а н а р е л ь

Что ж, поделом ему, я даже рад, ей-ей.

И з а б е л л а

Хоть сотню доводов я выставляла ей,
 Укором в низости, — к добру стремясь подвинуть,

Чтобы на эту ночь ее мольбы отринуть, —
 Но так настойчива она в мольбах была,
 Вздыхала тяжело так и столько слез лила,
 Твердя, что я ее в отчаянье ввергаю,
 Когда желаниям ее не помогаю, —
 Что сердцу моему пришлось мне волю дать:
 И чтобы замысел полночный оправдать,
 Как нежность кровная меня к тому склонила,
 Лукрецию к себе я пригласить решила,
 Чьи добродетели вы славите всегда;
 Но вдруг вернулись вы, когда я шла туда.

Сганарель

Нет, нет, всех этих тайн в доме моем не надо!
 На брата старшего хоть и сильна досада,
 Но взгляды с улицы легко ль предотвратить?
 А той, кого хочу супружеством почтить,
 Не только должно быть стыдливой и достойной, —
 Быть заподозренной ей так же непристойно.
 Прогоним дерзкую, а страсть ее должна...

Изабелла

Ах, но она бы так была пристыжена!
 И обвинять меня могла б она нележно,
 Что поступила с ней я столь неосторожно;
 Раз нужно изменить решение мое, —
 Должна, по крайности, я выпустить ее.

Сганарель

Ну, что ж, иди.

Изабелла

Но вас я умоляю скрыться,
 Не заговаривать и дать ей удалиться.

Сганарель

Да, из любви к тебе сдержу я свой порыв
 Но тот же час ее отсюда проводив,

Я к братцу моему немедленно отправлюсь :
Все расскажу ему и то-то позабавлюсь.

Изабелла

Но умоляю вас не называть меня.
Прощайте ; я запрюсь до завтрашнего дня.

Сганарель

До завтра, мой дружок, ..

[Уходит Изabella]

Горю я нетерпеньем

Ошеломить его приятным сообщением.
Своим витийством он себя же обманул,
А я бы за нее червонцем не рискнул.

Изабелла [в доме]

От ваших горестей душа моя тревожна ;
Но вашу просьбу мне исполнить невозможно :
Здесь может честь моя, поверьте, пострадать ;
Идите же, сестра, иль можно опоздать.

Сганарель

Дождлся, наконец ! Ну, разве не развратна ?
Закрою дверь на ключ, чтоб не пришла обратно.

Изабелла [выходя]

О небо, помоги отважности моей !

Сганарель [с сторону]

Куда она пошла ? Последую за ней.

Изабелла [с сторону]

В моем смятении мне будет ночь защитой.

Сганарель

Что хочет ? Здесь живет любезник знаменитый.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ
Валер, Сганарель, Изабелла

Валер *[внезапно выходя]*

Да, да, теперь же в ночь я должен с ней суметь
Заговорить... Кто там?

Изабелла *[Валеру]*

Не надо так шуметь,
Валер, — предупредить вас хочет Изабелла...

Сганарель *[в сторону]*

Врешь, врешь собачья дочь! Иначе вышло дело:
Она девичью честь не так, как ты, блюла;
Ты имя у нее и голос заняла.

Изабелла *[Валеру]*

Но только узами святого гименея...

Валер

Да, к этой цели я направлюсь, не робея;
И завтра же пойду — я слово в том даю —
Куда хотите вы, вручить вам жизнь мою.

Сганарель *[в сторону]*

Обманывай глупцов!

Валер

Возможно ль сомневаться?

Я с глупым аргусом не стану и считаться;
И если силою отнять решится вас,
Стократно грудь его я поражу тотчас.

[Уходят Валер и Изабелла]

Сганарель

Положим, отнимать нимало не завидно
Негодницу, в страстях погрязшую бесстыдно;

И к клятвам я твоим нисколько не ревнив, —
 Будь с ней, пожалуйста, в супружестве счастлив!
 Да, да, с бесстыдницей поймать вас не мешает:
 И память их отца почтенье мне внушает,
 И о сестре ее душа моя болит;
 Все — беспокоиться за честь ее велит.
 Эй-эй!

[Стучится в дверь комиссара]

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Сганарель, комиссар, нотариус, слуга

Комиссар

Кто там?

Сганарель

Прошу вас, комиссар почтенный,
 Присутствовать у нас — в параде, непременно.
 Прошу вас следовать и факел захватить.

Комиссар

Но мы...

Сганарель

Особенно должны мы поспешить.

Комиссар

Зачем?

Сганарель

Мы парочку должны под этим мраком
 Настигнуть, а затем связать их честным браком.
 Здесь о девице речь: обманщиком она —
 Его зовут Валер — была обольщена.
 Быв рода честного и в прошлом — непопорочной,
 Однако...

Комиссар

Если так, сошлись мы как нарочно.
Вот и нотариус.

Сганарель

Не вы ли, сударь мой?

Нотариус

Да-с.

Комиссар

В честности его ручаюсь головой.

Сганарель

Ну, разумеется. Вот в эту дверь войдите
И тихо, чтоб никто не улизнул, следите:
За труд — приличная вас ожидает мзда;
Но только руки греть — не льстите, господа.

Комиссар

Как! Правосудия достойный представитель...

Сганарель

Я вашей должности, поверьте, не хулителъ.
Но брата я хочу скорее привести, —
Пускай мне факел ваш посветит на пути.

[В сторону]

Сейчас обрадую тебя, мудрец холодный!
Эй-эй!

[Стучится в дверь Ариста]

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Арист, Сганарель

Арист

Кто там стучит? Ах, брат? Что вам угодно?

Сганарель

Ступайте, краснойбай, любезник ветхих лет!
Покажут штучку вам, которой краше нет.

Арист

Что?

Сганарель

Новость славную узнаете вы скоро.

Арист

Да что?

Сганарель

Скажите-ка, где ваша Леонора?

Арист

К подруге, помнится, ушла она одной
На бал, — а что?

Сганарель

Так, так — идите же за мной,
Взгляните, на каком девчонка ваша бале!

Арист

В чем дело?

Сганарель

Вы не зря ей проповедь читали:
«Суровость лишняя совсем не хороша,
Мы победим сердца, ничем их не страша;
Решеткой и замком искуснейший радетель
Не в силах воспитать в девицах добродетель;
Одною строгостью их трудно удержать;
Свободу слабый пол умеет уважать».
И впрямь, свободною лукавая объелась:
Ей добродетели помягче захотелось!

А р и с т

К чему же клонится подобный разговор?

С г а н а р е л ь

Идемте, братец мой, и киньте сами взор,
А я бы выложил десятка два пистолей,
Чтоб вам достался плод науки своеволий.
Да, вот к чему вели и мой и ваш урок:
Одна — глупца бежит, другую — он увлек.

А р и с т

Загадки задавать — престранная манера.

С г а н а р е л ь

Загадка в том, что бал ее — в дому Валера;
Она туда пошла — я видел сам — одна,
И обнимается с ним в этот час она.

А р и с т

Кто?

С г а н а р е л ь

Леонора.

А р и с т

Ну, вы эти шутки бросьте!

С г а н а р е л ь

Шучу я?.. Я к нему пришел для шуток в гости?
Бедняга! Я сказал, — сказать ясней не мог, —
Что вашу милую Валер к себе завлек,
Что клятвы дать они взаимные успели,
Пока не начал он мечтать об Изабелле.

А р и с т

К чему нелепости такие повторять?

Сганарель

Он собственным глазам готов не доверять!
Я в бешенстве! Ей-ей, свой возраст вы срамите,
Коль пусто здесь у вас.

[Прикладывает палец ко лбу]

Арист

Чего же вы хотите?

Сганарель

Ах, боже, ничего! Доверьтесь только мне —
Довольны будете вы сразу и вполне.
Увидим, лгу ли я и мало ль правды в этом —
Что их сердца давно сопряжены обетом.

Арист

Поверить, что она не известить меня
Могла, к союзу с ним желания склоня, —
Меня, чье ведает издавна обхожденье,
Являвшее во всем любовь и снисхожденье,
Кто многократно ей старался изъяснить,
Что склонностей ее не думает стеснять!

Сганарель

Ну, скоро вам самим предстанет эта пара.
Нотариуса я позвал и комиссара.
Для плана брачного все основанья есть:
Он должен ей вернуть утраченную честь;
Едва ли вы могли столь низко опуститься,
Чтобы желать на ней, с таким пятном, жениться.
Иль, может быть, и здесь начнете вы мудрить,
Что, мол, издевками нельзя вас огорчить?

Арист

Избегну я и впредь сей слабости постылой,
И сердцем обладать не пожелаю силой.
Но как поверю я...

Сганарель

Напрасный разговор!

Идем, нам никогда не кончить этот спор!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Комиссар, нотариус, Сганарель, Арист

Комиссар

Насилия отнюдь не нужно в деле этом;
И если ваша цель — их сочетать обетом,
Желанье ваше здесь легко осуществить.
Она и он равно готовы в брак вступить;
Уж подписал Валер, да будет вам известно,
Что признает ее своей супругой честной.

Арист

Она...

Комиссар

Закрыла дверь, решив остаться так,
Пока согласия вы не дали на брак.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Комиссар, Валер, нотариус, Сганарель, Арист

Валер [*из окна своего дома*]

Нет, господа; никто сюда войти не может,
Пока меня судьба неясностью тревожит.
Вы знаете, кто я; я долг исполнил свой,
Сей лист — вы видите — скрепив своей рукой.
Когда на наш союз согласье вы дадите,
Своею подписью вы это подтвердите;
Но верьте: я скорей скончаю дни мои,
Чем соглашусь отдать предмет моей любви.

Сганарель

Нет, нет, разлукой вам никто не угрожает.

(Тихо, в сторону)

Все Изабеллу он себе воображает:
Нам это на руку.

Арист

Но Леонора ль с ним?!

Сганарель

Молчите!

Арист

Но...

Сганарель

Тсс-тсс...

Арист

Но что ж...

Сганарель

Неисправим!

Вы замолчите ли?

Валер

Но, что б вы ни сказали,

Мы с Изабеллою друг другу клятвы дали;

Таков ли выбор мой — решите, господа,

Чтоб был причиною он строгого суда?

Арист *[Сганарелю]*

Во всем, что он сказал...

Сганарель

Молчите же, любезный;

Секрет откроется.

[Валеру]

Да, споры бесполезны,
Согласие на брак мы вам дадим тотчас
С девицей, что теперь находится у вас.

Комиссар

Здесь все изложено подробно, как прилично,
Но в имени пробел, до явки самоличной.
Пишите. Очередь девицы после вас.

Валер

Итак, согласен я.

Сганарель

Я также, хоть сейчас.

[В сторону]

Уж посмеемся мы!

[Громко]

Скорей же подпишите, —

Вам честь и место, брат.

Арист

Всё тайны! Разъясните.

Сганарель

Пишите, черт возьми! Прочь дурь из головы!

Арист

Об Изабелле — он, о Леоноре — вы.

Сганарель

А если и она, что ж будет в том дурного,
Что вы позволите им дать друг другу слово?

Арист

Конечно.

Сганарель

Ставьте же здесь подпись, вот — моя.

Арист

Пусть так, но цель темна.

Сганарель

Все разъясню вам я.

Комиссар

Еще вернемся мы.

Сганарель [Аристу]

Я изложу значенье

Всей этой кутерьмы.

[Отходят в глубину сцены]

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Леонора, Лизета, Сганарель, Арист

Леонора

Ужасное мученье!

Безумцев молодых мне так досажен нрав!

Едва спаслась от них я, с бала убежав.

Лизета.

Но каждый угодить, конечно, вам старался.

Леонора

Несносней ни один мне вечер не казался:

Приятней был бы мне простейший разговор,
Чем эти рассказы и этот важный вздор.

Всех русым париком — им мнится — покоряют

И остроумие задорно изошряют,

Начав, с повадками невежи-шутника,

Глумленья глупое над чувством старика, —

Как будто мне его заботы не ценнее,

Чем молодых голов безумные затеи.

Но кто передо мной?..

Сганарель [Аристу]

Все было так, ей-ей.

[Заметив Леонору]

Да вот она сама, и горничная с ней.

Арист

Не гневом, жалобой вас встречу, Леонора!
 Стеснены были ли вы от моего надзора?
 Настаивал ли кто упорнее, чем я,
 Чтоб вам свободно жить, желаний не тая?
 Но втихомолку вы, презрев моим советом,
 Себя свяжете любовью и обетом.
 О мягкости моей жалеть не стану, нет,
 Но поведением подобным я задет;
 Вы поступаете совсем не по заслугам
 Со мной, кто столько лет был нежным вашим другом.

Леонора

Чем недовольны вы — понять я не могла,
 Но верьте, что во всем я та же, что была,
 Что неизменно к вам проникнута почтеньем,
 Что нежной быть с другим — почла бы преступленьем,
 Что вы исполните заветный помысл мой,
 Святыми узами соединясь со мной.

Арист

На чем основана вся ваша, брат, химера?

Сганарель

Как? Вы выходите сейчас не от Валера?
 Не говорили вы о страсти ничего?
 Иль больше года вы не влюблены в него?

Леонора

Кто мог живописать подобные картины,
 Пятная честь мою без смысла и причины?

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Изабелла, Валер, комиссар, нотариус, Эргаст, Лизета, Леонора, Сганарель, Арист

Изабелла

Я вас прошу меня сердечно извинить,
 Что ваше имя я решилась очернить.
 В нежданной крайности, запутавшись всецело,
 К постыдной хитрости я обратилась смело:
 Конечно, вами я за то осуждена,
 Но участь нам была не сходная дана.

[Сганарелю]

Перед вами, сударь мой, не стану я виниться.
 Полезно и для вас со мною разлучиться.
 По воле неба нам назначен разный путь:
 Я не достойна вас — не правда ли? — ничуть,
 И мне приятней быть в объятиях другого,
 Чем возвратиться к вам — не по заслугам — снова.

Валер [Сганарелю]

Я, сударь, вижу честь и счастье мое
 В том, что из ваших рук я получил ее.

Арист

Вам нужно с кротостью испить из этой чаши:
 Причиною всего — одни поступки ваши;
 И в вашей участи всего печальней то,
 Что не жалеет вас в такой беде никто.

Лизета

А я за этот шаг ее хвалить готова:
 Она разделалась с ним, право, образцово.

Леонора

Возможна ль похвала — судить я не берусь,
 Но осуждать ее я также не решусь.

Эргаст

Судьба его к рогам влекла бесповоротно;
Иметь их лишь в мечте он предпочтет охотно.

Сганарель [*выйдя из оцепенения*]

Нет, изумления не победить ничем.
Я от коварности подобной, право, нем;
Навряд ли дьявол бы сумел так зло и смело
Со мною обойтись, как эта дрянь сумела!
Я руку за нее готов был сжечь в огне.
Но можно ль женщине довериться вполне?
Из них и лучшая — одна сплошная злоба;
Весь этот пол рожден, чтоб мучить нас до гроба.
На веки вечные я рад его проклясть.
Чтоб провалился он — и прямо к чорту в пасть!

Эргаст

Так.

Арист

Всех прошу ко мне. Идем без замедленья;
Надеюсь завтра я смирить его волненье.

Лизета [*к партнеру*]

Коль есть подобный муж, — дикарь и нелюдим, —
Ему благой урок охотно мы дадим.

ДОКУЧНЫЕ

Les Fâcheux

Перевод Вс. Рождественского

Комедия *Докучные (Les fâcheux)* — первый опыт создания нового жанра, получившего впоследствии известность под наименованием «комедия-балет» и занявшего значительное место в творчестве драматурга, режиссера и актера Мольера.

Сочетание комедии с танцевально-пантомимическими и чисто танцевальными выступлениями костюмированных персонажей, появляющихся между отдельными актами основного драматического действия, расценивается самим Мольером (в предисловии к данной комедии) как «соединение, которое является новым для наших театров». При этом он добавляет: «и потому, чтобы не разрывать нить пьесы такими интермедиями, мы решили связать их как можно теснее с сюжетом, соединив балет и комедию в одно целое». Рождение нового жанра Мольер истолковывает в тесной связи с обстоятельствами спешной работы, предшествовавшей подготовке к празднеству в замке суперинтенданта финансов Никола́ Фуке, который заказал Мольеру сочинение комедии, имевшей быть представленной в присутствии короля Людовика XIV. Первоначально предполагалось, что вместе с комедией будет показан и новый балет, как некое самостоятельное произведение. Но так как «в распоряжении нашем было лишь небольшое число отличных танцоров, то пришлось разделить выходы этого балета, и было решено поместить их в антрактах комедии с тем, чтобы в промежутках (между отдельными актами комедии. — А. Г.) дать время тем же самым танцорам переодеться для следующего выступления». Весь спектакль в целом был «задуман, сочинен, разучен и представлен в течение двух недель».

Но созданный наспех спектакль перерастает рамки случайного придворного увеселения и открывает собой серию комедий-

балетов Мольера. Этот жанр не однороден, и внутри его *Докучные* занимают особое место. Они кладут начало обличительному «обозрению», в котором сюжетная ткань и интрига основного комедийного действия намечаются кратко и лаконично, создавая лишь некий стержень для развертывания эпизодов, на которых и сосредоточивается внимание автора и зрителя.

Фабула комедии крайне проста. Эраст спешит на свидание с возлюбленной, но ему мешают «докучные», по очереди, в эпизодах, появляющиеся на сцене. Эрасту отводится сравнительно скромное место лица, которое должно связать воедино разрозненные эпизоды. Он ведет беседы со встретившимися ему картежником, дуэлянтом, охотником, двумя предюжными спорщиками о любви и педантичным критиком надписей для вывесок. На этих эпизодических персонажах концентрируется обличительная сила Мольера-сатирика, их он развенчивает, высмеивает и вышучивает с метким остроумием, чтобы под конец легким штрихом закончить развитие действия, вернувшись к Эрасту и соединив его после стольких досад, испытанных от болтовни «докучных», с обожаемой им Орфизой (очерченной еще более бегло, чем Эраст).

Подобная конструкция пьесы была в дальнейшем использована в развитии комической оперы XVIII века (например, в «ярмарочном» театре Лесажа и его последователей), а еще позднее — во французском «обозрении» (revue) XIX века. Конферирующий выступление «докучных» Эраст предвещает уже, хотя и в первичном наброске, конференсье «обозрений», комментирующих и подготовляющих появления различных персонажей эпизодов, нанизываемых на схематичную основную канву действия. Балетные номера интермедий и феерия декоративно пышной постановки подкрепляют сценическую увлекательность спектакля, образующего в целом некий новый «малый» жанр, создаваемый Мольером параллельно с его работой в области «высокой» комедии нравов и характеров.

Но, указывая на связи, существующие между комедией Мольера *Докучные* и «обозрением» XIX века, на формирование малого и легкого жанра комедийного театра в недрах аристократического общества XVII столетия, необходимо подчеркнуть

высокое качество и богатое мастерство, которым отмечено «обозрение» на первичной стадии его развития, что составляет его существенное отличие от судеб того же жанра на буржуазной сцене XIX века. Прежде всего, знаменательно участие крупнейшего драматурга Франции — Мольера — в работе над малым жанром современного ему театра, тогда как в XIX веке «обозрения» находятся в руках третьестепенных, литературно немощных сочинителей-ремесленников. При всей развлекательности и легкости «малого» жанра, он предстает в *Докучных* Мольера вооруженный большой идейной значимостью, обличительно-сатирической направленностью и отчетливыми реалистическими тенденциями.

Глубоко характерно, что именно по поводу представления *Докучных* соратник Мольера по перу, баснописец Лафонтен, мог приветствовать Мольера как создателя нового, по своим тенденциям, реалистического, творческого метода. В стихотворном послании к Мокруа, дающем подробное описание первого представления *Докучных* в загородном замке Фуке, Лафонтен пишет:

Nous avons changé de méthode,
 Jodelet n'est plus à la mode,
 Et maintenant il ne faut pas
 Laisser la nature d'un pas. *

В том же послании Лафонтен приветствует Мольера, говоря: «я восхищен им, потому что этот человек — в моем вкусе» (*j'en suis ravi, car c'est mon homme*). Эти высказывания Лафонтена ясно свидетельствуют, что передовые люди из числа современников Мольера не отделяли резкой гранью комедии-балеты Мольера от его психологически углубленных комедий нравов и характеров, как то довольно часто делают буржуазные критики во Франции (например Поль де-Сен-Виктор и его последователи), рассматривающие комедии-балеты Мольера как некое компромиссное отступление его от серьезных задач драматургии и от принципов «высокой» комедии. Известно, что пре-

* «Мы изменили наш метод, Жодде больше не в моде, и теперь нельзя ни на шаг отступать от природы».

небрежительное отношение к комедиям-балетам Мольера привело во французском театре XIX века к снятию всех танцевально-вокальных интермедий при представлении комедий-балетов Мольера.

Между тем, для Мольера показательно, что он не боится яркости и красочности обрисовки, говорит полным голосом, не страшась усиления зрелишно-увлекательной стороны своего спектакля. Балетное окружение основного комедийного стержня нанизывается Мольером на крепкий и содержательный остов обличительного осмеяния «докучных», и балетные номера не затушевывают правдоподобия и живости, меткости и актуальности очерченных им в основном действии типов.

Со стороны враждебных Мольеру кругов французского аристократического общества XVII века исходит утверждение, что при сочинении *Докучных* Мольер ограничился простым портретированием живых персонажей; он пользовался якобы записками, которые аристократы составляли о своих собственных недостатках и затем передавали Мольеру для воспроизведения на сцене, так как считали, что изображение их в театре увеличит их славу.* В посвящении королю, предпосланном изданию комедии *Докучные*, Мольер говорит о приказе короля присоединить к серии «докучных» еще одну фигуру, а именно неистового дворянина-охотника, живой образец которого был подсказан Мольеру самим королем. Первый биограф Мольера — Гримаре — также говорит об этом, сводя творчество Мольера при обработке данного персонажа комедии к простой «версификации готового содержания, подсказанного высокой особой».

Такого рода предположения и слухи, окружавшие данную комедию при жизни автора, повествуют об актуальной живости начертанных Мольером образов «докучных», хотя в то же время и не приходится сколько-нибудь доверять тенденции снизить творческий процесс Мольера до простого портретирования живых людей. Даже свидетельство самого Мольера об участии

* Такую точку зрения высказывает Визе (Visé) в своих *Nouvelles nouvelles* (см. *Collection moliéresque*).

короля в создании образа дворянина-охотника может быть истолковано как желание Мольера прикрыться именем короля и тем обезопасить себя от нападков со стороны затронутых его сатирой дворянских кругов. Но самый факт, что обличение попало в цель и воспринималось современниками как необычайно меткое, не отступающее, по выражению Лафонтена, «ни на шаг от природы», свидетельствует о плодотворности метода, использованного в данной комедии Мольером. В применении к «малому» жанру он продолжает развивать намеченный им уже в *Уроке мужьям* переход от схематичной «маски» к живому, правдоподобному сценическому образу, углубляемому в *Уроке женам* до психологически утонченной разработки характера Арнольфа.

Персонажи «докучных», созданные Мольером, порывают со схематизмом «масок» итальянской комедии, хотя они и вырастают на основе ее традиций. Они становятся рядом с характерами, создаваемыми в эту эпоху Лабрюйером, перекликаются с образами Скаррона, намеченными в *L'épître chagrine*, с сатирами Матюрена Ренье, написанными в подражание римским сатирам Горация, — иначе говоря, они образуют театрално-драматургическую параллель к крупным литературным фактам эпохи; возводя достижения театралного искусства на новую, более высокую, ступень. Мольер бичует в своих *Докучных* тругней-дворян, бездельников, аристократических снобов, паразитарную группу феодально-помещичьего общества, задерживающую ход развития Франции, где в эту пору насаждаются мануфактуры и развивается торговля под знаком меркантилизма. Пьеса Мольера *Докучные* появилась как раз накануне прихода к власти Кольбера (1661), который в последующее десятилетие приложил все свои усилия для развития торговли и промышленности в абсолютистской Франции. В этой обстановке *Докучные* Мольера перерастали из живых «портретов» в общественно вескую сатиру на тунеядцев из дворянского общества, приобретая социальную-политическую значимость большого размаха.

Обстоятельства, сопровождавшие первое представление *Докучных* в замке суперинтенданта финансов Фуке 18 августа 1661 г. запечатлелись в памяти современников с особой отчетливостью, так как они оказались связанными с большим политическим

событием — падением Фуке и назначением Кольбера «генеральным контролером финансов». Спустя девятнадцать дней после первого представления *Докучных* в замке Во Фуке был арестован «по приказу короля» и заключен в крепость Пиньероль, где и пробыл до конца своих дней. Вместе с ним был арестован и его ближайший сотрудник, писатель Пелисон (автор обращенного к королю пролога перед представлением *Докучных*), который отдался пятью годами заточения в Бастилии. Разгром могущественного финансового магната был полный. Кольбер обвинял его в спекуляциях, а мемуары Людовика XIV ставят ему в упрек склонность к невероятной роскоши, расточительность и стремление к «наглым приобретениям». Устроенное Фуке пышное празднество, на котором *Докучные* были представлены до показа новой пьесы при дворе, явилось, быть может, лишним подтверждением уже сложившихся ранее обвинений. Интересно отметить, что Фуке поддерживал связи не только со второстепенными талантами вроде Пелисона, но и с крупнейшими литераторами эпохи — с Мольером и Лафонтеном. Данное последнее описание представления *Докучных* на празднестве у Фуке исполнено явной симпатии к впадшему в опалу суперинтенданту. Этим обстоятельством объясняется то, что описание Лафонтена могло появиться в печати только значительно позднее, в 1729 г.

Из описания Лафонтена мы узнаем целый ряд подробностей о характере постановки *Докучных* на первом представлении комедии. Спектакль шел на сцене, устроенной среди аллеи хвойного леса, в парке, созданном по рисункам Ленотра; декорации были написаны художником Лебреном, а машинно-феерические превращения были налажены известным постановщиком, художником-архитектором Торелли, с которым сотрудничал и создатель французской классической трагедии Корнель (в *Андромеде* и в *Золотом руне*). Перед началом представления Мольер выступил в качестве «оратора» с обращением к королю, в котором просил извинения за спешный характер работы актеров. Затем раскрылась скала и превратилась в раковину, несущую наяду (артистка мольеровской труппы Мадлена Бежар), которая декламировала пролог, сочиненный Пелисоном. Одновременно повернулись фигуры, стоявшие на пьедесталах, и появились тан-

доры — фавны и вакханки. После этого вступления началось представление самой комедии, в которой Мольер исполнил несколько ролей.

Танцовальные выступления в антрактах комедии были поставлены балетмейстером Доливе, а в числе танцоров выступал Бошан, вскоре назначенный директором «Академии танца», учрежденной Людовиком XIV в 1661 г. Танцовальные выступления и пантомимические «выходы» (*entrées*) скрепляются с ходом действия основной комедии: группы танцующих как бы продолжают выступления «докучных», надоедающих Эрасту, но развивают этот мотив в танцовально-пантомимических сценах (всего одиннадцать «антре»). Так, например, группа игроков с шарами требует от Эраста, чтобы он разрешил спор, возникший во время их игры. Балетные номера разнообразно варьируются, допуская смену групповых танцев сольным танцем (садовника). Лирико-пасторальный танцовальный дуэт пастушка и нимфы следует за шумным «выходом» маскарадной группы с комически трактованными музыкальными инструментами. Интересен и «выход» мальчиков с пращами, изображающих сторонников «фронды», — легкий намек на недавние политические события, на успешную борьбу абсолютистской власти с феодально-дворянской оппозицией.

Докучные были перенесены затем на сцену городского театра Мольера (Пале-Рояль), где они выдержали значительное число представлений в течение нескольких сезонов. Всего они шли сто шесть раз при жизни Мольера, т. е. по количеству представлений среди его комедий стоят на третьем месте.

Являясь первым наброском социальной сатиры на дворянство, развернутой Мольером позднее с большей глубиной и уверенностью, *Докучные* занимают в творчестве Мольера место подготовительного этюда к последующим, более сложным художественно-общественным заданиям, осуществляемым в форме классической комедии характеров. Но вместе с тем они обозначают и начало другой ветви в работе Мольера, ведущей к созданию комедий-балетов типа *Мещанина во дворянстве* и *Мнимого больного*.

А. Гвоздев.

К КОРОЛЮ

Сир!

Я прибавляю еще одну сцену к этой комедии, ибо человек, посвящающий книгу, есть тоже в своем роде довольно невыносимый Докучный. Ваше величество знает об этом больше, чем кто-либо другой в его королевстве, ибо не в первый день оно является мишенью потока посвячительных посланий. Но хотя я следую примеру других и ставлю себя в один ряд с изображенными мною лицами, я все же смею сказать его величеству, что делаю я это не столько для того, чтобы предложить ему свое произведение, сколько с целью выразить ему благодарность за успех этой комедии. Я обязан, сир, этим успехом, превзошедшим мои ожидания, не только милостивому одобрению, которым ваше величество с самого начала удостоило комедию, вызвав таким образом свыше всеобщую ей похвалу, но и приказанием вашего величества прибавить характер еще одного Докучного, черты которого ваше величество имело доброту мне раскрыть сами и который был признан лучшею частью произведения. Должен сознаться, сир, что никогда и ничего я не писал с такой легкостью и быстротой, как то место, которое ваше величество повелели мне разработать: радость повиноваться вам значила для меня больше, чем Аполлон и все музы; и из этого я вижу, что способен был бы я создать, если бы писал всю комедию под влиянием таких указаний. Рожденные в высоком звании могут

надеяться на честь служить вашему величеству на значительных должностях; но для меня вся слава, к которой я могу стремиться, заключается в том, чтобы увеселять ваше величество. Этим ограничиваются мои честолюбивые желания; и я полагаю, что в известной степени могу быть полезен Франции, сделав что-либо для развлечения ее короля. Если же я не достигну в этом успеха, то виною этому будет не недостаток рвения или усердия, но единственно лишь злая судьба, которая преследует перед о лучшие наши стремления, что, конечно, чувствительно огорчит,

с и р,

вашего величества
всенижайшего, всепокорнейшего и
всепреданнейшего слугу и поддан-
ного

Ж.-Б. П. Мольера

К ЧИТАТЕЛЮ

Никогда еще театральное предприятие не было таким поспешным; ибо это, мне кажется, вещь небывалая, чтобы комедия была задумана, сочинена, разучена и представлена в течение двух недель. Говорю это не к тому, чтобы хвастаться своей способностью к экспромтам и добиваться соответствующей славы, а единственно для того, чтобы предупредить нападки некоторых лиц, которые могли бы отметить, что я изобразил здесь не все виды Докучных, какие существуют на свете. Я знаю, что число их велико, при дворе как и в городе, и что только из них, без эпизодов, я мог бы составить комедию в пяти богатых действием актах, — и у меня бы еще осталось много материала. Но в тот короткий срок, который мне был предоставлен, мне было невозможно развить обширный замысел и тщательно обдумать выбор персонажей и построение сюжета. Я решил поэтому коснуться лишь небольшого числа Докучных; и я взял тех из них, которые прежде всего пришли мне на ум и показались наиболее подходящими, чтобы развлечь высочайших особ, пред коими мне надлежало выступить; и чтобы быстрее связать все это вместе, я воспользовался первым попавшимся мне узлом. В мои намерения не входит разбирать теперь, насколько все это можно было сделать лучше и смеялись ли те, кого это позабавило согласно правилам. Придет время, когда я напечатаю свои замечания по поводу пьес, которые напишу, и я не теряю надежды когда-нибудь показать, что могу в качестве большого автора цитиро-

вать Аристотеля и Горация. В ожидании этого разбора, который, может быть, никогда не появится, я всецело полагаюсь на мнение толпы, ибо считаю одинаково трудным делом как нападать на произведение, которое одобрится публикой, так и защищать осужденное ею.

Нет никого, кто не знал бы, для какого увеселения была сочинена эта пьеса, и празднество это было столь пышным, что излишне говорить об этом; однако уместно сказать два слова об украшениях, присоединенных к комедии.

Было задумано дать также и балет; но так как в распоряжении нашем было лишь небольшое число отличных танцоров, то пришлось разделить выходы этого балета, и было решено поместить их в антрактах комедии с тем, чтобы в промежутках дать время тем же танцорам переодеться для следующего выступления; и потому, чтобы не разрывать нить пьесы такими интермедиями, мы решили связать их как можно теснее с сюжетом, соединив балет и комедию в одно целое; но так как времени было очень мало и устраивало все это не одно лицо, то найдутся, быть может, некоторые места из балета, которые входят в комедию не так естественно, как другие. Как бы там ни было, такое смешение есть новость для наших театров, и для него можно подыскать кое-какие авторитеты в древности; и так как все нашли его приятным, оно может послужить образцом для других произведений, обдуманых с большей тщательностью.

Прежде чем поднялся занавес, один из актеров, в котором можно было узнать меня, появился на сцене в городском платье и, обратившись к королю со смущенным видом, запинаясь, принес ему извинения в том, что он вышел один и что ему не достало времени и актеров, чтобы предложить его величеству ожидаемое развлечение. В это самое время посреди двадцати натуральных фонтанов раскрылась раковина, которую все видели, и привлекательная Найда, выйдя из нее, подошла к краю сцены и в героическом стиле произнесла стихи, сочиненные господином Пелисоном и служащие прологом к пьесе.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Эраст, влюбленный в Орфизу.

Ла-Монтань, слуга Эраста.

Альсидор.

Орфиза.

Лизандр.

Алькандр.

Альсип.

Оранта.

Климена.

Дорант.

Картидес.

Ормен.

Филлинт.

Дамис, опекун Орфизы.

Эпин, слуга Дампса.

Ла-Ривьер и двое его товарищей [слуги Эраста].

Место действия — Париж.

П Р О Л О Г

[Сцена изображает сад, украшенный термами и фонтанами]

Н а я д а *[выплывал в раковине из глубины вод]*

Чтоб видеть короля, чья доблесть выше меры,
О смертные, для вас я вышла из пещеры.
Не кажется ли вам, что небо или земля
Должны здесь зрелище явить для короля?
Он хочет, он сказал — и это выполнимо.
Не чудо ли он сам, нам явленное зримо?
Его прекрасный век, исполненный чудес,
Не в праве ль ожидать того же от небес?
Отважен, смел, умен, весь — мужество, учтивость,
Столь нежен, сколь суров, сколь строг, столь щедр
на милость,
Умеет Францией он править и собой,
Вести средь важных дел забав высокий строй,
В великих замыслах ни в чем не ошибаться,
Все видеть, понимать, душой делам отдаться;
Кто может быть таким, тот может все. Он сам
Повиновение предпишет небесам —
И статуи пойдут, и, чтя его законы,
Дубы заговорят мудрей дерев Додоны.
Простые божества, властители лесов,
О нимфы, все сюда на королевский зов!

(Несколько Дриад в сопровождении Фавнов и Сатиров выходят из-за деревьев и терм)

Я подаю пример, я чту его забавы.
Оставьте облик свой и тихие дубравы

И появитесь вдруг пред праздничной толпой
На новой сцене, здесь, актерской чередой.
О благе подданных, о нуждах беспокойство,
Рой царственных забот, высоких дел устройство,
Оставьте короля, позвольте хоть на миг
Душе его найти беспечности родник.
Он завтра же придет, подвигнут силой новой,
Под тяжестью трудов на голос ваш суровый —
Законы утвердить, награды разделить,
Желанье подданных указом упредить,
Нерушимый покой воздвигнуть во вселенной
И миру передать свой отдых драгоценный.
Пусть нынче все его увеселяет. Пусть
Имеет цель одну: развлечь, рассеять грусть.
Прочь вы, докучные! Нет, можете остаться,
Чтоб мог он, видя вас, от всей души смеяться.

*(Наяда уводит с собой группу персонажей комедии, которых она
вызвала на сцену, а в это время остальные начинают танец
под звуки гобоев и скрипок)*

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Эраст, Ла-Монтань

Эраст

О боже, под какой звездой я рожден,
Что в жертву каждый час докучным обречен?
Мне рок их всюду шлет с насмешкою суровой,
И каждый божий день под некой маской новой;
Но тот, сегодняшний, несноснее всего:
Я думал, не спастись вовек мне от него,
Сто раз я проклинал невинное стремленье,
Закончив свой обед, взглянуть на представленье —
И вместо отдыха под легкие стихи
Вкусил возмездие за все свои грехи.
Ты должен выслушать мое повествованье
Затем, что полон я сейчас негодованья:
На сцене захотел прослушать пьесу я,
Которую давно хвалили мне друзья.
Актеры начали. Я весь был — слух и зренье.
Вдруг, пышно расфранчен, порывистый в движенье,
Какой-то кавалер, весь в кружевах, вбежал
И крикнул: «Кресло мне!» — на весь широкий зал.
Все обернулись вслед шумящему повесе,
И лучшее он нам испортил место в пьесе.
О боже, неужель учили мало нас,
Что, грубостью манер блистая каждый час,

На шумных сборищах и в театральном зале
Свои пороки мы столь явно выставляли
И глупой суетой старались подтвердить
Все, что соседи в нас стремятся осудить!
Меж тем, как пожимал плечом я в нетерпенье,
Актеры продолжать хотели представленье,
Но в поисках где сесть назойливый начал
Со стуком пересек весь возмущенный зал
И, несмотря на то, что сбоку место было,
Посередине вдруг поставил кресло с силой,
От прочей публики презрительной спиной
Широко заслонив актеров с их игрой.
Другой бы со стыда сгорел от реплик зала —
А он сидит упрям и не смущен нимало.
Он так бы и сидел, надменный вид храня,
Когда б, к несчастью, вдруг не увидал меня.
«Маркиз! — воскликнул он и, кресло подвигая,
Добавил: — Как живешь? Дай обниму тебя я».
Пришлось мне покраснеть, почувствовав испуг:
Вдруг все подумают, что он мне близкий друг.
Ведь он из тех людей, что всюду точно дома,
Из тех, кто кажет вид, что вы давно знакомы,
Кто обнимает вас среди светской суеты,
Как будто вы давно с ним перешли на ты.
Старался он занять мой слух каким-то вздором
И громко так шептал, что стал мешать актерам.
Соседи шикали, а я, чтоб он отстал:
«Позвольте слушать мне», — с мольбою прошептал.
«Ты пьесу не видал? Клянусь пред целым светом,
Она весьма мила, хоть и пуста сюжетом.
В законах сцены я умею видеть цель:
Творенья все свои читает мне Корнель».
Тут стал он говорить про сущность представленья,
Рисуя наперед явленье за явленьем,
И каждый новый стих, почувствовав задор,
Читал мне на ухо чуть раньше, чем актер.
Болтал он, а меня досада разбирала.

Но вот он поднялся задолго до финала,
 Затем, что при дворе средь выспренных сердец
 Считается смешным выслушивать конец.
 Вздыхнув от всей души, расстался я с повесой.
 Кончаются мои мученья вместе с пьесой.
 Но не предвидел я своих грядущих бед —
 Беседой мне опять стал докучать сосед:
 О подвигах своих, о женском обожанье,
 О добродетелях, конюшнях, о вниманье,
 Которое ему оказывает двор,
 О том, что мне служить готов он с давних пор.
 Я вежливо его благодарил, лелея
 Одну лишь мысль в душе: расстаться с ним скорее.
 Но он, предугадав мой умысел простой:
 «Пойдем и мы, — сказал, — театр почти пустой»,
 И тотчас, зля меня, добавил глупость эту:
 «Хотел пред всеми бы похвастать я каретой;
 Она так хороша, что каждый пэр и граф
 Готов мне подражать, такую ж заказав».
 Почувствовав, что здесь отпор особый нужен,
 Я отвечал ему, что жду друзей на ужин.
 «Ах, черт возьми! И я с тобой поеду, друг.
 Пусть маршал подождет, теперь мне недосуг».
 «Но, — возражаю я, в душе кипя от злости, —
 Что могут там найти изысканные гости?»
 «Пустое, — он в ответ, — за трапезой простой
 Приятно будет мне сесть рядышком с тобой.
 Устал я от пиров. Они мне уж не диво».
 А я ему опять: «Вас ждут, и неучтиво...»
 «Ты шутишь, милый друг. Ведь рядом за столом
 Милей, чем где-либо, мы вечер проведем!»
 Пришлось ругать себя в досаде и смущенье
 За горестный успех столь тонких возражений
 И голову ломать, как от беды уйти,
 Что горше смерти мне предстала на пути.
 Вдруг вижу: пышная карета по аллее —
 И сзади у нее и спереди лакеи —

С великим грохотом катится к воротам,
 Какой-то юноша выскакивает к нам,
 А собеседник мой летит к нему навстречу.
 Прохожих удивив порывистою речью.
 Когда они сошлись в любезностях живых
 И спазмах радости — от жаркой встречи их
 Я поспешил уйти, не говоря ни слова.
 Избави бог меня от ужаса такого!
 Несносного готов бранить я и сейчас:
 Он отнял у меня свиданья нежный час.

Ла-Монтань

С блаженством, то и знай, соседствуют терзанья;
 Жизнь, сударь, не всегда отвечает желаньям.
 У каждого из нас немало приставал,
 Иначе б этот мир был выше всех похвал.

Эраст

Докучней всех Дамис; он — опекун пристрастный
 Красавицы, в кого я так влюбился страстно;
 Он, зная, что и я приятен деве той,
 Строжайше запретил ей видеться со мной.
 Боюсь, я пропустил условный час свиданья.
 Орфиза в этот сад выходит для гулянья.

Ла-Монтань

Условный час всегда достаточно велик,
 И уместиться он не может в краткий миг.

Эраст

Ты прав! Но страсть моя, исполненная рвенья,
 Из пустяка создать способна преступленья.

Ла-Монтань

О, если эта страсть, столь пылкая у вас,
 Значенье придает и мелочам подчас,
 Зато она в ответ, пылая тем же жаром,
 За преступления вас не подвергнет карам.

Эраст

А как ты думаешь, и вправду я любим?

Ла-Монтань

Кто доказательствам не верил бы таким!

Эраст

Ах, сердцу нашему в его порыве страстном
Порой все кажется неверным и напрасным.
Боишься сделать шаг, и для мечты своей
Невероятным мнишь то, что всего милей.
Но где ж красавица, души моей отрада?

Ла-Монтань

Постойте, сударь, вам поправить брыжжи надо.

Эраст

Отстань!

Ла-Монтань

Не задержу. Минутку вас прошу.

Эраст

Ты душишь. Перестань. Я так всегда ношу.

Ла-Монтань

Дозвольте вас завить...

Эраст

Ты надоед, как муха!
Щипцами ты чуть-чуть не оторвал мне ухо.

Ла-Монтань

Но ваши кружева...

Эраст

Оставь, мне не до них!

Ла-Монтань

Они измяты...

Эраст

Пусть! Хочу ходить в таких.

Ла-Монтань

Позвольте шляпу вам почистить, ваша милость;
Мне кажется, она порядком запылилась.

Эраст

Ну, чисти, да скорей. Мне надобно спешить.

Ла-Монтань

Нельзя же, сударь, вам в подобном виде быть.

Эраст

О боже! Торопись!

Ла-Монтань

Но это небреженье!

Эраст [*подождав немного*]

Довольно!

Ла-Монтань

Ах, сейчас! Минуточку терпенья!

Эраст

Нет, он убьет меня!

Ла-Монтань

Что делали вы с ней?

Эраст

Навеки завладел ты шляпою моей?

Ла-Монтань

Готово!

Эраст

Дай сюда!

Ла-Монтань [*роняя шляпу*]

Ай!

Эраст

Выпачкана снова!

Дождешься доброго от дурака такого!

Ла-Монтань

Позвольте — взмах, другой...

Эраст

Не надо. Чорт с тобой!

Изволь иметь дела с назойливым слугой,

Быть у него в руках, сносить его затеи,

Что кажутся ему всех дел других важнее!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Орфиза, Альсидор, Эраст, Ла-Монтань

[*Орфиза проходит в глубине сцены под руку с Альсидором*]

Эраст

Уж не Орфиза ль там? Она! В тени аллеи

Куда она спешит? И кто там рядом с ней?

(*Он кланяется ей, когда она проходит мимо;
она отворачивается*)

Как! Вилеть здесь меня в условный час свиданья

И, приворясь, пройти без всякого вниманья!

Возможно ль? Ну, скажи, как это все понять?

Ла-Монтань

Сказал бы, да боюсь вам надоест опять.

Эраст

И впрямь способен ты мне не сказать ни слова,
 Предав меня во власть мучения такого.
 Ответь хоть что-нибудь. Ужель ты так упрям?
 Что должен думать я? Что думаешь ты сам?
 Твое суждение?

Ла-Монтань

Я, сударь, умолкаю
 И быть назойливым отныне не желаю.

Эраст

Нахал! Вдогонку им беги, беги сейчас,
 Следи, куда пойдут, и не своди с них глаз.

Ла-Монтань *(возвращаясь)*

Следить издалика?

Эраст

Да.

Ла-Монтань *(возвращаясь)*

Так, чтоб не видали?
 Иль сделать вид, что вы меня им вслед послали?

Эраст

Что ж! Прятаться тебе, пожалуй, нужды нет.
 Пусть знают, что тебя я сам им шлю вослед.

Ла-Монтань *(возвращаясь)*

Я здесь же вас найду?

Эраст

Ты бестолков, как дети.
 Несноснее тебя нет никого на свете!

(Уходит Ла-Монтань)

В каком смятении сейчас душа моя!
 От встречи роковой уйти хотел бы я.
 Найти я думал в ней награду за разлуку,
 А взор мой — для души обрел одну лишь муку.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Лизандр, Эраст

Лизандр

Я издали тебя узнал в тени густой,
 О дорогой маркиз, и вот уж я с тобой.
 Как другу, я спою тебе два-три куплета.
 Куранту я сложил, в манере менуэта,
 Весьма удачную по мнению знатоков,
 И каждый к ней слова присочинить готов.
 Я знатен, я богат, имею положенье
 И весом в обществе отмечен без сомненья,
 Но эти все блага и молодость свою
 Отдам за арию, ту, что сейчас спою.
 Ла, ла, гам, гам... Ла, ла... Итак, прошу вниманья.

(Поет куранту)

Недурно?

Эраст

Ах!

Лизандр

Конец — само очарованье.

(Посторяет ксице четыре или пять раз подряд)

Ну, как по-твоему?

Эраст

О, сколько здесь души!

Лизандр

И па не менее, мой милый, хороши.
Фигура главная мне удалась отменно.

*(Поет, говорит и танцует одновременно, заставляя Эраста делать
фигуры за даму)*

Смотри — вот кавалер, вот дама — постепенно
Подходят; снова врозь. Она одна, и вот,
Смотри, какой у ней лукавый поворот.
Вот выпад! Вот отбой — ответное движенье.
Спиной друг к другу. Врозь. Вот снова наступленье.

(кончив)

Ну, каково, маркиз?

Эраст

Да, танец твой хорош.

Лизандр

Всех балетмейстеров не ставлю я ни в грош.

Эраст

Я вижу.

Лизандр

Эти па...

Эраст

Конечно, превосходны.

Лизандр

Я научу тебя сейчас им, коль угодно.

Эраст

Сейчас, ты видишь ли, я занят, и притом...

Лизандр

Ну, что ж! Я покажу когда-нибудь потом.
Имей я при себе стихи, что мне прислали,
Мы вместе б их прочли и лучшие бы взяли.

Эраст

Нет, нет...

Лизандр

Великому Батисту я, мой друг,
Куранту покажу. Прощай. Мне недосуг:
Мы оба любим с ним изысканное пенье;
Хочу, чтоб к арии он дал сопровожденье.

(Уходит, продолжая напевать)

Эраст

Ужель высокий сан бесчисленных глупцов
Всечасно отравлять спокойствие готов
Затем, что должно нам с улыбкою смиренной
Во всем потворствовать их дерзости надменной?

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Эраст, Ла-Монтань

Ла-Монтань

Орфиза, сударь, здесь и к нам идет одна.

Эраст

Каким моя душа волнением полна!
Неверную люблю и рвусь скорей увидеть,
Рассудок же велит ее мне ненавидеть.

Ла-Монтань

Увы! Рассудок ваш не знает сам себя —
Все может приказать нам женщина, любя.
И если даже есть для гнева все причины,
Его всегда смирит красотки взгляд единый.

Эраст

Да, ты, конечно, прав — один Орфизы вид
Всей яросги моей быть сдержанной велит!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Орфиза, Эраст, Ла-Монтань

Орфиза

Я вижу, что ваш взор, Эраст, стеснен тоскою.
 Уж не присутствие ль мое тому виною?
 Что с вами? Почему при нашей встрече вздох
 Стесняет вашу грудь и от каких тревог?

Эраст

Увы! Как можете вы спрашивать жестоко
 О том, что душу мне так ранило глубоко?
 Какая только злость могла заставить вас,
 Притворствуя, не знать, как я томлюсь сейчас?
 Тот, с кем я видел вас в такой беседе длинной,
 Любезной... спутник ваш...

Орфиза *(смеясь)*

Вот что всему причиной!

Эраст

О бессердечная, терзайте сердце мне!
 Куда как хорошо жестокой быть вдвойне
 И душу, что горит неодолимой страстью,
 Терзать лишь потому, что я у вас во власти!

Орфиза

Какие пустяки! Ведь надо ж наконец
 Признать, что так страдать способен лишь глупец.
 Тот, кто вас огорчил, мне надоел немало.
 Я от несносного едва-едва сбежала.
 Он тот навязчивый, услужливый нахал,
 Кому не терпится, чтоб кто-нибудь мечтал,
 Кто тотчас же спешит с настойчивым приветом
 Вам руку протянуть, хоть злитесь вы при этом.
 Я ускоряла шаг, стремясь досаду скрыть, —

Он вызвался меня к карете проводить.
Но я была хитрей — и по другой аллее
Бежала от него, чтоб вас найти скорее.

Э р а с т

Могу ль, Орфиза, вам поверить я сейчас,
И вправду ль мне не лжет ни капли сердце в вас?

О р ф и з а

Как! Слушать я должна подобные сужденья,
Когда рассеяла все ваши подозренья?
О, как наивна я, как глупой добротой...

Э р а с т

К чему суровый вид красавице такой?
Готов поверить я — отныне не свободный —
Всему, что будет вам поведать мне угодно.
Влюбленному глупцу вы можете солгать —
До самой смерти он вас будет обожать.
Презрев любовь мою, ответствуйте сурово,
Явите мне себя в объятиях другого, —
Я все перенесу прекрасных ради глаз,
Умру от горьких мук, не упрекая вас!

О р ф и з а

Когда подобный жар объемлет вас, готова
Ему в ответ и я...

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Алькандр, Орфиза, Эраст, Ла-Монтань

А л ь к а н д р

Маркиз, одно лишь слово!

[Орфизе]

Сударыня, должны меня вы извинить :
Мне нужно втайне с ним сейчас поговорить.

[Уходит Орфиза]

Я с просьбою к тебе, милейший из маркизов :
За оскорбление я должен бросить вызов,
И страстно я хочу немедленно с тобой
Зачинщику послать достойный вызов свой.
Коль надо, в свой черед за честь услуги этой
Я заплачу тебе такую же монетой.

Э р а с т (после некоторого молчания)

Я не какой-нибудь задира и бахвал,
До службы при дворе я много воевал,
Тринадцать лет служил и, верно, в состоянье
Ни в ком за свой отказ не встретить порицанья.
Я вовсе не боюсь, что в глупости людской
Иные трусостью сочтут отказ такой.
Дуэль теперь смешна — она не знак отваги,
И славный наш король — монарх не на бумаге.
Знатнейших из вельмож смирил его закон.
Во всем, мне кажется, достойно правит он.
И я служить ему готов без промедленья,
Но вызвать не хочу ни в чем неодобренья,
Затем что свято чту его приказ прямой.
На слушание пускай идет другой.
Я говорю, виконт, с тобою откровенно,
И в чем-либо ином я твой слуга смиренный.
Прощай.

[Уходит Алькандр]

Ковсем чертям назойливых людей!
Куда ж она ушла, мечта души моей?

Ла - М о н т а н ь

Не знаю.

Э р а с т

Чтоб найти ту, что мне всех милее,
Минуты не теряй ; я буду здесь, в аллее.

БАЛЕТ ПЕРВОГО ДЕЙСТВИЯ

Выход первый

Играющие в шары с криками: «Берегись!» — заставляют Эраста удалиться; и когда, по окончании игры, он пытается вернуться, происходит

Выход второй,

вв время которого любопытные, окружив Эраста, пытаются рассмотреть его, чем снова заставляют его временно скрыться.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Эраст [один]

Ужели здесь, в саду, докучных больше нет,
А я уж полагал, что ими полон свет.
Бегу от них, а мне они навстречу. Боже!
Я не могу найти лишь ту, кто всех дороже.
Недавно минули и этот дождь и гром,
А уж гуляющих полным полно кругом.
О, если б небеса, продлив благоволенье,
Прогнать могли всех тех, кто нам несет мученья!
Но солнце низится; я не могу понять,
Где может мой слуга так долго пропадать.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Эраст, Альсип

Альсип

А, здравствуй!

Эраст [в сторону]

Чорт возьми! Судьбы насмешка злая!

Альсии

Утешь меня, маркиз. Вчера, в пикет играя,
 Я сделал в партии отменно глупый ход,—
 А мог партнеру дать хоть сто очков вперед.
 Покою не дает мне целый день досада,
 Готов всех игроков послать я в пекло ада.
 Повиснуть впору мне и высунуть язык.
 Мне нужно два очка, ему же целый «пик».
 Сдаю ему шесть карт. И все ж он просит снова.
 Но мне довольно; я не говорю ни слова:
 В моих руках туз треф (вообрази конфуз!)
 С десяткою червей, валет, король и туз.
 Из бубен короля и даму по порядку
 Я сбросил им вослед; дал даму пик; десятку;
 Пришлось еще купить. Вновь дама на руках.
 Ну, словом, квинт мажор есть у меня в червах.
 А мой партнер с тузом (я полон удивленья!)
 Бубновой мелочью вдруг начал наступленья.
 Нет дамы у меня, нет больше короля.
 Но нужен «пик» ему—и не волнуюсь я;
 Две взятки я возьму бесспорно; у него же
 Семь бубен на руках, четыре пики тоже.
 Он сдал последнюю; уж я решать готов,
 Какого предпочесть из двух моих тузов.
 Червонному тузу я вверился к несчастью.
 Но он с трефовой сам давно расстался мастью
 И так меня покрыл шестеркою червей,
 Что ни полслова я не мог сказать над ней.
 Поймешь тут—чорт возьми!—подобную потерю?
 Ведь я своим глазам до сей поры не верю.

Эраст

Да, в карточной игре удачей правит рок!

Альсип

Ты убедишься сам, что выиграть я мог;
 Поймешь, зачем взбешен я выходкой такою.

Вот обе здесь игры, я их ношу с собою.
Смотри, вот мой набор; ужель на этот раз
Не мог бы я...

Эраст

Мне все твой разъяснил рассказ,
И понял я твою законную досаду;
Но дело ждет меня, и нам расстаться надс
Прощай. Утешься тем, что счастье впереди.

Альсип

Утешиться? Тот ход я затаил в груди,
Он для меня страшней удара громового;
Всем расскажу о нем, я дать готов в том слово.

[Уходит и едва не возвращается, размышляя вслух]

Шестерка! Два очка!

[Уходит Альсип]

Эраст

Где только мы живем!
Куда ни повернись, столкнешься с дураком.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Эраст, Ла-Монтань

Эраст

Ах! Как же ты мое терзаешь нетерпенье!

Ла-Монтань

О, сударь, я спешил исполнить порученье.

Эраст

И что-то новое расскажешь мне сейчас?

Ла-Монтань

Конечно, я от той, что так пленила вас,
Имею передать вам, сударь, два-три слова.

Эраст

Да? Ах, от этих слов душа пылает снова.
Ну, говори.

Ла-Монтань

Так вам желательно их знать?

Эраст

Ах, говори скорей!

Ла-Монтань

Извольте обождать.
От беготни такой переведу дыханье.

Эраст

Ты, верно, очень рад продлить мое терзанье?

Ла-Монтань

Когда не терпится услышать вам скорей,
Что говорила мне та, что вам всех милей,
Начну. Но должен я без хвастовства признаться:
За вашей дамою пришлось мне погоняться,
И если б...

Эраст

Чорт возьми! Зачем так медлишь ты?

Ла-Монтань

Умейте сдерживать столь пылкие мечты.
Сенека...

Эраст

Твой мудрец тупей глупца любого;
Он сердцу моему не говорит ни слова.
Я жду.

Ла-Монтань

Итак, чтоб вас мне не томить в тоске,
Орфиза... Ах, у вас букашка в парике!

Эраст

Оставь...

Ла-Монтань

Красавица вам передать велела...

Эраст

Ну?

Ла-Монтань

Догадайтесь!

Эраст

Ах, мне не до смеха. К делу!

Ла-Монтань

Вот вам приказ ее: она просила вас
Ее дожидаться здесь, куда придет сейчас,
Когда избавится от нескольких' докучных
Провинциальных дам, для светской дамы скучных.

Эраст

Итак, мы будем ждать, коль так угодно ей.
Но время есть еще. Оставь меня скорей
И дай мне помечтать.

[Уходит Ла-Монтань]

Примусь за сочиненье
Стихов, что будут ей приятны, без сомненья.

[Прозаизируется, погруженный в задумчивость]

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Оранта, Климена, Эраст [*на краю сцены, не замечаемый ими*]

Оранта

Я думаю, что все сойдутся в том со мной.

Климена

Конечно, если быть настойчивой такой.

Оранта

Все доводы мои вернее ваших вдвое.

Климена

Пусть люди выберут одно или другое.

Оранта [*замети Эраста*]

Вот человек идет; он тонок и умен,
И разрешить наш спор, конечно, сможет он.
Два слова к вам, маркиз. Меж дамою и мною
В вопросе сложном вас прошу я быть судьбою.
Мы спорим и никак не можем разобрать:
Что лучшим качеством в любовнике считать?

Эраст

Вопрос весьма не прост, и для его решения
Поопытней судья вам нужен, без сомненья.

Оранта

Нет, нет! Отказывать напрасно и смешно:
Ваш ум известен всем, мы знаем вас давно,
Все говорят о вас с отменной похвалою.

Эраст

Простите...

Оранта

Словом, вы нам будете судьбою,—
Лишь несколько минут подарите вы нам!

Климена [Оранте]

Вы просите того, кто вас осудит сам;
И если правильно мое предположение,
То доводам моим отдаст он предпочтенье.

Эраст [в сторону]

Когда б предатель мой сейчас придумать мог
Отсюда вырваться какой-нибудь предлог!

Оранта [Климене]

О том, что он умен, я слышала повсюду
И не боюсь, что им осуждена я буду.

[Эрасту]

Так вот, все дело в том, что мы хотим узнать:
Пристало ль ревностью любовнику пылать?

Климена

Иль — чтобы объяснить вам это все понятней —
Ревнивый иль иной любовник нам приятней?

Оранта

Последний для меня приятнее всего.

Климена

Нет, первый всех милей для сердца моего.

Оранта

Нет! Сердце лишь тому окажет предпочтенье,
Кто большее к нему питает уваженье!

Климена

Но если слушать то, что говорит в крови,
Я предпочту того, в ком больше есть любви.

Оранта

Все это так, но жар, владеющий душою,
Почтеньем мерим мы, не ревностью слепою.

Климена

Я ж утверждать склонна, что чувств прямой порыв
Сильней гораздо в том, кто кажется ревнив.

Оранта

Фи! Не твердите мне о людях тех, Климена,
У коих ненависть — влюбленности замена;
Кто вместо преданных, почтительнейших слов
Докучной ревности служить всегда готов;
Чье сердце без конца в печальном заблужденье
Нам мелочь каждую вменяет в преступленье,
Невинность — в слепоте — с грехами ставит в ряд
И объяснений ждет за самый беглый взгляд;
Кто, видя в нас печаль, хотя бы миг единый
Свое присутствие готов считать причиной,
А если взор у нас порою заблестит,
Сейчас же в том своих соперников винит;
Кто, чувствуя права на страстные укоры,
Беседу каждую доводит сам до ссоры.
Кто к нам других пускать не хочет ни на шаг,
С владычицей своей ведет себя как враг!
Нет, от влюбленного мне нужно уваженье;
Читаем власть свою мы в нежном подчиненьи.

Климена

Фи! Не твердите мне — пусть нежно он влюблен —
О том, кто нами сам никак не увлечен;
О воздыхателе, чье сердце столь бесстрастно,
Что на препятствия взирает безучастно;
Кто не боится нас однажды потерять
И в жалкой слепоте предпочитает спать;
О том, кто в дружеском с соперником общенье
Сам в будущем себе готовит поражение, —
Такой спокойный пыл мне возмущает кровь.
Кто ревности лишен, тот охладил любовь.
Нет, пусть любовник мой для доказательств страсти
У подозрения находится во власти

И вспыльчивостью чувств показывает сам
 То уважение, что он питает к нам.
 Такой порыв почтить мы можем похвалою,
 И если с редкостью встречаемся порою,
 Блаженство увидеть любовника у ног
 Способно извинить и дерзость и упрек.
 В его отчаянье и в милом нам рыданье
 Душа, смиряя гнев, найдет очарованье.

Оранта

Ну, если для любви такой вам нужен пыл,
 Найти не трудно тех, кто б вам приятен был;
 В Париже мне давно известны двое-трое,
 Чья пылкая любовь доходит до побоев.

Климена

Ну, коль от ревности стать надо в стороне,
 Я знаю многих лиц, удобных вам вполне, —
 Людей, которые взирали б безмятежно,
 Хотя бы с тридцатью вы целовались нежно.

Оранта

Свое решение должны вы нам сказать:
 Которого из двух в любви предпочитать?

[Орфиза, выходя из глубины сцены, замечает Эраста с Орантой и Клименой]

Эраст

Ах, так как вас лишить ответа я не в силах,
 Скажу, тот и другой достойны взглядов милых,
 И чтоб их не хулить во мнении моем —
 В ревнивце страсть сильнее, прекраснее — в другом.

Климена

Ответ весьма умен, но...

Эраст

Я прошу прощенья.
 Ответив, должен я уйти без промедленья.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Орфиза, Эраст

Эраст

О, как вы медлили, сударыня! С тех пор...

Орфиза

Не оставляйте, нет, столь нежный разговор.
 Что опоздала я, винить меня напрасно:

[Указывая на уходящих Оранту и Климену]

Вы время провели, как вижу я, прекрасно.

Эраст

Меня вы без вины готовы упрекать
 В том, от чего пришлось мне самому страдать.
 Ах, подождите... я...

Орфиза

Окончим спор. Я еду,
 А вы идите к той, с кем начали беседу.

[Уходит]

Эраст

О небо! Собрались нарочно, может быть,
 Докучные меня сегодня изводить!
 Скорей за ней, — и пусть ее слова столь резки, —
 Свою невинность мы докажем в полном блеске.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Дорант, Эраст

Дорант

Маркиз! Докучные, как видно, здесь и там
Способны отравлять минуты счастья нам!
Ты видишь, я взбешен. Охоту — и какую! —
Испортил мне дурак... Тебе все расскажу я.

Эраст

Мне некогда сейчас. Мне надобно найти...

Дорант [*удерживал его*]

Ах, чорт возьми! Но я скажу все по пути.
Семьей охотников, всегда готовых к бою,
Оленя поправить мы собрались гурьбою
И стали в должный час в назначенном логоу,
Короче говоря, у леса на лугу.
А так как для меня охота — наслажденье,
Я порывался в лес, исполнен нетерпенья.
Здесь общий, наконец, решил начать совет
Оленя загонять, которому семь лет,
Хотя по-моему — я ошибаюсь редко
В приметах и следах — олень тот был двухлетка.
Для гона выбрали места и нужных лиц
И спешно принялись за завтрак из яиц.
Вдруг деревенщина с отменно длинной шпагой
На племенном коне, с напыщенной отвагой,
Породу жеребца хваля нам битый час,
Своим приветствием задерживает нас.
И, сына приведя, — растет досада наша! —
Знакомит с олухом, таким же как папаша.
Охоту знает он и вдоль и поперек
И с нами бы хотел отправиться в лесок.
Да сохранит вас бог, когда вы на охоте,
От тех, что трубят в рог на каждом повороте,

От тех, что во главе десятка жалких псов
 Надменно хвастают: «Вот свора!» Я готов.
 Приняв его в свой круг и выслушав без спора,
 Мы на олений след поехали вдоль бора
 В трех сворах. Эй, агу! заметить каждый мог,
 Собаки повели. Я вскачь. Я дую в рог.
 Олень покинул лес, бежит на гладком месте,
 Собаки вслед за ним; и все так дружно, вместе,
 Что можно их накрыть одним большим плащом.
 Олень уходит в лес. И мы тогда даем
 Быстрейшую из свор. Я тороплюсь безмерно
 На Рыжем вслед. Его ты видел?

Э р а с т

Нет, наверно...

Д о р а н т

Как! Крепче и видней нет жеребца. Его
 Еще не так давно купил я у Гаво.
 Я думаю, тебе не нужно уверенья,
 Что продавец во всем мне оказал почтение.
 Конем доволен я, он убедил меня,
 Что лучшего еще не продавал коня.
 Арабский жеребец, — лоб с белой отметкой,
 Лебяжья шея, грудь, крестец посадки редкой,
 Ключицы спрятаны, весь корпус крепко сбит,
 И резвости полны его походка, вид.
 А ноги! Чорт возьми! Какая стать! (Не скрою,
 Он только и пошел покорно подо мною;
 Хотя спокойствие и есть в его глазах,
 Всем служащим Гаво он впрямь внушает страх.)
 Я крупа большего не видывал покуда;
 А ляжки! Боже мой! Ну, словом, это чудо.
 Дай сто пистолей мне, его не стану я
 Менять на жеребца с конюшни короля.
 Скача, уж видел я, глазам своим не веря,
 Как гончие в обход опередили зверя.

Сам стороной гоню, победный чую жар,
Уж я достиг собак, со мной один Дрекар,
Олень уж окружен; я, выбрав путь короче,
Науськиваю псов, горланю что есть мочи.
Ах! разве так когда охотнику везло?
Веду погоню сам. Вдруг, словно мне назло,
К оленю нашему пристал другой, моложе.
Часть псов бежит за ним, кидая след, — и что же? —
Я чувствую, маркиз, что с ними заодно
В недоумении колеблется Фино
И мечется, ища, но — счастье! — вновь по следу
Летит он. Я кричу. Я в рог трублю победу:
«Фино! Фино!» Вот след — вдоль по пригорку лег,
И, полон радости, я снова дую в рог.
Уж псы бегут ко мне, как вдруг, — о невезенье! —
Молоденький олень, меня направленье
К соседу-увальню бежит, а тот орет:
«Ату, ату его! Хватай его! Уйдет!»
Бросают псы меня, бегут на зов соседа,
Я сам скачу к нему и вижу оттиск следа,
Но только на землю бросаю жадный взор —
Мне ясно: этот след совсем не наш. Позор!
Твержу о разнице копыта и походки,
Стараюсь доказать, что шаг не тот, короткий.
Сосед упрямится и, мня, что он знаток,
Твердит, что след тот наш. А в этот краткий срок
Уходят дальше псы. И в полном раздраженье,
Ругая дурака за это промедленье,
Я плетью бью коня и не жалею шпор,
И конь мой в заросли летит во весь опор.
Я вывожу собак на прежнюю дорогу;
Они свой старый след находят понемногу;
Олень поблизости — уже он виден нам.
Псы настигают. Вдруг — ты удивишься сам,
Уж это свыше сил, — глазам своим не верю:
Наш увалень и тут стал на дороге зверю;
Считая, что людей вокруг храбрее нет,

Выхватывает он седельный пистолет
И бьет, почти в упор, оленя в лоб, при этом
Крича мне: «Зверь моим уложен пистолетом!»
Но кто же, чорт возьми, берет на псовый гон
Седельный пистолет? Скачу к нему, взбешен,
И, слов не находя, чтоб лишь уйти от ссоры,
В усталого коня вонзаю гневно шпоры
И вновь беру в карьер, склоняясь на луку,
Ни слова не сказав такому дураку.

Э р а с т

Да, ты, конечно, прав; я должен в том сознаться, —
С докучным только так и надо расставаться.
Прощай!

Д о р а н т

Не хочешь ли охотиться вдвоем
В местах, где нам такой не встретится облом?

Э р а с т

Прекрасно!

[В сторону]

Думал я, что истошу терпенье!
Мне надо от него уйти без промедленья.

БАЛЕТ ВТОРОГО ДЕЙСТВИЯ

Выход первый

Играющие в шары останавливают Эраста просьбой высказать мнение о спорном ударе. Он с трудом отделяется от них, и они исполняют танец, состоящий из позиций, обычных в этой игре.

Выход второй

Мальчики с пращами стараются помешать танцорам, но их прогоняют.

Выход третий

Башмачники и башмачницы с их семьями, которых в свою очередь прогоняют.

Выход четвертый

Садовник, который танцует соло и затем удаляется, чтобы освободить место для третьего действия.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Эраст, Ла-Монтань

Эраст

И вправду, кажется, достиг удачи я;
Смягчилась наконец красавица моя.
Зато любовь мою преследуют созвездья,
Готова за нее мне грозное возмездье.
Доучный опекун, Дамис, готов опять
Нежнейшим помыслам души моей мешать.
Со мной племяннице он запретил общенье
И завтра ей с другим готовит обрученье.
Орфиза ж, несмотря на родственный запрет,
Сегодня нежный дать согласна мне ответ.
Я у красавицы добился обещанья
Явиться наконец на тайное свиданье.
Таинственность любви придают всегда я рад;
Милей победа нам сквозь трудности преград,
И душу полнит нам блаженства чистым светом
Малейший разговор, когда он под запретом.
Свиданья близок час. К прелестнейшей скорей!
Без опоздания мне надо быть у ней.

Ла-Монтань

И мне итти?

Эраст

О, нет! Остайся здесь! Быть может,
Твой вид меня узнать врагам моим поможет.

Ла-Монтань

Но...

Эраст

Я хочу, чтоб ты осмался.

Ла-Монтань

Вам вослед

Я должен бы идти, хоть издали.

Эраст

Нет, нет!

Когда оставишь ты свое обыкновенье
Мне так надоедать без всякого стесненья?

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Каритидес, Эраст

Каритидес

Едва ль удобный вам я выбрал, сударь, час;
Увидеть утром мне приличней было вас.
Но с вами встретиться — немалый труд, я вижу:
То спите, то ищи вас по всему Парижу.
По крайней мере, мне так слуги говорят,
И, чтоб вас захватить, пришел я наугад.
Благоприятствует судьба желанной встрече:
Минуты две поздней — и были б вы далече.

Эраст

Но, сударь, чем могу я быть полезен вам?

Каритидес

Коль удостоите вы внять моим словам,
Я должен... Но прошу заранее прощенья.
Мне...

Эраст

Чем же объяснить такое обращение?

Каритидес

Ваш ум и доброта, о чем нам каждый рад
Порой порассказать.

Эраст

Да, часто говорят,

Но к делу.

Каритидес

Сударь, нам, чтоб в обществе являться,
Рекомендацией полезно запастись.
Ведь к знати лишь тогда открыт бывает путь,
Коль сообщить о нас захочет кто-нибудь
И голосом, что всем внушает уваженье,
О наших качествах шепнет без промедленья.
О, как бы я хотел, чтоб рассказали вам,
Что я за человек, подробней, чем я сам!

Эраст

Но, сударь, вижу я своими же глазами
Все то, что о себе сказать могли б вы сами.

Каритидес

Ученый я, и вам уже давно дивлюсь;
Я не люблю имен с концовкою на us.
И так как пошлы все названья по-латыни,
Лишь греческий язык мне нравится отныне.
Чтоб имя личное оканчивать на es,
Стал называться я: мосье Каритидес.

Эраст

Каритидес? Пусть так. Однако, в чем же дело?

Каритидес

Свое прошение я вам прочел бы смело.
По должности своей могли бы вы потом
С моею просьбою предстать пред королем.

Эраст

Не лучше ль самому вам, сударь, сделать это?

Каритидес

На доступ к королю, я знаю, нет запрета.
Но, пользуясь его высокой добротой,
Несут так много просьб, что в пестроте такой
Их трудно разобрать... Прошу у вас услуги:
Устройте, чтоб мою прочел он на досуге.

Эраст

Вы сами можете. Немного подождать...

Каритидес

Ах, сударь! Здесь у слуг особенная статья:
Они ведут себя с ученым как попало.
Я мог добраться лишь до караульной залы.
Лакейства дерзости терплю я с давних пор
И уж давным-давно хотел оставить двор,
Когда бы не пришлось и мне поверить свято,
Что вы могли бы стать подобьем Мецената.
Влиянью вашему я цену знаю сам.

Эраст

Что ж! Дайте просьбу мне, я завтра передам.

Каритидес

Благодарю. Но вам ее я прочитаю.

Эраст

Но...

Каритидес

Сударь, выслушать меня я умоляю.

«К королю.

Сир,

Ваш всемирнейший, всепокорнейший, всепреданнейший и всеученейший подданный и слуга, Каритидес, француз по происхождению, грек по профессии, усмотрев грубые и явные ошибки на вывесках домов, лавок, кабачков, зал для игры в мяч и других мест вашего прекрасного города Парижа, происходящие оттого, что невежественные составители вышеназванных надписей своей варварской, глетворной и огвратительной орфографией извращают в них всякий смысл и значение, совершенно не считаясь с их этимологией, аналогией, энергией и аллегорией, к великому позору республики ученых и всей французской нации, которая вышеуказанными погрешностями и грубыми ошибками срамит и бесчестит перед иностранцами, в особенности же перед немцами, с любопытством читающими и изучающими вышеуказанные надписи...»

Эраст

Но просьба так длинна, что может рассердить.

Каритидес

Меж тем, ни слова в ней нельзя мне опустить.

(Продолжает)

«...смирненно умоляет ваше величество учредить для блага его государства и славы его правления должность генерального контролера, интенданта, корректора, ревизора и реставратора вышеупомянутых надписей и удостоить ею просителя, столь же во внимание к его редкой и выдающейся учености, сколь к великим и отменным услугам, которые он оказал государству и вашему величеству составлением анаграммы Вашего названного величества на французском, латинском, греческом, еврейском, сирийском, халдейском и арабском языках...»

Эраст *(прерывая его)*

Прошение дайте мне. Вот так. Надейтесь смело,
Король его прочтет. Я сам берусь за дело.

Каритидес

Все дело, сударь, в том, чтоб сам прочесть он мог:
Тогда бы стал я ждать решенья без тревог.
Он справедлив во всем, и по обыкновенью
Чтоб можно было мне воспеть вас там и тут,
Скажите полностью, как, сударь, вас зовут.
Хочу я акrostих вам посвятить с поэмой —
Под парной рифмою и с выдержанной темой.

Эраст

Я завтра напишу подробно, сударь, вам.

[Уходит Каритидес]

Ученые порой во всем равны ослам.
В другое время я смеялся б до упаду...

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Ормен, Эраст

Ормен

Мне, сударь, говорить о деле с вами надо,
И ждал я, чтобы он скорей покинул вас!

Эраст

Извольте. Но скорей! Я тороплюсь сейчас.

Ормен

Осмелюсь полагать, что человек, с которым
Беседу вы вели, томил вас всяким вздором.
Он старый, сударь, шут, в чьем слове смысла нет.
С ним избежать всегда стараюсь я бесед.

Будь в Люксембурге то или в Тюильри — до света
 Готов проектами томить он уши света.
 Таким, как вы, нельзя вступать в беседу с тем
 Ученым чучелом, свихнувшимся совсем.
 Но я, я не боюсь привлечь к себе вниманье.
 Я, сударь, вам несу возможность состоянья.

Эраст [*с стороны*]

Алхимик, верно, он без гроша за душой,
 Готовый предложить вам дождик золотой!

[*Громко*]

Быть может, есть у вас тот камень на примете,
 В чьей власти дать казну всем королям на свете?

Ормен

Забавнейшая мысль! Но, сударь, что мне в том?
 Избави бог меня таким быть чудачком!
 Я вовсе не люблю беспочвенных мечтаний
 И делу лишь служу — вам говорю заране.
 Проект, который вас дать королю прошу,
 В конверте на груди я при себе ношу.
 Проект мой не из тех, что глупой болтовнею
 Терзают слух вельмож; являет он собою
 Не жалкий замысел, сулящий королям
 Миллионов двадцать дать по срочным платежам;
 Он может исполволь, без риска, без затраты,
 Четыреста вам дать вполне бесспорной платы,
 Без всяких домыслов, спокойно, круглый год,
 И так, что податей не платит ваш народ;
 Такая выгода доступна и приятна —
 И с самых первых слов вся истина понятна.
 И если бы я мог поддержку встретить в вас...

Эраст

Да, мы поговорим, но только не сейчас.

Ормен

Коль обещаете вы сохранить молчанье,
Я замыслов своих открою содержанье.

Эраст

Нет, нет, я не хочу проникнуть в ваш секрет.

Ормен

Я, сударь, убежден, что в вас лукавства нет,
И потому свою вам раскрываю тайну.
Не слушает ли нас здесь кто-нибудь случайно?

*[Посмотрев, не подслушивает ли кто-нибудь, говорит
наухо Эрасту]*

Чудеснейшая мысль, что я в себе ношу,
В том состоит...

Эраст

Нельзя ль подальше, вас прошу?

Ормен

Король со всех портов, коль видеть вам угодно,
Большую выгоду собирает ежегодно,
И весь проект мой в том, проект весьма пресстой,
Что надо берега всей Франции морской
Тотчас же объявить прекрасными портами.
Здесь пахнет, сударь мой, великими деньгами,
И...

Эраст

Этот план хорош. Он нужен королю.
Прощайте. Как-нибудь...

Ормен

О помощи молю.
Чтоб слова два о нем сказали вы, не боле.

Эраст

Да, да...

Ормен

И если вы дадите две пистолы
В счет будущих богатств, то я вам всей душой
Готов...

Эраст

Возьмите их!

[Дает два золотых Ормену. Тот уходит]

Когда б такой ценой
Отделаться я мог от всех своих докучных!
Терять за часом час невыгодно и скучно.
Мне кажется, что я свободен наконец!
Ужель меня найдет какой-нибудь глупец?

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Филинт, Эраст

Филинт

Маркиз! Я новостью смущен необычайно...

Эраст

Какой же?

Филинт

Оскорбил тебя юнец нахальный.

Эраст

Меня?

Филинт

Зачем скрывать? Какая в этом цель?
Я знаю, что сейчас ты вызван на дуэль,—

И так как я твой друг, — без всякого сомненья
Я отдаю себя в твое распоряженье.

Эраст

Благодарю тебя. Но ты ошибся, друг.

Филинт

Все отрицаешь ты, а сам идешь без слуг.
Останься в городе, скачи в деревню — всюду,
Где б только ни был ты, и я с тобою буду.

раст [*в сторону*]

Ах, чорт!

Филинт

К чему тебе скрываться предо мной?

Эраст

Клянусь тебе, маркиз, смеются над тобой.

Филинт

Меня не проведешь.

Эраст

Готов сказать я снова,
Что ссоры никакой...

Филинт

Не верю я ни слову.

Эраст

О боже, я сказал — и мне порукой честь!
Я...

Филинт

Иль за дурака меня ты хочешь счесть?

Эраст

Так ты не веришь?

Филинт

Нет!

Эраст

Прощай же, до свиданья.

Филинт

Нет, нет...

Эраст

Но у меня любовное свиданье
Сегодня вечером.

Филинт

С тобою всюду я,
Где б ни был ты — и в том обязанность моя.

Эраст

Ах, чорт возьми! Коль впрямь ты ссоры ждешь, тебе я
Спешу ее, мой друг, доставить поскорее:
С тобой поссориться придется, видно, мне.
Беседы мы никак не кончим в тишине.

Филинт

Ужель от друга вам нельзя принять услугу?
Нет, если отвечать вы так хотите другу,
Прощайте! Вам теперь я не могу помочь.

Эраст

Вы другом будете, когда пойдете прочь.

[Уходит Филинт]

Несчастливая судьба — такие слушать речи!
Уже проходит час, назначенный для встречи.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Дамис, Эпин, Эраст, Ла-Ривьер
[и его приятели]

Дамис [в сторону]

Как! Хочет негодяй владеть ее рукой!
И не спросив меня! Он гнев узнает мой.

Эраст [в сторону]

Кто ж это у дверей Орфизы? Неужели
И здесь мешает рок добраться мне до цели?

Дамис [Эпину]

Племянница моя, презревши мой приказ,
Эрасту встречу здесь назначила сейчас.

Ла-Ривьер [своим приятелям]

Что слышу! Здесь бранят хозяина безбожно!
Приблизимся, друзья, но только осторожно.

Дамис [Эпину]

Да, прежде чем он-в дверь успеет проскользнуть,
Нам шпагу надобно вонзить злодею в грудь.
Беги, беги скорей искать всех тех по саду,
Кому пора итти с оружием в засаду,
Всех тех, кто должен здесь, осуществляя месть,
Восстановить мою поруганную честь,
Преградой верной стать преступному свиданью
И кровью страсть залить безумцу в наказанье!

Ла-Ривьер [нападая со своими приятелями
на Дамиса]

Пока твой гнев его поспеет истребить,
Изменник, будешь здесь ты с нами говорить!

р а с т [*берясь за шпагу*]

Пусть мне он хочет зла, — как родственнику милой,
Обязан я ему помочь, хотя бы силой!

[*Дамису*]

Я вам готов служить.

Бросается на Ла-Ривьера с приятелями и обращает их в бегство

Д а м и с

О небо! Я спасен.
Но кем час гибели моей предотвращен?
Кому обязан я столь редкою услугой?

Э р а с т [*возвращаясь*]

Я б так же поступил для недруга и друга.

Д а м и с

Иль слух обманут мой, иль память лжет моя?
Ужели то Эраст?

Э р а с т

Да, сударь, это я.
Я счастлив тем, что мог избавить вас от смерти,
Но гневом вашим я был огорчен, поверьте!

Д а м и с

Как, тот, кому желал я гибели прямой,
Освободил меня своею же рукой?
Нет, это слишком! Я готов сейчас же сдаться,
Хоть и пытались вы Орфизы помогаться.
Подобной храбрости и благородства пыл
Всю злобу у меня на сердце потушил.
Мне стыдно чувств своих, клянусь тех мыслей лживость:
Я слишком долго к вам питал несправедливость.
И чтобы навсегда сейчас покончить с ней,
Соединяю вас с племянницей моей!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Орфиза, Дамис, Эраст

Орфиза [*выходя с серебряным факелом из двери*]
 О, сударь, что за шум, поистине ужасный?

Дамис

Был вызван этот шум причиною прекрасной;
 И пусть я за любовь вас порицал, мой друг, —
 К вам с ней идет Эраст, ваш будущий супруг.
 Он спас меня сейчас, и должен я признаться,
 Что вашу рукой хочу я рассчитаться.

Орфиза

Что ж, если в том мой долг, согласна я сейчас
 Супругой стать того, кто вас от смерти спас.

Эраст

Настолько я теперь весь полон изумленья,
 Что собственный восторг считаю сновиденьем.

Дамис

Отпразднуем судьбы счастливый поворот.
 Где скрипки? Пусть скорей к нам музыка идет.

*(В то время, как скрипачи собираются играть, раздается
 сильный стук в двери)*

Эраст

Кто сильно так стучит?

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Дамис, Орфиза, Эраст, Эпин

Эпин

О, сударь, это маски.

С собой у них гобой и тамбурин для пляски.

(Входят маски и заполняют всю сцену)

Эраст

И здесь докучные! Эй, стража! Кто тут есть?
Таким бездельникам пора бы знать и честь.

БАЛЕТ ТРЕТЬЕГО ДЕЙСТВИЯ

Выход первый

Швейцарцы с алебардами оттесняют маскированных Докучных и затем удаляются, освобождая место для танцев

Выхода последнего

Четыре пастуха и одна пастушка заканчивают дивертисмент, по мнению всех, кто их видел, с милым изяществом.

КОММЕНТАРИИ

*Комментарии составлены А. Гвоздевым,
К. Державиным, С. Мокульским, А. Смир-
новым и И. Соллертинским*

СУМАСБРОД, ИЛИ ВСЕ НЕВПОПАД *

9. Действующие лица. — Роль Маскариля исполнял Мольер.

11. Д. 1, яв. 2. *Мне поперек пути опять явился он.* (Лелий). — Смысл этого выражения станет ясен из дальнейшего, Леандр и Лелий оба теперь влюблены в Селию, как раньше они оба были влюблены в Ипнолиту.

14. Д. 1, яв. 2. *Ей-ей, я думаю, что эти старики...* (Маскариль). — Как отмечает издание 1682 г., этот стих и три следующих выпускались при исполнении пьесы на том, будто бы, основании, что они «без нужды удлинняют сцену, замедляя действие». Однако получающаяся таким образом экономия очень невелика, и у Мольера найдется немало подобных мест. Можно поэтому предположить, что истинной причиной кушюры было опасение оскорбить кого-нибудь из пожилых сановитых зрителей.

19. Д. 1, яв. 4. *Нет, в белой магии я сведуща, в невинной.* (Селия). — Различалась черная магия, состоявшая в вызывании злых духов и потому сопряженная с опасностью для самого «мага» и для других, и белая, заключавшаяся в обращении к добрым духам и силам природы.

24. Д. 1, яв. 5. *Чтоб кошелек... Чтоб... Сердце и уста соединил вам рок.* (Маскариль и Ансельм). — В подлиннике — непереводаемая игра слов, основанная на звуковой близости слов *coiffeur* (кошелек) и *bouche* (уста).

35. Д. 1, яв. 9. *Троих в один присест! Дойдем до десяти, тогда поставим крест...* (Маскариль) — выражение, восходящее, повидному, к какой-то игре, где требовалось определенное число раз угадать, попасть в цель или что-нибудь в этом роде.

36. Д. 2, яв. 1. *Желанью вашему невольню уступаю...* (Маскариль). — Мольер здесь нарушает правило, согласно которому чередование мужских и женских окончаний в стихах должно

* Цифры в начале каждого примечания обозначают соответствующие страницы текста.

быть строго соблюдено на протяжении всей пьесы, даже при переходе от одного действия к другому. Впоследствии он строго соблюдал это правило.

36. Д. 2, яв. 1. *Что можно в мой проект исподтишка вмешаться...* (Маскариль). — В подлиннике: *Donner de vos revers* — «бить наотмашь» (фехтовальный термин).

43. Д. 2, яв. 4. *Уйдите же, я вас умоляю...* (Ансельм). — Эти четыре стиха Ансельм произносил заплетающимся языком, стоя на коленях.

45. Д. 2, яв. 5. *И государство так подделками полно...* (Ансельм) — намек на чрезвычайную распространенность фальшивомонетчиков во Франции XVII века. Есть сведения, что в период с 1610 по 1633 г. их было казнено более пятисот.

54. Д. 2, яв. 8. *Я новость некую вам сообщить имею...* (Ипполита). — Мольер несколько искусственно удаляет Леандра со сцены, чтобы дать возможность Маскарилю осуществить новую плутню. Какую новость хочет сообщить Ипполита Леандру? Можно лишь догадываться, что она имеет в виду проект своего брака с ним.

54. Д. 2, яв. 8. *Прошу вас проводить Меня. Я шла во храм...* (Ипполита). — Считалось недопустимым на сцене называть перков ее собственным именем.

54. Д. 2, яв. 8. *«Vivat Mascariillus, furbum imperator»*. (Маскариль). — Да здравствует Маскариль, король плутов!

61. Д. 3, яв. 1. *О доброта твоя, молчите на сей раз...* (Маскариль). — Такие риторические обращения (притом на «вы») к своим чувствам, или моральным свойствам, или разуму были очень употребительны в классической трагедии. Особенно часты они в ранних произведениях Корнеля. Со стороны Мольера несомненны пародийные намерения.

64. Д. 3, яв. 2. *От золотых лучей любого кошелька*. (Маскариль). — Намек на изображение солнца с восемью лучами над короной на золотых экю, чеканившихся до середины XVII века и называвшихся «солнечными экю».

72. Д. 3, яв. 4. *Играй Олибрил, будь душегубом, будь!* (Маскариль). — Олибрий — персонаж одного популярного средневекового миракля, законченный тип «тирана». Согласно легенде, он был правителем Галлии при императоре Деции; не будучи в состоянии соблазнить св. Регину, он казнил ее.

74. Д. 3, яв. 4. *Да, видно вы из тех любителей подраться...* (Маскариль). — Один из нередких у Мольера выпадов против дворянских дуэлей (см. предисловие к «Любовной досаде», стр. 261).

98. Д. 4, яв. 6. *Но промахи у вас поистине прекрасны*. (Маскариль). — В подлиннике непереводаемая игра слов: *écart* значит и «прыжок в сторону», «уклонение», и вместе с тем —

сбрасывание нескольких карт, заменяемых другими (например в пикете).

101. Д. 4, яв. 7. *Знакомцы у меня среди полицейских есть...* (Маскариль). — Этот стих и пять следующих во времена Мольера выпускались при исполнении пьесы: королевская цензура не допускала, чтобы громко говорилось о продажности полицейских, которая, однако, всем была известна.

102. Д. 5, яв. 1. *Наши пристав Балафре...* (Эргаст). — *Balafre* значит «человек с рубцами или шрамами на лице».

105. Д. 5, яв. 3. *Та, это мой, прошу.* (Маскариль). — Этот стих и следующие до конца явления Маскариль, переодетый швейцарцем, произносит ломаным французским языком.

120. Д. 5, яв. 11. *А нет ли здесь еще незанятой девицы?..* (Маскариль). — Согласно старинной сценической традиции, восходящей, несомненно, ко временам Мольера, актер, игравший Маскариля, подходил к краю сцены и, оглядывая зрительный зал, говорил эти слова, обращаясь к публике.

ЛЮБОВНАЯ ДОСАДА

131. Действующие лица. — Имена некоторых персонажей указывают на их характеры. *Эраст* (греч.) значит «влюбленный»; *Метафраст* (греч.) — «истолкователь» или «переводчик» (обозначен как «педагг» в старинном значении этого слова — учитель, педагог); *Ла-Рапьер* — «рапира», т. е. драчун, забияка. *Маскариль* и *Валер* принадлежат к числу традиционных комедийных масок. *Гро-Рене* (толстяк Рене) — сценическое имя актера Дю Парка, исполнявшего эту роль и действительно отличавшегося тучностью. Мольер играл в этой пьесе не Маскариля (как в «Сумасброде» и «Смешных модницах»), а Альберга.

Действие происходит в Париже, на улице или на городской площади.

133. Д. 1, яв. 1. *Что неспособны мы на козни плутовства...* (Гро-Рене). — Выражение подлинника: «*Et suis homme fort rond*» — содержит игру слов: *rond* значит и «честный» и «круглый» (намек на тучность Гро-Рене).

135. Д. 1, яв. 1. *И если Гро-Рене красotka Маринета...* (Гро-Рене). — Мы отступаем здесь от первого издания, где стоит: «*И если Жодле*» и т. д., и принимаем чтение последующих изданий (от 1682 г. до 1734 г.). Совершенно очевидно, что слуга Эраста говорит здесь о себе. Чтение «*Жодле*» естественнее всего объяснить тем, что в начале 1660 г., когда Дю Парк работал в труппе театра Маре, в течение короткого времени Жодле см. о нем примечание к «Смешным модницам», стр. 248 и 277)

играл роль Гро-Рене, и как раз в это время был изготовлен список пьесы, напечатанный в первом издании.

153. Д. 1, яв. 5. *Коварней, чем сатрап или дикий лестригон?..* (Гро-Рене). — Лестригоны — племя великанов-людоедов, упоминаемое в «Одиссее», песнь X, ст. 81—132. Такая «ученость» в устах слуги — у Мольера, конечно, комический прием.

155. Д. 2, яв. 1. *По правде, и меня смущало уж не раз... (Фрозины).* — Критики уже давно отметили, что весь рассказ Фрозины о происхождении и судьбе Асканя отличается неясностью и противоречиями. Не многим искуснее и второй рассказ Фрозины о тех же событиях в действии пятом, явлении четвертом. Необходимо признать, что в технике молодого Мольера были еще слабые места.

167. Д. 2, яв. 4. *Но я — nescio vos* (Маринета) (лат.) — «не знаю вас».

169. Д. 2, яв. 5. *О мальчике чужом совсем с ума схожу... (Альберт).* — Мы видим из этого, что Альберт, зная о подмене ребенка, не знает, однако, того, что Аскань — девушка, а не мальчик.

169. Д. 2, яв. 6. *Mandatum tuum cito diligenter* (Метафраст) — «бюспешу исполнить твое приказание».

169. Д. 2, яв. 6. *Magister* (Метафраст) (лат.) — «учитель». Метафраст разлагает это слово на *magis* — «больше» и *ter* — «в три раза». Эта фантастическая этимология, повидимому очень древняя, является пережитком схоластических мудрствований и в качестве таковых осмеивается Мольером.

170. Д. 2, яв. 6. *«Filio non potest...»* (Метафраст) (лат.) — фраза, обрубленная в переводе, в подлиннике заканчивается так: *graefergi nisi filius*, что вместе означает: «можно предпочесть сыну только другого сына». Эта цитата восходит к статутам феодального права, согласно которым отец мог лишить наследства старшего сына лишь в пользу другого своего сына, но не дочери.

170. Д. 2, яв. 6. *Не Марка ль Туллия сказалось здесь влияние?..* (Метафраст). — В одном из писем Марка Туллия Цицерона к Аттику действительно рассказывается о семейных негодах брата Цицерона, Квинта, женившегося на сестре Аттика.

170. Д. 2, яв. 6. *Athanaton* (Метафраст) (греч.) — «бессмертного» (начало какой-то цитаты, прерванной репликою Альберта).

171. Д. 2, яв. 6. *«В уединении скрывался он лесном».* (Метафраст). — Метафраст поправляет Альберта, указывая ему, как надо выражаться «правильно» и изящно.

171. Д. 2, яв. 6. *«Est in secessu locus»...* (Метафраст) (лат.) — «есть уединенное место» («Энеида», кн. 1, ст. 159).

171. Д. 2, яв. 6. *Не как свидетеля — как славного поэта* (Метафраст), — т. е. как образец того, как надо выражаться.

172. Д. 2, яв. 6. *«Tu vivendo bonos, . . . scribendo sequare peritos»* (Метафраст) (лат.) — «В жизни своей подражай добрым, в писаниях — опытным» (гекзаметр из одного старинного учебника латинского языка).

172. Д. 2, яв. 6. *Квинтилиан сказал. . .* (Метафраст). — Квинтилиан — римский ритор I века н. э., долго считавшийся высшим авторитетом в вопросах правильности и изящества речи.

175. Д. 2, яв. 6. *Per Jovem!* (Метафраст) — «Клянусь Юпитером».

175. Д. 2, яв. 6. *Пушкой изменится порядок во вселенной. . .* (Метафраст). — Такое нагромождение вещей невозможных или нелепых, имеющее прототипом одно место из 1-й эклоги Вергилия (ст. 60—63), сделалось обычной темой школьных риторических упражнений, забавно пародируемых здесь Мольером.

189. Д. 3, яв. 7. *А вдруг бог вступится. . .* (Маскариль). — Некоторых критиков XVIII века сильно смущала эта фраза Маскарилья, который якобы изображает бога кровопителем плутов, каким является Маскариль.

196. Д. 3, яв. 10. *Хотите, я двоих свидетелей найду?* (Маскариль). — Следующие за этим восемнадцать строк — интересный случай античной «стихомифии», т. е. обмена собеседников короткими репликами, заключающими одинаковое количество стихов (обычно 1—2). Вообще применение «стихомифии» довольно редко у Мольера. Образцом в данном случае послужила Мольеру не античная драматургия, а пьеса Секки, где соответствующая сцена построена аналогичным образом.

196. Д. 3, яв. 10. *Знаком тебе, скажи, Гремлан, палач наш местный?* (Альберт). — Возможно, что в этом имени заключена игра слов: grimпant значит «карабкающийся», что подходит к палачу, когда он вешает свои жертвы.

200. Д. 4, яв. 1. *На место ваше став, я жду от вас ответа. . .* (Фрозина). — Здесь в подлиннике мысль выражена довольно тяжело. Это обстоятельство, в соединении с несомненной растянутостью всего диалога, обусловило то, что в постановках конца XVII века вся эта реплика Фрозины и следующая реплика Асканя (в целом восемь строк) выпускались.

201. Д. 4, яв. 1. *Вот что я думаю: мне надо бы пойти. . .* (Фрозина). — Фрозина не договаривает, и лишь впоследствии (см. д. 5, яв. 4) мы узнаем, что именно она хотела сказать: она намерена отыскать женщину, отдавшую свою дочь жене Альберта, и узнать от нее наконец всю правду.

201. Д. 4, яв. 2. *«Оставь в покое нас, бубновый ты валет». . .* (Гро-Рене). — На языке того времени это выражение означало: мало стоящий, ничтожный человек.

203. Д. 4, яв. 2. *Вот так и женщина, — останется навеки всего лишь женщиной. . .* (Гро-Рене). — Весь этот пассаж является пара-

фразой одного места из «Похвалы глупости» Эразма Роттердамского, содержащего едкий выпад против женщин (гл. XVII): «Права греческая пословица, гласящая: обезьяна всегда останется обезьяной, даже если облачится в пурпур; так и женщина всегда останется женщиной, сиречь душой, какую бы личину она на себя ни надела». Отсюда ссылка на «греков» в изложении Гро-Рене механически перешла в следующую его фразу: сравнение женщины с сыпучим песком нигде у древних не встречается, но оно попадает у предшественников Мольера, например, в комедии Пашу «Безумство Карденио» (1629).

204. Д. 4, яв. 2. *Вот, сударь, почему друг Аристотель сам...* (Гро-Рене). — Комизм ученой речи Гро-Рене подчеркивается той фамильярностью, с какою он говорит об Аристотеле (le cousin Aristote).

204. Д. 4, яв. 2. *«Устойчивей волны нет ничего на свете»...* (Гро-Рене). — Гро-Рене хочет сказать: «неустойчивей».

204. Д. 4, яв. 2. *Так вот сравнение (позвольте, сударь мой)...* (Гро-Рене). — В этом месте, по старинной актерской традиции, Эраст делает нетерпеливое движение и хочет уйти. Гро-Рене его удерживает. После этого Гро-Рене окончательно запутывается в своем красноречии, и конец его монолога нарочито бес-связен.

204. Д. 4, яв. 2. *Корабль то вверх, то вниз — в чердак и на подвал...* (Гро-Рене). — По старинной актерской традиции, Гро-Рене при слове «чердак» показывает пальцем вниз, а при слове «подвал» — вверх.

207. Д. 4, яв. 3. *Вот браслет, позвольте вам отдать.* (Эраст). — Один из тех браслетов, свитых из собственных волос, которые дамы XVII века иногда дарили своим возлюбленным, носившим их тайно.

214. Д. 4, яв. 4. *Иное для твоих найду употребление* (Гро-Рене) — грубая шутка, принадлежащая к фарсовой традиции. Эта и предыдущая реплика Гро-Рене (где он сожалеет, что не может изрыгнуть обратно похлебку, которую его угостила Маринета) побудили Вольтера, во имя «хорошего вкуса», резко осудить всю эту сцену как «низкую и отвратительную пародию на чувства главных действующих лиц». Острый реализм этих черточек у Мольера заслуживает большого внимания.

214. Д. 4, яв. 4. *Постой-ка. Мы должны соломинку сломать...* (Гро-Рене). — Восходящий к феодальной символике обычай, знаменовавший разрыв дружеских отношений. Дальнейшие слова Гро-Рене и ответ Маринеты сопровождаются следующей традиционной актерской игрой: Гро-Рене и Маринета стоят друг к другу спиной и время от времени поглядывают вбок; когда их взоры при этом встречаются, они быстро отводят глаза; Гро-Рене протягивает Маринете соломинку через плечо.

216. Д. 5, яв. 1. *«Лишь ночь над городом...»* (Маскариль). — В этом мастерски сделанном монологе Маскариля, в котором он, мысленно беседуя со своим господином, говорит многое такое, чего не посмел бы высказать ему в лицо, некоторые остроты заимствованы из итальянского источника Мольера (пьесы Секки), а также из комедии Теренция «Андриянка».

217. Д. 5, яв. 1. *С отважным рыцарем Роландом я не схожу...* (Маскариль). — Намек на образ Роланда не в «Песни о Роланде», а в поэме Ариосто «Неистовый Роланд» (1532).

219—220. Д. 5, яв. 3. — Вся эта сцена с Ла-Рапьером — типичный для Мольера протест против дворянских дуэлей, здесь определенно пародируемых. Ла-Рапьер — наемный головорез, готовый за деньги всегда принять участие в драке по «делу чести» или даже организовать столкновение. Во время Мольера такое «ремесло» было источником дохода для многих разорившихся дворян. Декреты против дуэлей издавались в 1643 и 1651 гг., затем еще в 1670, 1679, 1704 и 1711 гг.

221. Д. 5, яв. 4. *Не торопитесь так...* (Фрозины). — По поводу этого монолога см. примечание к словам Фрозины: «По правде, и меня смущало уж не раз...» в д. 2, яв. 1, стр. 155.

230. Д. 5, яв. 8. *Простите мне, Люсиль...* (Валер). — Эти строки и три следующие при постановке пьесы выпускались, очевидно, во избежание длиннот.

231. Д. 5, яв. 8. *Ну, ты туз пиковый!*... (Маринета) — ругательное словечко, здесь, конечно, в ласкательном смысле.

СМЕШНЫЕ МОДНИЦЫ

233. Заглавие. — Точно перевести заглавие пьесы «Les gréceuses ridicules» крайне затруднительно. Слово gréceux, буквально означающее «драгоценный», в салонах, где это направление культивировалось, получило значение «изысканный», «утонченный». В нашей новейшей научной литературе, учитывая французскую специфику этого явления, сохраняют термин: «предиозный». Прежний перевод заглавия мольеровской пьесы — «Смешные жеманницы» или просто «Жеманницы» неудовлетворителен своей ограниченностью и, кроме того, нелогичен, так как сами представительницы этого течения так себя не называли. Слово «модницы» кажется нам предпочтительнее в виду большей его гибкости.

Речь «модниц» в пьесе пересыпана вычурными оборотами и неологизмами, которые переводчик пытался передать средствами русского языка, иногда вводя выражения, кажущиеся модернизмами.

До нас дошел любопытный пересказ пьесы, принадлежащий одной драматической писательнице, м-ль Дежарден (иначе мадам

де-Вильде). Некоторые детали его не соответствуют нашему тексту. По всей вероятности, добавления м-ль Дежарден воспроизводят импровизацию и lazzi актеров. Наиболее любопытные из этих черточек мы отмечаем ниже в примечаниях.

245. Предисловие. *Странное дело...* — Мольер медлил с печатанием своей пьесы, пока не узнал, что книгопродавец-издатель Жан Рибу, выхлопотавший себе привилегию на это, собирается издать пьесу без ведома Мольера, по добытому им каким-то образом экземпляру. Однако привилегия эта, выданная 18 января 1660 г., была через два дня отнята у Рибу и передана книгопродавцу де Люйну, который с согласия Мольера выпустил его пьесу в свет уже 27 января с авторским предисловием.

245. *Поскольку публика является безусловным судьей...* — Убеждение, которого Мольер всегда держался в отличие от чистых «классиков»: высшим критерием достоинства пьесы является не соблюдение «правил», а успех у публики. Подобную же мысль высказывает и Лопе де Вега в своем трактате о драматургической поэтике «Новое искусство писать в наши дни комедии» (ок. 1610 г.).

245. Предисловие. *Вспомнить пословицу...* — намек на старинную пословицу: *cette femme est belle à la chandelle, mais le jour gate tout* — «женщина эта красива при свечах, но дневной свет портит все дело».

245. Предисловие. *Перепорхнула из Бурбонского театра в галереи Суда...* — т. е. перешла со сцены в печать. До 11 октября 1660 г. труппа Мольера играла в зале Пти-Бурбон. В наружных галереях здания Суда находилось множество книжных лавок, где выставлялись все печатные новинки.

247. Предисловие. *Тривелин* — маска итальянской комедии вариант Арлекина.

247. Предисловие. *Точно так же истинные прецеденты...* — Как показывает дискуссия, возникшая по поводу пьесы, никто из современников не придал веры этому явно «дипломатическому» завлению Мольера, имевшему целью смятчить возможный конфликт. Впрочем, осторожность эта была, вероятно, излишней, так как Мольер быстро одержал своей пьесой победу. Уже в конце 1659 г. появился анонимный балет под названием «Поражение модник». Намеки на пьесу Мольера мы находим в 10-й сатире Буало (ок. 1666 г.), где жестоко высмеиваются модницы-прецеденты. Существует предание, что около этого же времени разорился книгопродавец Жоли, незадолго перед тем купивший у другого книгопродавца весь его склад прецедентов романов.

248. Действующие лица. Большинство имен персонажей — не что иное, как сценические имена исполнявших эти роли актеров мольеровской труппы: *Жодле* — имя знаменитого фарсового актера, незадолго перед тем вступившего в труппу.

Мадлон, Като и Марота — уменьшительные формы имен актрис Мадлены Бежар, Катерины де-Бри и Марии Рагно. *Лагранж* и *Дюкруази* — тоже сценические имена двух мольеровских актеров. (Менее вероятно другое предположение, — что оба актера приняли эти имена, придуманные Мольером для пьесы, лишь после того, как исполнили с успехом эти роли).

Любопытно имя мальчика-слуги — *Альманзор* до сих пор не привлекавшее внимания исследователей Оно необычно для лакея тех времен, особенно в провинциальном быту. Мы полагаем, что это — «изящное» прозвище, придуманное Мадлон и Като. Возможно, что это арабское имя Мольер нашел в каком-нибудь прециозном романе.

Роль Маскариля исполнял сам Мольер, не раз уже перед тем выступавший в амплу Маскариля (одна из сценических масок, как и Горжибюс), что дало повод его врагам из прециозного лагеря в своих полемических выпадах называть его «Маскарилем».

250. Яв. 1. *Помесь кокетки с модницей...* (Лагранж). — Здесь можно обнаружить то же самое стремление Мольера изобразить себя отнюдь не врагом «чистой» прециозности, что и в отмеченном месте предисловия.

250. Яв. 1. *Слывет чем-то вроде остроумца...* (Лагранж). — Здесь *Vel esprit* — человек, умеющий высказывать блестящие мысли в изящной форме. Было бы большою неточностью передавать это понятие (как у нас обычно делали) словом «остроумец» или «умник». Термин «остроумец» в указанном значении принадлежит к нашей старинной комедийной традиции.

253. Яв. 4. *О боже! Если бы весь свет...* (Мадлон). — Сирюс (т. е. Кир) и Мандана, Аронс и Клелия — герои романов м-ль де-Скюдери «Великий Кир» и «Клелия», считавшихся образцами прециозного стиля. Прежде чем Мандана становится супругой Кира, ее четыре раза похищают, не считая еще трех или четырех неудавшихся попыток. Буало, так же как и Мольер, подверг эти слащавые романы суровой критике. Не довольствуясь литературой, прециозное общество проводило иногда подобные же принципы и в жизни. Жюли, дочь маркизы Рамбульс, парижский салон которой был штаб-квартирой прециозности, лишь в тридцать восемь лет согласилась выйти замуж за Монтозье,

«который в течение тринадцати лет умирал от верной любви к ней» (Тальман де-Рео). В речах Мадлон можно найти много откликов романов м-ль де-Скюдери.

254. Яв. 4. *Вот, батюшка...* (Мадлон). — Флешье в своих «Мемуарах о событиях 1665 года» описывает одно сватовство, происходившее по указанному здесь церемониалу: «Во время прогулки общества по саду кавалер отвел в одну из уединенных аллей свою даму, которая, выслушав его признание, покраснела и проделала все то, что полагается, когда дама не вполне еще убеждена... Она сначала сделала вид, что оскорблена такой смелостью» и т. д.

255. Яв. 4. *И впрямь, дядюшка...* (Като). — «Карта Страны Нежности с подробнейшим ее описанием» приводится в первом томе «Клелии», вышедшем в 1654 г. Любезные Услуги изображены на ней как деревушка, через которую надо пройти, чтобы добраться из Зарождающейся Дружбы до Нежной Признательности. Любовные Целули и Стихотворные Приятства лежат на дороге, ведущей от Зарождающейся Дружбы к Нежному Уважению. Чтобы достигнуть этого последнего городка, надо пройти по меньшей мере сорок миль дорогой Дружбы, остерегаясь при этом сбиться с пути, чтобы не попасть к озеру Равнодушия. Вся эта область омывается рекой Сердечной Склонности, впадающей в Опасное море, за которым простираются Неведомые страны. Карта эта, составленная м-ль де Скюдери первоначально для личного ее упогребления, именно в назидание одному из ее поклонников, была затем включена ею в «Клелию» по совету известного критика того времени Шаплена. В том же 1654 г. аббат д'Обињьяк опубликовал свою, весьма сходную по замыслу, «Карту Страны Кокетства», оспаривая первенство в этом жанре у м-ль де-Скюдери. Обе выдумки имеют своим источником аллегории средневекового «Романа о Розе».

256. Яв. 4. *Совершенно справедливо, дядюшка...* (Като). — Все прециозные дамы носили приятно звучащие вымышленные имена. Маркиза де-Рамбулье называлась Артенис (Arthénice — анаграмма ее имени Catherine, придуманная для нее Малербом и Раканом). Поликсена — имя героини романа некоего Мольера (не от него ли великий комедиограф взял свое сценическое имя?), имевшего успех в 30-х гг. XVII века и, по преданию, в молодости очень нравившегося Буало. Аминта встречается впервые как мужское имя в знаменитой пасторали Тассо, но впоследствии французские писатели превратили его в женское; мы находим его, между прочим, в «Психее» Лафонтена и в одном из поздних стихотворений Корнея. В пересказе м-ль Дежарден барышни зовут себя Клименой и Филименой.

257. Яв. 5. *Ах, боже мой, милочка!...* (Като). — «Милочка»

(*ma chère*) — одно из словечек, пушенных в оборот прециозницами. В одной анонимной «Карте Страны Прециозности», пародирующей вышеупомянутую «Карту Страны Нежности», значатся три города: *Adorable* (восхитительная), *Divine* (божественная) и *Ma chère* (милочка).

258. Яв. 6. *Я по-латыни...* (Марота). — Марота хочет сказать: «Я не изучала философии по „Великому Киру“».

258. Яв. 6. *Лучше принять их...* (Мадлон). — В пересказе м-ль Дежарден Мадлон, готовясь к приему гостя, требует подать ей, кроме «советника Градий», еще «нижнее блюдечко» (ночной сосуд). В эпоху Мольера черта эта не должна была казаться слишком грубой, так как при дворе Людовика XIV и даже еще Людовика XV подобные приборы, при надобности, подавались и убирались среди дня довольно открыто.

259. Яв. 7. *Маскариль и два носильщика.* — Порт-шезы незадолго перед тем вошли в употребление, и пользование ими считалось признаком хорошего тона.

261. Яв. 9. *Вы не преминете сделать шап, мат и капут всему, что есть галантного в Париже...* (Маскариль). — В подлиннике: *ris, geris et sarot* — термины из игры (карточной) в пикет.

262. Яв. 9. *Я уж и сама вижу, что это — Амилькар.* (Като). — Карфагенянин Амилькар — персонаж из «Клелии», являющийся образом «приятного любовника», в противоположность Горацио Коклесу, «любовнику несдержанному и грубому».

263. Яв. 9. *Приведа в порядок прическу и оправив наколенники...* (Маскариль). — В подлиннике — *saçons*: так назывался обшитый кружевами кусок материи, прикреплявшийся над коленями. Щеголи носили необычайно широкие наколенники, мода на которые прошла года через два после постановки пьесы Мольера. М-ль Дежарден дает подробное описание костюма Маскарилья: наколенники шириною с «палатки древних мессагетов», пригодные для игры детей в прятки; парик такой огромный, что при каждом поклоне он волочился по земле, а шляпа такая маленькая, что удобнее носить ее в руках, чем на голове; башмаки, совершенно потонувшие в лентах, и т. д.

263. Яв. 9. *Увы! Мы еще мало...* (Мадлон). — Мольер имеет в виду сборник «*Poésies choisies M. M. Corneille, Benserade, de Scudéry, Boisrobert et plusieurs autres*» в нескольких томах, которые были изданы и не раз переиздавались между 1653 и 1662 гг. Многие из участников его принадлежали к кружку маркизы де-Рамбулье.

265. Яв. 9. *По изысканнейшим альковам Парижа...* (Маскариль). — В подлиннике — *guelles*: так называлось пространство между стеной и поставленной параллельно ей кроватью, где часто собирались посетители, так как знатные дамы нередко принимали общество сидя (или даже лежа) на кровати.

265. Яв. 9. *Признаюсь, я совершенно без ума от портретов...* (Мадлон). — Мода на литературные «портреты» была введена м-ль де-Скюдери, давшей первые образцы их в своих романах. Столь же популярны были упоминаемые дальше «загадки», особенным мастером которых считался аббат Котен.

266. Яв. 9. *На мадригалы у меня...* (Маскариль). — Есть сведения, что некий Лафос собирался перевести октавами Тацита.

267. Яв. 9. *Ого! Как видно, дал я маху...* (Маскариль). — Новидимому, пародия на один мадригал из упомянутого выше сборника «*Poésies choisies*», где говорится о похищенном сердце и т. п. Вообще этой метафорой злоупотребляли до крайности.

269. Яв. 9. *Ах! Вот уж... Скажите, от нее не умирают?* (Като) — карикатура на злоупотребление в прециозной литературе словом «умираю» для обозначения сильного чувства.

269. Яв. 9. *В ней есть нечто... хроматическое.* (Мадлон). — В музыкальных трактатах того времени встречается немало рассуждений о «хроматизме», более, впрочем, лирических, чем научных.

272. Яв. 9. *Странный вопрос! Разумеется, комедиантам Бурбундского Отеля...* (Маскариль) — первый выпад Мольера против актеров конкурировавшей с ним труппы. Следующая характеристика их игры очень важна для уяснения борьбы двух театральных стийей.

272. Яв. 9. *Безумно хорошо. Это — самый подлинный Пердрижон.* (Мадлон). — Пердрижон — имя одного из лучших в то время галантейных торговцев в Париже.

273. Яв. 9. *Оп — сама изысканность: возвышенное в нем...* (Мадлон). — «Возвышенное» на прециозном языке означало: «мозг».

273. Яв. 9. *Уверю вас... и даже чулок не стану носить...* (Мадлон). — В подлиннике: *chaussettes*, что на языке того времени означало не носки (как сейчас), а нечто вроде коротких полотняных гамаш, надевавшихся под чулки.

276. Яв. 11. *Эй, мальчишка!..* (Мадлон — Альманзору). — Есть сведения (не вполне, однако, достоверные), что Альманзора играл де Бри, обладавший очень крупной фигурой и обычно исполнявший роли жандармов, головорезов и т. п. Если это верно, то такое обращение к нему Мадлон должно было создавать фарсовый эффект.

277. Яв. 11. *Не удивляйтесь виду виконта... Это — плоды придворных бдений и военных невзгод...* (Маскариль и Жодле). — Некоторые полагают, что здесь Мольер, как он нередко это делал, согласовал текст с физическими данными актера. Жодле в ту пору было уже под семьдесят лет, и он имел от разгульной жизни очень изнуренный вид (что придает пикантность его ответу). Однако, вероятнее, что это просто намек на бледность Жодле,

который, следуя традиции фарсовых актеров, выступал на сцене с обсыпанным мукою лицом. Впрочем, Жодле исполнял эту роль лишь три месяца, так как весной 1660 г. он умер, после чего роль его, по преданию, перешла к Дюпарку (Гро-Рене), человеку очень тучному и цветущего вида. Но текст от этого несоответствия не пострадал, так как реплика приобрела остро комический характер (как в случае с Альманзором — де-Бри).

278. Яв. 11. *Помнишь ли ты, виконт, тот полумесяц...* (Маскариль). — Маскариль говорит: *demilune* — фортификационное сооружение, называемое по-русски «демилюн». Но Жодле по невежеству думает, что речь идет о *demi-lune* — полумесяце. Источником для этой шутки послужил Мольеру действительный случай с маркизом де-Нель, храбрым воином, не блиставшим образованностью, который впал в такую же ошибку. — Аррас был осажден дважды — в 1640 г., когда он был завоеван французами, и в 1654 г., когда он подвергся осаде со стороны испанской армии Конде (во времена Фронды) и был освобожден Тюренном. Которую из этих двух осад имеет в виду Мольер — решить трудно.

279. Яв. 11. *А вот следы другого удара...* (Жодле). — Французы дважды одержали при Гравелине победу над испанцами — в 1644 и 1658 гг., и опять неясно, на которое из этих двух сражений намекает Мольер. В пересказе м-ль Дежарден Жодле прибавляет, что пуля попала ему в голову, но что он ее «вычихнул».

280. Яв. 11. *Эй, люди! Шалпань, Пикар...* (Маскариль). — Все эти имена (почти сплошь обозначающие происхождение из той или иной области Франции) принадлежат к фарсовой традиции.

282. Яв. 12. *Одухотворить наши ножки...* (Мадлон). — В подлиннике — *«les âmes des pieds»*, т. е. «души ног», что на предизном языке означало — скрипачей.

283. Яв. 13. — В конце явления Дюкруази и Лагранж выходят для того, чтобы привести наемных головорезов, которые должны избить их лакеев. Их удаление дает возможность ввести комические объяснения следующего явления.

286. Яв. 15. *Не мешкайте! Снимите с них все...* (Дюкруази). — По старинной актерской традиции, восходящей, быть может, к временам Мольера, здесь происходило публичное раздевание обоих самозванцев, причем оказывалось, что Жодле, чтобы скрыть свою ужасающую худобу, надел на себя бесчисленное множество жилетов, которые с него один за другим снимали, после чего, оставшись в одной рубашке и надев на голову вынутый из-за пояса белый колпак, он становился на колени перед Като, которая сердито от него отворачивалась. Тогда, дрожа от холода, он направлялся к рампе, чтобы у ее огня погреть свои руки.

СГАНАРЕЛЬ, ИЛИ МНИМЫЙ РОГОНОСЕЦ

295. Действующие лица. — Сцена представляет площадь, на которую выходят дома Горжибюса и Сганареля.

Роль Сганареля исполнял Мольер, роль Гро-Рене — Дюпарк (по сцене — Гро-Рене).

298. Яв. 1. «Клелия» для вас... Пибраковы стихи... томик басен советника Матье... «Советы грешникам»... (Горжибюс). — О «Клелии» см. примечание к «Смешным модницам»: «О боже! ежели бы весь свет...» (стр. 563). То, что осуждение этого романа Мольер здесь вкладывает в уста отрицательного персонажа, отнюдь не доказывает, чтобы сам он взял на этот раз предострожную литературу под свою защиту. Отдельные суждения Горжибюса (как и Сганареля в «Уроке мужьям») могут быть правильными, и беда лишь в том, что он ударяется в крайность, между тем как Мольер — сторонник золотой середины. Пибраковы стихи — «Четверостишия» («Les Quatrain») морально-назидательного характера Ги дю-Фора, сеньера де Пибрак, изданные в 1575 и 1576 гг. По большей части они очень плоски и наивны. Пьер Матье, королевский советник и историограф Генриха IV, потом Людовика XIII, издал в 1616 г. сборник таких же нравоучительных, но несколько более тонких по мысли, четверостиший: «Tablettes de la vie et de la mort». *Советы грешникам* — точнее «Путеводитель грешника» — трактат известного испанского мистика, доминиканца Луиса Гранадского (умер в 1588 г.), несколько раз переводившийся на французский язык и переизданный в 1651 и 1658 гг.

305. Яв. 6. *Отныне имя мне — синьор Корнелиус...* (Сганарель). — Непереводаемая игра слов: имя Cornélius здесь произведено от слова les cornes — рога («синьор Рогач»).

311. Яв. 11. Обморок Лелия, как уже заметил один современный Мольеру критик, лучше мотивирован (утомление от тяжелого путешествия, волнение и т. п.), чем аналогичный ему, но совершенно беспричинный, обморок Селии во втором явлении. Впрочем, о правдоподобии Мольер здесь мало заботился. Функция обоих обмороков для развития действия ясна, и главный комизм заключается в их параллелизме.

317. Яв. 17. «Хвастливый воин», — на поверку оказывающийся трусом, — традиционный образ, часто встречающийся в римской комедии, итальянской commedia dell'arte и современной Мольеру французской литературе, даже не только драматической.

329. Яв. 23. *Покорнейший слуга высокому герою.* (Горжибюс). — Единственный у Мольера случай трех одинаковых (женских) окончаний. Комический эффект такого «припева» здесь ясен.

ДОН ГАРСИЯ НАВАРРСКИЙ, ИЛИ РЕВНИВЫЙ ПРИНЦ

Действие происходит в неопределенную эпоху с исторической точки зрения — во всяком случае до 1230 г., когда королевство Леонское было соединено с королевством Кастильским. Все имена персонажей — вымышленные. Имя Маурегат (Mauregat) выглядит составленным из слов «мавр» и «ренегат», однако, о борьбе испанцев с маврами нигде в пьесе не говорится.

Не вполне ясна и политическая обстановка в пьесе. Повидимому, Маурегату не удалось овладеть всем Леоном, и дон Гарсия укрепился в Асторге, чтобы быть ближе к центру, ожидаемых военных действий.

339. Д. 1, яв. 1. Весь разговор Эльвиры с Элизой о ревнивых и смиренных влюбленных напоминает спор на ту же тему Оранты и Климены в «Докучных» (д. 2, яв. 4).

349. Д. 1, яв. 3. *Вам не скажу, какой я выбор бы свершила...* (Донья Эльвира). — Французские критики правильно отмечают, что Эльвира лишь дразнит чувства дона Гарсии, выражаясь вычурно и загадочно, несколько в прециозном стиле. Таких мест в пьесе можно найти немало, и они явно свидетельствуют о попытке Мольера писать в иной, не свойственной ему манере.

354. Д. 2, яв. 1. Вся роль дона Лопе чрезвычайно интересна как скрытая сатира Мольера на паразитическую придворную знать, интригующую и играющую на слабых струнках государя в ущерб не только другим лицам и государству, но и ему самому.

357. Д. 2, яв. 4. Эпизод с разорванным письмом, половина которого попадает в руки влюбленного ревнивца, заимствован Мольером из пьесы Чиконьини.

358. Д. 2, яв. 4. *Будь тверд, о разум мой, И жди на час один ты властеву надо мной!* (Дон Гарсия). — Такого рода монологи с риторическим обращением героя к своим чувствам или разуму, не редкие в ранних пьесах Корнеля (который под конец от них отказался), были остроумно пародированы Мольером в «Сумасброде» (см. прим. к д. 3, явл. 1). Здесь, однако, он применяет эту форму с полной серьезностью.

373. Д. 3, яв. 2. Здесь и всюду в дальнейшем дон Альфонс в первом издании обозначен своим вторым (мнимым) именем — дон Сильвио.

379. Д. 3, яв. 3. *Посмеете ли вы любви моей мешать?..* (Донья Эльвира). — Весь этот монолог Эльвиры, свободный от риторических прикрас и представляющий собой горячую защиту очень важного для Мольера тезиса о принципиальном праве сердца на свободный выбор (хотя бы, практически героиня и не собиралась этой свободой воспользоваться), принадлежит к числу лучших мест пьесы.

УРОК МУЖЬЯМ

413. Заглавие. — Традиционный перевод заглавия пьесы «Школа мужей» является несомненным галлицизмом. В выражении «L'école des femmes» слово école означает не «школа», а «учеба», «выучка». Переводя название пьесы так, как оно дано здесь, мы следуем примеру Крылова, озаглавившего свою комедию (в сходном значении) «Урок дочкам».

425. Посвящение. — Герцог Орлеанский, носивший титул Monsieur, был официальным патроном труппы Мольера, именовавшейся «труппой Мосье».

425. ...Первый труд, самолично мною издаваемый. — Действительно, из более ранних пьес Мольера «Сумасброд» и «Любовная досада» были напечатаны лишь в следующем 1662 г.; «Смешные модницы», как Мольер сам указывает в предисловии к этой пьесе, были напечатаны «без его согласия»; «Сганарель» был издан помимо его ведома, а «Дон Гарсия» был опубликован лишь после смерти Мольера, в 1682 г.

В подписи Мольера буква П. означает его настоящую фамилию — Поклен.

427. Действующие лица. — О значении имени Арист см. в предисловии к пьесе. По пьесе ему шестьдесят лет, Сганарелю — сорок. Роль Сганареля исполнял Мольер. Действие происходит на площади, на которую выходят дома Сганареля и Валера.

430. Д. 1, яв. 1. *И понуждать меня к ношению узких шляп...* (Сганарель). — В подлиннике — «маленьких шляп» (petits chapeaux). В этом описании тогдашних мод мы узнаем костюм маркиз Маскариля, изображенный м-ль Дежарден (см. прим. к яв. 9 «Смешных модниц»). Впрочем, Сганарель смешивает в одно как выдумки новейшего щегольства, так и разумные нововведения в одежде, идущие вразрез с устаревшим и неудобным платьем, за которое упорно держится консерватор Сганарель. Здесь мы находим у Мольера то же самое стремление к «золотой середине», что и в «Сганареле» (см. прим. к яв. 1 названной пьесы).

434. Д. 1, яв. 2. *А платье черное лишь для воскресных дней...* (Сганарель). — Нарядное черное платье считалось в те времена среди буржуазии большой роскошью.

436. Д. 1, яв. 2. *И против этого ваш дух не восстанет?* (Сганарель). — В первом издании фраза эта не заканчивается вопросительным знаком, который, конечно, необходим: Сганарель не просто констатирует факт, а изумляется.

438. Д. 1, яв. 2. *Не разрешите ль ей И мушки на лице..?* (Сганарель). — Носить мушки на лице в ту эпоху считалось дозволимым не только женщинам, но даже мужчинам.

444. Д. 1, яв. 3. *О близком торжестве дофинова рожденья?* (Валер). — Дофин (наследный принц) родился через пять меся-

дев после премьеры пьесы. Сочиняя свою комедию, Мольер ввел в нее наперед этот комплиментарный намек, который рисковал оказаться неудачным, если бы у Людовика XIV родился не сын, а дочь.

449. Д. 2, яв. 2. *Не будем времени терять: вот здесь. Кто тут?* (Сганарель). — В подлиннике: *qui va là?* — т. е. «кто там?», «кто пришел?» Комизм заключается в том, что Сганарель в состоянии крайнего волнения забывает о том, что он сам идет в чужой дом, и, вечно занятый мыслью об охране доступа в свой дом, издает привычное восклицание — как если бы кто-нибудь хотел проникнуть к нему. В издании 1733 г. рассеянность Сганареля подчеркивается следующей ремаркой: «стучит в свою дверь, думая, что это дверь Валера». Возможно, что эта фарсовая черта восходит к сценическому замыслу Мольера.

451. Д. 2, яв. 2. *Чиниться попусту, поверьте мне, напрасно.* (Сганарель). — Перед этим в издании 1682 г. стоит ремарка: «Они долго размахивают шляпами, прежде чем их надеть».

459. Д. 2, яв. 6. *О, дважды, трижды будь благословен указ...* (Сганарель). — Людовиком XIV было издано несколько декретов против роскоши в одежде. Последний из них (до написания «Урока мужьям») был издан 27 ноября 1660 г. и затем повторен через пять месяцев. Необходимость повторять подобные декреты показывается, что им плохо подчинялись.

469. Д. 2, яв. 9. *Делая вид, что целует Сганареля, протививает руку Валеру.* — Эта ремарка, встречающаяся впервые лишь в издании 1682 г., явно восходит к сценическому замыслу Мольера, так как соответствующая сцена изображена на гравюре первого издания пьесы.

479. Д. 3, яв. 4. *Но только руки греть — не льстите, господа.* (Сганарель). — Уже не первый выпад Мольера против подкупности должностных лиц (см. прил. к словам Маскариля «Знакомцы у меня среди полицейских есть» — «Сумасброд», д. 4, яв. 7, стр. 557).

489. Д. 3, яв. 9. *К партеру.* — Такое заключительное обращение одного из персонажей к зрителям, очень нередкое в драматургии эпохи, встречается у Мольера лишь дважды: в этой пьесе и в «Сганареле».

ДОКУЧНЫЕ

501. *К королю. ...Приказанием вашего величества прибавить характер еще одного Докучного...* — По свидетельству (не вполне достоверному) современника Мольера, ученого филолога Менажа, — это характер охотника, т. е. Доранта (д. 2, яв. 6). В первоначальной редакции пьесы, как она была представлена на празднике

у Фуке, сцена эта отсутствовала. Уходя со спектакля, король будто бы сказал Мольеру, указывая на де-Суакура, страстного охотника: «Вот замечательный оригинал, которого ты еще не скопировал». На следующий же день сцена была написана Мольером и разучена актерами, так что на ближайшем представлении король уже мог видеть ее на сцене.

503. К читателю. *Без эпизодов...* — В сущности, вся пьеса состоит из серии эпизодов. Мольер здесь имеет в виду такие эпизоды, которые осложнили бы фабулу, не имея отношения к основной теме, т. е. не содержали бы новых характеров «докучных».

503. К читателю. *И смеялись ли те, кого это позабавило, согласно правилам...* — еще одно подтверждение того, что Мольер считал успех пьесы у публики более важным, чем соблюдение «правил».

503. К читателю. *Придет время, когда я напечатаю...* — Обещание это, которое некоторые критики приняли всерьез, носит явно шуточный характер. В связи с только что высказанным ироническим отношением к «правилам», здесь можно усмотреть легкую насмешку над предисловиями и «критическими разборами поэм», которыми Пьер Корнель снабдил незадолго перед тем (1660) вышедшее новое трехтомное издание своих произведений.

504. К читателю. *Излишне говорить об этом...* — Вспоминать об этом было бы даже не особенно удобно, так как в ту пору, когда Мольер писал это предисловие, Фуке был уже низвергнут (см. предисловие к пьесе).

504. К читателю. *...Можно подыскать кое-какие авторитеты в древности...* — Мольер, без сомнения, имеет в виду аристофановские комедии с перебивающими действие плясками хора. Однако примесь балета к комедиийному действию практиковалась уже в некоторых итальянских пьесах того времени, исполнявшихся, между прочим, при французском дворе и послуживших Мольеру в данном случае образцом.

504. К читателю. *...Сочиненные господином Пелисоном...* — Мольер проявил здесь известное мужество, упомянув о сотрудничестве Пелисона, который был арестован одновременно с Фуке.

505. Действующие лица. — Имена почти всех персонажей (кроме слуг) — греческого происхождения. *Эраст* значит «любящий», *Каритидес* (Caritidès, вместо более правильного Charitidès) — «сын Харит» (т. е. Граций). Сам Мольер исполнил в пьесе три роли: Доранта, Каритидеса и одного из маркизов — Лизандра, Алькандра или Альсипа (которого из них именно — невозможно установить).

509. Д. 1, яв. 1. *На сцене захотел прослушать пьесу я...* (Эраст). — Некоторые лица в театрах того времени, согласно узаконенному обычаю, чтобы лучше видеть представление, усаживались

прямо на сцене. Из того, что Мольер помещает на сцене своего «положительного» героя Эраста, мы видим, что он мирился с этим обыкновением и протестовал лишь против худших злоупотреблений: когда такой зритель садился не сбоку, а посредине, загораживая своей фигурой актеров, или вел себя слишком шумно.

510. Д. 1, яв. 1. *В законах сцены...* (Эраст). — Новый выпад Мольера против педантических «правил», а заодно, пожалуй, и против Пьера Корнеля, трагедия которого «Золотое руно» как раз в год постановки «Докучных» имела шумный успех.

511. Д. 1, яв. 1. *Хотел пред всеми бы похвастать я каретой...* (Эраст). — Кареты лишь очень недавно незадолго перед тем проникли из Италии во Францию и были предметом щегольства среди знатного общества (раньше мужчины ездили верхом, а дамы пользовались носилками). В тексте говорится о *galèches*, т. е. *sa-lèches*, особой разновидности обычных *carrosses* (карет), очень легких и нарядных. В них впрягалась обычно шестерка лошадей, и иногда ими правили, с хлыстом в руках, элегантные дамы.

517. Д. 1, яв. 3. *Куранту я сложил...* (Лизандр). — Куранта — старинный танец с очень медленными движениями, впоследствии вытесненный менуэтом. Обычно куранта сопровождалась песенкой, написанной на ее мотив.

519. Д. 1, яв. 3. *Великому Батисту...* (Лизандр). — Так называли иногда запросто, даже в тогдашней прессе, знаменитого музыканта Жана-Батиста Люлли (1633—1687), итальянца родом, который в детстве был привезен в Париж и сделался придворным композитором Людовика XIV и создателем французской оперы. То, что Лизандр называет Люлли просто по имени, отнюдь не является фамильярностью.

519. Д. 1, яв. 3. *Ужель высокий сан бесчисленных глупцов...* (Эраст). — Очень важное место, обнаруживающее намерение Мольера дать в этой пьесе сатиру на паразитарное дворянство. Конечно, сатира эта могла быть проведена лишь в крайне замаскированной форме. Для этой цели, например, Мольер и самого Эраста, противопоставляемого «докучным», делает маркизом.

522. Д. 1, яв. 6. *Дуэль теперь смешна...* (Эраст) — одно из редких у Мольера осуждений дуэлей, согласовавшихся с его воззрениями, а также с политикой Людовика XIV. Необходимо иметь в виду, что секунданты дуэлянтов, по старинному дворянскому обычаю, тоже дрались между собой. Вот почему Эраст, отказываясь быть секундантом Алькандра, считает нужным отвести от себя возможный упрек в трусости.

525. Д. 2, яв. 2. *Вчера, в пикет играл...* (Альсип). — Далее следует ряд моментов и терминов, относящихся к карточной

игре в пикет. Не вдаваясь в объяснение их, отметим, что правила этой игры в XVII веке были другими, чем в новейшее время.

527. Д. 2, яв. 3. *Сенека...* (Ла-Монтань). — В испанской комедии XVI—XVII веков слуги или простые крестьяне нередко цитируют древних авторов. У Мольера это — лишь комический прием.

529. Д. 2, яв. 4. *Мы спорим и никак не можем разобрать: Что лучшим качеством в любовнике считать?* (Оранта). — Вся эта сцена — образец тех теоретических дискуссий о проблемах чувств, благородстве, изяществе и т. п., которые были весьма модны в прециозных салонах, осмеянных Мольером в «Смешных модницах».

530. Д. 2, яв. 4. *Когда б предатель мой...* (Эраст). — Эраст имеет в виду Ла-Монтаня, не раз уже подводившего его своей медлительностью.

534. Д. 2, яв. 6. *Ах, чорт возьми! Но я скажу все по пути...* (Дорант). — По преданию, когда король предложил Мольеру изобразить характер охотника, взяв за образец де-Суакура, драматург, мало знакомый с охотой, испытал большое затруднение, но затем, по совету друзей, обратился за помощью к самому де-Суакуру, который сообщил ему необходимые термины. Все это, однако, похоже на анекдот, сочиненный впоследствии.

534. Д. 2, яв. 6. *Вдруг деревенщина...* (Дорант). — Деревенщина — в значении: провинциальный, сельский дворянин.

535. Д. 2, яв. 6. *Его Еще не так давно купил я у Гаво.* (Дорант). — Гаво — известный в то время торговец лошадьми, клиентами которого были многие знатные люди и сам король.

536. Д. 2, яв. 6. *...Со мной один Дрекар...* (Дорант). Дрекар — известный в то время доезжачий. Ниже: *Фино* — кличка одной из собак.

537. Д. 2. Б а л е т, вых. 2. *Мальчики с пращами...* — Frondeurs — «прашеносцы» и в то же время «фрондеры».

Эта сцена представляет собою намек на так называемую Фронду — восстание части феодальной знати против королевской власти, имевшее место в 1648—1651 гг., в молодетство Людовика XIV, и закончившиеся победой правительства.

539. Д. 3, яв. 2. — По преданию, не очень, впрочем, достоверному, всю эту сцену с Каритидесом Мольер для ускорения поручил сначала написать своему другу Шапелю. Но она будто бы вышла у Шапеля такой вялой и бесцветной, что Мольеру пришлось самому написать ее заново.

542. Д. 3, яв. 2. *Грек по профессии...* (Каритидес). — Злая шутка, основанная на том, что грес означало также: человек ловкий, продувной, а иногда даже — шулер.

543. Д. 3, яв. 2. *Под парной рифмой и с выдержанной темой.* (Каритидес). — Перевод здесь упрощает выражение подлинника,

не вполне ясно: Dans les deux bouts de vers et dans chaque hémistiche. Каритидес имеет в виду какую-то очень затейливую и осложненную форму акростиха.

544. Д. 3, яв. 3. *Будь в Люксембурге то иль в Тюильри...* (Ормен). — Речь идет о Люксембургском саде и о садах Тюильри, которые были местом гулянья и встреч светского общества.

544. Д. 3, яв. 3. *Быть может, есть у вас тот камень на примете...* (Эраст). — Имеется в виду «философский камень», с помощью которого якобы можно добывать золото из неблагородных металлов. Алхимические идеи были довольно распространены не только во времена Мольера, но еще и в XVIII веке. Так, например, в 1708 г. некий алхимик в Париже предложил королю свои услуги по изготовлению золота, и проект его, явившийся, в виду плохого состояния королевских финансов, весьма кстати, серьезно обсуждался министрами.

544. Д. 3, яв. 3. *Проект, который вас дать королю прошу...* (Ормен). — Тип такого же прожектера мы встречаем в новелле Сервантеса «Разговор двух собак», которую Мольер, вероятно, читал либо в подлиннике, либо во французском переводе, напечатанном уже в 1614 г. Однако, если здесь и имело место литературное влияние, как полагают некоторые критики, оно было лишь дополнительным, так как оба автора почерпнули изображенный ими тип из окружавшей их живой действительности.

545. Д. 3, яв. 3. *Нельзя ль подальше, вас прошу?* (Эраст) — потому что от Ормена дурно пахнет (традиционный фарсовый мотив).

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Мольер. — Гравюра Кателена с портрета Миньяра	VII
Расписка от 17 декабря 1650 г. Мольера в получении на содержание театра 4000 ливров	X
Расписка от февраля 1656 г. Мольера в получении на содержание театра 6000 ливров	XVI
Три подписи Мольера 1668, 1662 и 1672 гг.	XXIV
Запись Лагранжа о смерти Мольера	XXVIII
Фронтиспис к комедии «Сумасброд, или Все невпопад». — Гравюра Симоне с работы Моро Младшего	1
Фронтиспис к комедии «Любовная досада». — Гравюра Дюкло с работы Моро Младшего	121
Фронтиспис к комедии «Смешные модницы». — Гравюра Нея с работы Моро Младшего	233
Фронтиспис к комедии «Сганарель, или Мнимый рогоносец». — Гравюра Лонея с работы Моро Младшего	289
Фронтиспис к комедии «Дон Гарсия Наваррский, или Ревнивый принц». — Гравюра Дюкло с работы Моро Младшего	331
Фронтиспис к комедии «Урок мужьям». — Гравюра Маскелье с работы Моро Младшего	413
Фронтиспис к комедии «Докучные». — Гравюра Гента с работы Моро Младшего	491

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	VII
С. С. Мокульский. Жизнь и творчество Мольера	IX
Сумасброд, или Все невпопад	
Предисловие	3
Текст комедии	9
Любовная досада	
Предисловие	123
Текст комедии	131
Смешные модницы	
Предисловие	235
Текст комедии	245
Сганарель, или Мнимый рогоносец	
Предисловие	291
Текст комедии	295
Дон Гарсия Наваррский, или Ревнивый принц	
Предисловие	333
Текст комедии	337
Урок мужьям	
Предисловие	415
Текст комедии	425
Докучные	
Предисловие	493
Текст комедии	501
Комментарии	555

Редактор А. М. Эфрос.
Художествен. редакция
М. П. Сокольников
Литературно-техниче-
ское наблюдение
В. В. Чешихина
Техническая редакция
Н. П. Макиеева
Наблюд. на производ.
К. Я. Шульц

Сдано в наб. 22/XII. 1935.
Подпис. к печ. 8/IV-1936.
Вышла в свет V, 1936.
Тираж 10300. Уполном.
Главлита № Б. 12013.
Индекс А-1. Изд. № 183.
Авторских листов 19,35.
Бумага 55 × 86 в $\frac{1}{16}$.
Бумажн. листов 18,13.
З а к а з № 3225.

Отпечатано в типогра-
фии им. Володарского,
Ленинград, Фонтанка 57.

Цена Р. 10.—
Переплет Р. 2.—

О П Е Ч А Т К И

<i>Стр.</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Следует:</i>
XXIX	8 сн.	реакции	реакции
32	15 св.	беру	берусь
86	3 сн.	Трюфальден	Трюфальден
88	3 »	Трюфальден	Трюфальдену
90	2 св.	продлится	продлится
133	3 сн.	может быть	может быть
219	1 св.	Явление	Явление
264	4 сн.	сочинения другой	сочинения; другой
291	4 »	запомнившим	запомнившим
	3 »	наизусть	наизусть
293	8 »	в шест	в шести
	3 »	Мольер).	Мольер),
		С г а н г р е л ь .	С г а н а р е л ь
323	3 »	пропущены две строки	Она вполне права, взяв сторону мою и что бесчинны вы, от вас не утаю
325		Явлени	Явление
328	13 св.	Те веря	не веря
	14 »	Неперь	Теперь
422	11 сн.	веке *	веке **
465	4 сн.	взорные	взорные
547	9 св. и 5 сн.	р а с т	Э р а с т
566	18 св.	лирических	лирических
574	12 сн.	мололетство	малолетство

МОЛЬЕР

МОЛЬЕР

1